1042366 Р
91(57)
Г61

П. Головачевъ

СИБИРЬ

nos

91(c18)
Г61

П. Головачевъ

СИБИРЬ

Природа. Люди. Жизнь

1042366 р (45)

Съ многими рисунками и двумя картами

ТЮМЕНСКАЯ
областная библиотека
Сектор родной книги

Тюменская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ **второе изданіе**

Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета первое изданіе удостоено полной преміи сенатора Д. А. Ровинскаго

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА. — 1905

Рисунки дозволены цензурою.

При составленіи этой книги мы имѣли въ виду дать общую картину природы и жизни Сибири на основаніи достовѣрныхъ и свѣжихъ данныхъ. Для этого мы пользовались соотвѣтствующими книгами и брошюрами, вышедшими въ свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе, статьями въ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ, какія могли достать, подходящими статьями и замѣтками въ сибирскихъ газетахъ за послѣднія 6 лѣтъ, указаніями нѣкоторыхъ спеціалистовъ, какъ проф. Д. Н. Анучинъ, Г. Н. Потанинъ, геологи В. А. Обручевъ и А. П. Герасимовъ, Э. Ф. Лесгафтъ, В. Ч. Дорогостайскій, и нѣкоторыхъ сибирскихъ золото- и рыбопромышленниковъ, лицъ, занимавшихся на мѣстахъ изученіемъ различныхъ сторонъ природы и жизни Сибири, и, наконецъ, собственными наблюденіями и впечатлѣніями. Вопросъ о рельефѣ Сибири пересмотрѣнъ по IV т. книги Зюсса „La Face de la Terre“. Изъ рецензій, которыхъ удостоилось первое изданіе нашей книги, мы воспользовались дѣйствительно цѣнными и удобоисполнимыми указаніями. При описаніи природы, а также и быта инородцевъ, мы обыкновенно приводимъ подлинныя слова того или другого путешественника, который, какъ очевидецъ, даетъ правильную и яркую картину изображаемой мѣстности или жизни населенія. Въ этомъ отношеніи мы съ пользой, очевидной для читателя, много обязаны, кромѣ незабвенныхъ Миддендорфа и Ядринцева, проф. Сапожникову, гг. Сѣрошевскому, Слюнину, Бычкову, Богоразу, Шрейдеру, Кузнецову и мн. др., указаннымъ при перечисленіи источниковъ и пособій. Пользуемся случаемъ

выразить всѣмъ имъ свою искреннюю признательность, а также и лицамъ, доставившимъ намъ нужныя фотографіи: Ю. И. Базановой, И. Я. Словцову, Н. М. Мендельсону, М. М. Зензинову, С. В. Востротину, В. Ч. Дорогостайскому, завѣдывающему географическимъ музеемъ Московскаго университета проф. Д. Н. Анучину, г. Боброву, А. И. Дмитріеву-Мамонову и М. В. Пихтину.

П. Головачевъ.

Москва,
8 февраля 1905 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Природа.

I.

Положеніе и границы.

Сибирью называется вся сѣверная часть Азіи почти на восемь тысячъ верстъ къ востоку отъ Уральскихъ горъ до Тихаго, или Великаго, океана и тысячи на четыре верстъ отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана къ югу до границы Китайской имперіи. Такимъ образомъ Сибирь занимаетъ огромное пространство, въ 12 милліоновъ квадратныхъ верстъ, почти $^1/_4$ всей Азіи, въ $1^1/_2$ раза превосходя Европу, въ $2^1/_2$ раза — Европейскую Россію и въ 25 разъ Германію.

Названіе свое Сибирь, вѣроятно, получила отъ монгольскаго слова „шибиръ“ (мѣсто, заросшее лѣсомъ, чаща). Отсюда, вѣроятно, и произошло названіе народа „сывыръ“, или „сыбиръ“, который жилъ когда-то въ Монголіи и потомъ поселился по среднему Иртышу, въ нынѣшней Тобольской губерніи. Еще задолго до прихода русскихъ въ Сибирь этотъ народъ былъ покоренъ новыми пришельцами — татарскими племенами изъ Средней Азіи, и имя его уцѣлѣло только въ названіи главнаго города хана Кучума — Сибирь, который иначе назывался еще Искеромъ.

На западѣ Сибирь отдѣляется отъ Россіи длиннымъ Уральскимъ хребтомъ (до 1.800 в.), который въ сѣверной части трудно проходимъ и представляетъ нѣсколько идущихъ рядомъ хребтовъ. Въ средней своей части Уралъ далеко ниже и уже, почему здѣсь очень

давно установилось удобное сообщеніе между Россіей и Сибирью, и 15 лѣтъ тому назадъ прошла желѣзная дорога между Пермью, Екатеринбургомъ и Тюменью. Далѣе, къ югу, Уральскій хребетъ становится выше, особенно у Златоуста, гдѣ съ 1894 г. проходитъ сибирская желѣзная дорога, но отъ Верхнеуральска хребетъ снова понижается. Здѣсь Уральскій хребетъ отклоняется отъ Сибири къ западу и переходитъ въ горы Мугоджарскія. Дальше естественная граница между Россіей и Сибирью прерывается; идетъ Тургайская область, которая ничѣмъ не отличается отъ сосѣдней Акмолинской, степной, относящейся уже къ Сибири. На югѣ Сибирь Голодной степью и огромнымъ озеромъ Балхашемъ отдѣляется отъ Средней Азіи и далѣе отъ Китая—хребтомъ Тарбагатаемъ, Алтайскими, Сайлюгемскими и Саянскими горами. Двѣ громадныя рѣки протекаютъ здѣсь между каменными твердынями пограничныхъ хребтовъ и вливаются изъ Китая въ Сибирь; одна—Иртышъ—по Зайсанской котловинѣ, другая—Енисей, прорывающій Саянскія горы на самомъ югѣ Енисейской губерніи. Далѣе, на востокѣ, граница съ Монголіей проходитъ по высокимъ и пустыннымъ горнымъ хребтамъ и только у самыхъ предѣловъ Маньчжуріи—по ровной травянистой степи. Затѣмъ граница идетъ къ сѣверу, по р. Аргуни, и когда эта послѣдняя, слившись съ Шилкою, образуетъ Амуръ, то направляется по дугѣ этой рѣки. По впаденіи въ Амуръ р. Уссури граница поворачиваетъ на югъ. Еще далѣе къ югу уже нѣтъ естественной границы между Китаемъ и Сибирью, и только отъ Кореи послѣдняя отдѣляется рѣкой Тумень-Ула. Такимъ образомъ сухопутныя границы Сибири проходятъ на западѣ и югѣ и представляютъ по большей части горные хребты, особенно высокіе и малодоступные на югѣ. Сухопутная граница Сибири съ Китаемъ тянется тысячъ на семь верстъ.

На востокѣ и на сѣверѣ Сибирь омываютъ океаны: Тихій, или Великій — на востокѣ и Сѣверный Ледовитый — на сѣверѣ. У юго-восточныхъ береговъ Сибири Тихій океанъ образуетъ неглубокое здѣсь Японское море (до 400 с.) съ обширнымъ заливомъ Петра Великаго, который самъ раздѣляется на два залива— Амурскій и Уссурійскій, и на полуостровѣ между ними находится г. Владивостокъ, военный и коммерческій портъ (свободенъ отъ льда до 250 дней въ году). Эта часть Японскаго моря очень богата водорослями. Лѣтомъ на Японскомъ морѣ часто бываютъ туманы. Татарскимъ проливомъ (до 150 саж. глубиной), лежащимъ между берегомъ Сибири и островомъ Сахалиномъ, Японское море соединяется съ Охотскимъ, которое отдѣляется отъ Тихаго океана грядой Курильскихъ острововъ. Лѣтомъ это море окутано страшно густыми туманами, и по нему плаваютъ льды, приносимые рѣками и рѣчками изъ сѣверныхъ прибрежныхъ долинъ. Въ сѣверной части Охотскаго моря въ материкъ вдаются два длинные залива, отдѣленные другъ отъ друга пустыннымъ возвышеннымъ полуостровомъ Тайгоносомъ: губы Гижигинская и Пенжинская, первая — въ 200, вторая — 250 верстъ длиной. Но вообще Охотское море бѣдно заливами, какъ и островами. Зимой Охотское море замерзаетъ только у береговъ, но губа Пенжинская всю зиму остается открытой. На сѣверо-востокѣ Охотское море отдѣляется отъ Тихаго океана Камчатскимъ полуостровомъ, узкимъ въ началѣ, расширяющимся въ серединѣ и заканчивающимся низкимъ и острымъ мысомъ Лопаткой. Полуостровъ Камчатка очень великъ — до 340.000 квадр. верстъ. На восточномъ берегу Камчатки находится Авачинская губа въ 18 в. длиной и 14 шириной, окруженная со всѣхъ сторонъ горами и сообщающаяся съ моремъ только однимъ узкимъ проходомъ. Верстахъ въ 200 къ востоку отъ Камчатки находятся Командор-

скіе острова, извѣстные своими драгоцѣнными морскими котиками. Эта часть Тихаго океана и выше на 2300 в. къ сѣверу называется Беринговымъ моремъ съ двумя большими заливами—св. Креста и Анадырской губой. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири далеко вдается въ океанъ Чукотскій, или Дежневъ, полуостровъ, изрѣзанный узкими и длинными заливами. Здѣсь Сибирь отдѣляется отъ Америки Беринговымъ, или Дежневымъ, проливомъ въ 60—75 в. шириной. Протяженіе всей морской границы Сибири на востокѣ доходитъ до $12^1/_2$ тысячъ верстъ. На сѣверѣ по берегу Ледовитаго океана морская граница Сибири еще длиннѣе — до $15^1/_2$ тыс. верстъ. На этомъ огромномъ протяженіи въ океанъ вдается нѣсколько большихъ полуострововъ, между которыми нужно особенно отмѣтить Таймыръ и Ялмалъ. Сибирскія рѣки, особенно въ западной части, при впаденіи въ океанъ расширяются въ огромные и длинные заливы, или губы, изъ которыхъ самый обширный — Обская губа (до 700 в. въ длину и отъ 80—100 въ ширину; глубина ея—15 саженъ; отъ льда освобождается въ іюнѣ). На срединѣ Обской губы отъ нея отходитъ къ востоку еще губа Тазовская (300 верстъ въ длину, 40—60 въ ширину). Низкимъ, покрытымъ тундрами Гыданскимъ полуостровомъ (300 в. длиной) Тазовская губа отдѣляется отъ Енисейской (до 250 в. въ длину, до 100 в. въ ширину въ сѣверной части, Енисейскомъ заливѣ, и отъ 25—35 в. въ южной, при впаденіи р. Енисея). Енисейская губа свободна отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году (съ іюля по сентябрь). Далѣе, къ востоку, раскинулись: заливъ Таймырскій, губы Хатангская, Колымская и Чаунская. Низкимъ, занятымъ тундрами полуостровомъ Ялмаломъ Обская губа отдѣляется отъ Карскаго моря (1200 в. въ длину, отъ 200—700 в. въ ширину), которое на сѣверо-западѣ отгорожено отъ Ледовитаго океана длиннымъ, двойнымъ островомъ

Новой Землей и о. Вайгачомъ, расположеннымъ между материкомъ и южнымъ краемъ Новой Земли. Здѣсь находятся три пролива, — Маточкинъ Шаръ, Югорскій Шаръ и Карскія Ворота, — посредствомъ которыхъ только и возможно сообщеніе между западной и восточной частями Ледовитаго океана, да и то въ короткій срокъ и не каждый годъ; только съ іюня по сентябрь Карское море болѣе или менѣе свободно отъ льдовъ, но если въ это время сѣверо-восточный вѣтеръ нагонитъ ледъ къ проливамъ, то и доступъ въ Карское море становится невозможнымъ. Изъ острововъ Ледовитаго океана, принадлежащихъ къ Сибири, нужно упомянуть о Ново-Сибирскихъ, Бреховскихъ, Ляховскихъ и землѣ Врангеля, пустынныхъ и безлюдныхъ.

Такимъ образомъ положеніе Сибири на земномъ шарѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать удобнымъ: она занимаетъ отдаленную сѣверо-восточную часть Азіи, омываемую на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, почти круглый годъ недоступнымъ по причинѣ льдовъ; на востокѣ части Тихаго океана: моря Берингово, Охотское и даже часть Японскаго трудно доступны по причинѣ тумановъ и плавающихъ льдовъ. Кромѣ того, вся сѣверо-восточная морская граница Сибири проходитъ по мѣстностямъ безлюднымъ и холоднымъ. Южная граница Сибири проходитъ по высокимъ, малодоступнымъ горамъ, обширнымъ степямъ, вообще по мѣстностямъ пустыннымъ и суровымъ, въ сосѣдствѣ съ кочевыми народами Китайской имперіи. Даже на западѣ граница проходитъ то у холодной и безлюдной части Архангельской губ., то у пустынныхъ степей Тургайской области. Только въ средней части западной границы Сибирь сосѣдитъ съ Пермской и Уфимской губерніями, довольно густо населенными и плодородными, и Уральскія горы здѣсь не высоки и не широки.

II.

Общій видъ поверхности (рельефъ). Важнѣйшія горныя породы. Почвы.

Громадная поверхность Сибири въ 12 милліоновъ квадр. верстъ, конечно, представляетъ много разнообразія: и огромныя равнины, и длинные горные хребты, и обширныя нагорья; но въ общемъ Сибирь на западъ отъ Уральскихъ горъ до р. Енисея не похожа на Сибирь къ востоку отъ этой рѣки до Тихаго океана: западная часть низменна, восточная гориста. Отъ Уральскихъ горъ на востокъ отходятъ короткіе отроги, которые скоро теряются въ огромной низменности западной Сибири, идущей къ востоку отъ Урала до Енисея на $1^1/_2$ тысячи верстъ. Эта низменность представляетъ совершенную равнину съ такимъ малымъ наклономъ съ юга къ сѣверу, что, напр., уровень Оби у Барнаула, въ 2.000 в. отъ устья, поднимается лишь на 50 с., а уровень Иртыша у Тобольска—только на 14. Самая сѣверная, приморская, часть этой равнины занята тундрами; далѣе къ югу идутъ хвойные лѣса, еще южнѣе—Барабинская степь, на юго-западѣ переходящая въ степь Киргизскую, по которой кое-гдѣ проходятъ невысокіе горные кряжи. Эта степь представляетъ смытую горную страну, которая отдѣльными точками поднимается до 4000 ф. Въ ея западной части вверхъ по р. Тоболу западно-сибирская равнина вдается такъ далеко къ югу, что между Тоболомъ и Иргизомъ остается очень узкій и невысокій водораздѣлъ; въ древнѣйшія времена воды Ледовитаго океана получали здѣсь возможность входить въ связь съ европейскимъ Средиземнымъ моремъ.

Вся сѣверная окраина этой части Сибири, прилегающая къ Ледовитому океану, какъ сказано выше, занята тундрами—огромными, ровными плоскими пространствами, гдѣ взоръ теряется, какъ въ морѣ. Лѣ-

томъ эти пространства усѣяны безчисленнымъ множествомъ озеръ и наполненныхъ водой углубленій, какъ свѣтлыя зеркала разбросанныхъ по безпредѣльному ковру грязновато-зеленаго, бѣлаго и желтоватаго цвѣта изъ мховъ, лишаевъ и травы; кое-гдѣ виднѣются низенькіе холмики, обыкновенно каменистые. Зимой вся тундра представляетъ необозримую снѣжную равнину, надъ которой или царитъ могильная тишина, или съ дикимъ визгомъ и воемъ несутся безконечныя тучи снѣга, поднимаемаго буранами. Только южнѣе, подальше отъ мертвящаго океана, появляются деревья (лиственницы и ивы), особенно по берегамъ рѣкъ. Еще южнѣе лѣсъ становится все замѣтнѣе, тундра совершенно прекращается.

На водораздѣлѣ между Иртышомъ и Обью простирается громадная Васюганская болотистая низменность: зыбкія, кочковатыя болота, тундра, перерѣзанная сухими перешейками и высокими холмами, покрытыми лѣсомъ, кустарниками и травой, зыбучими песками, сосной. На холмахъ тянутся въ высь кедры и лиственницы, всюду дремлютъ спокойныя воды, то прозрачныя, то покрытыя ярко-зеленою растительностью. Таковъ лѣтомъ Васюганъ. Вся эта мѣстность представляется какимъ-то необозримымъ дырявымъ покрываломъ изъ растеній, наброшеннымъ на воду.

На югѣ къ Васюгану прилегаетъ Барабинская степь, верстъ на 600 въ длину и на 400 въ ширину, зеленая, травянистая, ровная, съ березовыми лѣсами и перелѣсками, отчего и называется иногда „березовой", со множествомъ озеръ въ плоскихъ берегахъ, съ болотистой водой и вязкимъ, илистымъ дномъ. На западѣ Бараба сливается съ Ишимской, а на югѣ съ Кулундинской степями. Это продолженіе Барабы (Кулунда) переходитъ за Обь и достигаетъ предгорій Алтая.

Къ юго-западу отъ Барабы гладкая, безконечная равнина принимаетъ еще болѣе степной характеръ:

степныя травы, солончаки, горько-соленыя озера. Изрѣдка въ юго-восточной части попадаются куполовидныя каменистыя горы, покрытыя лѣсомъ. Если Барабу, Ишимскую и Кулундинскую степи можно назвать луговыми, травяпистыми степями, то здѣсь раскинулась уже чистая, такъ называемая типичная, степь, которая на самомъ югѣ переходитъ въ область средне-азіатскихъ пустынь.

Въ юго-восточномъ углу равнины возвышается обширное Алтайское нагорье. Степи, прилегающія къ нему съ запада, по мѣрѣ близости горъ начинаютъ холмиться, дѣлаются волнистыми; предгорья становятся все выше и выше, и, наконецъ, начинается самый Алтай („Золотыя горы“) со своими дремучими лѣсами, узкими, дикими ущельями, въ глубинѣ которыхъ мчатся съ горъ покрытые пѣной потоки, дробясь о пороги и камни, со своими свѣтлыми долинами, съ гладью чудныхъ озеръ, въ которыя смотрятся обрывистыя скалы. Горные хребты въ сѣверныхъ частяхъ Алтая вѣтвятся и пересѣкаютъ другъ друга безо всякаго порядка: въ среднихъ и южныхъ частяхъ они уже болѣе правильно тянутся съ запада на востокъ. Среди горъ, покрытыхъ на хребтахъ дремучими хвойными лѣсами и похожихъ сверху на стадо исполинскихъ щетинистыхъ кабановъ, возвышаются огромныя вершины со снѣжными полями и каменными осыпями и величественныя высокія горы съ ледяными шапками (бѣлки), съ которыхъ спускаются широкія полосы ледниковъ. Изъ главныхъ частей Алтая нужно упомянуть о 3 горныхъ грядахъ: Колыванской цѣпи, Салапрѣ и Кузнецкомъ Алатау. Изъ отдѣльныхъ хребтовъ Алтая нужно упомянуть о горахъ Каргонскихъ и Чуйскихъ. Самый высокій хребетъ Алтая—Катунскія горы, достигающія высоты главныхъ вершинъ швейцарскихъ Альпъ. Отъ этихъ главныхъ хребтовъ Алтая во всѣ стороны отходятъ менѣе высокіе отроги.

Рис. 1. Бѣлуха.

Самыя высокія вершины Алтая — Бѣлуха, похожая на двѣ сахарныя головы, соединенныя перемычкой, или „сѣдломъ“ (рис. 1). Высота обѣихъ вершинъ немного болѣе 4 вер. (14.800 футовъ). На сѣверѣ Бѣлуха обрывается прямой стѣной, а на югъ спускается болѣе постепенно и даетъ много отроговъ. Ея западный и восточный отроги переходятъ въ оба крыла Катунскихъ горъ. Бѣлуха вообще только на девятьсотъ съ небольшимъ футовъ ниже швейцарскаго Монблана.

На склонахъ Бѣлухи находится самый большой узелъ алтайскихъ ледниковъ; изъ нихъ самые большіе Берельскій и Катунскій, а поверхность всѣхъ ледниковъ равняется 60 квадр. верстамъ. Всего льда на Бѣлухѣ не менѣе 300 милліоновъ куб. саженъ. Ледники Бѣлухи, достигающіе 10 верстъ въ длину и версты въ ширину, медленно сползаютъ съ горъ (по 1 футу въ сутки), мало-по-малу растапваютъ, доходя до границъ лѣсной растительности, и питаютъ горные рѣчки и ручьи. Снѣговыя поля также даютъ начало горнымъ рѣчкамъ, прозрачнымъ и чистымъ, образующимся медленно, а ледниковые потоки вырываются сразу и мутны отъ остатковъ горныхъ породъ, которыя перетираетъ въ мелкій сѣрый порошокъ громадная тяжесть движущагося льда. Крупные камни, попадающіе въ ледники, медленно движутся по ихъ теченію и образуютъ по сторонамъ валы изъ камней (боковыя морены). На крутыхъ спускахъ ледъ разрывается глубокими трещинами, громоздится ступенями, которыя по временамъ обрушиваются внизъ со страшнымъ трескомъ. Такіе ледопады встрѣчаются на Катунскихъ и Іедыгемскихъ ледникахъ. Отсюда ледники расходятся какъ бы лучами и даютъ начало самымъ большимъ рѣкамъ Катунскихъ бѣлковъ. Въ сѣверной грядѣ Чуйскихъ бѣлковъ, ближе къ рѣкѣ Чуѣ, съ горнаго узла Бишъ-Іирду также спускаются ледники средней величины (до 20). На крайнемъ сѣверо-вос-

токѣ Алтая простирается пустынное, лишенное растительности плоскогоріе Укэкъ; на немъ возвышаются горы Табынъ-Богда, гдѣ находятся два ледниковыхъ узла. Всего на Алтаѣ до сихъ поръ извѣстно до 50 ледниковъ съ общей ихъ поверхностью въ 150—200 кв. верстъ. Но эти суровыя, недоступныя горы, ледники, ледяныя поля вовсе не показываютъ, что Алтайское нагорье въ общемъ не пригодно для жизни человѣка. Весь сѣверный Алтай, благодаря изобилію рѣкъ, изборожденъ плодородными долинами. У подошвы горъ ютятся деревни, окруженныя пашнями, всюду видны заимки, хутора; на каждомъ шагу встрѣчаются привольные покосы, лѣски. Также привлекательны мѣстности въ южномъ Алтаѣ, особенно по р. Бухтармѣ. Въ этихъ предгоріяхъ Алтая скопилось все русское его населеніе, оставляя внутреннія части, непригодныя для земледѣлія, полукочевникамъ-инородцамъ. Такова эта западная низменная половина Сибири съ ея замѣчательнымъ Алтайскимъ нагорьемъ въ юго-восточномъ углу.

Къ востоку отъ Енисея простирается огромное пространство, ограниченное на югѣ восточными отрогами Саянскаго хребта, горами—по правому берегу Енисея, Приморскимъ хребтомъ—по западному берегу Байкала. На сѣверо-востокѣ эта равнина упирается въ дугу Верхоянскаго хребта, а на сѣверѣ доходитъ до Таймырскаго полуострова и океана. Кромѣ того, частью этой равнины на востокѣ является весь бассейнъ Алдана, впадающаго въ Лену съ правой стороны. Конечно, это огромное пространство можно назвать равниной только въ геологическомъ смыслѣ, принимая во вниманіе отличительныя свойства его строенія. Южная граница восточно-сибирской равнины образована нѣсколькими обрѣзками горныхъ системъ и имѣетъ форму дуги (Иркутскій амфитеатръ) (рис. 2). Пограничные предѣлы Сибири занимаетъ та часть Саянскихъ

горъ, которая извѣстна подъ именемъ Восточнаго Саяна (Эргикъ-Эргакъ-Тайга, до 1000 в. длины), идущаго въ сѣверо-западномъ направленіи. Мунку-Сардыкъ, самая высокая вершина Восточнаго Саяна—11.290 ф. (3 версты), возвышается у оз. Косогола, въ китайскихъ предѣлахъ, у самой русской границы. Къ сѣверу отъ Мунку-Сардыка направляется Тункинскій хребетъ, а къ сѣверо-востоку идутъ горы Хамаръ-Дабанъ и др., между которыми въ широкой и глубокой долинѣ раскинулся Байкалъ, одно изъ самыхъ большихъ озеръ земного шара. Мѣстность къ востоку отъ Байкала до самой рѣки Аргуни, границы съ Китаемъ, занята обширнымъ нагорьемъ, которое изрѣзано цѣлымъ рядомъ не особенно высокихъ хребтовъ, идущихъ въ с.-в. направленіи. (Витимское плоскогоріе, горы Муйскія, Нерчинскія и др.). Наиболѣе извѣстенъ изъ этихъ хребтовъ Яблоновый. Самая высокая вершина—г. Сохондо (ок. 8.500 ф.), находится въ Борщовочномъ хребтѣ. Къ сѣверу отъ этой системы горъ мѣстность нѣсколько понижается, но тамъ начинается горный хребетъ, который до истоковъ Вилюя извѣстенъ подъ именемъ Тунгусскаго, а дальше, къ сѣверу, до океана,—подъ именемъ Сыверма, огромными массами поднимающагося высоко надъ лѣсами. У истоковъ Вилюя Тунгусскій хребетъ упирается въ горный узелъ Люча-Онгоктонъ („Русскій носъ"), а отъ него къ сѣверо-востоку идетъ Вилюйскій хребетъ, высота котораго все болѣе и болѣе уменьшается, такъ что между Оленекомъ и Леной онъ переходитъ въ плоскую возвышенность. Прибрежныя мѣстности къ востоку отъ Енисея вообще возвышенны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Таймырскаго полуострова, на которомъ проходитъ хребетъ Быранга, и устьевъ Оленека, Лены, Яны и Колымы.

Восточную часть Сибири отъ собственно приморской (вдоль береговъ Тихаго океана) отдѣляетъ цѣлый рядъ хребтовъ общей длиной болѣе 3.000 в. Въ юго-восточ-

ной своей части онъ извѣстенъ подъ именемъ Яблоноваго (отъ бурятскихъ словъ „яблени-даба“, что означаетъ „разбитый каменный хребетъ“). Какъ напра-

Рис. 2. Граница Россіи и Китая. Главная вершина хр. Мунку-Сардыкъ.

вляющійся на сѣв.-вост. самъ Яблоновый хребетъ, такъ и горы дальше на с.-в. до истоковъ р. Уды, впадающей въ южную часть Охотскаго моря,— имѣютъ видъ болѣе или менѣе плоскихъ гребней, отлогихъ къ западу, а вся окрестная страна представляется плоскогоріемъ. Яблоновый хребетъ оканчивается на пространствѣ между Вилюемъ и его притокомъ Кирешой. Хребта, который считается продолженіемъ Яблоноваго и называется Становымъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ вовсе. На мѣстѣ его расположены болѣе короткія цѣпи горъ съ перерывами и уклоненіями. Такимъ образомъ водораздѣлъ между бассейнами Лены и Амура нужно искать не въ какомъ-либо длинномъ хребтѣ, а въ возвышенномъ очень древнемъ плато, порос-

Сибирь. 2
ТЮМЕНСКАЯ
областная библіотека.
Тюменская
областная библиотека

шемъ дѣвственнымъ лѣсомъ, покрытомъ обломками скалъ, одѣтыхъ мхомъ, между которыми разстилаются обширныя болота и разбросаны озерки. Та цѣпь горныхъ хребтовъ, которую принято называть Становымъ хребтомъ и которая идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, болѣе явственно начинается приблизительно около 61° с. ш. Алданскія горы представляютъ обширную горную систему, расположенную вдоль западнаго берега Охотскаго моря. Онѣ состоятъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей: Джугджура на западѣ (самая высокая), Немериканскихъ горъ, довольно мало замѣтныхъ, и Приморскаго хребта, чрезвычайно скалистаго. Видъ всей этой страны очень угрюмъ и суровъ; насколько можетъ охватить взоръ, всюду сѣрая, голая гористая поверхность, среди которой выступаютъ высокія сопки, всюду ложбины и пропасти, кое-гдѣ серебрятся полосы снѣга. Эта картина похожа на поверхность луны, разсматриваемой въ телескопъ. Горы падаютъ въ Охотское море цѣлыми рядами крутыхъ утесовъ, между которыми въ страшныхъ тѣснинахъ бѣшено мчатся горныя рѣчки. Мѣстные жители все это побережье называютъ „непроходомъ“. Приблизительно отъ того мѣста, гдѣ Становой хребетъ, слѣдуя за береговой извилиной Охотскаго моря, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, отдѣляется высокій хребетъ Верхоянскій (до 2 верстъ высоты) и идетъ къ сѣверо-западу съ крутыми западными склонами; онъ, какъ стѣна, отдѣляетъ сѣверо-востокъ Сибири отъ ея прочихъ частей. Верхоянскій хребетъ покрытъ густой, мрачной тайгой изъ сосенъ и елей, среди которой возвышаются обнаженныя сопки. Въ средней своей части Верхоянскій хребетъ называется Орулганомъ, а въ самой сѣверной — Хараулахскими горами, гдѣ замѣтно понижается (400—450 с.) и расширяется. Въ свою очередь и отъ Верхоянскаго хребта, между верхними теченіями рѣкъ Яны и Индигирки, отдѣляется зубчатый хребетъ Тай-Хаяк-

тахъ (высшая извѣстная точка 760 с.) со своими вершинами въ видѣ сахарныхъ головъ, какъ бы приклеенныхъ къ горамъ, вообще окруженныхъ болотистыми низменностями. Тай-Хаяктахъ идетъ на сѣверъ, къ океану и какъ бы топетъ и пропадаетъ въ болотистой тундрѣ. Между верховьями Индигирки и Колымы отдѣляется пологій къ Охотскому морю Индигирско-Колымскій хребетъ: на крайнемъ сѣверѣ Индигирско-Колымскій хребетъ исчезаетъ въ безграничной моховой тундрѣ, образующей совершенно плоскій берегъ океана.

Къ востоку отъ Колымы идетъ высокая горная страна, перерѣзанная хребтами. Изъ этихъ хребтовъ болѣе извѣстенъ Раутанъ по восточному берегу Чаунской губы съ высокимъ и крутымъ горнымъ мысомъ Шелагскимъ на сѣверѣ, отвѣсно опускающимся въ океанъ (430 саженъ). Становой хребетъ, продолжая итти къ сѣверо-востоку, отдѣляетъ хребетъ Тайгоносъ, заполняющій полуостровъ между Гижигинской и Пенжинской губами, и занимаетъ своими отрогами всю крайнюю сѣверо-восточную часть Сибири.

Горы Камчатскія не имѣютъ связи со Становымъ хребтомъ и отдѣляются отъ него обширной возвышенной моховой тундрой, которая называется Парапольскимъ доломъ. Это безконечная тундра, цѣлое моховое море безъ малѣйшаго возвышенія или углубленія. Въ глубь полуострова Камчатки идутъ 2 хребта: одинъ почти посрединѣ, другой ближе къ восточному берегу, почему восточная часть полуострова представляется гористой, безлѣсной, съ крутыми берегами, а на западѣ раскинулись луга, травянистыя и болотистыя тундры, на сѣверѣ переходящія въ настоящія моховыя тундры Парапольскаго дола.

На Камчаткѣ возвышается много огнедышащихъ горъ (сопокъ) въ видѣ правильныхъ сахарныхъ головъ съ снѣгами на вершинахъ. Всѣ сопки находятся на востокѣ

отъ срединнаго Камчатскаго хребта, расположены кучками и только немногія отдѣльно. Всѣхъ огнедышащихъ горъ на Камчаткѣ извѣстно 38, изъ которыхъ 26 потухшихъ и 12 дѣйствующихъ. Нѣкоторые вулканы Камчатки долго считались окончательно потухшими, но вдругъ начинали дѣйствовать: Коряцкая сопка въ 1895 г. послѣ долголѣтняго спокойствія начала извергать дымъ, а потомъ и лаву; Ключевская, послѣднее изверженіе которой было въ 1845 г., стала дѣйствовать снова въ 1896 г. Самый большой вулканъ Камчатки—Ключевская сопка (2.304 саж.), за нею слѣдуютъ: Коряцкая (1.046 с.) и Шевелючъ (1.400 с.). Шевелючъ замѣчателенъ тѣмъ, что изверженія его всегда сопровождаются сильными толчками и сотрясеніями почвы.

Послѣднее изверженіе Авачинской сопки (около Петропавловска) было въ іюлѣ 1901 г. Подземный грохотъ былъ слышенъ на 100 в. въ окружности. Ночью Авачинская сопка была изборождена огненными рѣками и ручьями и царила надъ всей окрестностью въ невиданномъ освѣщеніи. Послѣ извержешія вся Камчатка покрылась мельчайшей вулканической пылью, и всѣ жители ея нѣкоторое время поголовно кашляли.

Въ общемъ, вся огромная страна, лежащая къ западу отъ Приморскаго и Станового хребтовъ до правыхъ притоковъ Енисея, или Якутская область, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ южной части находится огромная впадина въ полмилліона квадратныхъ верстъ, впрочемъ, почти на 150 саженъ возвышающаяся надъ уровнемъ моря. Ее со всѣхъ сторонъ окружаетъ поясъ горъ отъ 300—500 верстъ въ ширину, скалистыхъ, голыхъ, изборожденныхъ ущельями, по которымъ текутъ безчисленныя быстрыя рѣчки. Съ юга горы эти медленно понижаются своими отрогами, съ сѣвера падаютъ крутыми и отвѣсными скатами. Въ самомъ низкомъ мѣстѣ впадины Алданъ и Вилюй впадаютъ въ Лену. Таково плоскогоріе, которое можно

назвать южно-якутскимъ. Между этимъ плоскогоріемъ и океаномъ, по обѣ стороны нижняго теченія Лены, лежатъ 2 другихъ,—одно, къ западу отъ Лены, представляетъ огромныя поднятія почвы, раздѣленныя углубленіями и безпорядочно разбросанными горными кряжами, а другое плоскогоріе, на востокъ отъ Лены, окаймлено на югѣ полукругомъ горъ, какъ бы огромнымъ вѣнцомъ, концы котораго погружаются въ Ледовитый океанъ и вскорѣ выходятъ въ видѣ Ново-Сибирскихъ острововъ. Цѣпи горъ, раздѣляющія рѣки Яну, Индигирку и Колыму, непрерывны, высоки, круты и лишь въ болѣе низкихъ частяхъ покрыты тайгой изъ лиственницъ и сосенъ. Безчисленное множество горныхъ хребтовъ идетъ и перепутывается внутри плоскогорій и отходитъ отъ нихъ въ разныя стороны. Въ общемъ всѣ горы понижаются съ юга на сѣверъ. Всюду виднѣются высокія, обнаженныя вершины — „гольцы".

Таковъ общій видъ поверхности сѣверо-восточной Сибири. Вернемся теперь къ Сибири юго-восточной. Все пространство отъ Яблоноваго хребта къ югу до р. Амура наполнено широкими, обыкновенно плоскими горами, въ которыя глубоко врѣзаны рѣчныя долины. Въ среднемъ теченіи Амура къ нему подходитъ съ сѣвера Буреинскій хребетъ, или Малый Хингапъ, и оттѣсняетъ его къ югу. Буреинскій хребетъ начинается на южномъ берегу Охотскаго моря, гдѣ его продолженіемъ являются Шантарскіе острова. Главный гребень этого хребта представляетъ большею частью горныя вершины, усѣянныя каменистыми насыпями. Далѣе, къ востоку, мѣстность продолжаетъ оставаться гористой и наполнена перепутанными хребтами. На самомъ юго-востокѣ, по берегу Тихаго океана, тянется длинный, но невысокій (400 — 500 саж., высшая точка — г. Голая, 728 с.) лѣсистый хребетъ Сихота-Алинь въ видѣ идущихъ рядомъ складокъ, перерѣзанныхъ рѣч-

пыми долинами. Западные склоны Сихота-Алиня гораздо отложе восточныхъ. О. Сахалинъ покрытъ горами, которыя идутъ въ видѣ отдѣльныхъ цѣпей и образуютъ долины, вытянутыя съ сѣвера къ югу. По западному берегу острова тянется горный хребетъ, прерывающійся лишь узкими падями.

Такимъ образомъ вся огромная часть Сибири къ востоку отъ Енисея до самаго Тихаго океана представляется страной очень гористой. Конечно, на такомъ огромномъ пространствѣ встрѣчаются и равнины, въ обычномъ смыслѣ иногда очень обширныя. Такъ, въ верхнемъ теченіи Енисея, по притоку его Абакану, раскинулась благодатная Абаканская степь, покрытая весной цвѣтами и питательными травами. Абаканская степь простирается верстъ на 150 въ длину и верстъ на 100 въ ширину. На сѣверѣ эта степь сливается съ долиной Чулыма, притока Оби, а потомъ переходитъ въ широкую, волнистую равнину, сливающуюся на сѣверѣ съ западно-сибирской низменностью. Къ востоку отъ устья Енисея лежитъ Большая Низовая тундра, за ней — Малая Низовая, а еще восточнѣе, до р. Хатанги, — Авамская: все это — возвышенныя, слегка всхолмленныя огромныя равнины съ болотистыми низинами и безчисленными озерами. На югѣ восточной Сибири относительно ровныя пространства встрѣчаются по долинамъ рѣки Ангары и ея притока Оки, въ верховьяхъ Лены, въ рѣчныхъ долинахъ Забайкалья, по берегамъ Аргуни, Онона и Аги; здѣсь равнины расширяются у китайской границы. Равнинныя мѣстности идутъ по теченію Амура и его притоковъ: луговая низменность между Зеей и Буреей (около 30.000 кв. верстъ) и заливныя долины лѣваго берега Амура въ ширину отъ нѣсколькихъ верстъ до нѣсколькихъ десятковъ. Восточнѣе, въ Уссурійскомъ краѣ, ровныя мѣстности встрѣчаются также по рѣчнымъ долинамъ. Въ Якутской области сухихъ, ровныхъ, степовидныхъ

пространствъ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ немного. Они встрѣчаются въ долинахъ большихъ рѣкъ или на днищахъ спывшихъ или искусственно спущенныхъ озеръ. Изъ такихъ равнинъ самая замѣчательная находится въ долинѣ Лены, гдѣ стоитъ Якутскъ, въ 50 в. длиной и въ 20 шириной. Мы уже упомянали, что обширныя, ровныя пространства, тундры, раскинулись у устьевъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ: Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Вотъ и всѣ ровныя пространства восточной Сибири. Сравнительно съ безконечной западно-сибирской равниной они представляются ничтожными.

Но не всегда поверхность западной и восточной Сибири имѣла тотъ видъ, какой она представляетъ въ настоящее время. Въ отдаленнѣйшія времена вся западно-сибирская низменность была дномъ огромнаго моря, врѣзывавшимся въ Азію съ сѣвера. Это море, вѣроятно, простиралось и тамъ, гдѣ лежитъ теперь Арало-Каспійская низменность, и потому остатки его представляются теперь въ видѣ морей Каспійскаго и Аральскаго. Очень медленно повышалось дно этого моря, гдѣ раскинулась теперь западно-сибирская равнина. На юго-восточномъ концѣ его возвышался высокій, каменистый полуостровъ, примыкавшій къ еще болѣе высокому материку, — это было нынѣшнее Алтайское нагорье, ледники котораго были длиннѣе и могучѣе, равно какъ и снѣговыя поля. Эти огромные прежде ледники и снѣговыя поля и дали достаточное количество воды для наполненія огромныхъ алтайскихъ озеръ, постепенно мелѣющихъ теперь по причинѣ уменьшенія скатывающихся въ нихъ водъ. Поверхность Сибири восточной измѣнилась гораздо меньше. Байкалъ былъ еще болѣе огромнымъ озеромъ. Въ низовьяхъ Амура находился цѣлый рядъ обширныхъ озеръ. За Сихота-Алинемъ волновался океанъ, затоплявшій часть береговъ нынѣшнихъ Японскаго и Охот-

скаго морей. Полуостровъ Камчатка былъ длиннымъ и болѣе узкимъ островомъ. Сѣверные берега нынѣшней восточной Сибири были подъ водой (на Енисеѣ до $67^3/_4^0$ сѣв. широты, т.-е. до Туруханска), а Ново-Сибирскіе острова соединялись съ материкомъ. Нужно было очень продолжительное время для того, чтобы дно моря поднялось, воды скатились и обнаружились нынѣшнія очертанія этой сѣверо-восточной части Азіи.

И по устройству поверхности, и по составу преобладающихъ горныхъ породъ р. Енисей дѣлитъ Сибирь на двѣ части — западную и восточную. Сибирь западная, бывшая дномъ моря, конечно, покрыта горными породами новѣйшаго образованія — глинами, песчаниками и т. п. Только на югѣ, въ Киргизской степи и на Алтайскомъ нагорьѣ, выступаютъ болѣе древнія породы. Небольшіе горные кряжи и куполовидныя возвышенности Киргизской степи состоятъ изъ гранитовъ, діоритовъ, порфировъ и др. такъ называемыхъ кристаллическихъ породъ. Тѣ же кристаллическія породы распространены по всему Алтайскому нагорью, а твердыя осадочныя породы, выстилающія пространства между хребтами, состоятъ изъ песчаниковъ, сланцевъ, известняковъ. Вся восточная Сибирь отъ Ледовитаго океана до Китая и отъ Тихаго океана до Енисея представляетъ древній материкъ, оставшійся сушей съ весьма отдаленныхъ временъ. Поэтому преобладающими здѣсь являются самыя древнія породы— граниты, гнейсы, кристаллическіе сланцы. Изъ нихъ состоятъ Саяны; онѣ найдены и между Леной и Енисеемъ. Лава, встрѣчающаяся въ Тункинской котловинѣ, въ Иркутской губ., около Байкала, показываетъ, что здѣсь была сильная вулканическая дѣятельность. Гранпиты составляютъ основу большинства горныхъ цѣпей и нагорій Амурскаго бассейна, а склоны ихъ состоятъ изъ разныхъ сланцевъ. Коренныя и самыя древнія каменныя породы Камчатки состоятъ изъ гранитовъ,

сіенитовъ и слюдяныхъ слащцевъ; тамъ замѣтны также и горныя породы, выброшенныя изверженіями вулкановъ, а въ рѣчныхъ долинахъ встрѣчаются также и морскія образованія. Изъ древнѣйшихъ же породъ состоятъ многочисленные хребты, горныя страны и плоскогорія, занимающіе большую часть восточной Сибири, и лишь ближе къ океанамъ замѣтны морскія отложенія. Но зато прѣсноводными отложеніями въ восточной Сибири наполнены рѣчныя долины, гдѣ раньше протекали гораздо болѣе широкія и глубокія рѣки, и днища высохшихъ теперь озеръ. Изверженныя базальтовыя породы покрываютъ также въ восточной Сибири цѣлыя площади въ сотни и даже тысячи верстъ или встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ, застывшихъ потоковъ. О горныхъ породахъ, имѣющихъ цѣнность, мы будемъ говорить ниже.

Большое разнообразіе представляютъ почвы Сибири, т.-е. весь тотъ слой земли, въ которомъ распространяются корни растеній. Почва прибрежій Ледовитаго океана, конечно, не имѣющая травянистой растительности, а питающая лишь мхи и лишаи, состоитъ изъ песка, ила, хряща и галекъ; почва тундръ, тѣмъ менѣе оттаивающихъ, чѣмъ далѣе къ сѣверу,—изъ песка и глины, смѣшанныхъ съ иломъ и торфомъ. Почва дремучей тайги сѣверной Сибири болотиста, иловато-глиниста или камениста и иногда прикрыта сверху слоемъ черной земли. Въ болѣе южныхъ, „урманныхъ“ мѣстностяхъ сѣверно-сибирской тайги, на выжженныхъ „палами“ пространствахъ, зарастающихъ березой, образуется суглинокъ. Въ западной половинѣ Сибири, въ Тобольской губ., сколько-нибудь удобныя для земледѣлія почвы встрѣчаются лишь въ уѣздахъ Тобольскомъ и Туринскомъ; это очень плотныя, глинистыя почвы, черныя или сѣрыя, залегающія по рѣчнымъ долинамъ, въ мѣстахъ, не затопляемыхъ половодьемъ, по „уваламъ“ и около „яровъ“. Въ средней полосѣ

Тобольской губ. удобныя для земледѣлія почвы, кромѣ рѣчныхъ долинъ, встрѣчаются между лѣсами и болотами; это такъ называемые „бѣлки“—тонкій, въ вершокъ или полтора, слой дерна, подъ которымъ залегаетъ слой въ 5—6 вершковъ почти безплоднаго, свѣтло-сѣраго, подзолистаго суглинка, лежащаго на желтовато-красной глинѣ („красикъ“, по-мѣстному). На увалахъ залегаетъ темно-бурый суглинокъ. Почвы уже гораздо лучше въ южной части Тобольской губ., въ такъ называемой Ишимской степи. Тамъ на „гривахъ“ (въ 3—4 сажени высоты, въ версту ширины, иногда на много верстъ въ длину) залегаютъ темно-бурыя, рыхло-суглинистыя почвы съ сильной примѣсью бѣлаго песка. Мѣстные жители хорошо замѣчаютъ, что гдѣ на „гривахъ“ растетъ дикая вишня, тамъ можетъ отлично родиться пшеница. Пространства между гривами заняты или солонцами, или ковыльной степью, по которой въ едва замѣтныхъ ложбинахъ разбросаны березовые и осиновые „колки“ (небольшія рощицы этихъ деревьевъ, расположенныя отдѣльно, какъ бы островками, смѣшанныя съ густыми кустарниками, преимущественно ягодными). Почва на открытой степи и въ этихъ „колкахъ“ совершенно различна: на степи „подсолонокъ“—сыроватая отъ присутствія глины или супеска, покрытая тонкимъ дерновымъ слоемъ; въ „колкахъ“—черная, малоплодородная почва растительно-болотнаго происхожденія. По мѣрѣ приближенія къ востоку почвы этихъ мѣстностей принимаютъ болѣе свѣтлую окраску и становятся менѣе плодородными. Очень сходна съ Ишимской степь Барабинская. На гривахъ залегаетъ суглинокъ или черноземъ, между гривами бѣлый или черный солонецъ. Менѣе плодородна сѣверная часть Барабы, гдѣ степь переходитъ въ урманно-болотистое пространство (урманы—пространства, занятыя лѣсами и болотами; ихъ особенно много въ Тарскомъ уѣздѣ). Наиболѣе плодородна почва южной

части Барабы, подходящей къ Алтайскому нагорью. Далѣе, на юго-востокѣ, очень замѣтна широкая полоса солонцовъ, идущая изъ Семипалатинской области, отъ Чингетаусскихъ горъ, вдоль лѣваго берега Иртыша, потомъ переходящая на правый, въ Акмолинскую область, и затѣмъ поворачивающая къ западу, за р. Ишимъ. Эта полоса солонцовъ перемѣшана съ черноземными островами. Въ Семипалатинской области весьма замѣтны солонцеватыя, песчаныя и каменистыя высокія мѣстности; еще далѣе, къ юго-востоку, преобладаетъ уже дерновая степь, свѣтло-бурая и каштановая, съ глинистой почвой. Къ юго-западу, въ Акмолинской области, продолжается черноземъ, преимущественно по Ишимской долинѣ около Кокчетава (здѣсь пластъ чернозема рѣдко достигаетъ 5—6 вв.); далѣе пластъ чернозема идетъ по долинѣ Нуры, степной рѣчки, и доходитъ до Илигидійскаго Сырта, все болѣе и болѣе бѣдпѣя гумусомъ и получая все болѣе свѣтлую окраску. Прочія части Акмолинской обл. заняты ровной, гладкой, дерновой каштановой и свѣтло-бурой степью съ солонцеватыми пятнами, которая, ближе къ Средней Азіи, переходитъ въ пустынную лессовую степь (безъ дерна). А барабинскій черноземъ идетъ къ юго-востоку, къ Алтайскому нагорью, и заполняетъ уѣзды Барнаульскій, Бійскій и Кузнецкій, Томской губ., особенно по долинамъ Оби и Томи. За Енисеемъ въ Сибири восточной, въ частяхъ Краспоярскаго и Канскаго уѣздовъ, преобладаютъ разнообразныя черноземныя почвы: темносѣрая, зернистая, супесчапая и даже суглинистая. Толщина черноземныхъ слоевъ различна, но не превышаетъ 12 вершковъ. Въ гористыхъ частяхъ этихъ уѣздовъ почва каменпста, болотиста или глиниста. Тонкій слой чернозема встрѣчается лишь по склонамъ холмовъ и по гривамъ.

Наилучшія почвы залегаютъ въ южной части Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда. Черноземъ

(4—12 и болѣе вершковъ) залегаетъ на пологихъ склонахъ горъ и на ровныхъ возвышенностяхъ, въ логахъ и южныхъ падяхъ степныхъ холмовъ; въ восточной части округа преобладаетъ такъ называемая здѣсь „сѣрая земля“ (по цвѣту)—суглинокъ съ перегноемъ. Самая распространенная въ округѣ почва — супеси (3—6 вершковъ толщиной), переходная почва между черноземомъ и боровымъ пескомъ и лѣсной землей, состоящая изъ песка съ небольшимъ количествомъ суглинка или мергеля и перегноя. Черноземъ встрѣчается здѣсь во всѣхъ полосахъ. По мѣрѣ приближенія къ тайгѣ черноземъ въ Минусинскомъ уѣздѣ становится глубже, и количество перегноя въ немъ увеличивается.

Въ таежныхъ, вообще гористыхъ частяхъ Иркутской губерніи и Забайкальской области преобладаютъ связные сѣрые суглинки. Въ Иркутской губерніи черноземъ залегаетъ по долинамъ Уды, Оки и Бѣлой, притоковъ Ангары, доходитъ вплоть до Иркутска и направляется вверхъ по Ленѣ до Верхоленска и Балаганска. Въ Забайкальской области по рѣчнымъ долинамъ, на увалахъ, распространены суглинки и супеси. Гдѣ увалы отложе, тамъ почва мощнѣе (отъ 6—10 вершковъ), имѣетъ черную окраску и рыхла. На возвышенностяхъ между рѣками распространены почвы болотно-растительнаго происхожденія, малопригодныя не только для пшеницы, но даже и для ржи. По среднимъ теченіямъ Онона и Аргуни идутъ сухія возвышенныя степи.

Почвы Приамурья представляются малопривлекательными. Въ заливной долинѣ Амура почва всюду песчана; въ низинахъ, такъ называемыхъ падяхъ, она илиста, и верхній, перегнойный, ея слой происхожденія болотнаго. Въ болѣе высокихъ частяхъ долины Амура, не захватываемыхъ наводненіями, почва состоитъ изъ весьма вязкой болотной глины, иногда съ

пескомъ, покрытой тонкимъ слоемъ болотнаго или полуболотнаго перегноя. Возвышающіяся надъ долиной горныя гряды покрыты небольшимъ слоемъ черной глины. Болѣе крутые склоны горъ покрыты осыпью и щебнемъ. Преобладающая почва долинъ — суглинокъ, мѣстами глины. Слой почвы тонокъ—2—5, рѣдко 8 вершковъ. Ближе къ сопкамъ, какъ на самой поверхности, такъ и во всей толщинѣ почвеннаго слоя, попадаются въ изобилін камни различной величины. Глинистая подпочва въ Амурской области обыкновенно не пропускаетъ дождевой воды, очень обильной лѣтомъ, а потому почва раскисаетъ, дѣлается вязкой, такъ что даже проѣздъ иногда становится невозможнымъ. Самыя лучшія почвы Амурской области находятся въ долинѣ Амура между рр. Зеей и Буреей, на низменности въ 30.000 кв. верстъ. На песчанистыхъ глинахъ здѣсь залегаетъ слой темной, перегнойной почвы, имѣющей на пологихъ увалахъ 4—6 вершковъ, а въ низинахъ до $1^1/_2$ аршина мощности. Мѣстные жители называютъ эту почву черноземомъ, и на сухихъ, возвышенныхъ мѣстахъ она дѣйствительно похожа на черноземъ, но зато въ низинахъ открываетъ свое полуболотное происхожденіе. Эта почва похожа на перегнойныя почвы Барабы, но ни по происхожденію ни по хозяйственному значенію не можетъ сравниться съ настоящимъ черноземомъ Евр. Россіи.

Почти то же самое можно сказать и о сосѣдней Приморской области, гдѣ удобныя для земледѣлія почвы также залегаютъ по рѣчнымъ долинамъ и притомъ въ самой южной части края — на китайской и корейской границахъ и у береговъ оз. Ханка.

Въ обширной Якутской области на плоскогоріяхъ преобладаютъ темныя, сѣроватыя почвы, въ низинахъ— черныя, солонцеватыя, какъ и на днищахъ спущенныхъ озеръ и вблизи болотъ. Лучшій сортъ почвъ во всемъ краѣ—красноватый суглинокъ на пологихъ ска-

тахъ у рѣчныхъ долинъ. Вообще якутскія почвы отличаются слабосиліемъ и тонкостью питательнаго слоя, такъ какъ перегной здѣсь образуется очень медленно вслѣдствіе крайне низкой температуры подпочвы.

Въ заключеніе общихъ свѣдѣній о сибирскихъ почвахъ необходимо сказать, что сибирскій черноземъ, даже въ Барабѣ и др. плодородныхъ мѣстностяхъ, не совсѣмъ похожъ на россійскій. Прежде всего онъ не залегаетъ огромной, непрерывной полосой, какъ въ Евр. Россіи; въ Барабѣ онъ перемѣшивается съ красными, глинистыми почвами и съ солонцами, и такое сосѣдство указываетъ на связь этого чернозема съ почвами озерными, болотными и солонцеватыми. Сибирскіе черноземы въ среднемъ представляютъ почвы, менѣе надежныя, чѣмъ черноземы Европейской Россіи. Но нельзя не поставить этого обстоятельства въ связь съ тѣми метеорологическими условіями, посреди которыхъ находятся тѣ и другіе. Такъ, напр., тобольскіе черноземы лежатъ въ полосѣ, гдѣ годовое количество осадковъ всего 300—400 мм., при чемъ въ нѣкоторые годы эта величина опускается ниже 200 мм. Ясно, что даже и при тожественномъ химическомъ составѣ черноземовъ рискъ земледѣльца будетъ больше въ Западной Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи; ясно также, что въ Тобольской губ. наименьшимъ постоянствомъ должны отличаться урожаи на черноземѣ безлѣсныхъ степей, гдѣ нельзя ожидать обильныхъ и равномѣрныхъ изъ года въ годъ осадковъ.

При засушливомъ лѣтѣ, въ тобольскихъ черноземахъ содержаніе воды падаетъ, вѣроятно, очень низко, и почвенный растворъ дѣлается весьма мало доступнымъ для растеній. При этомъ тѣ растворяемыя вещества, которыя въ обыкновенные годы остаются въ болѣе глубокихъ слояхъ, въ засушливые поднимаются къ поверхности, и тогда солонцы образуются въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ „смочные“ годы вполнѣ удобны

для обработки. Такимъ образомъ, несмотря на богатый химическій составъ тобольскихъ черноземовъ, условія вообще недостаточнаго, непостояннаго и капризнаго водоснабженія придаютъ крайне рискованный характеръ занятію земледѣліемъ на этихъ черноземахъ. Толщина слоя барабинскаго чернозема не велика—отъ 2—3 до 11—12 вершковъ. Богатство травянистой растительности въ Барабѣ происходитъ не столько отъ силы этого чернозема, сколько отъ его тароватости, нетронутости и сильнаго и продолжительнаго лѣтняго тепла. Сѣверная граница чернозема въ Тоб. губ. идетъ отъ Тюмени къ востоку и легкимъ уклономъ къ югу по теченію р. Тары, затѣмъ сразу отклоняясь отъ нея къ югу. Мѣстности съ наиболѣе плодородными черноземными почвами оказываются, конечно, и наиболѣе заселенными, и туда преимущественно и направляется волна переселенческаго движенія: южные уѣзды Тобольской губ., Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области, Павлодарскій, Семипалатинской, предгорья Алтая въ Томской губ., Канскій и особенно Минусинскій уѣзды Енисейской. За послѣднее время (до 1904 г.) усилилось переселенческое движеніе въ Приамурье, но это зависитъ не отъ особеннаго плодородія приамурской почвы, а отъ причинъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

III.

Климатъ.

Климатъ Сибири опредѣляется слѣдующими важнѣйшими обстоятельствами: 1) протяженіемъ ея съ запада на востокъ почти на 8.000 в.; 2) расположеніемъ ея въ сѣверо-восточной части азіатскаго материка; 3) тѣмъ, что на сѣверѣ ее омываетъ Ледовитый океанъ, а на востокѣ — холодныя части Тихаго океана, и что отъ южныхъ теплыхъ странъ она отгорожена высо-

кими горными хребтами и даже на западѣ отъ Европейской Россіи — хребтомъ Уральскимъ; 4) тѣмъ, что наиболѣе обширная ея часть, Сибирь восточная, поднята высоко надъ уровнемъ моря и переплетена горными хребтами, между которыми расположились глубокія и широкія долины. Вслѣдствіе этихъ причинъ Сибирь отличается вообще крайне холоднымъ климатомъ, сильными жарами лѣтомъ и сильными холодами зимой въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ и рѣзкими колебаніями температуры даже иногда въ теченіе однѣхъ сутокъ. Климатъ въ Сибири становится холоднѣе вообще по мѣрѣ удаленія съ запада на востокъ и съ юга къ сѣверу. Замкнутая, какъ въ ящикѣ, съ трехъ сторонъ горами, покатая и открытая къ Ледовитому океану, Сибирь въ отношеніи климатическомъ очень зависитъ отъ него. Ледяное дыханіе океана сильно охлаждаетъ всю сѣверную Сибирь и укорачиваетъ время ея лѣтняго тепла. Горные хребты, протянувшіеся по всему восточному побережью Сибири, не пропускаютъ внутрь материка влажныхъ испареній Тихаго океана; на западѣ Уральскій хребетъ въ сильной степени задерживаетъ влажные западные вѣтра́, доносящіеся съ Атлантическаго океана, а на югѣ высокія пограничныя горы отдѣляютъ Сибирь отъ болѣе теплыхъ странъ.

Такимъ образомъ холодъ и сухость представляютъ отличительныя черты климата Сибири, особенно восточной. Количество осадковъ лѣтомъ вообще гораздо больше, чѣмъ зимой, особенно въ восточной Сибири, и къ сѣверу вообще количество атмосферныхъ осадковъ (дождя, снѣга и т. п.) уменьшается. Наиболѣе холодныя мѣста Сибири находятся не на берегахъ Ледовитаго океана, а южнѣе, по среднему теченію р. Яны. Это происходитъ отъ того, что зимой въ восточной Сибири вѣтра́, дующіе въ сѣверныхъ тундрахъ съ Ледовитаго океана, приносятъ съ собой нѣкоторую

влагу, и воздушные слои, одни болѣе теплые, другіе болѣе холодные, перемѣшиваются между собою въ открытыхъ сѣверныхъ тундрахъ, и это производитъ нѣкоторое повышеніе температуры. Между тѣмъ южнѣе, въ гористыхъ мѣстностяхъ, перерѣзанныхъ широкими долинами, болѣе теплые воздушные слои, какъ болѣе легкіе, поднимаются выше, къ горнымъ вершинамъ, а болѣе холодные, какъ болѣе тяжелые, опускаются внизъ, въ долины, гдѣ поэтому господствуютъ страшные холода. Вообще въ Сибири зимой чѣмъ выше горная вершина, тѣмъ на ней теплѣе сравнительно съ лежащей у ея подножья долиной. Поэтому зимой въ восточной Сибири устанавливается холодная, безвѣтренная, ясная и сухая погода съ постояннымъ давленіемъ, такъ какъ окружающія горы не позволяютъ холодному воздуху стекать внизъ, въ мѣстности болѣе низкаго давленія. Но эти горы все-таки не настолько высоки (отъ 1—$1^1/_2$ верстъ), чтобы задерживать весь холодный воздухъ, почему верхніе его слои скатываются съ нихъ на востокъ и на югъ; это такъ называемый зимній муссонъ восточной Азіи, разносящій холодъ и сухость. Лѣтомъ, наоборотъ, возникаютъ вѣтра юго-восточные, несущіе на материкъ обильную влагу съ Тихаго океана, потому что лѣтомъ суша нагрѣвается гораздо скорѣе и сильнѣе, чѣмъ море; эта влага океана и падаетъ въ видѣ обильныхъ и частыхъ дождей въ Амурской и Приморской областяхъ и на берегу Охотскаго моря.

Таковы общія свойства сибирскаго климата. Конечно, при огромномъ пространствѣ Сибири ея климатъ не представляется одинаковымъ повсюду, а потому для лучшаго ознакомленія съ нимъ ее можно раздѣлить по отличительнымъ свойствамъ климата на слѣдующія части: 1) сѣверная Сибирь (сѣверъ Тоб. губ., сѣверныя и среднія части Енисейской, область Якутская и сѣверо-восточная часть Приморской,); 2) югъ

губерній Тобольской и Енисейской и почти вся Томская; 3) Киргизско-степная окраина (Акмолинская и Семипалат. области); 4) восточная коренная Сибирь (Иркут. губ. и Забайкалье) и 5) Амурско-Приморская окраина.

Климатъ сѣверной Сибири отличается продолжительными и суровыми зимами и краткимъ, но жаркимъ лѣтомъ; конечно, чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ зима дольше и суровѣе, а лѣто короче. У береговъ Обской губы и вообще около Карскаго моря лѣтомъ холоднѣе, чѣмъ къ западу и востоку отсюда; это происходитъ отъ большого скопленія льдовъ въ этомъ морѣ. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ зимы становятся холоднѣе; средняя годовая температура Березова—4,6° [1]), Туруханска уже—8,2°, Якутска —11°, а Верхоянска даже—16,9°. Верхоянскъ—самое холодное мѣсто земного шара, полюсъ холода сѣвернаго полушарія. Чтобы получить болѣе ясное понятіе о степени зимнихъ холодовъ и лѣтнихъ жаровъ въ этихъ мѣстностяхъ, возьмемъ среднія температуры января и іюля, самаго холоднаго и самаго жаркаго мѣсяцевъ:

	Январь.	Іюль.
Березовъ . . .	— 23,7	+ 16,3
Туруханскъ. .	— 28,2	+ 15,3
Якутскъ. . . .	— 43,3	+ 19
Верхоянскъ. .	— 50,8	+ 15,1

Изъ этого ясно, что холодъ быстро увеличивается по мѣрѣ удаленія на востокъ, хотя, наприм., Якутскъ лежитъ гораздо южнѣе Березова и Турухапска, но іюльская температура остается почти одинаковой во всѣхъ этихъ четырехъ мѣстностяхъ. Чтобы представить себѣ, до какой степени могутъ доходить здѣсь холода и жары, возьмемъ слѣдующую таблицу.

---

[1]) Всѣ градусы въ книжкѣ показаны по Цельсію.

показывающую самыя высшія и самыя низшія температуры:

	Холодъ.	Жаръ.
Туруханскъ .	— 59,6	+ 32,7
Якутскъ. . .	— 60,6	+ 38,7
Верхоянскъ .	— 67,1	+ 30,8

Но еще далѣе къ востоку, къ океану, средняя годовая температура уже повышается: такъ дѣйствуетъ умѣряющее вліяніе влажности Тихаго океана. Въ Сибири западной, до Енисея; зимой возможны довольно рѣзкія колебанія температуры, особенно въ болѣе южныхъ частяхъ,—но въ Сибири восточной, особенно въ Якутской области, стужа нарастаетъ и падаетъ плавными и широкими размахами. Зима здѣсь тихое, безвѣтреное, сухое и ясное время; день и ночь холодны почти одинаково. Морозъ достигаетъ страшной силы: ртуть замерзаетъ такъ, что ее можно ковать, какъ желѣзо, а само желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брызжетъ обломками, какъ стекло; сырое дерево дѣлается тверже желѣза, и только сухое можетъ раскалываться; огонь стелется по дровамъ, жмется къ нимъ, какъ бы боясь подняться, и въ это время, когда на большомъ разстояніи слышенъ звукъ каждаго шага, со страшнымъ трескомъ лопаются могучія деревья вѣковаго лѣса, а земля разрывается съ гуломъ, подобнымъ пушечнымъ выстрѣламъ, и образуетъ широкія разсѣлины. Вѣтеръ не колышетъ лѣсовъ, и они стоятъ всѣ бѣлые, словно одѣтые въ снѣжную пѣну. Даже небесный сводъ кажется ледянымъ куполомъ— онъ прозрачно-блѣденъ, и по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ на немъ ни одного облачка. Звѣзды и луна горятъ особенно ярко; только солнце, тусклое и красное, показывается минутнымъ гостемъ и спѣшитъ спрятаться въ туманы, густые, бѣлые, стелящіеся низко надъ землей. Снѣгъ падаетъ въ видѣ туманоподобной пыли при ясномъ небѣ. На восходѣ и закатѣ солнца

горятъ чудныя зори, наполняя весь воздухъ розовымъ свѣтомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спряталось солнце, по цѣлымъ часамъ играютъ пятна разнообразныхъ цвѣтовъ. На самомъ сѣверѣ, за полярнымъ кругомъ, вмѣсто дня вспыхиваетъ слабый багрянецъ на дымчатомъ небосклонѣ. Луна замѣняетъ солнце, а звѣзды блестятъ съ невиданной яркостью. Иногда играетъ „сполохъ“, сѣверное сіяніе, пробуждая какую-то тревогу въ истомленныхъ тьмой людяхъ и домашнихъ животныхъ. Едва ли въ природѣ существуетъ что-либо похожее на чарующіе переливы красокъ сѣвернаго сіянія, то яркихъ, то нѣжно-блѣдныхъ. Сначала на сѣверѣ показывается кругъ, охватывающій полнеба пожаромъ и постепенно блѣднѣющій. Отъ него, словно брызгающіе лучи, начинаютъ появляться и исчезать едва уловимыми моментальными вспышками громадные снопы, переливающіеся изъ блѣдно-зеленаго и голубого въ ярко-красные и фіолетовые треугольники, напоминающіе высокія, остроконечныя шапки. Цѣлые потоки нѣжно-радужныхъ цвѣтовъ, цѣлый сонмъ огней съ необычайной, поразительной быстротой смѣняются нѣсколькими ложными солнцами и лунами. Невозможно оторвать глазъ отъ этихъ брильянтовыхъ переливовъ. Человѣкъ замираетъ въ какомъ-то неизъяснимомъ оцѣпенѣніи. Только тотъ, кто видѣлъ это великолѣпное зрѣлище, понимаетъ, что оно не поддается описанію. Во всей необъятной сѣверной Сибири, начиная отъ 60^0 с. ш., самый короткій день продолжается $5^1/_2$ ч., день становится тѣмъ короче, чѣмъ сѣвернѣе мѣсто, такъ что уже подъ 70^0 с. ш. въ теченіе 60 сутокъ продолжается ночь, но зато и незакатный день лѣтомъ—65 сутокъ. Въ особенно холодныя ночи путнику слышится какой-то непрерывный, слабый шелестъ, который якуты называютъ „шопотомъ звѣздъ“.

Въ полосѣ безпредѣльныхъ тундръ иногда возникаютъ страшныя „пурги“. Горизонтъ быстро затяги-

вается мрачнымъ покровомъ, вихри снѣжной пыли набрасываются на путника, колютъ вѣки, обжигаютъ щеки, душатъ. Ничего не слышно, кромѣ ужасающаго воя вихрей. Умъ теряется, отказывается соображать. Послѣ пурги тундра принимаетъ видъ взволнованнаго и застывшаго моря: она покрывается „застругами“ — снѣжными гребнями, всегда расположенными по направленію вѣтра и образующимися отъ самаго малаго препятствія на пути снѣжнаго вихря — камня, даже какой-нибудь вѣтки. Пурга продолжается отъ одного до трехъ и болѣе дней. Снѣга и холода въ этой сѣверной полосѣ Сибири продолжаются долго: до половины іюня, а послѣ безконечныхъ жаркихъ дней въ іюлѣ снова возвращается холодъ уже въ началѣ августа. Насколько мало осадковъ зимой, настолько ихъ много въ маѣ, іюнѣ и августѣ, такъ что лишь одинъ только этотъ мѣсяцъ свободенъ отъ снѣга и холодовъ. Верхоянскъ, холоднѣйшее мѣсто земного шара, въ то же самое время одно изъ самыхъ сухихъ: годовыхъ осадковъ въ немъ всего 99 миллиметровъ (въ Москвѣ, напр., 500).

Южныя части губерній Тобольской, Томской и Енисейской имѣютъ климатъ вообще довольно суровый и склонный къ сильнымъ и быстрымъ колебаніямъ температуры; до Енисея и зимой возможны рѣзкія колебанія температуры, а за Енисеемъ зимняя температура уже болѣе постоянна. Слѣдующая таблица даетъ понятіе о температурѣ этихъ мѣстностей.

	Средняя год.	Средн. іюля.	Средняя января.
Тобольскъ	— 0,2	+ 16,6	— 29,7
Ишимъ	— 1,1	+ 19,3	— 19,6
Томскъ.	— 0,7	+ 19	— 19,6
Барнаулъ.	+ 0,3	+ 20	— 17,9 (февр.).
Енисейскъ. . . .	— 2,2	+ 20,1	— 25,6
Минусинскъ. . . .	+ 0,6	+ 19,7	— 18,6

Какъ морозы, такъ и жары доходятъ въ этихъ мѣстностяхъ до высокой степени:

	Морозы.	Жары.	Разность.
Курганъ	— 35	+ 33	68
Ишимъ.	— 42	+ 29	71

Въ Барнаулѣ холодъ можетъ доходить до 55°, въ Тюмени — до 57° въ Красноярскѣ — до 46°, въ Минусинскѣ—до 26°. Климатъ Алтайскаго нагорья, особенно въ высокихъ частяхъ, отличается суровостью и рѣзкими перемѣнами, особенно у большихъ озеръ. Вечеромъ, ночью и утромъ, даже въ концѣ іюня, температура падаетъ до+8 и+9°. Въ августѣ уже начинаются инеи и заморозки. Въ закрытыхъ съ сѣвера долинахъ предгорій климатъ мягче.

Климатъ Киргизско-степной окраины, Акмолинской и Семипалатинской областей, теплѣе, чѣмъ сосѣднихъ Томской и Тобольской губерній. Средняя годовая въ Акмолинскѣ и Семипалатинскѣ—отъ+2 до+$2^1/_2$°, температура января—$18^1/_2$°; но зато велика разность между зимой и лѣтомъ — до 36°, а между январемъ и іюлемъ—до 40°. Даже лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, колебанія температуры могутъ быть очень велики и очень рѣзки, и при страшно знойныхъ дняхъ ночи бываютъ холодны. Въ августѣ эти колебанія еще болѣе чувствительны. Зимой въ этихъ мѣстностяхъ свирѣпствуютъ страшные бураны, поднимающіе тучи снѣга. Низенькіе домики степныхъ поселковъ часто до верха забиваются снѣгомъ, такъ что сбившійся съ дороги путникъ иногда оказывается на крышѣ и только по теплой трубѣ узнаетъ, что тутъ жилье. Бураны такъ сильны, что можно потерять дорогу, переходя улицу, заблудиться и погибнуть вблизи жилья. Лѣтомъ часто поднимаются сильные вѣтра, со страшной быстротой несущіе цѣлыя тучи пыли. Дождя и снѣга въ этихъ мѣстностяхъ вообще мало; особенно рѣдки и скудны лѣтніе дожди.

Губернія Иркутская и особенно область Забайкальская отличаются продолжительными зимними холодами, рѣзкой разницей между теплымъ и холоднымъ временемъ года, малоснѣжными зимами при очень чистомъ, ясномъ, безвѣтреномъ воздухѣ. Лѣтомъ дождя падаетъ довольно много, если только этихъ мѣстностей не постигаетъ засуха. Въ Иркутскѣ средняя годовая температура — 0,5°, средняя январская—21°, средняя іюля + 18,1. Морозы бываютъ иногда еще 19 мая, а первые осенніе 6 сентября. Почти такова же средняя температура холоднаго и теплаго мѣсяцевъ и въ Забайкальѣ (Чита), но средняя годовая Читы — 2,7°. Громадное озеро Байкалъ оказываетъ замѣтное дѣйствіе на климатъ окружающей страны: лѣтомъ охлаждаетъ, а зимой согрѣваетъ, пока еще не покроется льдомъ. Зимой особенно холодны глубокія долины, которыми наполнено Забайкалье: въ нихъ скатывается съ окрестныхъ горъ холодный воздухъ, какъ болѣе тяжелый, такъ что тамъ не рѣдки зимніе морозы ниже 40°. Лѣто въ Забайкальѣ обильно дождями и грозами. Осень тамъ еще болѣе, чѣмъ въ Иркутской губ., отличается тихой и ясной погодой.

Огромную Амурско-Приморскую окраину по климату можно раздѣлить на двѣ части: южную, собственно Амурско-Приморскую, и сѣверо-восточную, Охотско-Камчатскую. Какъ климатъ Иркутской губ. представляетъ переходъ къ забайкальскому, такъ этотъ послѣдній—къ климату Амурской области. Двѣ приводимыя ниже таблицы даютъ возможность легко понять отличительныя свойства климата этой области.

Температура воздуха.

	Средн. годов.	Средняя іюля.	Средн. янв.
Нерчинскъ	— 5,8	+ 18,2	— 33,5
Благовѣщенскъ . .	— 0,7	+ 21,4	— 25,5
Хабаровскъ. . . .	+ 0,5	+ 20,8	— 25,2
Николаевскъ . . .	— 2,4	+ 15,3	— 24,2

Съ ноября по мартъ, при ясной и тихой погодѣ, стоятъ двадцатиградусные морозы; особенно холодны бываютъ ночи. За тихой и ясной зимой начинается вѣтреная весна, при чемъ дождь смѣняется снѣгомъ и крупой и наоборотъ. Въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ стоитъ теплая, даже жаркая погода. Въ концѣ іюня жары доходятъ до 37,5° въ тѣни. Такимъ образомъ сильные, продолжительные и постоянные зимніе холода и сильныя жары до половины іюля— главныя свойства климата Амурской области. Количество осадковъ лѣтомъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ Забайкальѣ.

	Средн. годов.	Лѣта.	Зимы.
Нерчинскъ . . .	396,2 миллим.	253,5 миллим.	7,2 миллим.
Благовѣщенскъ .	497,7 „	321,8 „	3,8 „
Хабаровскъ. . .	602,7 „	363,9 „	25,0 „
Николаевскъ. .	511,6 „	184,2 „	71,2 „

Съ половины іюля начинаются дожди, которые въ августѣ усиливаются до крайней степени; иногда въ теченіе одного августа число дождливыхъ дней доходитъ до 23. Лѣтомъ въ Амурской обл. часто бываетъ „изгарь“, т.-е. сухой туманъ, иногда настолько сильный, что солнце уже въ 5 ч. вечера теряетъ свой блескъ и кажется краснымъ кругомъ. Въ концѣ августа начинаютъ желтѣть листья. Лѣто продолжается немного болѣе 100 дней. Климатъ мѣстностей, лежащихъ къ востоку отъ Амурской обл., на берегу Японскаго моря, отличается крайней сыростью значительную часть года, но на морскомъ берегу средняя годовая температура вообще выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Амурской области: у залива св. Ольги+4,2, во Владивостокѣ+4,5°. Въ іюлѣ и августѣ морскіе юго-восточные вѣтра приносятъ въ эти мѣстности громадное количество паровъ, которые и падаютъ на землю въ видѣ обильныхъ дождей; а густые, непроницаемые туманы иногда даже съ марта до половины іюля окутываютъ берега моря.

Зимой сѣверо-западные вѣтра приносятъ сухость, почему зимы бываютъ обыкновенно суровы, безъ оттепелей. Напр., въ Никольскѣ-Уссурійскомъ средняя t^0 января—22^0, а іюля+22^0—разность равняется 44^0, т.-е. болѣе, чѣмъ въ Барнаулѣ, а это показываетъ, что климатъ Южно-Уссурійскаго края нельзя назвать морскимъ. Средняя t^0 Никольска-Уссурійскаго + 3, т.-е. ниже, чѣмъ Петербурга и Москвы. Самый сильный холодъ доходитъ тамъ до—$39{,}2^0$. Если къ этому прибавить, что свирѣпствующіе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ вѣтра, особенно холодные въ маѣ, сильно понижаютъ температуру, а во второй половинѣ лѣта сильный жаръ сопровождается страшной сыростью, то легко понять, что климатъ этихъ мѣстностей и непріятенъ и вреденъ. Климатъ сосѣдняго о. Сахалина отличается суровостью, сыростью воздуха, обиліемъ дождей. Средняя t^0 тѣхъ 5 мѣсяцевъ, когда происходитъ созрѣваніе хлѣбныхъ растеній, менѣе + 12^0, а это уже неблагопріятно для произрастанія хлѣбовъ.

Климатъ Охотско-Камчатской окраины зависитъ отъ ея сѣвернаго положенія, отъ того, что она отдѣлена отъ остальной восточной Сибири горными хребтами, и, наконецъ, отъ того, что ее омываетъ море. Всѣ эти обстоятельства очень неблагопріятны для климата Охотско-Камчатской окраины. Сѣверное положеніе дѣлаетъ ея климатъ вообще холоднымъ и суровымъ, особенно по берегамъ Охотскаго моря. Ближайшее сосѣдство такого громаднаго скопленія воды, какъ Великій океанъ, даетъ очень обильное выдѣленіе морскихъ испареній, и вся эта влажность осаждается только на узкой береговой полосѣ, потому что прибрежные хребты почти не пропускаютъ ея внутрь материка. Поэтому суровость и влажность климата—отличительныя свойства Охотско-Камчатской окраины. Зимой, вслѣдствіе необыкновенно высокаго давленія въ Якутской области и страшныхъ морозовъ тамъ, струи холоднаго воздуха перекатыва-

ются черезъ Становой хребетъ и, подобно горнымъ потокамъ, скатываются внизъ къ Охотскому морю, гдѣ температура выше и давленіе меньше. Этотъ господствующій здѣсь вѣтеръ иногда столь силенъ, что люди и вьючныя животныя не въ состояніи двигаться противъ него. Лѣтомъ, наоборотъ, господствуетъ вѣтеръ съ моря на Охотское побережье, потому что на морѣ давленіе усиливается, и само побережье нагрѣвается менѣе, чѣмъ суша. Этотъ вѣтеръ приноситъ холодъ, туманъ и „бусъ“ (холодный туманный дождь). Климатъ Камчатки — морской, съ влажными туманами, обиліемъ снѣга и незначительными холодами на восточномъ берегу. Слѣдующая таблица должна пояснить климатъ Охотско-Камчатской окраины.

	Средн. годов.	Средн. янв.	Средн. іюля.
Удскъ.	— 3,5	— 10,8	+ 16,3
Охотскъ.	— 5	— 15,3	+ 14,2
Петропавловскъ . .	+ 2,2	— 8	+ 16,1

Крайнихъ предѣловъ достигаетъ влажность на Камчаткѣ вслѣдствіе окружающихъ ее морей съ ихъ постоянными испареніями, медленнаго таянія снѣга на хребтахъ и въ ущельяхъ и постоянной сырости почвы, подъ которой простирается громадный пластъ глины. Послѣ каждаго небольшого дождя вся тундра „плачетъ“, какъ говорятъ на Камчаткѣ: серебряная влага струится по каждому корешку ягоднаго кустарника въ обвалахъ рѣчныхъ береговъ, по каждой былинкѣ нависшей травки, крупныя капли падаютъ изъ торфяныхъ глыбъ. Часто въ теченіе лѣта на всей тундрѣ невозможно найти не только мѣста для ночлега, но даже маленькой площадки, гдѣ бы вода не выступила изъ покрывающаго ее мха, какъ изъ губки. На Охотскомъ побережьѣ дожди особенно сильны въ лѣтнее время: въ Охотскѣ лѣтомъ 31 дождевыхъ и 45 пасмурныхъ дней (треть и половина лѣтнихъ дней), въ Петро-

павловскѣ дождевыхъ 27 и пасмурныхъ 45; но нужно сказать, что сырость здѣшняго лѣта уступаетъ сырости Амурской области. Количество осадковъ распредѣляется не одинаково по мѣстностямъ и по временамъ года: въ Аянѣ (95 мил.) преобладаютъ лѣтніе и осенніе осадки, въ Петропавловскѣ (1.193 мил.)—лѣтомъ менѣе всего; на сѣверномъ же побережьѣ Охотскаго моря осадковъ выпадаетъ мало. Холодное теченіе изъ Ледовитаго океана, проходя узкимъ Беринговымъ, или Дежневымъ, проливомъ и отклоняясь къ азіатскому материку, сильно охлаждаетъ Охотское море; къ этому еще присоединяются плавающіе на немъ льды. Эти два обстоятельства оказываютъ замѣтное вліяніе на климатъ береговъ Охотскаго моря. Вѣтвь теплаго японскаго теченія (куро-сива) поднимается къ сѣверу и теряется въ холодныхъ волнахъ Берингова пролива, и это обстоятельство значительно усиливаетъ влажность климата восточныхъ береговъ Камчатки.

Здоровъ ли климатъ Сибири? И съ этой стороны Сибирь представляется далеко не однообразной. Зимній холодъ, даже очень сильный, не только не вреденъ, но даже полезенъ для здоровья человѣка, если онъ нарастаетъ и спадаетъ постепенно, незамѣтно, безъ скачковъ температуры, если погода ясна, тиха, безъ всякаго вѣтра, и если воздухъ чистъ и сухъ. Таковъ климатъ Забайкалья и Якутской области. Поэтому климатъ Забайкалья очень здоровъ, и грудныя болѣзни тамъ очень мало распространены. Здоровъ также климатъ и Якутской области. Зато нельзя назвать здоровымъ климатъ Приамурья и особенно Охотско-Камчатской окраины вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ и крайней влажности въ это время въ Приамурьѣ и вообще холодной сырости Охотско-Камчатской окраины. Лѣтомъ на охотско-камчатскомъ побережьѣ теплый и влажный воздухъ вызываетъ общую слабость тѣла и тяжело дѣйствуетъ на состояніе духа; зимой холодный и сырой

воздухъ этихъ мѣстностей почти останавливаетъ испаренія кожи, значительно охлаждаетъ поверхность тѣла и тѣмъ производитъ въ немъ различныя разстройства. Нельзя назвать здоровымъ и климатъ Киргизско-степной окраины: тамъ очень часты и очень сильны рѣзкія колебанія температуры. Очень здоровъ климатъ Алтая, особенно лѣтомъ, Минусинскаго уѣзда и лѣсистыхъ и гористыхъ частей Кокчетавскаго. Климатъ сѣверной Сибири становится менѣе здоровымъ по мѣрѣ удаленія съ востока на западъ, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ увеличиваются и рѣзкія перемѣны температуры. О различныхъ мѣстныхъ болѣзняхъ мы будемъ говорить ниже.

IV.

Внутреннія воды.

Отъ климата Сибири такъ же зависитъ количество ея текучихъ и стоячихъ водъ, какъ отъ устройства ея поверхности—направленіе ея рѣкъ и расположеніе озеръ. Количество рѣкъ въ Сибири громадно, и онѣ, словно частая сѣть, покрываютъ всю страну; благодаря близости между истоками рѣкъ, и было возможно, что русскіе землеискатели еще въ XVII в. пробрались до самыхъ дальнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ страны. Громадная, слегка покатая равнина западной Сибири на югѣ замыкается высокимъ Алтайскимъ нагорьемъ, а оттуда спускается огромная Обь, медленно текущая къ сѣверу. Съ юга, съ горъ въ китайскихъ предѣлахъ, спускается и притокъ Оби—Иртышъ, выходитъ Енисей, прорѣзывая Саяны, и почти по прямой линіи направляется прямо на сѣверъ. Такъ какъ съ правой стороны Енисея расположена возвышенная страна, пересѣченная горными хребтами, то и всѣ значительные притоки Енисея впадаютъ въ него съ востока. Въ горной долинѣ около Байкала начинается огромная Лена, идетъ къ сѣверо-востоку, стѣсняемая горными хреб-

тами, прорѣзываетъ якутское плоскогоріе, уклоняется еще болѣе къ сѣверо-востоку, подъ вліяніемъ идущаго съ запада Вилюйскаго хребта дѣлаетъ огромную дугу и поворачиваетъ прямо на сѣверъ. Почти всѣ важнѣйшіе притоки Лены впадаютъ въ нее съ юго-востока и востока, вытекая изъ горныхъ хребтовъ. Большія рѣки дальняго сѣверо-востока Сибири текутъ въ огромныхъ долинахъ между горными хребтами и вытекаютъ изъ отроговъ Станового хребта. Извилины Амура на пути его къ востоку также зависятъ отъ окружающихъ горныхъ хребтовъ, и, наконецъ, идущій на сѣверъ вдоль морского берега хр. Сихота-Алинь отклоняетъ Амуръ на сѣверъ. Рѣки восточнаго побережья Сибири, кромѣ Амура и сѣвернаго Анадыра, коротки и быстры, потому что спадаютъ съ хребтовъ, подходящихъ близко къ берегамъ. Озера Сибири представляютъ собой или болѣе значительныя углубленія моря, которое когда-то покрывало западно-сибирскую равнину, или громадныя, глубокія впадины между высокими горными хребтами. Огромныя пространства, которыя проходятъ сибирскія рѣки, а потому обиліе притоковъ, медленное ихъ теченіе вслѣдствіе незначительности скатовъ, обиліе осадковъ въ видѣ дождя и снѣга, вѣчная мерзлота на очень близкомъ разстояніи отъ поверхности во всей сѣверной Сибири,— все это даетъ сибирскимъ рѣкамъ ихъ удивительную многоводность. Обильная влага, скопляющаяся на огромныхъ сѣверныхъ тундрахъ и равнинахъ, почти не имѣетъ стоковъ, очень плохо испаряется въ теченіе короткаго лѣта, а на сѣверѣ образуетъ множество болотъ и большихъ озеръ. Таково вліяніе поверхности и климата Сибири на ея водовмѣстилища.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному описанію ея рѣкъ и озеръ. На Алтайскомъ нагорьѣ рождается самая большая рѣка западно-сибирской равнины — Обь (3.500 в.). Самый большой ледникъ Бѣлухи—Катунскій,—

рождаетъ Катунь. Она вырывается изъ темной трещины съ нависшими ледяными глыбами: это ея правый истокъ; есть и лѣвый, меньшій, не столь замѣчательный; скоро оба потока сливаются, и черезъ нѣкоторое время Катунь спокойной, извилистой рѣкой направляется на западъ, принимая въ себя разныя свѣтлыя снѣжныя рѣчки. То порожистая, то спокойная, чудная Катунь, пройдя 600 верстъ, сливается съ Біей, и обѣ мирно исчезаютъ въ Обп. Горная синяя Бія вытекаетъ изъ сѣверо-западнаго конца Телецкаго озера. Женщина (Катунь), говоритъ алтайское преданіе, хотѣла перебѣжать дорогу мужчинѣ (Бій), но онъ пересѣкъ ей путь. Соединившись вмѣстѣ, эти двѣ кипучія жизни сливаются въ одинъ безконечный, спокойный потокъ—Обь. Вслѣдствіе мягкости грунта, по которому протекаетъ Обь, она образуетъ много протоковъ, высыхающихъ въ особенно сухое лѣтнее время. Но количество протоковъ замѣтно увеличивается послѣ впаденія въ Обь Иртыша. Протоки образуютъ какъ бы три отдѣльныя рѣки: Большую Обь, Малую (посединѣ) и Хаманельскую. Ширина Оби у Барнаула всего до 350 саж., а въ Тобольской губ. уже до $3^1/_2$ в. Тамъ, гдѣ Обь развѣтвляется на протоки, ширина ея доходитъ до 30—40 в. Ниже впаденія Иртыша глубина Оби отъ 10 — 15 саженъ, а въ низовьяхъ меньше — отъ 4 — 8. Между вскрытіемъ и замерзаніемъ Оби въ верхнемъ и нижнемъ теченіяхъ проходитъ мѣсяцъ (конецъ апрѣля и мая и начало и конецъ октября). Обь лѣниво катитъ свои мутноватыя волны въ низменныхъ, плоскихъ, однообразныхъ берегахъ и разливается весной на нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину. Долго въ одномъ направленіи съ Обью, отдѣленный широкой равниной, течетъ огромный, мутно-желтый Иртышъ (1.780 вер.) и наконецъ сливается съ ней уже на далекомъ сѣверѣ, гдѣ въ маѣ и іюнѣ теплится неугасимый свѣтъ „бѣлыхъ“ ночей. Иртышъ начинается въ китайскихъ

предѣлахъ, проходитъ черезъ озеро Норъ-Зайсанъ и направляется къ сѣверо-западу, принимая съ Алтая притоки, какъ, напр., свѣтлую Бухтарму, въ которую впадаетъ Бѣлая Берель, вытекающая изъ Бердьскаго ледника на Бѣлухъ (рис. 3). На Алтаѣ же, у Телецкаго

Рис. 3. Скалы на Бухтармѣ.

озера, начинается и свѣтло-зеленый, быстрый Абаканъ, впадающій въ Енисей. Какъ у послѣдняго справа, такъ у Иртыша всѣ важнѣйшіе притоки впадаютъ слѣва, съ запада, со стороны Урала: извилистый Ишимъ (2.200 в.), протекающій по плодороднѣйшимъ мѣстностямъ западно-сибирской равнины, Тоболъ, и его притокъ—

крайне извилистая Тура, на которой стоитъ городъ Тюмень, еще недавно бывшій дверью изъ Сибири въ Россію. Правые притоки Оби — быстрая Томь, извилистый, мелководный Чулымъ,—начинаются въ предгорьяхъ Алтая. Изъ другихъ рѣкъ можно упомянуть о мелководной Кети, протекающей по пустынной, лѣсистой и болотистой мѣстности: Кеть—одна изъ главныхъ частей соединительной Обь-Енисейской водной линіи, о которой будемъ говорить ниже. Если Обь и Иртышъ удивляютъ своей многоводностью, шириной, длиной теченія, то горныя рѣки Алтая поразительны по дикой красотѣ своихъ береговъ, быстрому и бурному теченію, по несравненной чистотѣ воды во многихъ изъ нихъ. Нигдѣ въ Европѣ нельзя найти такого обилія мощныхъ горныхъ потоковъ, какъ въ Алтаѣ, и это придаетъ особый, исключительный характеръ алтайскимъ пейзажамъ (рис. 4). Напр., многоводный Аргутъ, притокъ Катуни, прорываясь черезъ Катунскія горы въ глубокомъ ущельѣ, извѣстномъ подъ именемъ „аргутскихъ пропастей“, весь состоитъ изъ сплошной бѣлой пѣны, и шумъ его подобенъ раскатамъ отдаленнаго грома. Теплый Чулышманъ, впадающій съ юга въ Телецкое озеро, течетъ сначала по цвѣтущей долинѣ, а потомъ мчится въ узкомъ ущельѣ, ворочая громадные камни; иногда нависшія скалы образуютъ своды, подъ которыми и проносится рѣка. Въ него впадаетъ бѣшеная Чель-чу; среди ея сплошной, жемчужной пѣны только кое-гдѣ мелькаютъ зеленовато-голубыя полоски воды, а кверху взлетаютъ цѣлые фонтаны брызгъ. На Алтаѣ можно наблюдать зарожденіе потоковъ, серебряной ниткой извивающихся на днѣ долины или жемчужными четками водопадовъ падающихъ съ отдаленныхъ вершинъ. Когда алтайскія рѣки мчатся въ ущельяхъ, обставленныхъ почти отвѣсными скалами, то пробираться по ихъ берегамъ можно только по такъ называемымъ „бомамъ“—узкимъ

карнизамъ, образованнымъ самой природой. Когда бомъ прерывается, черезъ него перекидывается мостъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, висящій надъ головокружи-

Рис. 4. Горная алтайская рѣчка.

тельной бездной. Бассейнъ Оби въ предѣлахъ Сибири занимаетъ огромное пространство въ 2.547.433 квадр. версты (рис. 5).

Енисей, отдѣляющій низменную Сибирь отъ возвышенной, восточной, — одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіи. Онъ начинается въ китайскихъ предѣлахъ сліяніемъ двухъ рѣкъ -Хакема и Бикема—и становится извѣстнымъ подъ именемъ Улукема („Большая вода“). Принявъ множество рѣкъ, въ томъ числѣ бурливый Кемчикъ, и прорѣзавъ Саянскія горы, монгольская рѣка Улукемъ черезъ порогъ „Старовѣрскій“ входитъ въ русскіе предѣлы и становится Енисеемъ („Іоанесе“ по-тунгузски — большая вода), и въ него впадаетъ первая русская значительная рѣка, быстрый, извилистый Усъ, по которому весь этотъ пограничный округъ

называется Усинскимъ. Енисей снова прорывается черезъ отроги Саянъ, образуя грозный по виду и волненію, но неопасный „Большой“ порогъ. Здѣсь Енисей мчится со скоростью 60 в. въ часъ. Обнаженныя скалы и горная тайга, шумъ горныхъ рѣчекъ и пороговъ даютъ величественную, но дикую и угрюмую картину. Нѣсколько рыбачьихъ избушекъ на протяженіи сотенъ верстъ — все, что напоминаетъ здѣсь о человѣкѣ. Направляясь къ сѣверо-западу и пройдя еще нѣсколько пороговъ, Енисей достигаетъ первой сибирской деревни,—Означенной, отсюда становится могучимъ потокомъ въ версту шириной и направляется на сѣверъ, все болѣе и болѣе расширяясь. Изъ лѣвыхъ притоковъ его можно отмѣтить сѣтло-зеленый Абаканъ (870 в.), стекающій съ Алтайскаго нагорья и проходящій по широкой, плодородной равнинѣ — Абаканской степи. Послѣ впаденія въ Енисей Ангары (Верх. Тунгуски) Енисей замѣтно расширяется (отъ 2—4 в. въ ширину), становится глубже (5—8 саж.); на немъ начинаютъ встрѣчаться значительныхъ размѣровъ острова. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи на сѣверъ Енисей то суживается между „щеками“ — высокими, почти отвѣсными берегами, въ которые съ силой ударяетъ теченіе, и тогда становится болѣе быстрымъ и глубокимъ, то расширяется и образуетъ острова и протоки. И въ среднемъ, и въ нижнемъ теченіи Енисея встрѣчаются мѣста, опасныя для судовъ: пороги, каменистые острова, длинные, выдающіеся въ рѣку каменные мысы. Въ низовьяхъ, недалеко отъ устья, ширина Енисея доходитъ отъ 5 до 15 в., а глубина—отъ 5 до 23 саженъ. Наконецъ, величественная рѣка расширяется въ громадную Енисейскую губу, о которой шла рѣчь выше. Между Минусинскомъ и Красноярскомъ Енисей поражаетъ несравненной красотой и разнообразіемъ картинъ своихъ береговъ: то тянется рядъ каменныхъ палатъ, то прямо изъ воды поднимается

Рис. 5. Большой Акъ-Бомъ на Алтаѣ.

какъ бы древняя крѣпостная стѣна, сложенная изъ сѣрыхъ плитъ, верхъ которой заросъ травой и кустарниками. Чѣмъ ближе къ Красноярску, тѣмъ уже становится Енисей: онъ течетъ въ „щекахъ“ и въ „трубѣ“. За зубчатыми берегами появляется сплошной камень, словно исполинскій червь, протянувшійся вдоль рѣки, и въ немъ тамъ и сямъ видны странныя отверстія, почернѣвшія какъ бы отъ дыма, словно жилища сказочныхъ зміевъ (рис. 6). Важнѣйшіе притоки Енисея впадаютъ въ него справа—это именно три Тунгуски. Верхняя Тунгуска, или Ангара, представляетъ собой какъ бы стокъ водъ громаднаго Байкальскаго озера. Быстрыя, поразительно-чистыя, зеленоватыя воды Ангары пе-

Рис. 6. Ледоходъ на Енисеѣ.

сутся среди скалъ, иногда отвѣсно падающихъ въ воду, клубятся между порогами и стремительно мчатся надъ „шиверами“ (каменными мелями). Даже въ де-

кабрѣ Ангара не покрывается льдомъ, и надъ ней стоитъ тумашъ, такъ какъ ея вода теплѣе окружающаго воздуха. Только рядъ жестокихъ морозовъ въ 35—40° усыпляетъ въ концѣ декабря эту буйную рѣку, при чемъ ледъ образуется на ея днѣ и поднимается на поверхность. Уже въ концѣ апрѣля Ангара взламываетъ ледъ, несетъ его съ неудержимой быстротой и громоздитъ по берегамъ, гдѣ онъ долго таетъ на солнцѣ, когда уже все кругомъ начинаетъ зеленѣть. Пороги (наиболѣе важныхъ 10: Падунъ, Долгій и др.) начинаются верстъ за 700 отъ истока Ангары и дѣлаютъ пока невозможнымъ правильное пароходное сообщеніе по этой рѣкѣ. Длина Ангары 1.700 в. Въ нижнемъ теченіи она носитъ также названіе Верхней Тунгуски; Енисей при сліяніи съ ней образуетъ три протока между двумя островами, и долго воды обѣихъ рѣкъ не смѣшиваются и текутъ рядомъ отдѣльными потоками: синеватымъ ангарскимъ и болѣе свѣтлымъ енисейскимъ. Главные притоки Ангары: Ока (800 в.), Уда (1.000 в.), стремительные, заключенные въ скалистые и лѣсистые берега, впадаютъ въ Верхнюю Тунгуску слѣва (рис. 7). Быстрая, мѣстами порожистая, съ желтоватой, чистой водой, Средняя, или Подкаменная, Тунгуска вливаетъ въ Енисей воды многихъ своихъ притоковъ, какъ Чуна и Вельме. На юго-восточномъ склонѣ Тунгусскаго хребта начинается самый длинный притокъ Енисея — Нижняя Тунгуска (2.000 в.), вьется среди многочисленныхъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ дремучей тайгой, и вливается въ Енисей ниже Туруханска, быстрая, переполненная порогами, водоворотами и шиверами и заключенная въ угрюмыхъ скалистыхъ берегахъ. Длинный Енисей (3.760 в.) съ Улукемомъ вскрывается и замерзаетъ, конечно, не въ одно время: въ Красноярскѣ — не позже 27 апрѣля, въ Туруханскѣ — 17 мая, и замерзаетъ не позже 11 ноября въ

Краспоярскѣ и 15 октября въ Туруханскѣ. Бассейнъ его занимаетъ 2.241.589 кв. верстъ.

Третья громадная рѣка Сибири, впадающая въ Ледовитый океанъ,—Лена (4.300 в.). Начинаясь въ го-

Рис. 7. Впаденіе Мары въ Уду.

рахъ около Байкала, Лена долго идетъ на сѣверо-востокъ, сжатая прибрежными горами, то падающими въ нее отвѣсными стѣнами, то отдаляющимися и образующими долины; путнику кажется, что рѣка то пробиваетъ горные хребты, и тогда теченіе ея стѣсняется „щеками“, то вырывается на просторъ и течетъ по широкимъ долинамъ, окаймленнымъ низкими холмами. Но на самомъ дѣлѣ Лена не окаймлена прибрежными хребтами и протекаетъ по долинѣ среди широкой и волнистой плоской возвышенности. Отъ

Якутска Лена поворачиваетъ на сѣверъ, но скоро, подъ вліяніемъ Верхоянскаго хребта съ востока, отклоняется на западъ и уже потомъ поворачиваетъ къ сѣверу и вливается въ Ледовитый океанъ восемью рукавами. Только верхнее теченіе Лены довольно быстро; выступивъ изъ „щекъ“, она становится спокойной, медленной, величественной рѣкой, все болѣе и болѣе широкой и глубокой по мѣрѣ принятія притоковъ (всѣхъ притоковъ Лены около 1.000) (рис. 8). Къ сѣверу отъ Якутска до океана пустынные берега Лены дико-прекрасны: сначала правый берегъ падаетъ въ

Рис. 8. Скалы на Ленѣ.

рѣку отвѣсными стѣнами, то поросшими густымъ лѣсомъ, то обнаженными и представляющими собой столбы, пещеры, остроугольныя вершины въ видѣ сахарныхъ головъ изъ продольныхъ и поперечныхъ пла-

стовъ разноцвѣтнаго песчаника (рис. 9). Подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ и лѣвый берегъ становится гористымъ и крутымъ, и каменные тиски все сильнѣе и сильнѣе сжимаютъ Лену, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ ней подходятъ отроги Хараулахскаго хребта, и она течетъ прямо къ сѣверу, окаймленная скалистыми, безлѣсными берегами. Мѣстами здѣсь возвышаются громадныя пирамиды, отъ вершины до подножья усыпанныя кусками разсыпавшихся скалъ; мѣстами надъ водой поднимаются отвѣсныя стѣны, то черныя какъ уголь, то бѣлыя какъ снѣгъ, и вершины ихъ уставлены каменными глыбами разной величины и формы. Тамъ, гдѣ Лена выбивается изъ своихъ каменныхъ тисковъ и вѣеромъ разбрасывается въ протоки, впадающіе въ Ледовитый океанъ, — почти посрединѣ рѣки, стоитъ высокій каменный „Столбъ“, пустынный, покрытый мшистымъ покровомъ стражъ громадной якутской рѣки. Лена у Якутска вскрывается около 20 мая, замерзаетъ около 12 октября, а въ устьѣ вскрывается около 25 іюня, замерзаетъ 2 октября. Бассейнъ Лены занимаетъ 2.092.270 кв. верстъ. Съ юго-востока и востока въ Лену впадаютъ три важнѣйшіе ея притока: Витимъ, Олекма и Алданъ. Первыя двѣ рѣки въ верхнемъ теченіи протекаютъ по открытымъ луговымъ долинамъ, а въ среднемъ и нижнемъ прорѣзываютъ горы, покрытыя тайгой; здѣсь онѣ быстры и порожисты. Алданъ (2.000 в.) очень быстръ, переполненъ „шиверами“ и подводными камнями. Въ половодье, когда рѣка течетъ поверхъ всѣхъ этихъ препятствій, она буквально шипитъ отъ бѣшенаго бѣга. Задѣвая за огромные валуны, которыми устлана большая часть ея русла, она вздымается, какъ бы коробится, образуетъ водяные бугры и летучіе водовороты. Берега Алдана то скалисты, безлѣсны, то покрыты непроходимой тайгой. Въ нижнемъ его теченіи много острововъ. Въ Алданъ справа, съ востока, впадаетъ

Рис. 9. Скалы въ низовьяхъ Лены.

„сердитая старуха“ Мая, стремительная, бѣшеная. Слѣва въ Лену впадаетъ только одинъ большой притокъ — Вилюй, стекающій съ того горнаго узла, гдѣ начинаются Хатанга, Анабара и Оленекъ. Въ верхнемъ теченіи Вилюй извилистъ, быстръ и порожистъ. Въ половодье онъ судоходенъ на 1.100 в. (общая длина 3.000 в.). Въ нижнемъ теченіи, чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ болѣе расширяется долина Вилюя, тѣмъ дальше отступаютъ отъ береговъ окружающія горы, и появляются острова. Кромѣ этихъ трехъ царственныхъ водныхъ потоковъ,—Оби, Енисея и Лены,— не менѣе десяти большихъ рѣкъ скатываются въ Ледовитый океанъ, рѣкъ второстепенныхъ въ Сибири, но которыя были бы первостепенными не только въ Европѣ, но и въ Европейской Россіи, богатой значительными рѣками. Съ горнаго узла Люча-Онгоктонъ, который пересѣкаетъ сѣверный полярный кругъ, стекаютъ рѣки Хатанга и Оленекъ. Хатанга имѣетъ въ нижнемъ теченіи отъ 3—5 верстъ въ ширину и отъ 4—10 саженъ глубины, и до 500 в. въ длину; она быстра, камениста, со страшными омутами и множествомъ острововъ. Хатанга протекаетъ по мѣстностямъ пустыннымъ, среди горъ и скалъ. Пользуясь извилинами Хатанги, подъ защитой горъ отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, древесная растительность проникаетъ по теченію этой рѣки почти до береговъ океана, дальше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ. Между Оленекомъ (до 1.500 в.) и Хатангой течетъ быстрая, мелководная Анабара (900 в.). На востокѣ отъ Лены текутъ въ Ледовитый океанъ Яна, Индигирка и Колыма, отдѣленныя другъ отъ друга горными хребтами. Всѣ эти рѣки, выйдя изъ горъ своего верхняго теченія, протекаютъ среди возвышеннаго, довольно ровнаго плоскогорія, гдѣ образуютъ широкія, открытыя долины. Ближе къ морю онѣ вступаютъ въ узкія, скалистыя тѣснины. Долины, особенно въ

среднемъ теченіи, представляютъ просторныя впадины, иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ шириною, и по дну этихъ впадинъ вьются рѣки. Часто острова разбиваютъ рѣки на потоки. Берега рѣкъ круты. Какъ Лена, такъ Яна и Индигирка образуютъ дельты. Несмотря на длину и многоводность, эти второстепенныя рѣки сѣверной Сибири не имѣютъ никакого значенія для страны, и берега ихъ почти совершенно безлюдны; рѣки эти свободны отъ льда только 3—4 мѣсяца въ году, впадаютъ въ отдаленный океанъ, также покрытый льдомъ $^3/_4$ года, протекаютъ по мѣстностямъ съ крайне холоднымъ, суровымъ климатомъ, среди непріютныхъ горъ, то обнаженныхъ, то покрытыхъ плохимъ сѣвернымъ лѣсомъ, и среди безграничныхъ тундръ.

Въ Тихій океанъ впадаютъ двѣ значительныя рѣки: извилистый Анадырь (1.030 в.) на самомъ сѣверѣ и громадный Амуръ на югѣ. Двѣ пары рѣкъ, одна за другой, должны были слиться, чтобы явился наконецъ огромный Амуръ (2.600 в.): свѣтлая Шилка и вытекшій изъ предѣловъ Монголіи мутный, быстрый Ононъ образовали мелководную, порожистую, заключенную въ скалистыхъ берегахъ, быструю Шилку (500 в.), которая, слившись съ монгольской необычайно тихой Аргунью, образовала наконецъ Амуръ (вѣроятно, отъ тунгузскаго слова „амуръ“ — добрый, которымъ будто бы мѣстные инородцы привѣтствовали первыхъ русскихъ пришельцевъ). Въ верхнемъ теченіи Амуръ проходитъ по узкимъ долинамъ, окаймленнымъ высокими, лѣсистыми горами, но далѣе, къ востоку, все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться широкія долины, и у Благовѣщенска между большими притоками Амура, Буреей и Зеей, раскинулась обширная низменность. За ней, еще далѣе къ востоку, горы съ обѣихъ сторонъ вновь стѣсняютъ Амуръ, и онъ извивается прихотливо, въ зеленыхъ берегахъ своего глу-

бокаго каменистаго ложа. По выходѣ изъ Буреинскаго хребта Амуръ снова расширяется, образуетъ множество острововъ и протекаетъ въ низкихъ, пологихъ берегахъ. Принявъ справа мутную, бѣловато-желтую маньчжурскую рѣку Сунгари и вскорѣ за ней другую, Уссури, Амуръ, сдѣлавшійся мутнымъ, отклоняется влѣво отрогами Сихота-Алиня и 800 верстъ течетъ къ сѣверу до впаденія въ Татарскій проливъ. Отроги Сихота-Алиня наполняютъ весь правый берегъ Амура, а слѣва идутъ то низменности, покрытыя озерами, то возвышенности. Ширина Амура въ устьѣ между двумя входными мысами — 14 в. Глубина воды въ Амурѣ колеблется отъ 2—3 футовъ до нѣсколькихъ саженъ. У Благовѣщенска Амуръ вскрывается около 28 апрѣля, замерзаетъ около 10 ноября, у Николаевска — 22 мая и 12 ноября. Изъ лѣвыхъ притоковъ Амура замѣчательны Зея и Бурея. Зея (до 1.000 в.) беретъ начало на южномъ склонѣ Яблоноваго хребта, и горы, черезъ которыя она рвется стремительнымъ потокомъ, подступаютъ къ самымъ ея берегамъ; потомъ горы начинаютъ удаляться отъ береговъ и образуютъ обширныя долины, а въ нижнемъ теченіи Зея уже проходитъ по безлѣсной равнинѣ, поросшей густой, высокой травой. Теченіе быстрой, каменистой и порожистой Буреи (900 в.) похоже на теченіе Зеи. Бассейнъ Амура занимаетъ 1.702.454 кв. верстъ.

Рѣки, текущія въ Тихій океанъ съ восточныхъ склоновъ Сихота-Алиня, имѣютъ крутое паденіе, коротки, каменисты и порожисты. Большого вниманія изъ нихъ заслуживаетъ только Суйфунъ, протекающій по долинѣ, занятой русскими и корейскими деревнями. Рѣки, впадающія въ Охотское море, текутъ въ узкихъ долинахъ или ущельяхъ, стѣсненныхъ горами, по руслу, часто завалешному огромными камнями. Рѣки съ бѣшенымъ шумомъ мчатся черезъ эти преграды. Рѣки этихъ мѣстностей имѣютъ „щеки“ — узкія мѣ

отъ 5—10 саженъ между двумя хребтами или двумя сходящимися выступами хребтовъ, гдѣ рѣка промыла себѣ ложе. Изъ этихъ рѣкъ можно упомянуть Уду (700 в.), съ ея мелями и порогами, довольно медленную въ нижнемъ теченіи, и Охоту (450 в.), глубокую, быструю, съ очень скудной растительностью по берегамъ. Рѣки Камчатскаго полуострова коротки, стремительны и глубоки. Самая значительная изъ нихъ — Камчатка (болѣе 500 вер.). Въ западной части полуострова течетъ р. Тигилъ (180 в.), настолько глубокая, что въ устье ея во время прилива могутъ заходить большія морскія суда. Она судоходна на 100 вер. и протекаетъ по прекраснымъ заливнымъ лугамъ.

О сибирскихъ рѣкахъ вообще нужно сказать слѣдующее. Рѣки, впадающія въ Ледовитый океанъ, и ихъ притоки, вслѣдствіе сравнительной близости полюса и вращательнаго движенія земного шара по направленію къ востоку, постепенно перемѣщаются въ сторону праваго берега, что особенно замѣтно на рѣкахъ западно-сибирской равнины съ ея наноснымъ, легко размываемымъ грунтомъ. Поэтому лѣвый берегъ сибирскихъ рѣкъ образуется постепеннымъ отложеніемъ наносовъ и осадковъ и представляется низменнымъ, а правый, наоборотъ, въ видѣ холмовъ возвышается надъ рѣкой и состоитъ изъ почвъ, еще не тронутыхъ водой, которая, впрочемъ, отступая отъ лѣваго берегу, мало-по-малу подтачиваетъ правый. Весенніе разливы сибирскихъ рѣкъ даютъ огромное количество воды отъ таянія снѣговъ въ безконечныхъ поляхъ, горахъ и лѣсахъ, а такъ какъ длинныя сибирскія рѣки въ теченіе цѣлаго мѣсяца и болѣе вскрываются отъ верховья до устья, то громадныя горы „верхового“ льда, унося теченіемъ, задерживаются ниже непроницаемымъ ледянымъ покровомъ, скопляются и громоздятся у береговыхъ скалъ, шлифуютъ ихъ, вы-

тачиваютъ на нихъ борозды, переносятъ большія глыбы камней и набрасываютъ ихъ на берегахъ въ видѣ грядъ. Иногда горы льда спираются, образуютъ препятствія теченію воды, ледяныя плотины,— и вода выходитъ изъ береговъ и затопляетъ окрестности. Но не всѣ сибирскія рѣки разливаются весной. Амуръ, его притоки и рѣки, впадающія въ Японское море, весной разливаются очень мало, но зато въ іюлѣ и августѣ происходятъ громадные паводки, отъ которыхъ Амуръ поднимается на 6—7 саженъ выше своего обыкновеннаго уровня. Во время своихъ разливовъ Амуръ мѣстами представляетъ цѣлыя озера мутной воды въ нѣсколько верстъ шириной; кое-гдѣ на затопленныхъ водой островахъ торчатъ верхушки деревьевъ; береговыя скалы спускаются вездѣ своими отвѣсными стѣнами въ волны рѣки, и мимо нихъ стремительно несутся иногда столѣтнія деревья, обломки строеній, бревна, стога сѣна, крестьянскія избы... По спадѣ водъ берега Амура представляютъ иное зрѣлище: гдѣ въ половодье береговыя скалы и скаты горъ прямо высились изъ воды, тамъ теперь тянутся песчаныя отмели, усыпанныя галькой и обломками, возвышаются песчаные же бугры, а станицы лежатъ вдали отъ воды, на высокихъ берегахъ теперь уже безводныхъ протоковъ; смотря на эти берега, какъ-то не вѣрится, чтобы разливы рѣки могли затоплять ихъ. Такъ, наводненіе 1872 г. разрушило 27 поселковъ въ верховьяхъ Амура, и изъ нихъ отъ нѣкоторыхъ, какъ Буссева, Корсакова, не осталось никакихъ слѣдовъ — ни одного бревна, ни одной ямы. При внезапномъ разливѣ Суйфуна въ 1896 году у одной Полтавской станицы погибло свыше 200 человѣкъ. Вода, поднявшись до 2 саженъ, унесла сжатый хлѣбъ, заготовленное сѣно, дрова, много скота, много русскихъ заимокъ и корейскихъ фанзъ. Эти разливы Амура, его притоковъ и рѣкъ, впадающихъ въ Японское море, происходятъ

отъ мѣстныхъ климатическихъ условій, о которыхъ рѣчь шла выше.

Вся сѣверная часть Сибири, съ ея вѣчно мерзлой подпочвой, съ ея обильными, глубокими снѣгами, съ очень незначительнымъ скатомъ къ океану между Ураломъ и Енисеемъ, съ множествомъ углубленій между горами къ востоку отъ Енисея,—вся сѣверная Сибирь усѣяна множествомъ озеръ, часто очень значительной величины. Много озеръ, разбросано въ тундрѣ между Енисеемъ и Тазомъ (до 1.000 вер.), вытекающимъ изъ двухъ большихъ озеръ Колды-Поарель. Группа озеръ Норильскихъ спускаетъ воды свои въ озеро Пясино (180 в. въ окружности), откуда вытекаетъ большая рѣка Пясина (до 1.000 в.), къ сѣверовостоку отъ устьевъ Енисея. Хатанга и ея притоки питаются множествомъ озеръ, изъ которыхъ замѣчательны Жессей (180 в.) и Воеволи (1.967 вер. въ окружности). Рѣка Таймыръ представляетъ собой стокъ въ Ледовитый океанъ огромнаго озера съ тѣмъ же названіемъ (1.918 кв. верстъ). Группа озеръ расположилась у верховьевъ Вилюя. Количество озеръ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу; много ихъ въ низовьяхъ Вилюя, а между низовьями Колымы и Индигирки, по положенію надъ моремъ, самой низкой части всей заенисейской страны, ихъ „столько, сколько звѣздъ на небѣ“, какъ говорятъ якуты, и рыбаки совершаютъ цѣлыя длинныя путешествія, перетаскивая свои лодки изъ одного озера въ другое: такъ часты здѣсь озера! Озера усѣиваютъ всю западно-сибирскую низменность по направленію съ сѣвера къ югу. Особенно богата ими Барабинская степь, гдѣ они заполняютъ углубленія между увалами. Барабинскія озера лежатъ въ совершенно плоскихъ берегахъ, очень мелки, заросли камышомъ, такъ что иногда лишь на срединѣ остается свободное пространство воды („стекло“, помѣстному). Вслѣдствіе множества перегнившаго ка-

мыша и разной болотной растительности, вода многихъ изъ этихъ озеръ имѣетъ желтоватый цвѣтъ и пахнетъ сѣроводородомъ. По химическому составу въ нихъ преобладаютъ соли хлористыя и сѣрнокислыя. Барабинскія озера настолько мелки, что самое большое изъ нихъ, Чаны, имѣющее до 150 вер. въ длину, глубиной всего 4—5 саженъ, сосѣднее съ нимъ Сартланъ — $2^1/_2$ саж., Убинское — отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ с. Степень солености воды въ озерахъ Киргизской степи неодинакова. Это объясняется, во-первыхъ, выщелачиваніемъ солей изъ почвы и скопленіемъ ихъ въ котловинахъ, лишенныхъ стока; во-вторыхъ, усыханіемъ озеръ, которыя раньше были прѣсными, отъ увеличивающейся сухости климата. Барабинскія озера мелѣютъ съ западной стороны, такъ какъ часто западные вѣтра наносятъ въ нихъ частицы почвы. Озеро Чаны въ древнее время представляло одинъ огромный бассейнъ, расчленившійся на нѣсколько озеръ лишь сравнительно недавно. Существовавшія нѣкогда степныя рѣки, какъ, напр., Камышловъ, еще въ XVII в. протекавшій недалеко отъ нынѣшняго Петропавловска, — въ повѣйшее время обыкновенно превращаются въ рядъ горько-соленыхъ озеръ. Многія озера съ теченіемъ времени высохли совершенно и представляютъ теперь, по большей части, углубленія, покрытыя солончаковой почвой, а другія замѣтно усыхаютъ. Еще въ 1820 г. поверхность озеръ: Чаны, Сумы, Молоки и Абышканъ занимала площадь тысячъ въ восемь квадратныхъ верстъ, а въ 1880 г. — уже только три. Въ настоящее время поверхность Чановъ — 2.876, Убинскаго—578, Сартлана—288 кв. верстъ. Хотя и есть озера то усыхающія, то снова наполняющіяся водой черезъ нѣкоторое время, но такихъ вообще немного, и большая часть озеръ усыхаетъ безвозвратно. Озера, эти „голубыя очи“ степи, разбросаны въ значительномъ количествѣ и въ Киргиз-

ско-степной окраинѣ, гдѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ представляютъ огромныя зеркала прекрасной, чистой воды, окаймленной горами, поросшими густымъ сосновымъ лѣсомъ, надъ которымъ возвышаются сѣрыя „сопки“; таковы озера Зерендинское, Щучье, Боровыя и др. На самомъ югѣ Семипалатинской области, у самой китайской границы, находится обширное прѣсноводное озеро Зайсанъ (1.608 кв. верстъ въ окружности), раскинувшееся въ открытой, плоской долинѣ. Наибольшая глубина доходитъ до 15 саж.; раньше озеро было глубже. Алтайское нагорье имѣетъ множество обширныхъ озеръ. Въ огромной разсѣлинѣ, лежащей среди горъ, раскинулось зеркальное, свѣтло-зеленое Телецкое озеро, безмолвное, пустынное, обставленное высокими, часто недоступными горами, поросшими густымъ, синѣющимъ вдали лѣсомъ. Обнаженныя скалистыя горы иногда отвѣсно падаютъ прямо въ озеро. Съ горъ несутся въ озеро быстрые потоки, падающіе иногда жемчужными водопадами. Длина озера 73 версты, ширина доходитъ отъ 150 саж. до 5 верстъ, а глубина въ южной части простирается до 170 саженъ. На востокѣ въ Телецкое озеро опускается неимовѣрно высокій утесъ Алтынъ-Тагапъ — „Отецъ горъ“. На вершину этого утеса, разсказываютъ калмыки, прителъ нѣкогда человѣкъ, обладавшій кускомъ золота величиною съ конскую голову. Всюду въ странѣ былъ голодъ, и человѣкъ этотъ не могъ получить за свое золото даже нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Тогда, приведенный въ отчаяніе, человѣкъ бросилъ въ глубокія воды свое безполезное золото и проклялъ озеро. Съ тѣхъ поръ озеро называется у окрестныхъ калмыковъ „золотымъ“ и „проклятымъ“. Воды Телецкаго озера страшно холодны, и хотя оно довольно богато рыбой, однако на его берегахъ расположены только два небольшихъ поселенія инородцевъ. На далекое пространство оно замѣтно охлаждаетъ воздухъ.

Съ юга въ Телецкое озеро впадаетъ Чулышманъ, а Бія представляетъ истокъ его водъ на сѣверъ. Изъ другихъ алтайскихъ озеръ замѣчательны: Колыванское, Тальменье и Язевое. Круглое зеркало Колыванскаго озера ($3^1/_2$ в. длиной, 2 шириной, 13 саж. глубиной на срединѣ) обставлено гранитными утесами, похожими на древніе замки, развалины зданій, падающія башни. Страшный провалъ гранитныхъ пластовъ образовалъ нѣкогда это чудное озеро, а дѣйствіе дождя и тающаго снѣга придало въ теченіе вѣковъ причудливый видъ береговымъ гранитамъ Колыванскаго озера. Обильное рыбой Тальменье озеро (4 вер. длины, 1 ширины), окруженное величественными горами, поросшими кедромъ и лиственницей, отражаетъ въ своихъ спокойныхъ водахъ снѣговыя вершины сосѣднихъ горъ (рис. 10).

Царь сибирскихъ озеръ — Байкалъ, „Святое море“, растянувшійся на 600 в. длины, въ видѣ серпа, при ширинѣ отъ 27 до 85 верстъ. Поверхность его 30.034 кв. версты, т.-е. по величинѣ оно равняется Адріатическому морю. Въ южной части глубина его доходитъ до 791 саж., въ сѣверной до 493; но есть глубина и въ 30 саж., такъ что дно Байкала представляетъ вообще громадную котловину съ неравномѣрными, значительными углубленіями. Байкалъ, глубочайшая котловина, получившаяся изъ складки земной коры, образовался въ древнѣйшій періодъ существованія земного шара. Въ очень отдаленное время впадина эта наполнилась моремъ, которое впослѣдствіи отступило къ сѣверу и болѣе никогда ужъ не подходило къ Байкалу. Опрѣсненіе воды въ Байкалѣ потребовало для себя чрезвычайно продолжительнаго времени. Лѣтомъ свѣтло-зеленыя воды Байкала прозрачны до того, что дно видно на 5—6 саженъ глубины, и онѣ тихо колышутся въ крутыхъ, высокихъ берегахъ, поросшихъ лѣсами. Каменистое дно, покрытое водорослями, кажется лѣ-

сами, покрытыми въ зеленоватыя волны таинственнаго озера. Весной и осенью внезапно налетающія бури превращаютъ Байкалъ въ неизмѣримый котелъ огромныхъ кипящихъ волнъ. Поэтому окрестные инородцы, да и русскіе крестьяне, прониклись къ Байкалу чувствомъ страха, какъ къ чему-то могучему, грозному, уничтожающему. Воображеніе тунгусовъ и

Рис. 10. Байкалъ у Лиственичнаго.

бурятъ населило злыми, страшными божествами особенно грозныя скалы. Одна скала возвышается отвѣснымъ столбомъ въ 30 саженъ надъ поверхностью озера; она похожа на огромную человѣческую голову съ сажепшымъ носомъ, съ впадинами, напоминающими глаза, и, вмѣсто рта, съ разсѣлиной, гдѣ гнѣздятся цѣлыя стаи морскихъ воронъ и баклановъ. Это — морской богъ, страшный Діанду, передъ которымъ тунгусы молятся и приносятъ умилостивительныя жертвы. На священномъ островѣ Ольхонѣ, какъ вѣрятъ буряты,

пребываетъ адское божество Бегдзи, повелѣвающее душами злыхъ и грѣшниковъ. „Непобѣдимому бѣлому богу“ приносятся жертвы на Шаманскомъ камнѣ у самыхъ истоковъ Ангары изъ Байкала (рис. 11). Холодныя воды Байкала (въ южной части теплѣе) нѣсколько согрѣваются только къ концу лѣта и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ значительно охлаждаютъ воздухъ окрестной страны, но зато зимой неспокойный, волнующійся Байкалъ долго дымится паромъ, не замерзаетъ, по нему носятся льдины, нагромождаются у береговъ цѣлыми непроходимыми горами, и тогда воды Байкала нѣсколько согрѣваютъ окружающій холодный воздухъ. Только въ концѣ декабря все озеро окончательно сковывается льдомъ въ полсажени толщиной. При сильномъ холодѣ, полномъ безвѣтріи и отсутствіи снѣга, что, какъ было сказано выше, составляетъ главныя свойства забайкальскаго климата зимой,—Байкалъ представляетъ безконечную, гладкую ледяную поверхность, въ которой отражаются, какъ въ зеркалѣ, вершины прибрежныхъ горъ, и надъ которой раскидывается постоянно чистое, синее, безоблачное небо. Зіяющія трещины (полыньи), которыя такъ устрашаютъ ѣдущихъ по Байкалу ранней зимой, окончательно затягиваются льдомъ.

На Байкалѣ бываютъ особенные, свойственные ему вѣтра: въ южной части съ мая до конца іюля дуетъ „баргузинъ“, съ августа — юго-западный вѣтеръ „култукъ“, самый сильный сѣверо-западный вѣтеръ „сорма“, поднимающій высокія, короткія волны, очень опасныя для судовъ, выбрасывающій на берегъ валуны величиной съ человѣческую голову.

Байкалъ окружаютъ горы, извѣстныя подъ именемъ Приморскихъ, или Байкальскихъ, на западной и Забайкальскихъ на восточной сторонѣ, и изъ послѣднихъ наиболѣе замѣчателенъ хребетъ Хамаръ-Дабанъ. Всѣ эти горы нигдѣ не переходятъ высоты 640 саженъ.

Съ востока въ Байкалъ впадаетъ Селенга (1.250 в.), прорвавшись черезъ горы изъ Монголіи, и притоки ея образуютъ рѣчную сѣть, орошающую Забайкалье. Съ востока же впадаетъ и Баргузинъ.

На Камчаткѣ большихъ озеръ немного: Кронацкое (50 в. въ длину, 40 въ ширину) и Курильское; оба происхожденія вулканическаго. Курильское озеро расположено среди грозныхъ, дикихъ горъ, вулкановъ и горячихъ ключей, въ мѣстности настолько устрашающей, что инородцы сочли ее жилищемъ своихъ грозныхъ божествъ; эти божества то обитали на вершинахъ неприступныхъ вулкановъ, то спускались внизъ для плаванія по озеру, то выражали свой гнѣвъ извержсніями огненной лавы, то совсѣмъ покидали Камчатку и поселялись среди открытаго моря. Инородцы

Рис. 11. Скала Хоботъ на Байкалѣ.

говорятъ, что громадная гора—островъ Аландъ, которая теперь уединенно стоитъ въ 50 в. отъ Камчатки, прежде находилась среди Курильскаго озера и подни-

малась выше сосѣдних горъ. Эти послѣднія часто сердились на Алаидъ и жаловались, что онъ мѣшаетъ имъ смотрѣть вдаль и отнимаетъ много свѣта. Тогда Алаидъ, раздраженный сварливостью своихъ сосѣдокъ, рѣшилъ уединиться на морской пучинѣ, но въ память по себѣ оставилъ на Курильскомъ озерѣ свое сердце—маленькій островокъ Учичи, въ видѣ сахарной головы поднимающійся изъ средины озера. Послѣднимъ изъ значительныхъ прѣсноводныхъ озеръ Сибири является оз. Ханка, недалеко отъ Владивостока, на юго-западной границѣ съ Китаемъ. Поверхность озера—3.330 кв. верстъ (60 въ ширину и 80 въ длину). Кромѣ прѣсноводныхъ, въ Сибири много соленыхъ и горько-солеиыхъ озеръ, особенно въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, въ степяхъ, когда-то покрытыхъ моремъ. Изъ нихъ особенно извѣстны: Коряковское, недалеко отъ Павлодара (Семипал. обл.), около 20 кв. верстъ поверхностью, Боровыя и Бурлинское въ Томской губ., очень богатыя солью. Неподвижное, розоваго цвѣта, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ вдали, Коряковское озеро лежитъ среди зеленовато-желтой степи, какъ бы въ бѣлоснѣжной рамѣ: берега его покрыты солью. Горько-соленыя цѣлебныя озера встрѣчаются въ Сибири въ значительномъ количествѣ. Напр., въ Барабинской степи, около Каинска, лежитъ солоповато-щелочное Устьянцево озеро, издали бѣлое, какъ молоко; вода его полезна при сыпяхъ, разстройствѣ пищеваренія и женскихъ болѣзняхъ. Акмолинская и Семипалатинская области вообще богаты горько-солеными озерами, какъ Тенгизъ, Чубаръ-Соръ и др. Соляныхъ и горько-солеиыхъ озеръ много и въ Минус. уѣз., Енис. губ., какъ Тагарское, Бейское, Шунетъ, Шира и др. Шира („Желтое“) не имѣетъ равнаго по содержанію сѣрно-кислаго натра. Съ прекраснымъ, чистымъ дномъ (8 в. въ длину, 5 въ ширину и въ 12 саж. глубины), расположеиное въ очень здоровой степной мѣстности, оно ежегодно

привлекаетъ къ себѣ не менѣе 1000 больныхъ, страждущихъ ревматизмами, параличами, накожными болѣзнями разнаго происхожденія. Шира имѣетъ необъяснимое свойство: время отъ времени, при полномъ безвѣтріи, вода его вдругъ начинаетъ волноваться безъ всякой видимой причины. Сосѣднее озеро Шунетъ — прекрасное лѣчебное мѣсто грязью отъ подобныхъ же болѣзней. На Шунетѣ нѣтъ никакихъ приспособленій для больныхъ, а на Шира помѣщенія очень неудобны, и жизнь, въ общемъ, стоитъ дорого. Въ Ачинскомъ уѣздѣ извѣстно также оз. Учумъ, горько-соленое, съ сильнымъ сѣрнистымъ запахомъ, по цѣлебной силѣ едва ли уступающее Шира. Сибирь также богата минеральными цѣлебными источниками. Въ Томской губ., въ Барнаульск. округѣ, течетъ маленькая рѣчка Соломовка (всего 300 саж. въ длину, 3—5 въ ширину), впадающая въ Кулундинское озеро. Эта маленькая рѣчка (t^0 27°R) похожа по своему дѣйствію на пятигорскіе сѣрные источники (отъ ревматизма, золотухи и многихъ накожныхъ болѣзней). На Алтайскомъ нагорьѣ, недалеко отъ Бѣлухи, въ малодоступной высокой мѣстности, находятся теплые Рахмановскіе ключи, выбивающіеся изъ трещинъ въ скалѣ или изъ щелей между камнями. Вода ихъ ($33^1/_2{}^0$R) пріятна на вкусъ и насыщена углекислотой. Жизнь и купанье на этихъ ключахъ обставлены очень большими неудобствами. Въ Семипалатинской области замѣчательны Джусалинскіе источники, вытекающіе изъ подошвы сопки Джусалы. При довольно высокой t^0 (11°—15° R) они насыщены желѣзомъ, сѣрой, щелочью и полезны отъ худосочія, разныхъ сыпей и ревматизма. Въ той же области находятся горячіе Карабулацкіе источники. Но особенно богато Забайкалье очень сильными минеральными источниками. Желѣзные, сѣрные, щелочные, известковые источники разбросаны по всему Забайкалью болѣе, чѣмъ въ 120 мѣстахъ. Въ дикой мѣстности,

вблизи неспокойнаго Байкала, среди скалъ, заросшихъ лѣсомъ, находятся Туркинскія минеральныя воды — 20 холодныхъ и горячихъ источниковъ. Самый большой источникъ даетъ въ минуту 70 вед. въ 44°R t°. Безцвѣтная, прозрачная вода этого источника съ запахомъ сѣроводорода, со слегка щиплющимъ слабо-соловато-горькимъ вкусомъ, очень полезна отъ ревматизма, глистовъ, параличей ревматическаго происхожденія. Ключи Баргузинскаго уѣзда пользуются заслуженной славой. Каргинскій ключъ такъ горячъ, что въ немъ сваривается мясо. Въ верховьяхъ р. Чикоя также находятся горячіе сѣрные ключи. Холодныя Ямаровскія воды (3°R), насыщенныя желѣзомъ и углекислотой, особенно полезны отъ малокровія и худосочія. Въ Нерчинскомъ уѣздѣ, который даже въ Забайкальѣ выдается своимъ богатствомъ минеральными источниками, находятся Дарасунскія воды, которыя по количеству углекислаго газа не уступаютъ кавказскому Нарзану. Зимой вода бываетъ необыкновенно крѣпка, шипитъ, искрится и играетъ въ стаканѣ, и ея нельзя выпить больше стакана сразу. Она улучшаетъ пищевареніе, успокаиваетъ нервы, полезна отъ хроническихъ язвъ и хроническаго ревматизма. По содержанію желѣза Дарасунскія воды выше Желѣзноводскихъ. По лѣчебной силѣ и Маккавѣевскія воды не уступаютъ Дарасунскимъ. Почти недоступные Урюмскіе ключи такъ богаты углекислымъ газомъ, что ихъ вода разрываетъ бутылки и вышибаетъ дно у боченковъ („лаговокъ“). Но нѣтъ возможности перечислить даже наиболѣе замѣчательные минеральные источники Забайкалья. Объ исцѣленіяхъ на нихъ разсказываютъ чудеса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство этихъ источниковъ обладаетъ удивительной цѣлебной силой. Къ сожалѣнію, только при 12 изъ нихъ находятся помѣщенія для больныхъ и сдѣланы нѣкоторыя приспособленія для купанья въ ваннахъ. Лучше всего обставлены Дара-

сунскія, Туркинскія, Ямкунскія, Ямаровскія, Колтомайконскія и Маккавѣевскія воды. Такое обиліе минеральныхъ горячихъ ключей въ Забайкальѣ объясняется еще не угасшимъ броженіемъ вулканическихъ силъ въ нѣдрахъ земли, почему здѣсь нерѣдки и землетрясенія. У дер. Ново-Михайловской, въ верхнемъ теченіи Амура, существуютъ Ашинскіе химически-индифферентные теплые источники. Въ вулканической поверхности отдаленной Камчатки, въ долинахъ рѣкъ или вблизи горныхъ уваловъ, также пробивается не мало минеральныхъ горячихъ ключей, впрочемъ, не отличающихся обиліемъ минеральныхъ солей. Температура нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ 83—100°C (Банный). Мѣстные жители пользуются нѣкоторыми ключами при лѣченіи простудныхъ болѣзней (Паратунскіе—25°, 45° и 80°C).

V.

Растительный міръ.

Растительный міръ Сибири такъ же разнообразенъ, какъ ея поверхность, какъ ея климатъ; онъ находится въ прямой зависимости отъ этихъ условій и въ тѣсной связи съ ними. Болѣе сѣверное или болѣе южное, болѣе низменное или болѣе возвышенное положеніе мѣстности, сосѣдство Ледовитаго или Тихаго океановъ, равнины Европ. Россіи, Урало-Каспійской низменности, Монголіи или Маньчжуріи, — все это отзывается на растительномъ покровѣ Сибири. Наиболѣе бѣдна и однообразна, конечно, растительность сѣверной Сибири по всему побережью Ледовитаго океана — полоса тундръ, захватывающая и весь сѣверо-восточный уголъ материка вдоль Берингова моря и прибрежныя части полуострова Камчатки. На самыхъ берегахъ океановъ растительность представлена только жалкими мхами и лишайниками: такъ пагубно холодное и влажное дыханіе этихъ океановъ даже и въ лѣтнее время! Не-

обозримое море грязновато-желтыхъ и бѣлесоватыхъ мховъ раскинулось на 200—300 в. къ югу отъ береговъ Ледовитаго океана, иногда лишенныхъ даже и такой жалкой растительности. Ближе къ океану преобладаетъ мохъ желтоватый, съ широкими лопастями, менѣе любимый оленями; мохъ бѣлесоватый, ягель, — любимая пища оленей, занимаетъ цѣлыя десятки тысячъ десятинъ. У береговъ океана даже мохъ прозябаетъ такъ жалко, что вездѣ проглядываетъ земля. Южнѣе на мшистомъ коврѣ начинаютъ попадаться морошка и черника; у береговъ рѣкъ, въ углубленіяхъ, появляются цвѣты, какъ лютики, незабудки, но очень блѣдные и жалкіе. Среди мшистаго моря иногда поднимаются холмики, какъ островки, на которыхъ среди камней показываются и кустарники. Между холмиками иногда на нѣсколько десятковъ верстъ идутъ „бадараны“, какъ они называются въ Якутской области, — жидкая грязь около аршина глубиной. Наконецъ, начинается и „край лѣсовъ“. Дальше всего проникаетъ на сѣверъ лиственница, а въ сѣверо-восточной части Сибири — тополь (Populus suaveolens) и кедровый сланецъ. Но эти лиственницы, березы, ивы и др. отличаются своимъ жалкимъ видомъ. Ива превращается въ приземистый кустарникъ и подъ покровомъ мховъ забирается далеко въ тундру по рѣчнымъ долинамъ. Гнилые, уродливо скрюченные корни едва могутъ уцѣпиться въ тонкомъ, оттаивающемъ лѣтомъ слоѣ почвы, а на сѣверѣ, гдѣ слой ледяной почвы очень близокъ отъ поверхности, корни крупныхъ деревьевъ ползутъ во всѣ стороны по землѣ, слабо прикрѣпляясь къ ней своими мочками, едва укрытыми мхами. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ слои вѣчно мерзлой земли утолщаются и тѣмъ болѣе приближаются къ поверхности. Около сѣвернаго полярнаго круга земля на глубинѣ $1^1/_2$ арш. остается вѣчно мерзлой. За полярнымъ кругомъ земля оттаиваетъ лѣтомъ всего на $^1/_2$ аршина, что, конечно, должно

неблагопріятно отражаться на растительности. Вообще нужно сказать, что слой вѣчной мерзлоты заходитъ въ Сибири далеко на югъ, конечно, неравномѣрно и все болѣе и болѣе удаляясь отъ поверхности земли; даже въ Забайкальѣ находятъ мерзлоту на глубинѣ $1^1/_2$ аршина, и вообще слѣдуетъ замѣтить, что граница мерзлоты совпадаетъ съ средней годовой температурой въ -2^0. Отъ смертоноснаго дѣйствія холодныхъ и сырыхъ вѣтровъ съ океана, короткости лѣта, обилія влаги ростъ деревьевъ идетъ медленно, они тонки, хрупки и крайне бѣдны листвой, и въ то время, когда весной отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, верхушки и верхнія вѣтви начинаютъ оттаивать, близкія къ землѣ части растеній все еще представляютъ собой ледяные столбы. Въ борьбѣ со смертоноснымъ вліяніемъ океана лѣсъ пользуется малѣйшей возможностью, чтобы продвинуться далѣе къ сѣверу, особенно теченіемъ рѣкъ, защищаясь ихъ береговыми извивами и возвышеніями, и такимъ образомъ длинными стрѣлками проникаетъ въ необозримое море моховыхъ тундръ. На р. Хатангѣ, подъ защитой далеко вдающагося въ океанъ Таймырскаго полуострова, лѣсъ достигаетъ $72^1/_2{}^0$ сѣверной широты, — самой сѣверной границы своей не только въ Сибири, но и на всемъ земномъ шарѣ. Но лѣсъ этотъ очень жалокъ. Преждевременно состарившійся, покрытый бородатыми лишайниками, съ жидкой, желтоватой зеленью на немногочисленныхъ живыхъ побѣгахъ, съ высохшими, часто обломанными верхушками, онъ тянется широкой, рѣдкой каймой вдоль всей сѣверной опушки лѣсовъ. Деревья хворыя, уродливыя, тонкія, отъ 2—3 саженъ высоты, покрыты множествомъ бородавокъ, сучковъ, вѣтвей, заглохшихъ побѣговъ, торчащихъ вдоль ствола точно шипы. Зелени на нихъ очень мало. Они почти совсѣмъ не даютъ ни тѣни, ни защиты; въ такомъ лѣсу всюду видишь надъ собой небо, а кругомъ прогалины. Но и участки

тундръ встрѣчаются далеко къ югу отъ береговъ океана. За исключеніемъ лишайниковъ и мховъ, растительность дальняго сѣвера проникла сюда съ юга, юго-запада и юго-востока, главнымъ образомъ благодаря рѣкамъ, приносящимъ на сѣверъ сѣмена южныхъ растеній; человѣкъ также распространяетъ растенія, преимущественно хлѣбные злаки, которые все болѣе и болѣе подвигаются на сѣверъ, что особенно замѣтно въ Якутской области (рис. 12). За чистой тундрой и тѣмъ пространствомъ, гдѣ она борется съ лѣсомъ, начинается огромная полоса дремучихъ лѣсовъ, доходящихъ почти до самыхъ южныхъ границъ Сибири,—знаменитая сибирская тайга, которая, конечно, не представляется однообразной повсюду, въ зависимости отъ болѣе суровыхъ или болѣе мягкихъ климатическихъ условій, отъ горнстаго или равниннаго характера мѣстности. „Урманы“ сѣвера Тобольской губ. представляютъ дремучіе лѣса на безкопечной равнинѣ, въ которыхъ разбросаны озера, болота, пески и прогалины, гдѣ встрѣчаются и лиственный лѣсъ, и кустарники. За поясомъ тундръ сѣвера Енисейской губ. и Якутской области простирается настоящая суровая тайга: густой, дремучій лѣсъ, — по преимуществу пихта, а на самомъ сѣверѣ одна лиственница, — растетъ въ горнстой мѣстности, гдѣ съ большимъ трудомъ можно пробраться черезъ переплетающіеся вѣтви и корни деревьевъ; почва дрожитъ и трясется подъ ногами. Болота и торфяники чередуются съ падями, узкими оврагами безъ слѣда травы на днѣ. Въ этой тайгѣ нѣтъ травяной растительности, и на толстомъ коврѣ изъ засохшей хвои лежатъ только гніющія деревья. Нѣтъ травы, нѣтъ насѣкомыхъ и потому птицъ, такъ что среди безмолвія тайги только одинъ вѣтеръ качаетъ вершины деревьевъ. И въ южныхъ предѣлахъ тайги общій видъ ея суровъ и непривѣтливъ. Сѣдыя пряди бородатаго лишая часто окутываютъ старыя пихты. Не видно и

Рис. 12. Тайга.

не слышно птицъ, кромѣ кедровки съ ея пронзительнымъ крикомъ. Передвиженіе по тайгѣ чрезвычайно затруднено вслѣдствіе „заломовъ“—падающихъ и уже упавшихъ деревьевъ, отъ старости достигшихъ предѣла своего существованія. Упавшія деревья, словно пороги, перегораживаютъ таежныя рѣчки. Эти „заломы“ особенно непроходимы тамъ, гдѣ почва болотиста. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ пріютилась рябина, а на торфяныхъ болотахъ возвышаются кедры (тогда тамъ уже нѣтъ кочекъ) и бѣлѣютъ березы. Толстый моховый покровъ при ходьбѣ напоминаетъ трясину. Тайга южныхъ округовъ Енисейской губ. лѣтомъ гораздо разнообразнѣе, привѣтливѣе и богаче растеніями. Въ этомъ же родѣ алтайская „черпь“, а приамурская тайга чѣмъ южнѣе, тѣмъ красивѣе и разнообразнѣе. Кромѣ пихты и лиственницы, въ тайгѣ распространены сосна и ель, а изъ лиственныхъ деревьевъ—тополь, осина и береза. Сибирская тайга состоитъ преимущественно изъ хвойныхъ деревьевъ, но между ея растительными формаціями существуютъ переходы: преобладающая на сѣверѣ, пихта разбавляются елью съ примѣсью лиственныхъ деревьевъ; кедръ, господствующій въ торфяно-болотныхъ мѣстностяхъ, мало по малу перемѣшивается съ соснами. Таежные пожары, охватывающіе иногда цѣлыя сотни квадратныхъ верстъ, способствуютъ замѣнѣ хвойныхъ деревьевъ лиственными: на выжженныхъ мѣстахъ появляются „бѣльники“—береза и осина съ примѣсью хвойныхъ или иногда безъ всякой примѣси. Повидимому, крайняя сырость, приносимая вѣтрами съ Берингова моря, еще вреднѣе дѣйствуетъ на растительность, чѣмъ даже дыханіе Ледовитаго океана: граница лѣсовъ отступаетъ здѣсь гораздо далѣе въ глубь материка. Вѣтра и густые холодные туманы Охотскаго моря очень вредно дѣйствуютъ на растительность, которая особенно бѣдна на сѣверныхъ берегахъ Охотскаго моря и на западныхъ берегахъ Камчатки; тамъ почти

исчезаютъ даже хвойныя растенія. На южныхъ берегахъ Охотскаго моря и восточныхъ Камчатки хвойныя становятся опять очень замѣтны. Кедровый стланецъ взбирается даже на горные хребты. У заливовъ Камчатки, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ, въ рѣчныхъ долинахъ, растительность гораздо богаче, особенно въ долинѣ р. Камчатки: прекрасныя лиственницы, ольхи, тополи, кустарники, высокія и густыя луговыя травы, пестрящіяся яркими цвѣтами.

Но возвратимся къ западной границѣ Сибири, къ Уралу. На первое время растительный покровъ западносибирской равнины мало измѣняется сравнительно съ сосѣдними мѣстностями Европ. Россіи. Суровость и сухость зимъ уже кладутъ преграду дубу, орѣшнику, вязу, клену, ясени и яблонѣ. Эти широколиственныя растенія исчезаютъ вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія климата въ связи съ колебаніями t^0, что вліяетъ вредно на самый стволъ этихъ деревьевъ. Зато является сибирскій кедръ, едва переступающій Уралъ, сибирская пихта, два вида лиственницъ (даурская лишь на сѣверѣ, у Березова). Южнѣе, въ Барабѣ, господствуетъ береза съ небольшой примѣсью осины. Вообще нужно замѣтить, что тамъ, гдѣ исчезаютъ хвойныя деревья, ихъ замѣняетъ береза. Новыхъ видовъ не прибавляется. Вслѣдствіе борьбы съ суровымъ климатомъ и приспособленія къ нему, сама сибирская сосна нѣсколько отличается отъ россійской: ея стержневый корень и вообще вся система корней болѣе слабо развита въ глубь почвы и подпочвы, шатры ея хвои, не высоко располагающіеся на стволахъ, имѣютъ болѣе остроконечную форму. Для лучшей защиты отъ страшныхъ холодовъ сибирская сосна имѣетъ болѣе толстыя и неравномѣрно развитыя во всѣ стороны части слоя отъ древесины, которая отложена спиралеобразно. Въ общемъ сосны въ сибирскихъ лѣсахъ не такъ много, какъ другихъ деревьевъ. Луговыя травы измѣняются

еще менѣе, хотя травы вообще представляются болѣе сочными и свѣжими, а цвѣты болѣе яркими: такъ, купальница изъ блѣдно-желтой и мелкой превращается въ болѣе крупную и ярко-оранжевую и называется потому „огонькомъ“. Этотъ характеръ растительности остается безъ измѣненія до самаго Енисея, за исключеніемъ Алтайскаго нагорья и Киргизско-степной окраины. Алтайское нагорье съ юга обвѣваютъ сухіе и теплые азіатскіе вѣтра, а съ сѣвера—вѣтра сѣверные и сѣверо-западные, сравнительно холодные и влажные, отчего и происходитъ не только разница въ общемъ видѣ растительности на сѣверѣ нагорья (виды полярные, болѣе свойственные сѣверу) и на югѣ (степные), но и то, что тамъ существуютъ виды чисто мѣстные, свойственные только Алтаю. До 9% всѣхъ алтайскихъ растеній принадлежитъ къ чисто мѣстнымъ (эндемическимъ) и преимущественно заселяютъ Чуйскую степь и прилежащія мѣстности. Въ суровой Чуйской степи, со снѣжными буранами въ іюлѣ, возникаетъ новая флора для заселенія пустынь — одно изъ доказательствъ могучихъ творческихъ силъ природы. Сѣверную часть Алтая занимаетъ „чернь“ — густые лѣса изъ пихты, ели и кедра, съ примѣсью осины, а гдѣ посвѣтлѣе,—и березы; темные кедры и густыя заросли елей и пихтъ даже въ яркій солнечный день создаютъ сумерки въ этихъ обширныхъ лѣсахъ. Свалившіеся отъ времени или отъ бурь лѣсные великаны гніютъ въ нихъ на влажномъ коврѣ изъ хвои, черезъ который едва могутъ пробраться былинки травъ. Глубже въ горахъ сосна смѣняется лиственницей, которая поднимается до предѣловъ лѣсной растительности. Свѣтлые лѣса лиственницъ особенно хороши весной, когда воздухъ напоенъ фіалковымъ ароматомъ синихъ присовъ, которые прячутся въ травѣ, а поляны усѣяны золотисто-желтымъ адонисомъ, крупными розовыми цвѣтами піона („марьинъ корень“) и ярко-оранжевыми

огоньками. Высоко на горы взбирается гордый кедръ; онъ особенно любитъ берега свѣтлыхъ алтайскихъ рѣчекъ, надъ которыми склоняется, окруженный, подобно облакамъ, кудрявой зелепью своихъ длинныхъ иголъ. Онъ избѣгаетъ сосѣдства низшихъ породъ, растетъ сплошными, чистыми кедровниками и послѣднимъ изъ деревьевъ поднимается къ альпійскимъ лугамъ. Презирая стужу и вѣтра суровой зимы, онъ поднимается до крайняго предѣла лѣсной растительности: его корни, какъ толстые канаты, оплетаютъ каменныя глыбы, пока не исчезнутъ въ какой-нибудь трещинѣ; съ южной и западной стороны вѣтви его обыкновенно сохнутъ и обваливаются, а онъ, простирая къ сѣверу уцѣлѣвшія вѣтви, цѣлыми столѣтіями сторожитъ недоступныя вершины и борется съ бурями и морозами жестокой зимы. Еще выше, почти до снѣговъ, раскинулся коверъ луговъ, поражающій яркой зеленью и разнообразной окраской цвѣтовъ. Коверъ стелется все выше и выше къ скаламъ и снѣгамъ, но постепенно блѣднѣетъ, рѣдѣетъ, становится тоньше: многія растенія начинаютъ отставать, страшась холода горныхъ высотъ. Но горечавки, незабудки, фіалки, ростомъ уже въ вершокъ, карабкаются все выше и выше, пользуясь каждой трещиной, гдѣ только можно уцѣпиться корнями. Даже посреди снѣжнаго поля, гдѣ только позволяетъ почва, можетъ свободно раскинуться яркій коврикъ такихъ карликовъ, а алтайскій лютикъ смѣло пробиваетъ тонкую корку снѣга и высовываетъ свою головку съ чернымъ пушкомъ. Алтайскіе горные цвѣты выработали себѣ средства борьбы съ суровыми холодами мѣстности: они очень малаго роста, покрыты пушкомъ, свертываютъ лепестки на ночь. Лиственныхъ породъ на Алтаѣ вообще мало и онѣ однообразны: береза, осина, ива по берегамъ рѣкъ и липа въ одномъ мѣстѣ (въ Кузнецкомъ уѣздѣ). Изъ кустарниковъ, особенно свойственныхъ Алтаю, нужно

упомянуть о караганѣ (видъ акаціи), кизилѣ, рододендронѣ (маральникъ) высотой иногда въ нѣсколько аршинъ, покрытомъ красивыми розово-фіолетовыми цвѣтами, и др.; изъ травянистыхъ луговыхъ растеній—о мѣстныхъ фіалкахъ, алтайскихъ породахъ льна, первоцвѣтахъ и др.

Изъ мѣстныхъ дикихъ растеній, по приносимой ими пользѣ человѣку, нужно упомянуть о черемшѣ, или колбѣ (изъ породы лука, Allium ursinum), кандыкѣ (мучнистый питательный корень, Erythronium Dens canis L.), саранкѣ (питательные клубни изъ породы лилейныхъ, Lilium marthagon, L.), кырлыкѣ (родъ дикой гречи, Polygonum viviparum, L.), баданѣ (камнеломка большелистная, горное растеніе, употребляемое вмѣсто чая), Saxifraga crassifolia, L. и др. Растительность Саянскихъ горъ представляетъ значительное сходство съ алтайской: также преобладаютъ пихты и ели, съ горныхъ скатовъ сбѣгаютъ лиственницы, въ свѣтлые горные ручьи смотрятся кедры съ кудрявыми вершинами; во влажныхъ долинахъ, гдѣ пробиваются ручейки, образуя болота, тѣснятся густыя заросли черемухи, бѣлой и красной смородины; травы также достигаютъ громадныхъ размѣровъ: яркіе голубые колокольчики дельфиній поднимаются даже выше бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ „пучекъ“; въ этихъ травахъ медвѣдь совсѣмъ не замѣтенъ, а у алтайскаго оленя, марала, видны одни только рога. Растительность Киргизско-степной окраины очень отличается отъ богатой и сильной растительности Алтая и Саянъ. Какъ тундра на дальнемъ сѣверѣ скудна растеніями вслѣдствіе крайняго холода и излишней сырости, такъ скудны и степи на югѣ, но уже отъ крайняго лѣтняго жара и страшной сухости. Тундра и степь представляютъ въ этомъ сходство. Кое-гдѣ встрѣчается береза, осина, ольха; раньше въ степныхъ мѣстностяхъ встрѣчались и сосны, но теперь онѣ исчезли совершенно или замѣнились

березой, которая вообще выступаетъ на мѣсто хвойныхъ деревьевъ послѣ ихъ истребленія какимъ бы то ни было образомъ. Хвойные лѣса въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются теперь только въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области. Изъ травъ Киргизско-степной окраины только около половины одинаковы со степными травами Европейской Россіи, а остальныя свойственны или данной мѣстности, или вообще Аралo-Каспійской низменности, какъ (разные виды астрагаловъ, молочаевъ, ирисовъ. Краткій растительный періодъ, большія и рѣзкія колебанія t° и нерасчлененность рельефа обусловливаютъ бѣдность растительныхъ видовъ Киргизско-степной окраины. Жизнеспособнѣе виды ковыля и овсяницы, скабіоза, карликовая акація, низкій кустарникъ спирея покрываютъ огромныя пространства озерной и большую часть плоской, всхолмленной сѣверной половины Киргизско-степной окраины. Граница ковыльной степи идетъ нѣсколько ниже Петропавловска и направляется почти прямо на востокъ къ оз. Чапамъ. Здѣсь же прекращаются и болѣе сплошные березовые лѣса. Лебеда, солеросы и полынь занимаютъ мѣстности съ чисто-солончаковой почвой. На сѣверѣ Киргизская степь передала много своихъ растительныхъ видовъ лѣсамъ, въ которыхъ все болѣе и болѣе исчезаетъ береза, замѣняющая сосну, что особенно замѣтно въ ковыльныхъ степяхъ, какъ около Атбасара и Акмолинска. Нужно замѣтить, что подъ вліяніемъ человѣка (именно посредствомъ „паловъ“, выжиганія степи весной) въ сѣверныхъ частяхъ степи травянистыя формы лѣсныхъ и степныхъ луговъ распространяются въ мѣстностяхъ, бывшихъ раньше чисто лѣсными. Къ востоку отъ Енисея лѣса сохраняютъ въ общемъ тотъ же характеръ, становясь только суровѣе и недоступнѣе; вмѣсто сибирской лиственницы появляется даурская; на горахъ и плоскогоріяхъ господствуетъ кедровый сланецъ, а еще далѣе на востокъ,

отъ Охотска къ югу до самого Амура, появляется саянская пихта. Растительность Забайкалья дѣлится на два вида вслѣдствіе того, что Яблоновый хребетъ представляетъ собою климатическую и растительную границу: къ сѣверо-западу отъ него, между нимъ и Байкаломъ, господствуетъ горная растительность восточной окраины Алтайско-Саянской области, а на юго-востокѣ — растительность крайняго востока умѣренной полосы азіатскаго материка: вмѣсто однообразныхъ хвойныхъ породъ появляются разнообразныя лиственныя: ильмъ, черемуха, даурская береза, дикая яблоня, тараношка (родъ дикой смородины). Изъ Монголіи въ Забайкалье перешли разные кустарники: даурская крушина, барбарисъ и др. Въ общемъ растительность Забайкалья очень богата и разнообразна (есть даже ревень). Даурская альпійская роза (багульникъ) произрастаетъ во множествѣ подъ сѣнью сосенъ. Растительность Амурской области еще болѣе разнообразна и богата, особенно съ приближеніемъ къ Тихому океану. Въ гористыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, по склонамъ Яблоноваго хребта, преобладаютъ хвойныя деревья: даурская лиственница, ель, сосна, сибирская пихта и кедровый сланецъ на вершинахъ горъ. Южнѣе и ниже, между устьемъ Буреи и Буреинскимъ хребтомъ, идутъ лиственные лѣса, надъ которыми раскидываютъ свои темно-зеленыя верхушки огромные кедры. Даурская крушина перевивается ліанами, красные плоды которыхъ созрѣваютъ въ сентябрѣ, низкорослый клент обвитъ дикимъ виноградомъ. Вьющіяся растенія образуютъ красивыя, но непроходимыя стѣны. Береза и ясень въ горахъ становятся высокими и стройными деревьями. Грецкій орѣшникъ и пробковое дерево являются украшеніемъ амурскихъ лѣсовъ. Между травами не менѣе 110 видовъ свойственны только Амурскому краю; съ сосѣднимъ Забайкальемъ Амурскій край имѣетъ 527 общихъ растеній. Луговыя травы,

особенно въ долинѣ Амура между Зеей и Буреинскимъ хребтомъ, поражаютъ свѣжестью, огромными листьями, обиліемъ яркихъ цвѣтовъ, но плохи какъ кормъ для скота—водянисты и малопитательны. Приномнивъ то, что мы говорили выше о климатѣ Амурской области, мы должны сказать, что эта видимая роскошь растительности не приноситъ человѣку особенной пользы: вслѣдствіе большихъ зимнихъ холодовъ и крайней сырости лѣтомъ, виноградъ, орѣшникъ и пр. не могутъ стать даже сносными плодовыми растеніями, а крайняя влажность вредно отражается на очень многихъ мѣстныхъ деревьяхъ, даже какъ матеріалѣ для подѣлокъ, и на травахъ, какъ кормѣ для скота. Подобно тому, какъ нѣкоторыя лѣсныя породы распространяются къ сѣверу съ Алтайско-Саянской области, такъ изъ Амурской перешли на сѣверъ нѣкоторыя мѣстныя деревья, какъ, напр., саянская пихта. Обиліемъ и силой отличается растительность Приморско-Уссурійской округи. Лѣсныя дебри, травяныя и кустарныя заросли мѣстами достигаютъ поразительной силы и густоты и заключаютъ въ себѣ породы, свойственныя Амуру, сѣверо-восточной Азіи, Камчаткѣ, Сѣверной Америкѣ, теплымъ частямъ Японіи и Китая. Сѣверные виды встрѣчаются здѣсь съ южными: раскидистая ель обвивается виноградомъ, сосна и кедръ сплетаютъ свои вѣтви съ перистыми листьями пробковаго дерева, береза и липа мирно стоятъ съ кипарисомъ, монгольская аралія таится подъ сѣнью широковѣтвистаго клена. Растительность Уссурійскаго края сходна съ амурской, лишь становится больше русско-европейскихъ видовъ, и это показываетъ на меньшую суровость уссурійскаго климата сравнительно съ амурскимъ. Изъ иныхъ деревьевъ появляется лишь одна порода граба и два кустарника, вышедшіе изъ сѣвернаго Китая—дикій виноградъ и обыкновенный россійскій барбарисъ. Многія породы

одинаковы съ Амурскимъ краемъ, сѣвернымъ Китаемъ и Японіей. Изъ мѣстныхъ растеній края нужно указать на жень-шень, котораго корень, янтарнаго цвѣта, богатый крахмаломъ, очень цѣнится въ Китаѣ за свои будто бы всеисцѣляющія свойства. Изъ плодовыхъ деревьевъ края нужно упомянуть о грушѣ, яблонѣ, абрикосѣ, вишнѣ, черешнѣ, кишмишѣ, виноградѣ и грецкомъ орѣхѣ. Ниже мы будемъ подробно говорить о качествахъ ихъ плодовъ, а теперь только замѣтимъ, что качества эти очень не высоки. Тайга, покрывающая юго-восточные склоны Сихота-Алиня, обманчива: мощныя на видъ деревья при первомъ сильномъ вѣтрѣ падаютъ, какъ подкошенныя: на самомъ дѣлѣ они дряблы и рыхлы. Очень частые и продолжительные туманы у прибрежьевъ производятъ усиленное развитіе плѣсени въ растительномъ царствѣ. Весной и лѣтомъ, когда особенно обильно накопляется растительный сокъ, дерево требуетъ солнца и свѣта, а между тѣмъ въ это самое время туманъ окутываетъ лѣса непроницаемымъ покровомъ, испаренія черезъ листву задерживаются, въ стволѣ остается излишекъ влаги, и дерево начинаетъ гнить на корню. Эта корявая, гнилая, дуплистая тайга совсѣмъ не похожа на первобытную, могучую тайгу къ западу отъ Сихота-Алиня. Здѣсь подъ сплошными вѣтвями деревьевъ царятъ полумракъ и тишина. Лучи солнца золотятъ лишь вершины деревьевъ, отражаются, искрятся, играютъ въ изумительно-чистыхъ и свѣжихъ росинкахъ, покрывающихъ листву, но въ глубину непроходимой таежной чащи не проникаютъ они. Лишенная свѣта и солнца, тепла и росы, таежная почва кажется безплодной, пустынной. Покрытая опавшей листвой, она представляетъ собой обширный коверъ грязно-желтаго цвѣта. Ни травки ни зелени. Мѣстами деревья, переплетенныя другъ съ другомъ, перевитыя лianами, кустарниками, лозами дикаго винограда, представляютъ

собой такой непроницаемый покровъ, что и въ яркій день тамъ почти совершенно темно. Но вотъ среди вѣтвей и стволовъ показывается просвѣтъ, лучъ солнца скользнулъ въ него и освѣтилъ трепещущей волной полусумрачный сводъ тайги. Вотъ показывается зеленая лужайка, ярко освѣщенная лучами горячаго солнца. Сплошной стѣной обступили ее исполинскіе кедры, перевитые лозами дикаго винограда, багряные листья котораго, словно яркія пятна, выдѣляются на сплошныхъ зеленыхъ стѣнахъ. Овраги, лѣсные ручьи, извилистой змѣйкой вьющіеся по ярко-пестрымъ коврамъ цвѣтовъ на полянахъ, часто пересѣкаютъ дорогу. Эта уссурійская тайга далеко не похожа на тайгу сѣверной Сибири. Только въ очень глухихъ, отдаленныхъ мѣстностяхъ сибирская тайга продолжаетъ сохранять свой первобытный видъ: вообще она уже значительно истреблена порубками и особенно лѣсными пожарами по теченіямъ рѣкъ и по линіи желѣзной дороги. Лѣсные пожары въ 1900 и 1901 годахъ были страшно опустошительны въ Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской губ., Забайкальской области и въ Приамурьѣ. Кромѣ того, сибирскую тайгу начала опустошать гусеница бабочки-шелкопряда: деревья безъ хвои и листьевъ, кажущіяся черными, занимаютъ уже цѣлыя тысячи десятинъ въ тайгѣ.

VI.

Животный міръ.

Животное царство столь обширной страны, какъ Сибирь, конечно, очень разнообразно въ различныхъ ея частяхъ, въ зависимости отъ климата, устройства поверхности и растительнаго покрова, въ которомъ многія животныя Сибири находятъ себѣ и жилище и пищу. Крайній сѣверъ Сибири, полоса тундры, очень бѣденъ наземными представителями животнаго міра,

что прямо зависитъ отъ крайней суровости климата и недостатка пищи, особенно растительной. Царь полярныхъ странъ, бѣлый медвѣдь, собственно обитатель острововъ Ледовитаго океана, по плавающимъ льдамъ нерѣдко пробирается на материкъ Сибири, но не отходитъ далеко отъ береговъ. Исключительными обитателями тундры нужно считать песца и лемминга, полосатаго и обскаго (изъ породы грызуновъ), зайца и сѣвернаго оленя. Выше было сказано, что какъ полосы тундры спускаются далеко на югъ, такъ и полосы лѣса поднимаются высоко къ сѣверу; поэтому заяцъ обитаетъ и въ лѣсной полосѣ, а сѣверный олень встрѣчается и въ южной Сибири, на Алтаѣ, въ Саянахъ, даже въ Амурской области до устья Уссури. Проникновеніе сѣвернаго оленя такъ далеко на югъ произошло отъ того, что онъ разселился изъ своего первоначальнаго мѣстожительства подъ вліяніемъ наступившаго тамъ ледниковаго періода. Густая, пушистая шерсть и обильное отложеніе жира, что такъ часто замѣчается у полярныхъ животныхъ, служатъ средствами, которыя природа дала имъ для сопротивленія страшнымъ зимнимъ холодамъ. Гады и пресмыкающіяся въ тундрѣ встрѣчаются рѣдко (гадюки и лягушки), бабочекъ чрезвычайно мало. Видовъ птицъ въ тундрѣ очень мало, но зато большинство ихъ замѣчательно велико по количеству птицъ одного вида. Изъ нихъ можно отмѣтить полярнаго кречета, бѣлую сову, ржанокъ, бѣлую куропатку и множество гусей и утокъ, лѣтомъ прилетающихъ съ юга и въ громадномъ количествѣ покрывающихъ устья большихъ рѣкъ во время разлива и берега озеръ. Замѣчательно, что многія животныя и птицы тундры имѣютъ бѣлый цвѣтъ.

Полоса тайги, занимающая столь огромное пространство, чрезвычайно бѣдна животнымъ населеніемъ, и это станетъ вполнѣ объяснимымъ, если вспомнить, что травянистой растительности въ тайгѣ нѣтъ и что она

состоитъ, особенно въ сѣверныхъ частяхъ, почти исключительно изъ хвойныхъ деревьевъ; изъ этого ясно, что очень многія животныя не могли бы найти для себя въ тайгѣ подходящей пищи. Животное населеніе тайги обыкновенно скучивается въ немногихъ, болѣе открытыхъ участкахъ, между тѣмъ какъ остальная ея часть поразительно безжизненна. Если бы охотникъ съ ружьемъ въ рукахъ прошелъ всю лѣсную полосу Сибири, напр., подъ 60° сѣв. широты, по ея срединѣ, то иногда по цѣлымъ днямъ не встрѣтилъ бы никакой добычи. Только въ Якутской области животный міръ становится многочисленнѣе по количеству и выше по качеству, что зависитъ отъ присутствія гольцовъ и кряжей, свободныхъ отъ обыкновенной тайги. Въ этихъ мѣстностяхъ соболи и бѣлки отличаются своимъ темнымъ цвѣтомъ и пушистостью: тамъ бѣлки питаются исключительно кедровыми орѣхами, а соболи — самими бѣлками. Въ лѣсной полосѣ сѣверной Сибири весной и лѣтомъ животная жизнь скопляется на рѣкахъ и озерахъ, на луговинахъ, болотахъ и закраинахъ лѣсовъ, осенью на лѣсныхъ опушкахъ, гдѣ растительность богаче, и на откосахъ горъ, покрытыхъ спѣлыми ягодами. Зимой все пустѣетъ, все улетаетъ, всячески старается защититься отъ страшнаго холода: зайцы зарываются въ снѣгъ, глухари, тетерева и рябчики, наѣвшись досыта березовыхъ и ивовыхъ почекъ, съ размаха бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ; только нарядная сойка-кукша безшумно перелетаетъ съ одного дерева на другое въ поискахъ за сѣменами и застывшей смолой лиственницы. Изъ крупныхъ животныхъ тайги нужно отмѣтить бураго медвѣдя, дикаго оленя, впрочемъ, почти исчезнувшаго. Волковъ въ тайгѣ нѣтъ: они не любятъ глубокихъ лѣсныхъ снѣговъ. О соболяхъ, бѣлкахъ и др. промысловыхъ животныхъ, живущихъ въ сибирскихъ тайгахъ, мы подробно будемъ говорить ниже. Змѣи и вообще пре-

смыкающихся въ тайгѣ, особенно въ сѣверной полосѣ, почти не встрѣчается; лишь въ южныхъ частяхъ тайги чаще встрѣчаются гадюка, ужъ и немногіе виды ящерицъ. Лѣтомъ, въ іюнѣ, даже въ маѣ, полоса тундръ и тайги страдаетъ отъ „гнуса“ — комаровъ, мошекъ, оводовъ и слѣпней. Мошка можетъ задушить быка, набившись ему въ ротъ, носъ и легкія. Слѣпни доводятъ скотъ до изступленія, и онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы спастись отъ укушенія „гнуса“: залѣзаетъ въ воду, тѣснится къ дымокурамъ, къ жилью. Мошка исчезаетъ только съ первымъ снѣгомъ. „Гнусъ“, вообще, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, встрѣчается всюду въ Сибири, особенно въ низменныхъ лѣсныхъ и луговыхъ пространствахъ. Въ Приамурьѣ онъ составляетъ истинно бичъ Божій. Вредныя для хлѣбныхъ растеній насѣкомыя, какъ кобылка, также водятся въ южныхъ частяхъ описываемой полосы, гдѣ тайга уже смѣняется лѣсами, имѣющими видъ острововъ среди луговыхъ пространствъ. Изъ животныхъ, пригодныхъ въ хозяйствѣ, нужно отмѣтить лошадей и коровъ, которыя, какъ и хлѣбныя растенія, проникаютъ все дальше и дальше на сѣверъ, а на крайнемъ сѣверѣ домашній олень и ѣздовая собака приносятъ большую пользу человѣку. Вмѣстѣ съ человѣкомъ, уже безъ всякихъ стараній и усилій съ его стороны, распространились повсюду такія животныя, какъ крыса, мышь, такія птицы, какъ воробей, и такія насѣкомыя, какъ тараканъ.

Животный міръ собственно Киргизско-степной окраины мало отличается въ общемъ отъ животнаго населенія степей и пустынь Арало-Каспійской низменности: встрѣчается одинъ видъ сайги (Colus tataricus), куланы (видъ осла), корсаки, сурки. Въ степяхъ гнѣздится множество птицъ, прилетающихъ сюда на зимовку съ дальняго сѣвера. Изъ хищныхъ много волковъ и лисицъ въ Акмолинской и Семипалатинской

областяхъ; есть и медвѣди въ нѣкоторыхъ гористыхъ поросшихъ лѣсомъ мѣстностяхъ. Какъ вообще животный міръ западно-сибирской равнины имѣетъ много общаго съ животнымъ царствомъ Евр. Россіи, такъ то же самое замѣчается въ общемъ и на Алтайскомъ нагорьѣ, гдѣ, впрочемъ, являются нѣкоторые виды, свойственные горамъ. Кромѣ медвѣдей, сѣрыхъ и красныхъ волковъ, лисицъ, соболей, горностаевъ, особенно свойственны этой мѣстности сурки и сѣноставки (изъ породы грызуновъ). Послѣднія получили свое названіе отъ ихъ привычки запасать на зиму правильныя кучки сѣна, преимущественно изъ кипрея. Изъ копытныхъ животныхъ Алтая нужно упомянуть о маралахъ, косуляхъ, каменныхъ козлахъ, архарахъ и кабаргахъ. Каменный козелъ похожъ на нашего козла, но крупнѣе и гораздо красивѣе его, свѣтло-сѣраго цвѣта, съ громадными рогами (у самцовъ) до $1^1/_2$ арш. длиной. Съ изумительной ловкостью перепрыгивая съ одного горнаго уступа на другой, не обращая вниманія на раскрывающіяся подъ ногами пропасти, они пасутся на небольшихъ, почти недоступныхъ площадкахъ, покрытыхъ низкорослой травой. Подробности о маралахъ и др. промысловыхъ животныхъ Алтайскаго нагорья будутъ сообщены ниже. Птицы Алтая вообще тѣ же, что и въ западной Сибири. Изъ горныхъ птицъ нужно замѣтить осторожную, быструю горную индѣйку, или улара, живущаго въ недоступныхъ скалахъ, нерѣдко въ области ледниковъ и вѣчнаго снѣга, каменную ворону и желтаго пѣтушка, или удода. Изъ голенастыхъ бросаются въ глаза двѣ породы журавлей: большой, сѣрый и малый, красавка, съ чернымъ ожерелкомъ и бахромой на груди. Изъ пресмыкающихся довольно часто встрѣчаются гадюка и видъ гремучки, такъ называемая щитомордникъ (Ancistrodon halys и An. intermedius). Насѣкомыми Алтай отличается отъ западно-сибирской равнины, гдѣ вообще встрѣчаются

тѣ же ихъ виды, что и въ Евр. Россіи,—здѣсь міръ насѣкомыхъ богаче и разнообразнѣе; особенно интересны породы не летающихъ жужелицъ. Животное населеніе Саянскихъ горъ въ общемъ сходно съ Алтайскимъ. Животное царство Иркутской губ. и южныхъ частей Енисейской состоитъ изъ животныхъ таежныхъ и свойственныхъ Саянамъ. Только къ востоку отъ Енисея начинаютъ встрѣчаться: сибирская ласточка, сибирская черная ворона, а для Саянъ типичны: горный сибирскій тетеревъ, сибирскій снѣгирь. Животный міръ Забайкалья, въ зависимости отъ климата, растительнаго покрова и сосѣдства Монголіи и Маньчжуріи, значительно отличается отъ животнаго населенія сѣверной Сибири и представляетъ смѣсь видовъ сѣверныхъ съ южными: тамъ есть и горныя животныя Алтая и Саянъ (кабарга, сѣноставка и др.), и степныя монгольскія (корсакъ, байбакъ и др.), и маньчжурскія, какъ амурская енотовая собака, небольшой, никогда не измѣняющій своей окраски маньчжурскій заяцъ, типичный вообще для юго-восточной части Сибири. Кромѣ того, конечно, въ Забайкальѣ имѣются животныя, свойственныя лѣсной полосѣ Сибири. Появляются рѣчные раки; змѣй гораздо больше, чѣмъ въ сѣверной Сибири и на западно-сибирской равнинѣ, и попадаются очень ядовитыя. Такую же смѣсь представляютъ и птицы: кромѣ таежныхъ, какъ рябчикъ, глухарь и др., есть и степныя: черный журавль, голубыя сороки и др. Въ Амурской области обитаютъ тѣ же животныя и птицы, что и въ Забайкальѣ; появляются только нѣкоторые виды насѣкомыхъ, а изъ животныхъ, напр., горный волкъ и др. Сѣверный олень не распространяется южнѣе Амурской области; почти то же можно сказать и о соболѣ. Чѣмъ далѣе на востокъ, къ Японскому морю, въ предѣлахъ Уссурійско-Приморской окраины, тѣмъ болѣе къ прежнимъ видамъ животныхъ прибавляются новые, сходные съ

японскими, а также увеличивается и количество видовъ европейскихъ, свойственныхъ этой широтѣ. Въ своихъ ежегодныхъ странствованіяхъ изъ Маньчжуріи козуля привлекаетъ въ эти мѣстности много хищниковъ и между ними тигра, а утки, гуси, лебеди, журавли и др. (до 224 видовъ) въ своихъ обычныхъ переселеніяхъ—хищниковъ пернатыхъ, какъ ястребовъ, орловъ, коршуновъ. Для Амура и Уссурійскаго края особенно типиченъ фазанъ. Каменныя куропатки (Perdix daurica) обитаетъ вообще на всемъ югѣ Сибири. Двѣ породы утокъ изъ жаркой Индіи выводятъ здѣсь своихъ птенцовъ. На берегахъ оз. Ханка японскій ибисъ встрѣчается съ полярной бѣлой совой. Въ лѣсахъ раздается пѣніе красношеекъ, скворцовъ и соловьевъ. Въ степныхъ мѣстностяхъ расхаживаютъ дрофы и обитаютъ бекасы. Для Приморской области типиченъ бурундукъ (Tamias Pallasii) и пятнистый олень, около Владивостока имѣющій даже промышленное значеніе.

Животный міръ Охотско-Камчатской окраины отличается смѣсью сѣверныхъ и южныхъ видовъ: съ сѣвера туда проникли полярныя животныя, съ юга — китайскія и монгольскія. Черезъ Алеутскіе и Командорскіе острова прошикли американскія птицы, а изъ Европы черезъ Сибирь — воробей и собака. Лось, лисица и соболь уходили сюда съ запада отъ преслѣдованія человѣкомъ. На сѣверо-востокѣ Сибири живетъ каменный глухарь (Tetrao parvirostris), а въ низовьяхъ Лены гага сѣверная сибирская (Somateria spectabilis). На Камчаткѣ животный міръ имѣетъ уже островной характеръ: тамъ нѣтъ лося, бѣлки, рыси и полосатаго буруидука. Огромный Парапольскій долъ, совершенно лишенный лѣсной растительности, отрѣзываетъ Камчатку отъ области обитанія этихъ животныхъ, любящихъ лѣсъ.

Изъ гадовъ и пресмыкающихся, типичныхъ для Сибири, нужно отмѣтить: алтайскую лягушку (Rana

altaica), амурскую лягушку (R. amurensis), уссурійскаго тритона (Geomolge Fischeri), амурскую долгохвостку (Tachydromus amurensis), амурскаго полоза (Coluber Schrenkii), монгольскую жабу (Bufo Raddei), монгольскую ящерицу (Eremias argus), восточно-сибирскую квакшу (Hyla Stepheni), сибирскаго четырехпалаго тритона (Salamandrella Kaiserlingii).

Рыбами Сибирь чрезвычайно богата. Во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, водятся цѣнныя рыбы изъ породы сиговыхъ (нельма, чиръ, муксунъ и др.), также осетръ, стерлядь и др. Какъ птицы лѣтомъ стремятся въ громадномъ количествѣ къ берегамъ Ледовитаго океана, такъ и рыбы совершаютъ свои переселенія только въ обратномъ направленіи —съ сѣвера на югъ, отъ устьевъ къ верховьямъ, хотя съ одной и той же цѣлью — для размноженія. Птицы находятъ въ устьяхъ рѣкъ и на берегу озеръ тихія, спокойныя пристанища и чрезвычайное обиліе пищи („гнусъ“ между прочимъ), а рыбы ищутъ и находятъ удобныя мѣста для метанія икры въ верховьяхъ сѣверныхъ рѣчекъ, въ тихихъ заводяхъ и въ неглубокихъ мѣстахъ у береговъ, извѣстныхъ подъ именемъ „песковъ“. Въ прѣсныхъ озерахъ Сибири водится такъ называемая мелкая рыба; въ алтайскихъ, кромѣ нея,—вкусный сибирскій таймень (Salmo fluviatilis), въ Телецкомъ оз.—телецкая селдь (C. Smittii). Животное царство байкальскихъ водъ не только очень велико и разнообразно, но и представляетъ нѣкоторые виды, водящіеся исключительно въ Байкалѣ. Замѣчательная рыба голомянка, съ головой, составляющей третью часть тѣла, съ огромными на выкатѣ глазами, никогда не показывается на поверхность воды и живетъ на глубинѣ, начиная отъ 300 саженъ. Извлеченная на поверхность, необычайно жирная голомянка разрывается на части и на берегу таетъ на солнцѣ, оставляя костный скелетъ и лужу жира съ небольшимъ

количествомъ мяса. Эта загадочная рыба вообще очень мало изслѣдована. Неизвѣстно, гдѣ, когда и какъ она мечетъ икру; неизвѣстно, почему она массами выбрасывается на берега Байкала. Никто не видѣлъ самцовъ этой рыбы и дѣтенышей. Ее считаютъ рыбой живородящей. Въ Байкалѣ водится и нерпа (видъ тюленя). Существованіе въ байкальскихъ водахъ представителей морского животнаго міра объясняется тѣмъ, что впадина Байкала, бывшая раньше частью обширнаго моря, соединеннаго съ внутренними бассейнами Китая и въ частности съ Хапъ-хаемъ,—какъ бы выдѣлилась вслѣдствіе быстраго уменьшенія водъ кругомъ и поднятія окрестныхъ горныхъ хребтовъ, и, такимъ образомъ, представители морского животнаго царства оказались какъ бы въ огромномъ естественномъ садкѣ. Подъ вліяніемъ жизни въ прѣсной водѣ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ байкальскіе морскіе представители животнаго царства нѣсколько измѣнились сравнительно съ подобными имъ чисто морскими видами. Кромѣ извѣстнаго окуня (C. migratorius), въ Байкалѣ обитаютъ представители семейства бычковъ (Cottidae), бокоплавовъ (изъ рода Gammarus, описано больше 100 видовъ), планарій (плоскіе черви, по мѣстному, „бычьи язычки“) и др. Въ Амурѣ, очень богатомъ рыбой, встрѣчаются мѣстные виды бѣлуги огромныхъ размѣровъ, вѣсящіе отъ 30 до 50 пудовъ, два вида лососевыхъ –горбуша и кета, амурскій осетръ. Огромныхъ размѣровъ достигаетъ и здѣшняя порода щуки. Воды Охотскаго моря богаты кетой, различными моллюсками и ракообразными, мальмою, селдью и треской. Въ Ледовитомъ океанѣ, вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, водятся моржи, бѣлуги, касатки, морскіе волки, киты, при чемъ послѣдніе — на очень значительномъ разстояніи отъ береговъ. Въ водахъ Великаго океана, особенно въ Беринговомъ морѣ, на перепутьѣ между двумя океанами, кромѣ моржей, тюленей и китовъ, водятся мор-

скіе коты, сивучи и бобры. Морскіе коты похожи на тюленей, только нѣсколько больше, въ среднемъ до аршина длиной (доходятъ и до сажени), съ сѣро-серебристой шерстью, съ мягкимъ волосомъ и пухомъ. Въ водѣ коты очень живы и подвижны, а на сушѣ становятся неповоротливы и очень вялы. Крикъ котовъ, особенно молодыхъ, похожъ на блеянье овецъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца кошки кормятъ молокомъ своихъ дѣтенышей, которые въ это время еще не умѣютъ плавать. Коты водятся на Командорскихъ островахъ (Беринговъ и Мѣдный), лишенныхъ всякой растительности и покрытыхъ скалистыми горами и болотистыми тундрами. Лежбища котовъ встрѣчаются и на Тюленьемъ островѣ, у восточныхъ береговъ Сахалина. Въ этихъ же водахъ появляются лѣтомъ и сивучи, морскіе львы, прибывающіе съ юга и располагающіеся стадами въ 200—300 матокъ. Сивучъ — громадное животное, похожее на моржа и тюленя, пудовъ въ 80 вѣсомъ, съ огромными и сильными зубами. На Командорскихъ островахъ, а также и на побережьѣ Камчатки, водятся и бобры. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если число животныхъ домашнихъ въ Сибири съ каждымъ годомъ увеличивается, то относительно животныхъ дикихъ, особенно если они имѣютъ какую-нибудь промысловую цѣнность, нужно сказать совершенно обратное: число ихъ замѣтно и безповоротно уменьшается. Къ числу окончательно вымершихъ животныхъ Сибири принадлежитъ мамонтъ— громадное животное, около 2 саженъ (13 ф.) высотою, болѣе 2 саженъ (15 ф.) въ длину, съ клыками болѣе сажени (8 ф.) длиной, покрытое густой, мягкой и теплой шерстью съ подшерсткомъ свѣтло-бураго цвѣта. Мамонтъ имѣлъ голый хвостъ съ пучкомъ густыхъ волосъ на концѣ, голыя уши, гриву близъ плечъ и на спинѣ съ жесткими, около фута въ длину, волосами и огромные зубы. Онъ питался молодыми побѣ-

гами ели и сосны и молодыми еловыми шишками, какъ это доказываютъ остатки пищи, найденной въ зубахъ сохранившихся труповъ. Клыки мамонта больше и сильнѣе, чѣмъ у слона: такъ какъ главной пищей его была ель, то ему нужно было больше усилій, чтобы свалить молодую ель, прочно укрѣпляющуюся въ твердой, каменистой почвѣ Сибири. На Таймырскомъ полуостровѣ найдены черепа и кости особаго вида быковъ, соотвѣтствующихъ полярному мускусному быку Сѣверной Америки. Въ древнѣйшія времена въ Сибири обиталъ и волосатый носорогъ, съ гладкой, безъ всякихъ складокъ кожей, покрытой теплой шерстью съ тонкимъ подшерсткомъ. Ноги его были покрыты пучками волосъ, висящихъ внизъ. Густая, теплая шерсть этихъ животныхъ показываетъ, что они жили въ очень холодныхъ частяхъ сѣверной Сибири; много остатковъ вымершихъ животныхъ встрѣчается въ мерзлой почвѣ Ново-Сибирскихъ острововъ. О причинѣ вымиранія мамонта существуетъ нѣсколько предположеній; болѣе вѣроятно изъ нихъ то, что онъ истребленъ человѣкомъ. Морская корова, которую еще успѣлъ видѣть и описать Стеллеръ (почему она и называется въ наукѣ стеллеровой), окончательно исчезла только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Вслѣдствіе того, что Берингово и Охотское моря очень богаты морскими водорослями, представляющими какъ бы огромные подводные луга,—въ нихъ водились стеллеровы коровы—громадныя животныя темно-сѣраго цвѣта, съ пятнами, съ рыбьимъ хвостомъ и ластами. Голова морской коровы была очень неуклюжа, съ маленькими глазками, съ огромнымъ ртомъ и посомъ, служившимъ продолженіемъ низкаго и очень покатаго лба. Морская корова была замѣчательно добродушнаго, кроткаго права, неповоротлива, медлительна. Она была столь громадна, что нужно было не менѣе 40 человѣкъ для извлеченія ея изъ воды на сушу. Морская корова

имѣла очень вкусное мясо. Можно сказать, что къ исчезающимъ животнымъ Сибири принадлежатъ всѣ пушныя, имѣющія промысловое значеніе, а также и горныя животныя Алтая и Саянъ, употребляемыя въ пищу. Многія мѣстности, раньше въ общемъ весьма обильныя пушными звѣрями, теперь очень оскудѣли ими: звѣри или истреблены, или переселились въ болѣе отдаленныя и менѣе доступныя мѣста. Дикій сѣверный олень въ тундрахъ сѣвера и сѣверо-востока истребленъ почти окончательно; значительно уменьшилось даже число оленей домашнихъ. Темно-голубой песецъ, котораго еще недавно было очень много на Командорскихъ островахъ, теперь почти исчезъ и смѣнился песцомъ бѣлымъ. Число моржей и сивучей уменьшилось очень значительно. На Алтаѣ и въ Саянахъ стало далеко меньше мараловъ, косуль и др., въ Амурскомъ краѣ — выдръ (рѣчныя, Castor fiber). Бобры давно вывелись изъ многихъ сибирскихъ рѣкъ. Водящаяся на Камчаткѣ порода выдръ, называемая промышленниками камчатскимъ бобромъ, принадлежитъ къ числу плотоядныхъ и не имѣетъ ничего общаго съ рѣчными бобрами — грызунами. Лось также почти исчезъ во многихъ мѣстахъ. Количество столь цѣннаго звѣря, какъ соболь, уменьшилось очень замѣтно. Вообще, пушныя богатства таежныхъ и лѣсныхъ частей Сибири разсѣяны по ней столь тонкимъ и мѣстами совсѣмъ отсутствующимъ слоемъ, что собирать ихъ такъ же затруднительно, какъ вылавливать поодиночкѣ золотыя песчинки въ золотоносныхъ пластахъ, и эта бѣдность не кажется очевидной только потому, что звѣриными промыслами занимается въ Сибири не одинъ десятокъ тысячъ человѣкъ на всемъ необъятномъ ея пространствѣ. Не замѣтно только уменьшенія такихъ вредныхъ животныхъ, какъ волки въ Киргизской степи, и разныхъ грызуновъ, которые, наоборотъ, размножаются по мѣрѣ того, какъ лѣсные

пожары истребляютъ и отгоняютъ ихъ естественныхъ враговъ — ястребовъ, коршуновъ и др. За послѣднее время уменьшились даже, повидимому, неисчерпаемыя рыбныя богатства Сибири. Та же судьба постигаетъ и промысловыхъ птицъ, какъ рябчики, глухари, тетерева и др., которыя погибаютъ и въ страшныхъ лѣсныхъ пожарахъ и истребляются во множествѣ для вывоза въ Россію и даже за границу. Вообще, человѣкъ пользуется крайне нерасчетливо и неосмотрительно растительными и животными богатствами Сибири, и наступитъ скоро время, когда онъ горько раскается въ этомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Л ю д и.

I.

Общія свѣдѣнія о населеніи и административное дѣленіе Сибири. Народы уральской семьи [по языку]: вогулы, остяки, зыряне. Самоѣды.

Въ указанныхъ выше предѣлахъ Сибирь, по послѣдней переписи, заключала въ себѣ 7 милліоновъ 91 тысячу человѣкъ. Если къ этому числу прибавить 660.000 человѣкъ, переселившихся изъ Европейской Россіи съ 1898 по 1900 годъ, изъ которыхъ вернулись обратно до 100.000, и естественный приростъ, — то въ настоящее время населеніе Сибири равняется, принявъ во вниманіе еще не менѣе 300.000 переселенцевъ съ 1901 — 1903, восьми милліонамъ человѣкъ съ лишкомъ. Такъ какъ это число очень невелико сравнительно съ громаднымъ пространствомъ Сибири, то густота населенія крайне ничтожна — не болѣе 0,9 на квадр. версту. По губерніямъ и областямъ густота населенія измѣняется значительно: въ Томской губ.—2,6, а въ Якутской и Приморской областяхъ—0,1. Наиболѣе густо заселены (1897 г.) южныя части губерній Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и Забайкальской области. Уѣзды Курганскій (12,9) и Ялуторовскій (10,1 человѣкъ на квадр. вер.) Тобольской губ. представляютъ наиболѣе густо заселенные округа Сибири; за ними слѣдуютъ Тюменскій (7,8) и Ишимскій (7,4), той же губерніи и Барнаульскій (5,5) Томской губ. Въ этихъ двухъ губерніяхъ особенно замѣтное

возрастаніе густоты населенія (въ Тобольской съ 0,8 въ 1863 г. до 1,2 въ 1897 г. и въ Томской съ 0,9 даже до 2,6) произошло вслѣдствіе того, что въ эти двѣ губерніи преимущественно направляются переселенцы изъ Евр. Россіи, да и вообще замѣтный приростъ населенія въ Сибири произошолъ, главнымъ образомъ, отъ переселенческаго движенія: достаточно сказать, что съ 1882 по 1900 г. въ Сибирь переселилось до $1^1/_2$ милліона человѣкъ. Что касается распредѣленія населенія по поламъ, то Сибирь отличается перевѣсомъ мужчинъ надъ женщинами и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Средней Азіи, гдѣ перевѣсъ этотъ еще болѣе замѣтенъ. Въ Сибири можно указать мѣстности, гдѣ на 100 мужчинъ считается 78 женщинъ (Амур. обл.), 46,2 (Приморская) и даже всего 37,3 (Сахалинъ), чего нѣтъ нигдѣ въ остальныхъ предѣлахъ Россіи. Только тамъ, гдѣ замѣчается сильный наплывъ переселенцевъ, число женщинъ или почти приближается къ числу мужчинъ (98,7 въ Том. губ.), или даже превышаетъ (102 въ Тоб.). Въ городахъ число мужчинъ превышаетъ число женщинъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ округахъ: если въ послѣднихъ (безъ Акмолинской и Семипалатинской областей) на 100 мужчинъ 95,2 женщины, то въ городахъ всего 78,6. Особенно мало женщинъ въ городахъ Приморской обл.: 23,4 женщины на 100 мужчинъ.

Сѣверную часть западно-сибирской равнины занимаетъ огромная Тобольская губернія (1.217.000 квад. верстъ), составляющая $63^0/_0$ всей западно-сибирской равнины. Сравнительно со своимъ пространствомъ Тобольская губернія населена скудно — всего 1.438.000 человѣкъ (по переписи 1897 года). Самые обширные сѣверные уѣзды этой губерніи, — Березовскій и Сургутскій, — особенно скудно населены (20 и 7 тысячъ жителей). Южные уѣзды, — Ишимскій, Курганскій и Тюкалинскій, — плодородны и заселены болѣе. Уѣздъ

Тарскій населенъ слабо. Кромѣ шести перечисленныхъ, въ составъ Тобольской губерніи входятъ еще уѣзды: Ялуторовскій, Тобольскій, Тюменскій и Туринскій. Сосѣдняя Томская губернія почти вдвое меньше по пространству (768.000 кв. верстъ), но численность ея населенія доходитъ до 2.000.000; самый сѣверный уѣздъ Томскій (съ холоднымъ и лѣснымъ Нарымскимъ краемъ). Каинскій и Маріинскій уѣзды расположены въ средней части губерніи, а Кузнецкій, Барнаульскій, Змѣиногорскій и Бійскій, наиболѣе плодородные и гуще населенные, находятся въ южной части и занимаютъ предгорья Алтая и самыя горы, о которыхъ рѣчь будетъ дальше. На юго-западѣ къ Томской и Тобольской губерніямъ примыкаютъ Акмолинская и Семипалатинская области, и каждая состоитъ изъ 5 уѣздовъ. Первая (480.000 кв. верстъ пространства и 680.000 населенія) дѣлится на уѣзды Омскій и Петропавловскій (сѣверные), Кокчетавскій и Атбасарскій (средніе), и Акмолинскій, самый южный и самый обширный. Семипалатинская область (450.000 кв. верстъ и 685.000 населенія), расположенная между Томской губерніей и Акмолинской областью, состоитъ изъ уѣздовъ: Семипалатинскаго, Усть-Каменогорскаго, Каркаралинскаго, Павлодарскаго и Зайсанскаго. На западносибирской низменности находятся и части округовъ Енисейской губерніи, переходящихъ на лѣвый берегъ Енисея.

Весь бассейнъ Енисея занимаетъ почти безпредѣльная Енисейская губ., протянувшаяся отъ Китая до Ледовитаго океана (2.246.627 кв. в.), но всего съ 560.000 населенія. Почти $^2/_3$ губерніи занимаетъ Туруханскій округъ съ 11.000 населенія. Отъ него къ югу полосами спускаются одинъ за другимъ и остальные уѣзды губерніи: Енисейскій, Красноярскій и Канскій, плодородный Минусинскій и на самомъ югѣ Усинскій край съ 2.200 населенія. Уѣздъ Ачинскій представляетъ

собой какъ бы дверь изъ Сибири западной въ восточную. Гораздо меньше по пространству (703.600 кв. в.), но почти равна по населенію (507.000) губернія Иркутская, расположенная къ востоку отъ южной части Енисейской губ. до береговъ Байкала и захватывающая верхнее теченіе Лены. Черезъ самый западный, Нижнеудинскій, уѣздъ губернія эта какъ бы сообщается съ сосѣдней Енисейской, и самые населенные и болѣе плодородные уѣзды ея, Иркутскій, Балаганскій и Верхолепскій, расположены въ южныхъ ея частяхъ, а большую половину губерніи занимаетъ сѣверный ея уѣздъ — Киренскій. Нѣсколько менѣе Иркутской (575.920 кв. в.), но болѣе населена (665.000) область Забайкальская, расположенная по правому берегу Байкала, къ востоку отъ Иркутской губ. Самую обширную часть ея занимаетъ сѣверный Баргузинскій уѣздъ, а въ южной части находятся другіе уѣзды области: Верхнеудинскій, самый населенный, Читинскій, Акшинскій, Нерчинскій, Селенгинскій, Троицкосавскій, Нерчинско-Заводскій. Область Якутская, занимающая почти всю сѣверо-восточную Сибирь, даже въ Сибири поражаетъ своими размѣрами—3.488.000 кв. верстъ (почти $^1/_3$ всей Сибири), на которыхъ живетъ всего 262.000 человѣкъ. Размѣры пяти округовъ этой области огромны: самый большой Верхоянскій—974.000, самый малый, Колымскій — 335.000 кв. в. Это — сѣверные округа губерніи. Посрединѣ расположены Якутскій и Вилюйскій, а на югѣ—Олекминскій округъ. Амурская область, лежащая къ востоку отъ Забайкальской и къ югу отъ Якутской, занимаетъ всего 394.884 кв. в. и имѣетъ только 119.000 населенія. Область дѣлится на округу Амурскаго казачьяго войска, районъ крестьянскихъ селеній и 3 горно-полицейскихъ округа—Верхне-Амурскій, Буреинскій и Хинганскій. Громадная область Приморская (1.562.400 кв. в.) занимаетъ все побережье Тихаго океана, но населена очень скудно (221.000 человѣкъ).

Область дѣлится на 9 уѣздовъ: Петропавловскій (на Камчаткѣ), Гижигинскій и Анадырскій къ сѣверу отъ него, Охотскій на западномъ и Удскій на южномъ берегу Охотскаго моря; на югѣ области находятся Хабаровскій, Южно-Уссурійскій и Уссур.-Казачій округа, самые населенные и плодородные; къ в. отъ Камчатки—Командорскіе острова. О. Сахалинъ (до 28.000 населенія), считается также отдѣльнымъ округомъ подъ управленіемъ особаго губернатора. Главные города всѣхъ этихъ губерній, областей и округовъ носятъ одинаковыя съ ними наименованія, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями: Красноярскъ (Енисейская губ.), Чита (Забайкальская обл.), Благовѣщенскъ (Амурская), Владивостокъ (Приморская), Омскъ (Акмолинская), Никольскъ-Уссурійскій (Южно-Уссурійскій окр.), постъ Камень-Рыболовъ (Уссурійскій-Казачій), Николаевскъ (Удскій), с. Марково (Анадырскій), с. Никольское (Командорскіе о-ва), портъ Александровскій (Сахалинъ). Какъ области Акмолинская и Семипалатинская въ Сибири западной входятъ въ составъ Степного генер.-губернаторства, такъ и въ восточной Енисейская и Иркутская губ. и область Якутская—въ составъ Иркутскаго генер.-губернат., а области Забайкальская, Амурская и Приморская—въ составъ Приамурск. ген.-губерн. съ центромъ управленія въ Хабаровскѣ. Къ этому же генер.-губернат. принадлежитъ и о. Сахалинъ.

Изъ восьми съ лишкомъ милліоновъ человѣкъ населенія Сибири русскихъ не менѣе шести съ лишкомъ милліоновъ (нѣсколько болѣе 75%), а инородцевъ всѣхъ племенъ не насчитывается и двухъ милліоновъ (нѣсколько менѣе 25%). Численное отношеніе между русскимъ и инородческимъ населеніемъ Сибири далеко не равномѣрно въ различныхъ частяхъ страны: въ южныхъ и особенно въ среднихъ частяхъ губ. Тобольской, Томской и Енисейской инородцы представляютъ очень незначительное количество сравнительно съ рус-

скими; совсѣмъ не то на окраинахъ: въ Акмолинской области инородцевъ 73%, въ Семипалатинской и Якутской до 90%, въ Приморской около 50%. Русское населеніе отъ восточныхъ границъ Пермской и Уфимской губ. широкимъ потокомъ распространилось на востокъ, оттѣснивъ инородцевъ на сѣверѣ и югѣ. На берегахъ Ангары этотъ широкій потокъ почти прерывается и въ видѣ узкаго, расширяющагося только въ Забайкальѣ, ручья тянется на востокъ вдоль по Амуру до береговъ Великаго океана; другая полоса русской народности направляется на сѣверо-востокъ по Ленѣ, непрерывно доходитъ до устья Алдана и добирается въ видѣ небольшихъ перемежающихся острововъ до Ледовитаго океана. Внизъ по обоимъ берегамъ Енисея также тянется до океана непрерывный рядъ русскихъ поселеній, а на Оби онъ перемежается съ инородческими. Почти сплошная полоса русскаго заселенія спускается широкимъ клиномъ къ югу между правыми берегами Иртыша и западными склонами Алтая. Отдѣльные болѣе или менѣе значительные острова русскаго населенія разбросаны въ Киргизской степи, пріютились на берегахъ Великаго и Ледовитаго океановъ, расположились по берегамъ сѣверо-восточныхъ рѣкъ, обильныхъ рыбой и золотоносныхъ Витима, Олекмы и Зеи. Русское населеніе утвердилось вообще въ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири: оно заняло хлѣбородныя среднія и южныя части страны, съ лучшимъ климатомъ и почвой, захватило ея золотоносныя мѣста, поселилось по рѣкамъ, богатымъ цѣнными рыбами и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ и широкимъ водянымъ дорогамъ. Картина совершенно измѣнилась сравнительно съ тѣмъ, что было три столѣтія тому назадъ.

Живущіе въ Сибири инородцы, по языку, принадлежатъ къ такъ называемой урало-алтайской семьѣ, которая въ свою очередь раздѣляется на двѣ вѣтви: уральскую и алтайскую. Къ представителямъ ураль-

ской, или финской, вѣтви въ Сибири принадлежатъ *вогулы* (около 7.000 въ Туринскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ Тобольской губ.) и остяки (около 25.000 въ Тобольскомъ и Березовскомъ уѣздахъ Тобольской губ. и въ Нарымскомъ краѣ Томской губ.). Вогулы занимаются звѣроловствомъ, питаются лѣсной дичью и рыбой, живутъ по рѣкамъ, на высокихъ мѣстахъ, въ небольшихъ деревянныхъ, крытыхъ корой, юртахъ. Три-четыре такихъ юрты составляютъ поселеніе,—„паулъ“. Сѣверные вогулы лѣтомъ живутъ въ лѣтникахъ—берестяныхъ юртахъ. Изъ бересты вогулы приготовляютъ всю свою утварь, кромѣ посуды, въ которой варится пища. Соль и хлѣбъ сдѣлались уже потребностью для южныхъ вогуловъ. Вогулы средняго роста, съ круглымъ лицомъ, съ немного выступающими скулами, широкимъ, но не плоскимъ носомъ, открытыми, круглыми глазами, темно-русыми, иногда даже свѣтлыми волосами. Вогулы были первымъ племенемъ, съ которымъ столкнулись русскіе даже еще раньше Ермака, и послѣднему пришлось выдержать съ ними цѣлый рядъ упорныхъ битвъ. Вогулы, составляющіе съ остяками одно племя и называющіе себя „маньзи“, получили свое имя отъ зырянъ, на языкѣ которыхъ „вогулъ“ означаетъ „дикій“. *Остяки* (рис. 14), живущіе по Иртышу и Оби, занимаются преимущественно рыболовствомъ, а зимой—и охотой. Остяцкія юрты похожи на вогульскія—бревенчатыя, съ плоской крышей, обыкновенно покрытой дерномъ. Вдоль стѣнъ юрты идутъ широкія нары, покрытыя травянымъ плетенымъ циновками и оленьими шкурами. Въ углу юрты находится „чувалъ“ (очагъ) съ прямой трубой, закрываемой снаружи кускомъ дерна. На палку, прикрѣпленную поперекъ трубы, надѣвается деревянный крюкъ, на которомъ подвѣшиваются котлы и чайникъ для приготовленія пищи. Единственное окно юрты зимой состоитъ изъ льдины. Въ остяцкой юртѣ постоянно дурной запахъ и страш-

ная грязь. Пища остяковъ состоитъ изъ мяса и рыбы въ сыромъ видѣ, рыбы вареной, чая, „бурдюка“ (въ кипятокъ кладется мясо, жиръ и мука), ржаныхъ ле-

Рис. 14. Остяки Березовскаго округа.

пешекъ, которыя пекутся надъ огнемъ на палочкахъ. Остяки — народъ добрый, честный, веселый и разговорчивый. Ихъ языкъ протяженъ, мягокъ, съ множествомъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ. По внѣшнему виду остяки Тобольской губ. очень похожи на зауральскихъ финновъ, и это сходство становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ по мѣрѣ удаленія на югъ, къ Сургуту и Нарыму (рис. 15). Кромѣ остяковъ и вогуловъ, на сѣверѣ Тобольской губ., въ Обдорскомъ краѣ, живетъ нѣсколько сотъ *зырянъ*, также принадлежащихъ къ финскому племени. Зыряне — рослый, здоровый, предпріимчивый и работящій народъ. Зыряне Березовскаго уѣзда дѣлятся на осѣдлыхъ (торговцы и рыболовы) и кочевыхъ (оленеводы). Можно думать, что первоначальная родина вогуловъ и остяковъ находи-

лась въ Евр. Россіи, и они только впослѣдствіи переселились въ Сибирь. *Самоѣды*, самый сѣверный народъ въ предѣлахъ западной Сибири, кочевки которыхъ доходятъ даже до Хатанги, — занимаютъ особое положеніе въ ряду урало-алтайскихъ племенъ и пришли на сѣверъ съ юга, изъ области Саянскаго нагорья. Число ихъ доходитъ до 3 тысячъ. Если по наружному виду самоѣдовъ трудно отличить отъ сѣверныхъ остяковъ, то легко сдѣлать это по языку: самоѣдскій языкъ грубъ, рѣзокъ, въ немъ часто встрѣчаются гортанные и звукъ *р*. Характеръ самоѣдовъ суровый и малообщительный, но зато они гораздо опрятнѣе остяковъ. Круглый годъ самоѣды кочуютъ по безконечнымъ тундрамъ: весной отправляются со своими оленями

Рис. 15. Шаманъ съ Васюгана.

къ берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ лѣтомъ прохладнѣе и гдѣ олени не такъ страдаютъ отъ комаровъ, мошекъ и оводовъ; осенью удаляются на юго-востокъ,

въ смѣшанную полосу тундръ и лѣса, гдѣ больше топлива и гдѣ самоѣдъ и его олени не такъ страдаютъ отъ бурановъ. Олень представляетъ собой главнѣйшій источникъ существованія для самоѣда: изъ мѣха и шерсти оленя онъ приготовляетъ себѣ одежду: „малицу“—рубашку изъ оленьяго мѣха съ капюшономъ и рукавчиками, сверху — „гуся“, въ большіе морозы, такого же покроя, какъ и малица, только шерстью наружу и изъ болѣе грубаго мѣха, на ноги мѣховыя „пимы“, и подъ нихъ „чижи“—мѣховые чулки; самоѣды не носятъ бѣлья, и та одежда (малица, чижи), которая надѣвается прямо на тѣло, обращена шерстью внутрь. Ковромъ изъ оленьей шкуры („шюга“) покрываются зимніе самоѣдскіе „чумы“ (палатки въ видѣ конуса съ отверстіемъ на верху для дыма); пищею самоѣдовъ служитъ оленье мясо и кровь, которую они охотно пьютъ; наконецъ, на оленяхъ совершаютъ самоѣды свои безконечныя кочеванія. Но самоѣды, живущіе въ лѣсной полосѣ по Оби, между Тымомъ и Чулымомъ, занимаются рыболовствомъ и охотой, подобно остякамъ, которыми тамъ они иногда и называются неправильно по сходству въ бытѣ. Какъ остяки, такъ и самоѣды раздѣляются на роды; во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ старшина или староста, который служитъ посредникомъ между ними и русскими властями относительно почтовой гоньбы (въ лодкахъ лѣтомъ и на оленяхъ и собакахъ зимой) и ясака по 1 р. 50 к. съ души у кочевыхъ инородцевъ.

II.

Народы алтайской семьи [по языку]. Тюркская вѣтвь: собственно алтайцы, телеуты и теленгеты, отатарившіеся остяки и самоѣды верхней Оби и Енисея, киргизы.

Вся остальная часть Сибири, за исключеніемъ крайняго сѣверо-востока и о. Сахалина, населена племенами, которыя по языку относятся къ алтайской семьѣ. Эта

обширная семья дѣлится на три вѣтви: *тюркскую*, *монгольскую* и *тунгусскую*. Къ первой вѣтви принадлежатъ: 1) собственно алтайцы, телеуты и теленгеты; 2) отатарившіеся остяки и самоѣды верхней Оби и Енисея; 3) киргизы; 4) западно-сибирскіе татары и барабинцы и 5) якуты.

На Алтаѣ, по верхнему теченію Катуни и ея притоковъ, у южныхъ береговъ Телецкаго озера и по впа-

Рис. 16. Алтайцы на р. Катуни.

дающему въ него Чулышману, живутъ *алтайцы* (неправильно называемые горными или бѣлыми калмыками), телеуты и теленгеты (до 34.000). Эти инородцы вслѣдствіе условій мѣстности, въ которой они живутъ, — на горныхъ, плоскихъ возвышенностяхъ, горныхъ лугахъ и склонахъ и въ нешпрокихъ рѣчныхъ долинахъ,—должны вести кочевую жизнь и заниматься скотоводствомъ, хотя у нихъ уже замѣчаются и зачатки земледѣлія (рис. 16). Они живутъ въ войлочныхъ юртахъ и шалашахъ и перекочевываютъ на небольшихъ разстоя-

ніяхъ съ горъ въ долины и обратно. Положеніе алтайцевъ-кочевниковъ все болѣе ухудшается, такъ какъ русскіе самовольные переселенцы отнимаютъ у нихъ

Рис. 17. Алтайскіе инородцы.

земли для кочевокъ. Небольшая часть алтайскихъ инородцевъ приняла крещеніе, а прочіе остаются язычниками-шаманистами. Южные алтайцы живутъ аулами въ 3—5 юртъ. *Отатарившіеся остяки и самоѣды* верхней Оби и Енисея живутъ по теченію Біи, между Катунью и Телецкимъ озеромъ, по Чулыму, Абакану и между этой рѣкой и лѣвымъ берегомъ Енисея (рис. 17). Число всѣхъ этихъ инородцевъ доходитъ до 75.000 Эти инородцы, живущіе въ тайгахъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ (въ „черни“), извѣстны подъ именемъ черневыхъ татаръ. Они занимаются охотой и рыболовствомъ, добычей меда дикихъ пчелъ, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и немного хлѣбопашествомъ. Обитатели лѣсистыхъ пространствъ и плодородныхъ рѣчныхъ долинъ, эти инородцы, какъ и алтайскіе, употребляютъ въ пищу

разныя дикія растенія: корни сараны и кандыка (изъ породы лилейныхъ), борщовникъ, колбу и др. Живутъ они въ срубахъ и избахъ съ глинобитными печами, а лѣтомъ во время промысла въ берестяныхъ юртахъ въ видѣ сахарной головы, умѣютъ дѣлать невода и знакомы съ кузнечнымъ искусствомъ. Значительная часть этихъ черневыхъ татаръ обрусѣла, стала жить совершенно осѣдлой жизнью, но тѣ, которые занимаются звѣроловствомъ и рыболовствомъ, еще болѣе одичали, потому что сильно обѣдиѣли отъ разныхъ причинъ (рис. 18). Алтайскіе инородцы дѣлятся на 7 алтайскихъ „двочинъ“ 2 чуйскихъ волости (телеуты) и четыре волости черневыхъ татаръ. Всѣ алтайцы принадлежатъ къ 68 сеокамъ, или родамъ. По р. Чулыму, въ Маріин-

Рис. 18. Жилища алтайскихъ инородцевъ.

скомъ уѣздѣ, Томской губ., живутъ чулымскіе татары. Для зимняго времени они имѣютъ постоянныя жилища, а для лѣтняго—переносныя. Всѣ эти инородцы почти

совершенно утратили свои первоначальныя черты финской вѣтви. Минусинскіе инородцы (до 30.000) живутъ по обоимъ берегамъ Абакана и по лѣвому берегу Енисея. Они дѣлятся на отдѣльныя племена: качинцевъ, сагайцевъ, койбаловъ и др. Минусинскіе инородцы средняго роста, довольно полны, съ широкими лицами, плоскимъ носомъ, выдающимися скулами, черными, широко разставленными глазами; цвѣтъ ихъ кожи свѣтло-бурый, губы толстыя, волосы прямые, гладкіе, жесткіе, черные или свѣтло-коричневые. Одни изъ минусинскихъ инородцевъ (качинцы, сагайцы) живутъ въ улусахъ, осѣдло, занимаются земледѣліемъ, другіе имѣютъ лѣтники и зимники и, кромѣ земледѣлія, занимаются скотоводствомъ; небольшая часть кочуетъ, занимаясь только скотоводствомъ, а нѣсколько сотъ (карагасы и камасинцы) живутъ только звѣроловствомъ и охотой. Но земледѣліе вообще развито мало и не составляетъ главнаго занятія даже у сагайцевъ и качинцевъ. Вслѣдствіе лѣтняго зноя и постоянныхъ вѣтровъ, выдувающихъ мелкоземъ и не позволяющихъ влагѣ разрыхлять землю, питательный для хлѣбныхъ злаковъ слой почвы очень неглубокъ, такъ что пашни и сѣнокосые луга располагаются только вблизи рѣчекъ, гдѣ почва наносная, но зато растенія, смѣняющія другъ друга съ мая до поздней осени и въ засохшемъ видѣ остающіяся на зиму, позволяютъ мѣстному неприхотливому скоту круглый годъ пастись на подножномъ корму. Поэтому естественно, что скотоводство—основное занятіе минусинскихъ инородцевъ. Минусинскіе инородцы въ настоящее время живутъ въ деревянныхъ срубахъ о 6, 8, 10 и 12 сторонахъ съ куполообразной крышей, но чаще всего въ обыкновенныхъ квадратныхъ избахъ съ плоской земляной двускатной или односкатной крышей. Юрты и избы содержатся крайне неопрятно. Любимой пищей инородцевъ до сихъ поръ остаются мясо и молоко. Мясо просто

вялять на солнцѣ или сначала солять, а потомъ уже вялять. Молоко употребляется въ пищу во всѣхъ видахъ; изъ кислаго молока приготовляется напитокъ „айранъ“, а изъ него гонится водка „арага“. Мучная пища и овощи входятъ все въ большее и большее употребленіе. Изъ грубо размельченнаго ржаного или ячменнаго зерна, поджареннаго на огнѣ и залитаго масломъ, приготовляется „толканъ“. Чай съ молокомъ и сметаной составляетъ постоянную и ежедневную пищу каждой семьи. Пища приготовляется очень грязно. Мужская одежда минусинскихъ инородцевъ приближается вполнѣ къ русской. Рубахи, штаны и чулки носятся чаще всего безсмѣнно, до полнаго изнашиванія. Женщины продолжаютъ сохранять старинную одежду: длинныя инородческія рубахи, „сикпэны“, шелковые халаты съ рукавами до конца пальцевъ; они шьются также изъ плиса и шерстяныхъ матерій и иногда расшиваются шелкомъ на плечахъ и по спинѣ. Сверхъ сикпэна замужнія женщины надѣваютъ „шегедекъ“, безрукавку изъ плиса и т. п., иногда весь расшитый по спинѣ цвѣтнымъ узоромъ. На голову женщины надѣваютъ шапки съ четыреугольнымъ верхомъ изъ плиса, съ мѣховой опушкой, на пальцы — громадные серебряные перстни съ кораллами, а въ уши вдѣваютъ огромныя серьги изъ большихъ колецъ серебряной проволоки съ привязанными къ нимъ подвѣсками изъ бусъ и красныхъ коралловъ. Замужнія заплетаютъ волосы на 2 косы, а дѣвушки—отъ 13 до 20 косичекъ. Приготовленіемъ всей одежды, даже обуви, занимаются женщины. Минусинскіе инородцы почти всѣ крещены, однако вмѣстѣ съ тѣмъ не оставили и шаманства, и православіе у нихъ перемѣшано съ прежними обрядами и понятіями шаманизма. Въ административномъ отношеніи эти инородцы раздѣлены на 2 „управы“ съ головой, 2 выборными и письмоводителемъ въ каждой. Управскій „сходъ“ состоитъ изъ

головы и болѣе зажиточныхъ инородцевъ. Инородцы каждой управы дѣлятся на „роды“ (не менѣе 15 семействъ, не по родству, а по сосѣдству). Родовое управленіе состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ. Родовые сходы, главнымъ образомъ, занимаются вопросами о раскладкѣ податей и землепользованіи; судебныя дѣла вѣдаются управскими сходами.

Рис. 19. Группа киргизовъ Акмолинской области.

Въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ живутъ *киргизы* (такъ называемой Средней Орды), самое многочисленное изъ всѣхъ сибирскихъ племенъ (около 1 мил. человѣкъ). Киргизы (рис. 19) роста средняго, крѣпкаго сложенія, съ хорошо развитой грудью, имѣютъ выдающіяся скулы, широкій носъ, черные, прямые довольно жесткіе волосы, узкіе черные глаза, цвѣтъ кожи всѣхъ оттѣнковъ отъ смугло-желтаго до темнаго. Киргизы имѣютъ очень здоровый желудокъ и отли-

чаются тѣмъ, что всякія поранепія заживаютъ у нихъ необыкновенно скоро. Растительность на лицѣ имѣютъ они слабую—только въ старости вырастаетъ довольно рѣдкая борода клиномъ. Къ старости же киргизы часто становятся тучными. Отъ постоянной верховой ѣзды киргизы пріобрѣли кривыя, короткія ноги, но зато и удивительную неутомимость на сѣдлѣ. Киргизы народъ добрый, терпѣливый, наивный, но недовѣрчивый въ отношеніяхъ съ русскими, которыхъ они притомъ и опасаются. Самое широкое гостепріимство — главная черта киргизовъ. Какъ на выдающееся качество киргизовъ, нужно указать на ихъ вспыльчивость и мстительность; но послѣднее свойство объясняется господствомъ родового быта, въ которомъ еще живутъ киргизы. Всѣ члены рода обязаны мстить человѣку, обидѣвшему какого-нибудь ихъ сородича; этимъ объясняются столь частыя среди киргизовъ драки и „барашта“ — насильственный угонъ скота. Киргизы отличаются также любовью къ новостямъ, празднествамъ, угощеніямъ, тщеславіемъ, отчасти сутяжничествомъ. Они нечистоплотны, какъ всѣ кочевники. Въ умственномъ отношеніи киргизы понятливы и воспріимчивы; особенно они способны къ рисованію и математикѣ. Обширная, маловодная Киргизская степь, обильная питательной травой, прекрасно приспособлена самой природой для привольной жизни огромнаго количества скота всякаго рода,— а потому, конечно, скотоводство издавна сдѣлалось главнымъ, а въ прежнее время исключительнымъ, занятіемъ и средствомъ пропитанія киргизовъ. Молоко составляетъ главнѣйшую пищу киргиза; его лѣтнія жилища покрываются войлоками; наконецъ, лошади и особенно барапы, представляютъ единственный товаръ киргиза, въ обмѣнъ на который онъ получаетъ разныя издѣлія русской промышленности. Изъ этого ясно важное значеніе скота для киргиза. Чѣмъ меньше скота у него, тѣмъ онъ бѣд-

нѣе; потерявшій скотъ дѣлается или работникомъ у богатаго киргиза, или становится „джатакомъ“ („лежачимъ“, не кочующимъ) и поселяется въ землянкахъ подлѣ русскихъ городовъ и станицъ. По причинѣ такой важности скота для киргиза, онъ при встрѣчѣ со знакомымъ всегда о благосостояніи скота справляется раньше, чѣмъ о здоровьи семьи, хотя онъ прекрасный семьянинъ, очень любитъ дѣтей и уважаетъ жену (по нѣскольку женъ имѣютъ только очень богатые киргизы). Чтобы прокормить то количество скота, которое киргизъ долженъ имѣть для безбѣднаго существованія, ему нужно было бы заготовлять столь огромное количество сѣна, какое было бы ему совершенно не по силамъ; поэтому лѣтняя кочевка является для киргиза положительно необходимой. Около зимниковъ, устроенныхъ всегда подлѣ озера или вообще воды, траву ни подъ какимъ видомъ нельзя трогать, потому что зимой только ей и можетъ питаться скотъ, и весной, лишь только сойдетъ снѣгъ, киргизы начинаютъ кочевать, двигаясь дугообразно отъ зимниковъ и возвращаясь къ нимъ поздней осенью (рис. 20). Время кочеванья — самое счастливое и веселое время для киргизовъ. День перекочевки — день праздничный въ аулѣ. Мужчины, и особенно женщины, одѣваются тогда въ свои лучшія одежды. Задолго до того, какъ весь аулъ тронется въ путь, молодые люди уѣзжаютъ впередъ, къ пастухамъ, чтобы согнать стада барановъ на ту дорогу, по которой будетъ двигаться аулъ. Между тѣмъ женщины разбираютъ юрты, связываютъ тюки, навьючиваютъ верблюдовъ и накладываютъ тарантасы (у богатыхъ хозяевъ ауловъ), и въ 9—10 часовъ утра аулъ пускается въ путь. Впереди ѣдутъ старшины, за ними движутся стада барановъ, лошадей, быковъ, верблюдовъ, потомъ все мужское населеніе аула. За мужчинами ѣдутъ женщины впереди широкаго фронта вьючнаго скота съ имуществомъ, по

сторонамъ и среди котораго джигитуютъ дѣвушки. Шествіе замыкается работниками. Подъ яркими лучами весенняго солнца аулъ иногда верстъ на десять рас-

Рис. 20. Кочевье киргизовъ.

тягивается по изумрудной равнинѣ и представляетъ картину весьма живописную. На стоянкѣ колютъ барановъ, всю ночь идетъ пиръ, раздаются звуки кобызовъ (выдолбленный открытый полушаръ съ придѣланной вверху ручкой и съ толстыми струнами изъ конскаго волоса), и аулъ засыпаетъ только съ восходомъ солнца. Такъ празднуютъ киргизы веселое начало перекочевокъ. Аулъ останавливается гдѣ-нибудь у воды на 1—2 недѣли, пока вся трава кругомъ не будетъ потравлена, и послѣ этого движется дальше. Каждый родъ и каждый аулъ имѣютъ свою тропу для кочевокъ, освященную обычаемъ, и такимъ образомъ вся степь размежевана между киргизами. Аулы, очень

богатые скотомъ, иногда дѣлаютъ во время своихъ кочевокъ тысячеверстную дугу, а обыкновенная „кочевая орбита“ простирается отъ 30 до 200 в. Кочевая жизнь въ безграничной степи въ теченіе полугода, необходимость наблюденія за безчисленнымъ скотомъ,— все это развило въ киргизѣ необыкновенную остроту зрѣнія и слуха, выносливость къ холоду, голоду и жаждѣ и замѣчательную памятливость и наблюдательность: киргизу достаточно разъ увидѣть человѣка въ степи—и онъ черезъ очень долгое время опишетъ всѣ примѣты лошади встрѣчнаго. Зиму киргизы проводятъ въ зимникахъ — деревянныхъ избахъ, мрачныхъ, неопрятныхъ, или земляпкахъ; лѣтомъ ихъ жилищемъ всегда служитъ (для кочующихъ) кибитка или юрта. Деревянный рѣшетчатый остовъ юрты (рис. 21), по-

Рис. 21. Остовъ киргизской юрты.

хожій на птичью клѣтку (3—4 сажени поперечника и 2—3 сажени высоты), состоитъ изъ 2 половинъ: нижняя представляетъ кругъ изъ нѣсколькихъ частей

деревянной рѣшетки; къ ней привязываются изогнутыя тонкія жерди, которыя и вставляются въ отверстія, сдѣланныя въ деревянномъ обручѣ наверху — это дымовое отверстіе. Нижняя цилиндрическая половина юрты покрывается цыновками изъ чія — высокой, прочной и гибкой травы. Деревянный остовъ юрты перевязывается для прочности шерстяной тесьмой и покрывается сверху войлоками, у богатыхъ свѣтлыми и бѣлыми, у бѣдныхъ сѣрыми и потемнѣвшими отъ времени и непогодъ. Чтобы войлока не соскальзывали, юрта сверху перехватывается шерстяной веревкой. Верхъ киргизской юрты всегда шарообразенъ, и въ этомъ состоитъ одно изъ главныхъ отличій юрты тюркской отъ монгольской (послѣдняя конусообразна).

Юрты очень богатыхъ киргизовъ устилаются коврами, вышитыми кошмами, которыми увѣшены и ея стѣны. Въ кругообразномъ потолкѣ юрты находится круглое дымовое отверстіе, а подъ нимъ, на полу,— тагашъ, на которомъ стоитъ котелъ; у богатыхъ пища приготовляется въ отдѣльныхъ юртахъ. Прямо противъ входа въ юртѣ помѣщаются кожаные тюки, сундуки россійской работы съ имуществомъ, особенно съ приданымъ дѣвушекъ. Направо расположено спальное помѣщеніе, отдѣленное пологомъ, а налѣво — кладовая за невысокой ширмой изъ чія. Никакой мебели въ юртѣ нѣтъ, кромѣ одного-двухъ маленькихъ столиковъ на очень низенькихъ ножкахъ (рис. 22). Обыкновенная одежда киргизовъ состоитъ изъ ситцевой рубахи, шароваръ изъ какой-нибудь темной и плотной бумажной матеріи, иногда изъ выдѣлашной овечьей или козлиной кожи, кожаныхъ сапоговъ съ высокими деревянными каблуками; сверху надѣвается халатъ изъ желтой или сѣрой армячины, опоясанный ремнемъ съ мѣдными или серебряными бляхами, въ которому иногда прикрѣпляются сумка съ огнивомъ и рогъ съ нюхательнымъ

табакомъ (киргизы вообще не курятъ). На бритой головѣ киргизы носятъ тюбетейку, а сверху надѣваютъ войлочныя шляпы, остроконечныя, съ загнутыми кверху полями. Зимой они носятъ овчинныя шубы, ергаки (изъ конской шкуры, шерстью вверхъ), и на головѣ — шапки съ наушниками — малахаи. Женская одежда немногимъ отличается отъ мужской. Лѣтомъ замужнія женщины носятъ на головѣ шапку въ видѣ усѣченнаго конуса; верхняя часть этой шапки обверты-

Рис. 22. Внутренность киргизской юрты.

вается большимъ платкомъ изъ бѣлой кисеи, полотна или коленкора, средина котораго клиномъ опускается на спину, а концы—на плечи. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ мелкія косички и носятъ на головѣ шапочки. Главная пища киргизовъ въ настоящее время состоитъ изъ молока и проса. Изъ овечьяго молока они приготовляютъ „куртъ“, очень кислый и сухой сыръ; изъ поджаренной на салѣ просяной муки киргизы дѣлаютъ болтушку съ водой; ѣдятъ кислое мо-

локо (айранъ). Изъ кобыльяго молока въ Киргизской степи приготовляется кумысъ, лучше котораго нѣтъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. (Наилучшій кумысъ приготовляется въ Кокчетавскомъ уѣздѣ). Это происходитъ отъ особаго умѣнья киргизовъ приготовлять кумысъ, а еще болѣе отъ качествъ киргизскихъ лошадей и прекрасныхъ степныхъ травъ. Кумысъ приготовляется такъ: кобылье молоко сливаютъ въ обдержанный кожаный мѣшокъ съ узкимъ горломъ (саба), въ которомъ оно въ теченіе нѣсколькихъ дней старательно и часто взбалтывается особой палкой. Отъ закваски и взбалтыванія молоко приходитъ въ броженіе, и изъ него получается напитокъ питательный, освѣжающій и слегка опьяняющій. Особенно пріятенъ молодой и средній кумысъ: онъ очень освѣжаетъ, пищитъ и играетъ; отъ употребленія кумыса люди истощенные и даже съ начинающейся чахоткой поправляются и выздоравливаютъ. Киргизы чрезвычайно любятъ кумысъ, смотрятъ на него, какъ на напитокъ священный (пролить его на землю признается грѣхомъ) и употребляютъ въ огромныхъ количествахъ. Киргизъ можетъ выпить въ день до ведра кумыса. Въ городахъ Акмолинской и Семипалатинской областей на базарахъ выстроено множество лавочекъ (кумысенъ), въ которыхъ киргизки продаютъ кумысъ распивочно, по 1—2 коп. чашка (въ родѣ полоскательной). Киргизы особенно цѣнятъ тотъ кумысъ, отъ котораго пахнетъ продымленной кожаной посудой. Изъ коровьяго молока киргизы приготовляютъ „айранъ“, далеко уступающій кумысу по качеству. Изъ кумыса перегоняется „арака“ — въ родѣ водки. Кирпичный чай въ большомъ распространеніи. Мясную пищу киргизы употребляютъ рѣдко по причинѣ ея дороговизны. Копченая конина считается отборной и очень лакомой пищей. Дикихъ растеній киргизы, въ противоположность алтайцамъ, въ пищу совсѣмъ не употребляютъ.

Они любятъ варепую баранпну и „бишъ-бармакъ“ — мясо молодого барашка, разрѣзанное на мелкіе куски и зажаренное въ салѣ („бишъ-бармакъ“ значитъ „пять пальцевъ“: такъ киргизы употребляютъ это кушанье). Другое любимое кушанье киргизовъ, „каурлакъ“, очень похоже на бишъ-бармакъ. Киргизы умѣютъ приготовлять всѣ необходимые предметы изъ шерсти,

Рис. 23. Киргизская невѣста.

кожи (кожаные мѣшки разной величины съ узкимъ горломъ и втулкой — турсуки), изъ дерева (напр., сѣдла) и различныя кузпечныя издѣлія. Особенно любятъ и умѣютъ киргизскіе ремесленники украшать серебромъ разныя принадлежности верховой упряжи: украшаютъ сѣдла, чепраки и пр. замысловатыми узорами изъ серебряной проволоки, вбивая ее въ кожу. Кромѣ лошадей, барановъ и рогатаго скота, киргизы

разводятъ верблюдовъ, на которыхъ они перевозятъ товары. Киргизскіе аулы, расположенные очень далеко другъ отъ друга, издали даютъ себя чувствовать запахомъ навоза и гари, а сами аулы состоятъ изъ кучекъ юртъ, покрытыхъ пожелтѣвшимъ войлокомъ. Безчисленное множество шумныхъ и злыхъ собакъ постоянно вертится кругомъ юртъ, обгладываетъ кости и дерется изъ-за выбрасываемой иногда подачки. Ребятишки въ одинѣхъ рубашонкахъ играютъ среди навоза. Жизнь аула начинается поздно, такъ какъ мужчины подшмаются часовъ въ 12, а женщины — въ 8 и не раньше шести. Женщины должны убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, по возможности болѣе сытный и обильный. Послѣ этого женщины начинаютъ доить скотъ, готовить айранъ и кумысъ, дѣти носятъ воду и собираютъ дрова, дѣвушки валяютъ войлока, важную часть своего приданаго. Черемъ опять повторяется доеніе коровъ, лошадей и овецъ и приготовленіе пищи. Мужчины никакими дѣлами не занимаются (кромѣ пастуховъ скота), уѣзжаютъ куда-нибудь въ гости или просто для прогулки. Обычая обѣдать у киргизовъ нѣтъ: дни у мужчинъ проходятъ или въ прогулкахъ, или въ перекочевкахъ, такъ что всѣ киргизы привыкли днемъ утолять голодъ наскоро, перекусивъ что-либо въ кладовой. Долго еще послѣ ужина не ложатся спать киргизы, — слышатся пѣсни, разсказываютъ сказки, сообщаютъ событія дня. Лишь около полуночи замолкаетъ аулъ, и хозяйка каждой юрты ложится спать послѣдней, закрывъ тюндюкомъ дымовое отверстіе, чтобы не проникла внутрь юрты печистая сила [1]).

---

[1]) Аломъ вообще считается соединеніе нѣсколькихъ семействъ подъ управленіемъ какого-нибудь одного киргиза, обыкновенно самаго зажиточнаго, по имени котораго называется самый и аулъ, — аулъ такого-то.

Какъ юрта безъ жердей превратилась бы въ кучу войлока, такъ весь бытъ киргизовъ не могъ бы держаться безъ дѣятельности женщинъ (рис. 23). На киргизской женщинѣ лежитъ много труда: она вьючитъ юрты, ставитъ ихъ, готовитъ пищу, кормитъ дѣтей, доитъ скотъ и присматриваетъ за нимъ, обшиваетъ семью. Киргизъ же во время кочевокъ только отыскиваетъ мѣста для остановокъ и иногда пасетъ скотъ въ отгонныхъ табунахъ, а чаще всего гуляетъ по степи и ищетъ разныхъ развлеченій: поминокъ, свадебъ, разборовъ дѣлъ біями, ссоръ, дракъ. Отъ тяжелой жизни киргизка скоро старѣетъ, но зато пользуется полной свободой, не удаляется отъ мужчинъ, не закрываетъ себѣ лица, распоряжается въ домѣ, и совѣта ея часто слушаютъ мужчины; она участвуетъ даже на общественныхъ сходкахъ. Съ 1893 г. киргизское самоуправленіе значительно ограничено и поставлено въ полную зависимость отъ русскихъ чиновниковъ. 100—200 кибитокъ составляютъ административный ауль (не отдѣльное селеніе), которымъ управляетъ выборный аульный старшина. 1000—2000 кибитокъ — волость, управляемую волостнымъ управителемъ. Въ каждомъ уѣздѣ находятся по нѣскольку такихъ волостей, которыми завѣдуетъ уже русскій чиновникъ — уѣздный начальникъ. Мелкія дѣла рѣшаютъ по народнымъ обычаямъ біи, избираемые на три года, а крупныя, въ томъ числѣ и баранту, — русскія судебныя учрежденія. Почти всѣ безъ исключенія киргизы — магометане суннитскаго толка. Вліяніе муллъ въ послѣднее время усиливается.

Изъ особенныхъ развлеченій богатыхъ киргизовъ нужно указать на соколиную охоту. Держа на лукѣ сѣдла охотничьяго сокола или ястреба, съ колпачкомъ на глазахъ, киргизъ выѣзжаетъ въ степь и высматриваетъ лисицу или какого-нибудь другого звѣрка и спускаетъ своего сокола на добычу. Хищная птица

опускается на спину животнаго, выклевываетъ глаза и оглушаетъ его сильными ударами клюва въ голову. Подъѣхавшій киргизъ доканчиваетъ животное. Киргизы любятъ также слушать пѣсни и сказки, иногда сопровождающіяся игрой на сурнѣ, любятъ пѣвцовъ и разсказчиковъ. Эти киргизскіе поэты иногда въ то же время и баксы (шаманы), къ помощи которыхъ въ болѣзни или въ несчастіи прибѣгаетъ и киргизъ-магометанинъ. Вообще изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ киргизы являются народомъ, особенно склоннымъ къ разнымъ общественнымъ удовольствіямъ, состязаніямъ, пѣснямъ и сказкамъ.

Киргизы любятъ праздники, которые сопровождаются ихъ любимыми увеселеніями — конскими бѣгами, слушаніемъ пѣсенъ и сказокъ; кумысъ, конина и баранина употребляются при этомъ въ огромныхъ количествахъ. Въ началѣ мая они три дня справляютъ „курбанъ-айтъ“, праздникъ весны, въ которомъ главное участіе принимаетъ молодежь. Молодые люди гоняются на лошадяхъ за дѣвицами и стараются ихъ поцѣловать, а тѣ бьютъ ихъ плетью. Дѣвушка даритъ кому-нибудь кусокъ плису, мѣховую шапку или что-нибудь въ этомъ родѣ, и получившій долженъ сохранить вещь отъ другихъ, при чемъ сопротивленія не допускается: все дѣло въ томъ, чтобы убѣжать отъ преслѣдованія, а подарокъ должно держать въ рукахъ, поднявъ вещь кверху. Поминки, которыя совершаются въ первую годовщину смерти богатыхъ и уважаемыхъ киргизовъ, сопровождаются празднествомъ. За 2—3 дня начинаютъ тянуться гости къ тому аулу, гдѣ будутъ поминки. Аулъ оживляется. Для гостей поставлены особыя юрты, всюду видны осѣдланныя лошади. Вечеромъ, когда старшіе занимаются разговорами въ одной кибиткѣ, въ другой аульныя дѣвушки и женщины загадываютъ загадки и отгадавшихъ награждаютъ поцѣлуями. Вечеръ заканчивается ужиномъ,

по окончаніи котораго, передъ кумысомъ, особенно почтенные гости начинаютъ угощать сидящихъ: мужчинамъ они кладутъ почетные куски прямо въ ротъ, а женщинамъ отдаютъ въ руки. Киргизы на этихъ собраніяхъ очень любятъ слѣдить за состязаніемъ двухъ пѣвцовъ: одинъ восхваляетъ своихъ предковъ, другой опровергаетъ его; слушатели очень одобряютъ всѣ мѣткія нападки и возраженія. Киргизскіе пѣвцы не имѣютъ такихъ пѣсенъ, которыя бы переходили отъ одного поколѣнія къ другому: они сами каждый разъ сочиняютъ новыя пѣсни; предметомъ ихъ то берется какое-нибудь важное историческое событіе, то разсказывается о спорѣ или о соперничествѣ въ любви, то воздается похвала какому-нибудь знатному гостю, котораго хотятъ почтить. Каждый куплетъ заканчивается длинной нотой: пѣвцу нужно обдумать слѣдующее, а если и этого мало, то — звуками кобыза или домры (трехструнной балалайки). Если пѣвецъ нравится, то слушатели хвалятъ его и тутъ же обѣщаютъ—кто халатъ, кто барана. Для некиргизскихъ ушей эти пѣсни кажутся однообразными и утомительными. Слава о замѣчательныхъ пѣвцахъ расходится по всей Киргизской степи и иногда переживаетъ самихъ пѣвцовъ. На поминкахъ всегда происходятъ состязанія борцовъ и скачки. Зрители тѣснымъ кольцомъ окружаютъ борцовъ; первый рядъ сидитъ на землѣ, сложивъ ноги калачикомъ, второй рядъ сидитъ на колѣняхъ, подложивъ ноги подъ себя, третій размѣщается кругомъ, сидя верхомъ на лошадяхъ; наконецъ, зрители четвертаго ряда стоятъ на лошадяхъ, чтобы лучше видѣть борьбу. Зрители бьются объ закладъ то за одного, то за другого бойца. Скачка лошадей, на которыхъ сидятъ мальчики, начинается за 30—40 верстъ отъ аула, и еще задолго до появленія первыхъ лошадей ожидающіе ихъ волнуются. Два длинныхъ ряда лошадей, на которыхъ становятся кир-

гизы, образуютъ улицу. Скакуны устали, ихъ окружаютъ друзья и родственники хозяевъ, тянутъ за поводъ, бьютъ нагайками, гикаютъ. Раздаются крики одобренія; имя хозяина побѣдившей лошади выкрикивается, переходитъ изъ устъ въ уста, и это служитъ ему единственной и самой почетной наградой. Послѣ скачки поминки оканчиваются. Прежде эти поминки стоили родственникамъ и наслѣдникамъ умершаго большихъ расходовъ: 2500 овецъ и барановъ, до 200 лошадей и до 5000 ведеръ кумыса. Память о такихъ поминкахъ сохранялась на многіе годы. Отличнымъ ѣздокамъ, стрѣлкамъ, пѣвцамъ раздавались различные подарки. Теперь, съ общимъ обѣдненіемъ киргизовъ, и поминки становятся все проще и скромнѣе. Память о богатыхъ и вліятельныхъ киргизахъ поддерживается еще и надгробными памятниками, разбросанными по степи, чаще всего у берега озера или рѣчки. Они похожи на часовни и дѣлаются изъ дерева съ рѣшетчатыми карнизами, съ главками, на которыхъ возвышается полумѣсяцъ, или просто изъ дерна со стѣнами и башенками. Подобныя могилы пользуются у киргизовъ большимъ уваженіемъ и немного разнообразятъ ровную и скучную степь.

III.

Тюркская вѣтвь: западно-сибирскіе татары и барабинцы, якуты.

Осѣдлые татары живутъ преимущественно въ Тобольской губ. и по языку раздѣляются на иртышскихъ (смѣсь древнихъ жителей Сибири съ нахлынувшими позже тюркскими племенами) и барабинскихъ. Тобольскіе *татары* раньше были подъ сильнымъ вліяніемъ Средней Азіи и магометанства. Значительная торговля съ Джунгаріей раньше способствовала ихъ благосостоянію. Теперь эти татары обнищали, и ихъ не-

многолюдныя деревни отличаются бѣдностью и неопрятностью. Татары смуглы, сухощавы, имѣютъ крѣпкое тѣлосложеніе, черные волосы, почти черные продолговатые глаза, прямой, довольно широкій носъ, толстыя губы и круглое лицо (рис. 24). Кромѣ татаръ, въ Тобольской губерніи живутъ потомки бухарскихъ выходцевъ. Эти бухарцы въ прежнее время имѣли большое значеніе для инородческихъ племенъ Сибири: они

Рис. 24. Тюменскій татаринъ.

распространили среди сибирскихъ татаръ магометанство, привили имъ свою грамотность, снабжали ихъ среднеазіатскими товарами. Въ ихъ рукахъ раньше были всѣ торговыя сношенія Сибири съ Средней Азіей, и они пользовались разными торговыми льготами. Но въ началѣ XIX столѣтія ихъ торговое значеніе упало, они стали заниматься земледѣліемъ и сельскими промыслами, въ 1822 г. были записаны въ число осѣдлыхъ инородцевъ и обложены подушной и оброчной

податью. Но земледѣліемъ они занимаются мало и плохо, быть ихъ ухудшился, и даже самое ихъ число уменьшилось. Татары Каинскаго уѣзда Томской губ. извѣстны подъ именемъ *барабинцевъ*. Съ наплывомъ русскихъ въ Барабу эти татары мало-по-малу теряли свои обширныя угодья между Иртышомъ и Обью и кругомъ озера Чановъ, теперь обѣднѣли и даже уменьшаются въ числѣ. У барабинцевъ болѣе замѣтны монгольскія черты — болѣе широкія скулы, болѣе узкіе глаза. Барабинцы довольно способны, но очень вялы. Татары одного происхожденія съ тобольскими живутъ также въ Томскомъ уѣздѣ, гдѣ они вполнѣ осѣдлы. Всѣ татары — магометане. Въ городскомъ татарскомъ населеніи замѣтна сильная примѣсь татаръ казанскихъ.

Якуты — одно изъ многочисленнѣйшихъ инородческихъ племенъ Сибири: ихъ число доходитъ до 250.000. За исключеніемъ человѣкъ 500 въ Туруханскомъ округѣ, всѣ якуты живутъ въ Якутской области, при чемъ почти половина ихъ (болѣе 100.000) обитаетъ между правымъ берегомъ Лены, нижнимъ теченіемъ Алдана и лѣвымъ притокомъ послѣдняго—Амгой. Южная часть этого пространства населена гораздо гуще сѣверной. Въ эту мѣстность якуты придвинулись съ юга, отъ Байкала, откуда они были вытѣснены монголами въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Тѣснимые монголами, сами якуты потѣснили тунгусовъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заняли ихъ мѣста по Ленѣ, Олекмѣ, Вилюю и проникли даже до береговъ сѣверныхъ рѣкъ (рис. 25). Якуты средняго роста, съ небольшой, почти круглой головой, черными довольно большими глазами, съ умѣренными скулами, съ смуглымъ и съ желто-сѣрымъ или бронзовымъ цвѣтомъ мало-подвижнаго лица, черными жесткими и прямыми волосами. Средняя часть лица у якутовъ развита сильно, такъ что лобъ и подбородокъ кажутся маленькими. Въ наружности однихъ

якутовъ преобладаютъ черты монгольскія, въ лицахъ другихъ—тюркскія: болѣе правильное и пріятное очертаніе лица, носъ съ горбинкой, тонкія, яркія губы и

Рис. 25. Якутка.

живые блестящіе глаза. Кромѣ того, встрѣчаются якуты съ явными слѣдами присутствія русской крови. Силой якуты не отличаются, но зато имѣютъ прекрасное зрѣніе и слухъ. Въ движеніяхъ они медленны и неповоротливы. На своей родинѣ якуты не привыкли къ пріятнымъ запахамъ: $^{2}/_{3}$ года страна покрыта снѣгомъ и льдомъ; лѣтомъ цвѣты почти безъ запаха; сѣно, древесныя почки, смола хвойныхъ деревьевъ

пахнутъ значительно слабѣе, чѣмъ на югѣ. Въ жилищахъ бѣдныхъ якутовъ (такихъ, конечно, громадное большинство) вѣчно стоитъ невыносимый запахъ: они никогда не стираютъ бѣлья („оно отъ этого только рвется“, какъ говорятъ они), ихъ одежда пропитана запахомъ испорченнаго рыбьяго жира и дичи. Но если якуты вполнѣ привыкли къ дурному запаху, однако они не пренебрегаютъ и хорошими, преимущественно сильными запахами: любятъ запахъ ладана, кабарговой струи. Какъ особенность, нужно отмѣтить, что они любятъ запахъ тѣла близкихъ, дорогихъ имъ лицъ: мать нюхаетъ дѣтей, отецъ—сына, мужъ—жену. Нюханье, какъ ласка, въ обычаѣ и замѣняетъ поцѣлуй. По характеру якуты веселы, впечатлительны, любятъ игры, танцы, сборища и разныя зрѣлища. Въ необходимыхъ случаяхъ они способны переносить голодъ, жажду, упорный трудъ, но зато въ обыденной жизни отличаются неумѣренностью въ пищѣ и питьѣ, безпечностью и лѣнью. Умственныя способности якутовъ можно назвать хорошими: они легко осваиваются съ русской грамотой, имѣютъ склонность къ ремесламъ, рисованію и математикѣ, отличаются торговой сообразительностью и предприимчивостью, которыя иногда переходятъ въ самое беззастѣнчивое кулачество. Въ настоящее время рогатый скотъ составляетъ главное богатство и основу жизни якутовъ, хотя въ старину коневодство было главнымъ ихъ занятіемъ. Вслѣдствіе возрастанія стадъ рогатаго скота у якутовъ явилось новое важное занятіе — сѣнокошеніе, и потому два сѣнокосныхъ лѣтнихъ мѣсяца — самая горячая пора для населенія, такъ что въ этихъ неутомимыхъ косцахъ трудно узнать прежнихъ лѣнтяевъ. Въ теченіе 50 дней должны они сдѣлать годовые запасы сѣна. Земледѣліе растетъ быстро и проникаетъ все далѣе и далѣе на сѣверъ. Сѣютъ главнымъ образомъ ячмень и ярицу. Если земледѣліе особенно раз-

вивается на югѣ области, то на берегахъ Ледовитаго океана, въ низовьяхъ рѣкъ, въ богатой озерами сѣверной части края, растетъ и развивается рыболовство и составляетъ главнѣйшее занятіе. Въ скотоводческихъ округахъ рыболовство составляетъ занятіе подспорное. Охота въ настоящее время имѣетъ весьма небольшое значеніе, даже на сѣверѣ, хотя тамъ пролетающіе далѣе гуси и утки и составляютъ въ извѣстное время года главную пищу населенія. Оленей въ количествѣ небольшомъ якуты разводятъ только для ѣзды; собаками съ этой цѣлью пользуются лишь на сѣверѣ. Въ далекую старину кумысъ и лошадиное мясо составляли почти исключительно пищу якутовъ, а теперь ихъ главная пища — „соратъ“, особымъ образомъ приготовленное кислое коровье молоко. Изъ стараго, постоявшаго „сората“ якуты приготовляютъ главное свое блюдо — „бутугасъ“ — жидкую похлебку изъ простой воды съ небольшой примѣсью муки, ягодъ или съѣдобныхъ корней. Коровье масло якуты очень любятъ, считаютъ лакомствомъ, ѣдятъ твердымъ, употребляютъ въ чаѣ, пьютъ въ растопленномъ видѣ. Якуты въ состояніи выпить его безъ передышки до $^1/_2$ фунта, а съ остановками до $2^1/_2$ ф. Есть удальцы, способные выпить даже по 5 фунтовъ масла. Растопленное масло послѣ продолжительнаго пребыванія на страшномъ холодѣ во время пути — напитокъ, далеко не противный и очень полезный: оно быстро согрѣваетъ, возстановляетъ силы и бодрость. Большинство сѣверныхъ якутовъ еще не умѣетъ приготовлять настоящаго русскаго, топленаго масла, а довольствуется „хаяхомъ“, приготовленнымъ изъ подогрѣтыхъ, сбитыхъ мутовкой сливокъ, бѣлымъ, жирнымъ и густымъ веществомъ, изъ котораго еще не выдѣлились частицы масла. Изъ масла, воды и муки приготовляется „саламатъ“, свадебное угощеніе, пища богатыхъ людей, больныхъ и родильницъ: влажную ячменную или ржаную муку

кладутъ въ котелъ, подогрѣваютъ или даже поджариваютъ на слабомъ огнѣ, подливая постоянно воды и помѣшивая; въ концѣ вмѣсто воды подливаютъ масла до полнаго насыщенія. За молочной пищей у якутовъ слѣдуетъ растительная — сосновая заболонь, которую теперь все болѣе и болѣе вытѣсняетъ мука, особенно на югѣ. Изъ муки якуты дѣлаютъ похлебку и прѣсныя лепешки. Квасить тѣсто и дѣлать хлѣбъ якуты еще не умѣютъ. Ѣдятъ они также съѣдобные корни, стебли и листья нѣкоторыхъ дикихъ растеній и ягоды (кромѣ малины). На сѣверѣ якуты употребляютъ въ пищу копченую, вялепую и кваненую рыбу. Въ южныхъ частяхъ употребляютъ въ пищу мелкую рѣчную и озерную рыбу, которую приготовляютъ въ прокъ такимъ образомъ: рыбу немного варятъ, выкладываютъ на сито, сдѣланное изъ старой „морды“ (верши), даютъ обсохнуть и сваливаютъ въ круглую, глубиной въ сажень, выложенную лиственичной корой яму, закрываютъ корой и засыпаютъ землей. Получается горькая вонючая рыба, называемая „сыма“, хотя въ послѣднее время этотъ способъ приготовленія рыбы почти оставленъ. На сѣверѣ изъ лососины и стерляди приготовляется очень вкусная „строгашна“; нужно, чтобы сырая рыба промерзла градусовъ до 40 по Реомюру, и тогда ее рѣжутъ на тонкіе ломтики и подаютъ обыкновенно къ чаю. Съ перцемъ и уксусомъ строгашна представляетъ несравненную закуску. Скотскаго мяса якуты ѣдятъ много и въ самомъ простомъ видѣ: варятъ его въ водѣ безъ соли и всякихъ приправъ или жарятъ на сковородкѣ, подливая воды. Чай, преимущественно кирпичный, пьется якутами въ огромныхъ количествахъ. Соль и хлѣбъ на югѣ входятъ во всеобщее употребленіе.

Длинныя, крайне холодныя зимы, продолжительныя отдаленныя поѣздки заставляютъ якутовъ очень заботиться о томъ, чтобы одежда хорошо защищала ихъ

отъ страшнаго холода (рис. 26). Поэтому якуты надѣваютъ на голыя ноги чулки изъ бѣлчьей или телячьей кожи, на нихъ мелкія туфельки изъ того же мѣха, а поверхъ „саары“ или „торбаса“ (длинные мѣховые сапоги), въ которые всегда кладется подстилка изъ сухой травы. Наколѣнники подбитыхъ мѣхомъ штановъ засовываются за голенища сапогъ и на нихъ надѣваютъ мѣховые наколѣнники, „лукъ-сутуро“. Эти сутуро стяги-

Рис. 26. Якутъ въ зимнемъ костюмѣ.

ваются крѣпко подъ колѣнями, а вверху, охватывая бедра, прикрѣпляются къ штанамъ мѣдными кольцами. Они не допускаютъ ни снѣга, ни дождя, ни вѣтра до

нижняго платья, о которомъ якуты заботятся, чтобы оно оставалось всегда сухимъ. Сверху надѣваютъ „сонъ“— однобортный кафтанъ, съ отложнымъ воротникомъ, доходящій до колѣнъ, книзу все болѣе и болѣе расширяющійся отъ клиновидныхъ вставокъ. Сонъ подбивается заячьимъ или лисьимъ мѣхомъ у богатыхъ, а у бѣдныхъ—телячьей или конской шкурой, выдѣланной, но не лишенной шерсти. Главнымъ образомъ на сѣверѣ, сверху якуты надѣваютъ куклянки, дохи изъ оленьей шкуры. „Сонъ“ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія. На голову надѣваютъ шапки, остроконечныя или круглыя, но всегда съ наушниками и широкой мѣховой каймой, сдѣланныя изъ двойного ряда мѣха. Шею якуты обвертываютъ сверхъ платья особымъ ошейникомъ изъ бѣлычьихъ хвостовъ, въ который они прячутъ подбородокъ, ротъ, щеки, часть носа, и дышатъ черезъ мѣхъ его, такимъ образомъ нѣсколько умѣряя холодъ глотаемаго воздуха. Теперь эти мѣховые ошейники часто замѣняются шарфами и шалями. Руки якутовъ прячутся въ рукавицы съ однимъ пальцемъ. На глаза они надѣваютъ волосяныя очки въ родѣ полоски волосяного кружева для защиты глазъ отъ очень яркаго блеска снѣга въ весенніе мѣсяцы (мартъ и апрѣль). Въ такой одеждѣ якутъ долго можетъ свободно переносить самые жестокіе морозы (рис. 27). Нарядной одеждой у якутовъ считается „саптыяхъ“—родъ шубы, доходящей до пятъ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ. Саптыяхи оторочиваются какимъ-нибудь дорогимъ мѣхомъ или даже цѣликомъ шьются изъ этого мѣха, съ боковъ и на спинѣ вышиваются шелкомъ, дорогимъ мѣхомъ, серебромъ и бисеромъ, такъ что стоятъ иногда отъ 200 до 1.000 р. и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе (рис. 28). Отъ русскихъ якуты заимствовали рубахи, которыя носятъ почти всѣ, жилеты, галстуки и т. п. Портняжествомъ у нихъ занимаются женщины и шьютъ очень плохо

Обыкновенное жилище ‚якутовъ въ настоящее время — юрта (по-якутски — „балаганъ“), небольшое деревянное строеніе съ двускатной невысокой крышей, сдѣланное изъ поставленныхъ наклонно бревенъ, что служитъ и потолкомъ. Юрта внутри поддерживается

Рис. 27. Якутки средней зажиточности.

четырьмя столбами по угламъ, освѣщается двумя, тремя и четырьмя окнами, лѣтомъ затянутыми бычачьимъ пузыремъ (теперь чаще со стекломъ), а зимой заставленными льдинами. Крыша по большой части завалена землей. Снаружи юрта зимою обмазывается коровьимъ каломъ и глиной, чѣмъ занимаются женщины, набрасы-

Рис. 28. Богатыя селенія. Якутки въ фамильныхъ костюмахъ.

вая лопатами коровій калъ на наружныя стѣны юрты, почему она и представляется какой-то развалиной. Внутри кругомъ юрты идутъ нары; ея лѣвая сторона назначается для женщинъ, правая—для мужчинъ. Надъ юртой возвышается, нѣсколько наклонно, широкая труба камелька, изъ которой по вечерамъ вылетаютъ цѣлые снопы искръ, какъ изъ пароходной трубы. Эта труба, сдѣланная изъ жердей, обмазанныхъ съ внутренней стороны глиной, поднимается съ низкаго квадратнаго шестка изъ толстыхъ бревенъ, плотно набитаго глиной; съ одной стороны ея сдѣлана выемка, довольно высокая и узкая, какъ бы въ видѣ чела печки; на этотъ шестокъ стоймя кладутся дрова и зажигаются. У правой передней нары подъ образами находится столъ. Рядомъ съ юртой ставится хотонъ — хлѣвъ для скота. Юрта помѣщается въ одномъ изъ концовъ просторнаго двора. Полъ юрты глиняный, у богатыхъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, досчатый (рис. 29). Гораздо рѣже встрѣчаются „ураса“, или „ураги“,—покрытое берестой или дерномъ строеніе въ видѣ колпака, остовъ котораго сдѣланъ изъ жердей. Посрединѣ — дымовое отверстіе. Лѣтомъ среди зелени бѣлая берестяная „ураса“ очень красива. Береста, которой покрываются „урасы“, сначала варится въ горячей водѣ и пропитывается березовымъ варомъ; куски эти расшиваются узорами, украшеніями и нивами изъ цвѣтного конскаго волоса (рис. 30).

Живя въ странѣ, гдѣ такъ много лѣса, скота и звѣрей, якуты развили у себя до значительныхъ размѣровъ обработку дерева, кожи, мѣха и волоса. Изъ лиственницы и березы они дѣлаютъ хозяйственныя вещи, домашнюю обстановку, лодки, нарты—длинныя, узкія, легкія сани и т. п. Изъ бересты дѣлаютъ разную посуду для молока. Изъ кожи, преимущественно коровьей и кобыльей, они приготовляютъ, обувь и платье, дорожную посуду для кумыса—„симиръ“, изъ

конскаго волоса—сѣти, повода, веревки и пр. Якуты — отличные плотники, такъ какъ хорошо владѣютъ топоромъ. Зато очень плохи ихъ глиняныя издѣлія, напр., горшки: они не умѣютъ промывать глины, не знаютъ гор-

Рис. 39. Юрта зажиточнаго якута.

шечной глазури. Изъ металловъ якутамъ извѣстнѣе всего желѣзо, которое они добываютъ сами изъ руды, такъ что производство разныхъ желѣзныхъ предметовъ (ножи, конья охотничьи, лемехи и пр.) сдѣлалось уже особымъ кустарнымъ промысломъ. Большинство якут-

скихъ кузпецовъ—прекрасные мѣдники и серебреники, хотя ихъ серебро не содержитъ болѣе 50% чистаго металла. Всѣ подѣлки изъ дерева, все, что приготовляется при помощи топора и пожа, это — дѣло мужское; все, что сшивается, сплетается, лѣпится, — дѣлаютъ женщины или старики. Мятье и выдѣлка кожъ— тоже старческое или женское рукодѣлье. Якутская трудолюбивая семья проводитъ длинные зимніе вечера въ заготовленіи платья, утвари, разныхъ предметовъ. Якутъ не торопится. Мурлыкая пѣсенку или прислушиваясь къ разсказываемой кѣмъ-нибудь сказкѣ, длинной, какъ сама якутская ночь, онъ готовъ тысячу разъ примѣрить, подстрогать, отрѣзать, пока, наконецъ, не будетъ доволенъ вырабатываемой вещью. Онъ лѣпиво поворачивается передъ огнемъ камелька, согрѣвая то одинъ бокъ, то другой, то спину, совѣтуется съ окружающими, съ удовольствіемъ выслушиваетъ ихъ похвалы, обсуждаетъ возраженія. Старинный родовой бытъ якутовъ въ настоящее время значительно распался, хотя и не исчезъ окончательно. И теперь семьи, имѣвшія одного общаго родоначальника, составляютъ родъ, которымъ и управляетъ родовой старшина. Нѣсколько родовъ составляютъ поселокъ подъ управленіемъ поселочнаго старосты, а нѣсколько поселковъ—улусъ, съ нѣсколькими выборными головами, писаремъ и его помощникомъ. Всѣ эти должности выборныя. Мѣстная администрація, въ лицѣ засѣдателей, исправниковъ и пр., постоянно вмѣшивается въ якутское самоуправленіе. Только дѣла о нарушеніяхъ границъ и поземельные споры подвѣдомственны родовому и улусному судамъ, а всѣ прочія — существующимъ въ области русскимъ судебнымъ учрежденіямъ. Въ настоящее время только лѣса и пастбища находятся въ общемъ владѣніи, а пашенныя и сѣнокосныя мѣста— уже въ частной собственности. Поселковъ въ области 230, а улусовъ 18. Улусы и поселки разбросаны, такъ

Рис. 30. Якутская „ураса".

что иногда поселки, принадлежащіе къ одному улусу, находятся въ предѣлахъ другого. Для уплаты податей якуты внутри поселковъ дѣлятся на три класса, сообразно съ количествомъ сѣнокосныхъ паевъ: чѣмъ больше „кюрэ“, паевъ, тѣмъ больше и налога. Первый классъ (3—4 кюрэ) платитъ между 18 и 25 р. въ годъ, 2-й (2—3 кюрэ) — между 12 и 18 р., 3-й (одно кюрэ)— 3—8 р., смотря по мѣстности. Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ есть и 4-й классъ: бобыли, платящіе только по 1 р. ясака въ годъ. Натуральныя повинности якутовъ состоятъ въ гоньбѣ между почтовыми станціями, постройкѣ и починкѣ мостовъ, общественныхъ зданій, исправленіи дорогъ и т. п. Нужно еще отмѣтить тяжелую, обременительную и несправедливую повинность: содержаніе присылаемыхъ въ область уголовныхъ ссыльныхъ, среди которыхъ очень часто встрѣчаются люди, совершенно испорченные, безпокойные и всегда готовые совершить новое преступленіе.

Семейный бытъ якутовъ отличается тѣмъ, что хозяинъ, глава дома—полный и неограниченный властелинъ семьи. Никто не смѣетъ стать между нимъ и огнемъ, если онъ грѣется у него или смотритъ на него; женщины даже не смѣютъ тогда и пройти мимо камелька и обходятъ его сзади. Никто не смѣетъ въ его присутствіи возвышать голоса; домочадцы разговариваютъ полушопотомъ; при немъ не допускаются игры, шумъ и смѣхъ. Но любви къ родителямъ у якутовъ не замѣтно: они нисколько не уважаютъ престарѣлыхъ родителей, которые уже не могутъ внушать имъ страха. Къ маленькимъ дѣтямъ якуты относятся благодушно, не бьютъ ихъ, но зато заставляютъ работать. Положеніе женщины въ якутской семьѣ тяжелое: она не имѣетъ никакихъ правъ, и на нее смотрятъ, какъ на домашнюю работницу. Замужъ дѣвушку выдаютъ обыкновенно безъ ея согласія за калымъ отъ одного

до нѣсколькихъ сотъ рублей, хотя этотъ обычай начинаетъ уже исчезать. Не строгое, легкомысленное поведеніе дѣвицъ и молодыхъ женщинъ у якутовъ не встрѣчаетъ особаго осужденія. Якуты въ настоящее время, можно сказать, всѣ крещены, носятъ христіанскія имена и русскія фамиліи, имѣютъ въ своихъ юртахъ иконы, передъ которыми зажигаютъ свѣчки и молятся, но, несмотря на все это, не оставили еще своихъ прежнихъ вѣрованій, какъ увидимъ ниже.

IV.

Монгольская вѣтвь: буряты. Тунгусская вѣтвь: тунгусы, орочоны, ламуты, гольды и др.

Въ Иркутской губ. и Забайкальской обл. живетъ многочисленное племя *бурятъ* (до 300.000). Въ Иркутской губ. ихъ до 120.000 (больше всего въ Балаганскомъ уѣз.), остальное въ Забайкальской обл. (больше всего въ Селенгинскомъ окр.). Въ наружности бурятъ очень ясны монгольскія черты: широкія скулы, узкія глазныя щели, прямые черные волосы, слабое развитіе бороды и усовъ и смугло-желтый цвѣтъ кожи. Но между ними нерѣдко встрѣчаются лица болѣе правильныя и даже привлекательныя (рис. 31). Нѣкоторые буряты очень похожи на сосѣднихъ русскихъ старожиловъ. Буряты — народъ общительный, добродушный и даже веселый. Но эти качества бурята обнаруживаются только тогда, когда онъ дома, среди своихъ; въ городѣ, среди русскихъ, онъ кажется скрытнымъ и себѣ на умѣ. Буряты отличаются любознательностью; ученики-буряты имѣютъ прекрасныя умственныя способности, сообразительность, не говоря уже о прилежаніи и трудолюбіи. Буряты, особенно бѣдные, отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ. Они очень хорошо относятся къ своимъ женамъ, любятъ дѣтей, родственниковъ и друзей. Главная пища бурятъ „арса“,—очень

кислый, полужидкій творогъ, получаемый послѣ перегонки заквашеннаго молока въ слабую водку — „тарасунъ“. Перегоняя „тарасунъ“ еще нѣсколько разъ,

Рис. 31. Буряты.

получаютъ болѣе крѣпкую водку—„арака“. Арсу сливаютъ въ кадки и при употребленіи въ пищу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, подбавляя муки. Лѣтомъ буряты ѣдятъ и кислое молоко — „курунгу“, изъ котораго дѣлается арса. Свѣжее молоко они предпочитаютъ пить съ чаемъ. Чай пьютъ кирпичный, подправляя его мукой, масломъ и солью. Лѣтомъ мясо почти совсѣмъ не употребляется въ пищу. Осенью бьютъ быковъ, изрѣдка лошадей. Для заготов-

ленія мяса впрокъ его рѣжутъ длинными полосами, опускаютъ въ кипящій разсолъ и вялятъ на вѣтру. Употребленіе хлѣба все больше и больше распространяется между бурятами, особенно въ Иркутской губ., какъ и употребленіе картофеля. Грибовъ и ягодъ буряты не ѣдятъ. Сѣверные буряты живутъ въ восьмиугольныхъ деревянныхъ юртахъ въ сажень вышиной, съ бревенчатой или досчатой кровлей и съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Огонь разводится посрединѣ юрты, прямо на землѣ (рис. 32). Въ уѣздахъ Балаганскомъ и Иркутскомъ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья, буряты начали строить себѣ дома по русскому образцу, соединяться въ селенія, ставя дома въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Но большая часть

Рис. 32. Буряты-промышленники.

бурятъ все еще живетъ небольшими улусами въ 10—15 юртъ, въ которыхъ юрты разбросаны на большомъ пространствѣ и обнесены загородкой изъ жердей. Скотъ,

бродящій въ этихъ загородкахъ, всю зиму удобряетъ почву, а весной жители улуса переселяются въ лѣтники и даютъ травѣ расти безъ помѣхи на удобренныхъ мѣстахъ. Въ концѣ лѣта здѣсь образуется прекрасный сѣнокосъ. Такія мѣста называются „утугами“. Около лѣтниковъ, или утуговъ, буряты устраиваютъ пашни, если позволяетъ почва. Утуги и пашни орошаются нѣсколько разъ въ теченіе лѣта посредствомъ проведенныхъ изъ рѣки канавъ, и буряты пользуются этой водой по очереди. Въ Забайкальѣ, гдѣ воды мало, предпочитаютъ орошать не пашни, а сѣнокосы, такъ какъ для забайкальскихъ бурятъ скотоводство важнѣе земледѣлія.

Шитьемъ одежды и обуви у бурятъ занимаются женщины. Зимняя одежда чаще всего шьется изъ овчинъ, а у бѣдныхъ—изъ шкуръ телятъ и жеребятъ—„дэгиль“, — шуба или халатъ, а сверху иногда надѣвается доха. Широкіе и длинные лѣтніе халаты и рубахи дѣлаются изъ бумажныхъ и шерстяныхъ русскихъ матерій, а у богатыхъ изъ шелковыхъ китайскихъ. Въ дождливую погоду почти всѣ носятъ „сабу“, суконную шинель съ пелериной. Шапки у мужчинъ и женщинъ почти одинаковы: съ острой тульей и расширеннымъ кверху околышемъ, иногда плисовымъ. Зимой носятъ шапки съ наушниками изъ лисьихъ лапокъ. Халаты у мужчинъ и дѣвицъ дѣлаются цѣльные, застегиваются на боку и на правомъ плечѣ и перехватываются на поясницѣ ремнемъ или кушакомъ. Халаты у женщинъ похожи на юбку и кофту съ разрѣзомъ, сшитыя вмѣстѣ. Сверху надѣвается безрукавка. По вороту, рукавамъ и подолу халаты обшиваются мѣховой опушкой, а иногда прокладываются и яркой шелковой матеріей или плисомъ. Женщины носятъ двѣ косы, а дѣвушки много. Поверхъ косъ бурятки носятъ нешпрокую повязку, вышитую жемчугомъ, бусами, кораллами и серебряными бляхами.

Шапка и безрукавка обязательны для бурятки. Въ праздники съ головы бурятки виситъ очень затѣйливый уборъ съ серебряными украшеніями, а къ нему сзади привѣшиваются мѣшочки изъ бархата, въ которые вкладываются косы. Ко всему этому прикрѣпляются серебряныя цѣпочки, развѣшенныя по груди и спинѣ (рис. 33). Мужчины украшаютъ серебромъ шапки и кушаки. Буряты наряжаются только въ праздники и

Рис. 33. Буряты въ праздничномъ платьѣ.

когда идутъ въ гости, а дома они, особенно женщины, одѣваются плохо и вообще нечистоплотны. Буряты раньше были звѣроловами и скотоводами, а земледѣліе появилось между ними не очень давно, лѣтъ 100 тому назадъ. Подъ вліяніемъ примѣра русскихъ сосѣдей, а особенно вслѣдствіе уменьшенія прежняго земельнаго простора, буряты быстро переходятъ къ земледѣлію и увеличиваютъ запашки, какъ, напр., буряты нѣкоторыхъ мѣстностей Иркутскаго и Бала-

ганскаго уѣзд., и ихъ земледѣліе уже недалеко отстаетъ теперь отъ русскаго. Въ Балагапскомъ уѣз. особенно замѣтенъ переходъ кочевого состоянія къ земледѣльческому. Нѣкоторые улусы совсѣмъ перестали кочевать, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ исчезли даже и лѣтники. Даже буряты-скотоводы уже не дѣлаютъ теперь большихъ переходовъ. Рыболовствомъ въ обширныхъ размѣрахъ буряты занимаются въ устьяхъ Селенги (кударинскіе буряты) и у береговъ острова Ольхона на Байкалѣ. Изъ ремеслъ среди бурятъ развилось плотничное и кузнечное, и послѣднее особенно ими уважается. Буряты дѣлятся на нѣсколько родовъ. Раньше буряты управлялись наслѣдственными князьями, или тайшами, и старшинами (шулеги). Въ Забайкальѣ степныя думы изъ родовыхъ старшинъ подъ предсѣдательствомъ тайшей, уже не наслѣдственныхъ, а избранныхъ, предположено замѣнить общекрестьянскими учрежденіями. Въ Иркутской губ. учреждены инородческія управы, въ родѣ волостей, управляемыя головами. Дѣлопроизводство въ этихъ управахъ ведется на русскомъ языкѣ. Буряты, сохранившіе тайшей, только въ уголовныхъ случаяхъ судятся по русскимъ законамъ, а въ прочихъ—по народнымъ обычаямъ. Окончательное упраздненіе бурятскаго самоуправленія, предпринятое въ $190^2/_3$ гг., но еще не законченное вполнѣ, должно принести бурятамъ большой вредъ. Старинной вѣрой бурятъ было шаманство — „черная вѣра“, вѣра въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы. Первобытный бурятъ привыкъ со страхомъ смотрѣть на вершины горъ, гдѣ скоплялись облака и гремѣлъ громъ, откуда стекали потоки, причиняющіе внезапныя наводненія, привыкъ трепетать при видѣ губительныхъ байкальскихъ бурь, часто внезапныхъ снѣжныхъ бурановъ, — и пришелъ къ твердому убѣжденію, что силы природы—такія же существа, какъ и онъ самъ, чаще всего враждебныя

и злыя, по которыхъ можно умолить, заклясть или умилостивить подарками. Но это могутъ дѣлать только люди, знающіе заклинанія, могущіе входить въ общеніе съ этими невидимыми существами, люди сильныхъ умственныхъ способностей, смѣлые и безстрашные. Такими людьми и явились шаманы, посредники между духами и людьми. Особымъ почтеніемъ пользуется у шаманистовъ небо, какъ податель жизни, какъ всеобщій отецъ, за нимъ огонь, столь благодѣтельный въ суровомъ климатѣ. Небо населено для шаманиста особыми высшими духами, тенгріями; кромѣ нихъ, еще существуетъ хаты, посредники между тенгріями и людьми, иногда спускающіеся на землю. Духи низшіе, покровители каждаго мѣста — заяны, а каждый родъ, каждая семья имѣютъ особаго покровителя — онгона. Шаманисты дѣлаютъ изображенія этихъ онгоновъ: это— или шкурка животнаго — горностая, зайца, хорька, украшенная лентами, или деревянная человѣческая фигура, или кукла изъ лоскутковъ, а чаще всего грубый рисунокъ на доскѣ или на лоскутѣ, сдѣланный красной краской. Онгоновъ-покровителей очень много: для лошадей, коровъ, игръ, промысловъ, особенно кузнечнаго дѣла, различныхъ болѣзней. Имъ приносятъ жертвы водкой и молочными продуктами. Со смертью хозяина дома всѣхъ онгоновъ сжигаютъ и заводятъ новыхъ. Нѣсколько разъ въ годъ у богатыхъ родовъ, а у бѣдныхъ года въ три раза устраиваются общественныя жертвоприношенія и праздники въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся „обо“ -куча камней или хвороста, посвященная мѣстному заяну. Эти праздники называются тайлаганами. Жертвоприношенія на тайлаганахъ совершаютъ шаманы (рис. 34). Шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякій, а лишь особо одаренный для этого: съ живымъ воображеніемъ, съ склонностью къ видѣніямъ и припадкамъ; поэтому шаманство чаще всего передается по наслѣдству, особенно по женской линіи.

Чаще всего шамана приглашаютъ для избавленія отъ болѣзни. Для этого въ юртѣ или на открытомъ воздухѣ разводятъ огонь, въ который бросаютъ пихту,

Рис. 34. Бурятскій шаманъ.

вересктъ, богородскую траву, а юрту обрызгиваютъ молокомъ. Бубенъ бурятскіе шаманы употребляютъ рѣдко. Шаманъ надѣваетъ особыя шубу и шапку. Шуба дѣлается изъ замши, обшита бахромой и желѣзными привѣсками, изображающими змѣй. Шапка шамана состоитъ изъ желѣзнаго обода, къ которому прикрѣпляются двѣ желѣзныя же полудуги, перекрещиваю-

щіяся на вершинѣ. Въ руки шаманъ беретъ палки, представляющія коней, съ вырѣзанной лошадиной головой на концѣ; посрединѣ палки находится легкій выгибъ, и здѣсь подвѣшены маленькія стремена. Ставъ у огня, шаманъ и одѣвавшіе его помощники начинаютъ пѣть молитвы; шаманъ раскачивается туловищемъ во всѣ стороны, а ноги его или остаются неподвижно, или онъ дѣлаетъ прыжки, опираясь на свои палки. При этомъ не притворяющійся шаманъ дѣйствительно впадаетъ въ особое состояніе, близкое къ припадку, что иногда и случается: тогда шаманъ падаетъ на полъ, бьется, изо рта его течетъ пѣна, онъ рычитъ или кричитъ, подражая животнымъ, бросается на присутствующихъ. Въ это время, какъ думаютъ бурятышаманисты, въ шамана или входятъ духи, благодаря чему онъ можетъ пророчествовать и указывать на мѣстонахожденіе какой-нибудь похищенной вещи, или, если шаманство производится для исцѣленія больного, душа самого шамана оставляетъ тѣло и отправляется выручать душу больного въ жилище умершихъ, царство Эрлена-хана, передъ которымъ онъ и молится о возвращеніи души больного обратно. При этомъ шаманъ и его помощники поютъ сложенныя на этотъ случай пѣсни или сочиняютъ разсказы, въ которыхъ сообщается, гдѣ находится и что дѣлаетъ въ данное время шаманъ. Шаманы черные призываютъ восточныхъ подземныхъ духовъ (злыхъ), а шаманы бѣлые—свѣтлыхъ западныхъ (добрыхъ). Шамановъ хоронятъ обыкновенно на горахъ и гробъ помѣщаютъ на деревьяхъ. Число шамашистовъ уменьшается: они становятся или православными, или ламаитами, буддистами, такъ что въ Иркутской губ. не болѣе 5% всѣхъ бурятъ остались вѣрными старинному шаманству.

Въ Забайкальѣ вслѣдствіе сосѣдства съ Монголіей распространилась „желтая вѣра“ — буддизмъ, или ламаизмъ. Созданная въ далекой Индіи Буддой, чело-

вѣкомъ другого, арійскаго племени, буддійская религія привилась къ монголамъ-бурятамъ въ формѣ ламаизма. Ламаизмъ нужно считать особой сектой буддизма, отъ котораго онъ заимствовалъ презрѣніе къ окружающему вещественному міру, къ земной жизни, ученіе объ умерщвленіи плоти, о перерожденіи существъ и ихъ посмертномъ переходѣ изъ низшаго въ высшее, если они, напр., люди, заслужили это своей добродѣтельной жизнью на землѣ. Все живущее, всякая жизнь вообще имѣетъ въ глазахъ ламаитовъ особенную цѣнность. Ламаиты убѣждены, что вся вселенная переполнена добрыми и злыми духами, такъ что каждое растеніе, даже каждая былинка, имѣетъ своего духа-покровителя. Ламаиты имѣютъ безчисленное множество изображеній этихъ божествъ: литыхъ, особенно изъ мѣди, рисованныхъ на кожѣ и полотнѣ. Годамъ къ 45 каждый ламаитъ произноситъ обѣты отреченія отъ мірскихъ дѣяній: 1) убивать какое-либо живое существо, 2) вести брачную жизнь, 3) произносить лживыя слова, 4) пить вино, и обѣщается ежедневно произносить отъ 10.000 до 100.000 разъ краткую молитву: „Омъ-ма-ни-падъ-мэхумъ“, священный смыслъ который ему неизвѣстенъ (рис. 36). Эта „желтая вѣра“ (ламы ходятъ въ желтомъ платьѣ) названа ламаизмомъ потому, что ея духовныя лица, ламы, имѣютъ очень большое значеніе въ жизни ламаита (рис. 35). „Лама— добрый другъ“, и безъ него невозможно получить спасеніе. Онъ долженъ быть руководителемъ каждаго человѣка, къ нему должно питать постоянное почтеніе и уваженіе, его нужно не только снабжать необходимыми вещами, но не жалѣть для него и самыхъ дорогихъ. Эти ламы, бритые, съ широкимъ и длиннымъ желтымъ платомъ на обыкновенной бурятской одеждѣ, перекинутымъ на лѣвое плечо и пропущеннымъ подъ правую мышку, населяютъ монастыри, дацаны, гдѣ они ежедневно по 4 раза совершаютъ служенія въ кумирняхъ,

Рис. 35. Ламы.

наполненныхъ изображеніями боговъ, которыхъ они въ праздничные дни обносятъ кругомъ дацановъ съ пѣніемъ своихъ священныхъ гимновъ. Ламы должны

Рис. 36. Буряты-ученики въ дацанѣ.

быть безбрачны, соблюдать посты и обучать правиламъ своей вѣры молодыхъ людей, будущихъ ламъ. Ламы въ своихъ монастыряхъ изучаютъ также тибетское врачебное искусство и извѣстны у бурятъ какъ искусные врачи. Въ монастыряхъ полагается извѣстное штатное число ламъ (всего штатныхъ ламъ у бурятъ 320). Каждая бурятская семья считаетъ своимъ долгомъ, чтобы хотя кто-нибудь изъ ея членовъ имѣлъ отношеніе къ культу, и потому много бурятъ, принявшихъ обычные обѣты, живетъ дома и занимается хозяйствомъ. Эти „убаши“, получивъ нѣкоторое образованіе въ дацанахъ, обыкновенно скромные и работящіе люди. Вредными тунеядцами изъ среды лицъ, имѣющихъ отношеніе къ ламаитскому культу,

являются бывшіе учешки дацановъ, исключенные оттуда по разнымъ причинамъ, и самозванцы-ламы изъ Урги (рис. 36). Главный монастырь ламаитовъ находится въ Забайкальѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска, на Гусиномъ озерѣ. Тамъ пребываетъ хомбо-лама, соотвѣтствующій епископу и утверждаемый высшимъ правительствомъ. Кромѣ того, есть и другіе, меньшіе монастыри, управляемые „ширетуями“ (рис. 37). Хомбо-лама можетъ отлучаться изъ своего монастыря только съ разрѣшенія забайкальскаго губернатора. Духовнымъ главой своимъ ламаиты признаютъ тибетскаго далай-ламу, но чтутъ также и ургинскихъ хутухтъ. Многія черты старшной „черной вѣры“, шаманизма, пе-

Рис. 37. Дацанъ.

решли и къ ламаитамъ, какъ вѣра во всеобщее распространеніе добрыхъ и злыхъ духовъ, поклоненіе ихъ изображеніямъ и пр. Въ жилищѣ каждаго бурята-ла-

манта прямо противъ входа возвышается домашній алтарь—ящикъ, въ родѣ комода, съ пестро-разрисованными стѣнками; на немъ находятся „бурханы“ (литые или сдѣланные изъ глины, картона, или нарисованные на бумагѣ и кожѣ), а передъ ними—мѣдныя чашечки

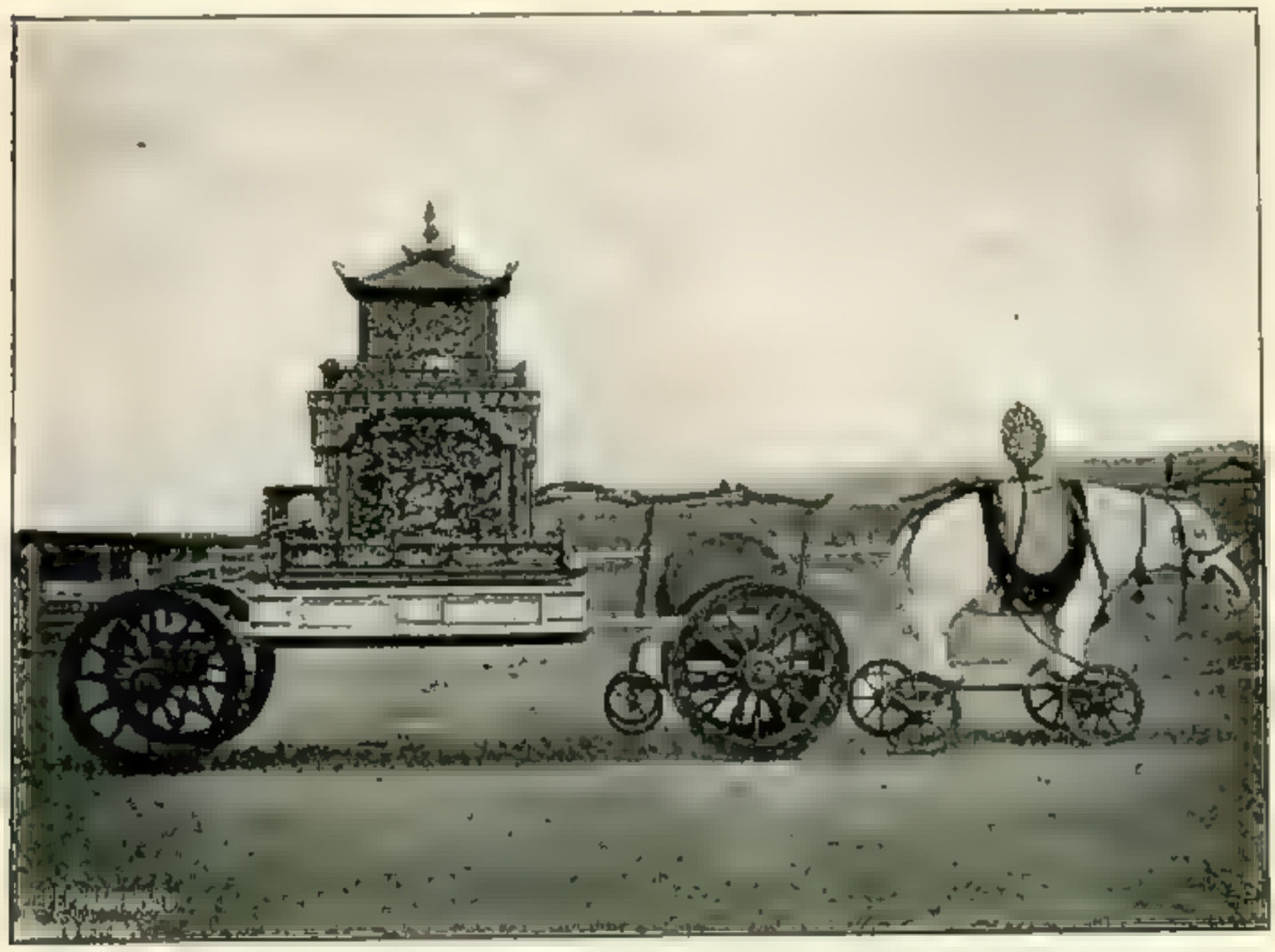

Рис. 38. Колесница съ бурханомъ, слономъ и барабаномъ.

съ жертвенными приношеніями: водой, масломъ, зерномъ; тутъ же находятся колокольчики, естественные и искусственные цвѣты, вазочки (рис. 38 и 39).

Послѣднюю отрасль урало-алтайской вѣтви сибирскихъ инородцевъ представляютъ *тунгусы* и *маньчжуры*. Маньчжуры въ количествѣ 15—20 тысячъ жили на лѣвомъ берегу Амура, у Благовѣщенска, за рѣкой Зеей. Въ іюлѣ 1900 г., во время бомбардировки Благовѣщенска китайцами, зажиточныя деревни маньчжуръ были сожжены русскими изъ города и сосѣднихъ селеній, скотъ перебитъ, а сами маньчжуры или истреблены, или бѣжали въ китайскіе предѣлы,

оставивъ въ добычу ничѣмъ не рисковавшимъ побѣдителямъ свои цвѣтущія нивы и прекрасные луга. Теперь остатки маньчжуръ превратились въ нищихъ и наводняютъ приамурскіе города и селенія. На огромномъ пространствѣ отъ Енисея и сѣверныхъ тундръ до Амура и Охотскаго моря бродятъ тунгусы (рис. 40). По внѣшнему виду тунгусы дѣлятся на южныхъ и сѣверныхъ. Южные тунгусы отличаются довольно высо-

Рис. 39. Бурханы въ Онинскомъ дацанѣ.

кимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, имѣютъ довольно прямой, короткій носъ, узкіе, но прорѣзанные почти прямо глаза, большой ротъ, широкія скулы и большія руки и ноги. Цвѣтъ лица очень смуглый. Сѣверные тунгусы, наоборотъ, отличаются ростомъ малымъ, также малыми руками и ногами и гораздо меньшей смуглотой. Волосы у тѣхъ и другихъ черные и прямые, растительность на лицѣ жидкая и коротка,

глаза темно-карiе. Уши тунгусовъ отличаются маленькой мочкой. Можно думать, что настоящими тунгусами являются южные, а сѣверные произошли отъ какого-то

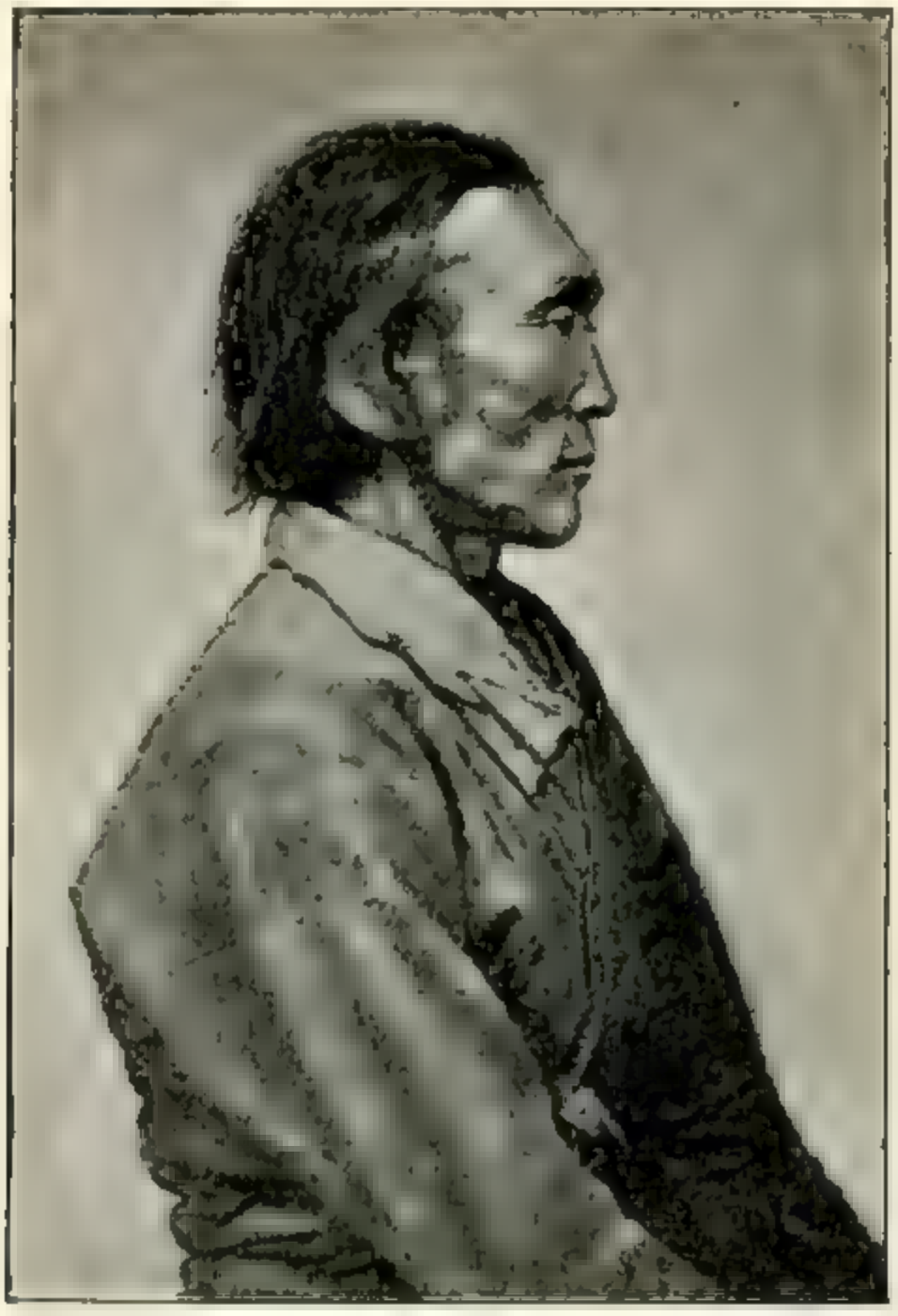

Рис. 40. Тунгусъ.

древняго народа, по крови не тунгусскаго, а только смѣшавшагося съ тунгусами. По характеру тунгусы очень живы, подвижны, беззаботны, даже вѣтрены, отличаются чрезвычайнымъ радушiемъ и гостепрiимствомъ. По обычаю, тунгусъ входитъ въ незнакомое жилище, беретъ трубку изъ рукъ или даже изо рта хозяина, садится къ огню и послѣ этого ведетъ себя уже очень скромно. Гостю предлагаютъ отвѣдать какой-нибудь пищи, въ которой тунгусы очень умѣренны.

Взаимное гостепріимство совершенно необходимо для тунгусовъ при ихъ беззаботности и бродячей жизни. Воровство и грабежъ тунгусамъ неизвѣстны. Въ семействѣ отецъ — глава и полный хозяинъ, но дѣти и жена не находятся въ рабской зависимости отъ него. У женатаго сына отецъ беретъ только половину его заработка. Отношенія отца къ дѣтямъ самыя мягкія. Члены рода всячески помогаютъ своимъ сородичамъ, иногда прокармливаютъ обѣдиѣвшія семьи и даже платятъ за нихъ ясакъ. Хотя тунгусы и отличаются живымъ и впечатлительнымъ умомъ и легко осваиваются со всякимъ дѣломъ, но не имѣютъ изобрѣтательности: у нихъ нѣтъ такихъ длинныхъ и замысловатыхъ сказокъ и пѣсенъ, какъ у др. инородцевъ, дѣти ихъ не устраиваютъ даже несложныхъ игръ, не имѣютъ куколъ и игрушекъ. Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ тунгусъ наиболѣе склоненъ къ кочеванію, къ переѣздамъ; онъ ведетъ въ полномъ смыслѣ бродячую жизнь. На зиму тунгусы дѣлаютъ себѣ юрты изъ жердей, поставленныхъ наклонно, съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Юрта покрывается оленьими продымленными шкурами, а у бѣдныхъ — рыбьей кожей. Посрединѣ постоянно горитъ костеръ съ чайниками и котелками. По бокамъ устраиваются отдѣленія или пологи — широкіе, продолговатые мѣховые ящики, крѣпко закрытые со всѣхъ четырехъ сторонъ, а съ пятой, обращенной къ огню, снабженные мѣховой занавѣской, которая можетъ подниматься и опускаться. Въ такомъ пологѣ можно только сидѣть или лежать на нѣсколькихъ рядахъ постланныхъ оленьихъ шкуръ, но зато въ немъ такъ тепло, что можно оставаться въ легкой одеждѣ: и въ самыя страшныя пурги туда не проникаетъ ни одна струйка холода. Въ большой юртѣ бываетъ даже по 6—8 такихъ пологовъ. Лѣтомъ тунгусъ довольствуется берестяной юртой, которую онъ оставляетъ при переходѣ на другое мѣсто. При

входѣ въ юрту всегда лежитъ вязашка дровъ, на жердяхъ сушатся мокрая обувь и одежда, виситъ пузырь съ жиромъ бѣлуги или нерпы — самое любимое лакомство тунгуса. Главной пищей тунгуса служитъ вареная и вяленая оленина; кромѣ того, употребляется рыба въ сушеномъ видѣ (юкола) или въ замороженномъ (строганина), мясо и жиръ медвѣдя и тюленя. Изъ вареной рыбы дѣлается порошокъ (порса), который смѣшивается съ топленымъ нерпичьимъ жиромъ. Ни соли ни хлѣба тунгусы не употребляютъ. Лакомыми кусками считается мозгъ отъ голени оленя, хрящи носовой полости, которые поѣдаются въ сыромъ видѣ, и оленій языкъ. Изъ нерпичьяго жира, рыбьей икры и брусники приготовляется густое тѣсто и замораживается; этимъ лакомствомъ тунгусъ наслаждается послѣ тяжелой охоты или труднаго перехода. Растительной пищи тунгузъ, какъ и киргизъ, вообще не любитъ. Чай во всеобщемъ употребленіи. Широкаго, тяжелаго платья тунгусы не любятъ, да имъ и нельзя обременять себя такой одеждой: ходьба съ горы на гору въ разъединенныхъ глубокими логами лѣсахъ, нерѣдко по глубокому снѣгу для осмотра поставленныхъ ловушекъ,—все это само по себѣ очень тяжелое дѣло. Даже при 40° морозѣ тунгузъ бродитъ въ горахъ иногда въ лѣтнемъ замшевомъ кафтанѣ. Благодаря такому закаливанію и дѣятельному образу жизни, тунгусы доживаютъ до глубокой старости. Тунгусы носятъ кафтаны съ расходящимися полами, вышитые бисеромъ, крашеной шерстью и ремешками; спереди кафтанъ застегивается у шеи только на одну пуговицу, а по бокамъ и на спинѣ онъ посредствомъ вырѣзокъ пригоняется въ талію и плотно обхватываетъ сзади туловище. Расходящіяся полы кафтана дѣлаютъ необходимымъ ношеніе особаго передника, который ремешками завязывается вокругъ шеи и на таліи, а нижнимъ концомъ спускается до колѣнъ. У женщинъ

такіе же кафтаны и передники, только вышитые и украшенные съ особеннымъ стараніемъ; на женскомъ нарядѣ висятъ монеты, бусы, китайскія пуговицы. Мужчины и женщины носятъ шаровары изъ мѣха или ровдуги (замши) и торбасы (кожаные, шерстью внутрь, иногда вышитые, сапоги). Женщины и дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ косы и носятъ на головѣ чепецъ, весь вышитый бисеромъ и шелкомъ. Шею обертываютъ особыми ошейниками, иногда изъ цѣлой сотни бѣличьихъ хвостовъ. Тунгуски, живущія въ сосѣдствѣ съ русскими, перепяли отъ нихъ юбки, чаще всего краснаго цвѣта, съ широкой, синей каймой и съ разрѣзомъ сзади (для удобства при верховой ѣздѣ). Вообще тунгусы отличаются франтовствомъ, любовью къ пестротѣ, расшитымъ нарядамъ. Тунгуски даже въ уши своихъ любимыхъ оленей продѣваютъ нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. Веденіе всего хозяйства, даже разборка, перевозка и постановка юрты, снятіе шкуры съ убитаго олеия — все это составляетъ обязанность женщины. При всемъ этомъ отношенія между мужемъ и женой—самыя мирныя и дружескія; мужъ никогда не бьетъ ее, въ важныхъ дѣлахъ совѣтуется съ ней. Дѣтей тунгусы любятъ, и дѣти очень почтительны къ родителямъ. Но ни одна слеза не показывается изъ глазъ тѣхъ и другихъ при потерѣ любимаго существа: тунгусы никогда не плачутъ.

Въ лѣтнее время тунгусы занимаются рыбной ловлей на берегахъ рѣкъ и моря; но лишь только выпадаетъ первый снѣгъ, тунгусъ кладетъ въ суму принадлежности охоты, кусокъ жира, чайникъ, нѣсколько юколъ, надѣваетъ лыжи, беретъ ружье и посохъ и надолго пропадаетъ изъ юрты. Цѣлыми недѣлями тунгусъ бродитъ по горнымъ хребтамъ и долинамъ верховьевъ рѣкъ, выслѣживая звѣря и не зная тогда ни усталости, ни холода, ни голода. Онъ почуетъ тогда

подъ кустомъ или въ снѣгу, спитъ мало, да и то лишь когда сильная пурга мѣшаетъ охотѣ, еще меньше ѣстъ и пьетъ, проходя въ день 40—80 в. Зрѣніе и чутье тунгуса поразительны. Онъ не собьется съ дороги въ непроглядную пургу или въ густомъ лѣсу, сквозь вѣтви котораго не видно даже клочка неба. Часть тунгусовъ исключительно занимается оленеводствомъ, и олени, на которыхъ тунгусъ перевозитъ свое имущество съ одного мѣста на другое, имѣются у каждой семьи. Все отношеніе тунгусовъ къ русской власти заключается въ томъ, что весной они собираются на стойбища для внесенія ясака по 1—2 соболей съ юрты. Тунгусы давно ужъ крещены, но мало знакомы даже съ внѣшней стороной православія. Тунгусамъ родственно также племя *ламутовъ* (до 5000), которые доходятъ въ своихъ кочевкахъ до береговъ Охотскаго моря, а на сѣверѣ — даже до Анадыра. Болѣе южные ламуты по образу жизни напоминаютъ тунгусовъ, а сѣверные — чукчей, съ которыми, впрочемъ, живутъ во враждѣ. Тунгусамъ родственны также племена, живущія по Амуру и его притокамъ, а также по берегамъ Охотскаго моря и Татарскаго пролива. *Орочоны* живутъ въ верховьяхъ Амура внизъ до устьевъ Невира; они занимаются охотой на бѣлку, кабаргу, козулю и рыбной ловлей. Эти орочоны очень подчинились маньчжурскому и китайскому вліянію. Орочоны въ чистомъ видѣ сохранились въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, около Императорской гавани. Здѣсь они живутъ въ грязныхъ, дымныхъ и холодныхъ юртахъ, занимаясь лѣтомъ рыболовствомъ, а зимой -охотой, преимущественно на соболя. Эти орочоны отличаются слабыми умственными способностями и плохой памятью. Кромѣ того, остатки орочонъ живутъ по Ангарѣ и въ Баргузинскомъ окр. Забайкальской обл. Эти орочоны занимаются охотой, менѣе дики, чѣмъ уссурійскіе и развитѣе ихъ въ умственномъ отношеніи. По Амуру и въ доли-

нахъ Зеи и Кумары живутъ *манегры*, сильные, высокіе, поддавшіеся маньчжурскому, а черезъ нихъ и китайскому, вліянію; они носятъ косы и поярковыя маньчжурскія шапочки. Они занимаются рыбной ловлей и охотой. Орочоны хотя наружно считаются православными, а манегры — открытые шаманисты. Къ востоку отъ Буреинскихъ горъ, по Амуру, живутъ *гольды*, средняго роста, худощавые, крѣпкіе, со скопленными монгольскими глазами и выдающимися скулами. Гольды носятъ одежду китайскаго покроя и изъ китайскихъ матерій и живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, похожихъ на китайскія фанзы. Питаются они мясомъ дикихъ звѣрей — изюбрей, лосей, медвѣдей, рыбой и овощами, китайской капустой, кукурузой, лукомъ и пр. На лѣтнее время гольды перебираются изъ своихъ зимниковъ въ мѣста, обильныя рыбой и дикими звѣрями. Гольды живутъ семействами, не раздѣляясь, какъ бы ни было велико число членовъ. Отецъ или старшій братъ — глава семейства съ неограниченной властью. Вообще всѣ эти приамурскіе инородцы тунгусской вѣтви находятся подъ сильнымъ китайскимъ и маньчжурскимъ вліяніемъ и очень многое переняли отъ своихъ заамурскихъ сосѣдей.

V.

Народы неизвѣстнаго или американскаго происхожденія: коряки, чукчи, гиляки и др. Пришлые инородцы.

Четвертая вѣтвь инородческихъ племенъ Сибири, по мнѣнію ученыхъ, — народы американскаго или неизвѣстнаго происхожденія; къ нимъ относятся остяки енисейскіе, живущіе по Енисею и его притокамъ, между Енисейскомъ и Туруханскомъ. Они говорятъ на языкѣ, совершенно отличномъ отъ языка обскихъ; ихъ всего нѣсколько сотъ, и они очень обрусѣли. Племена этой вѣтви преимущественно живутъ на крайнемъ сѣверо-

востокѣ Сибири. Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ окр., по Анюямъ, Янѣ, Индигиркѣ и Колымѣ бродятъ *юкагиры* (рис. 41), по Анюю и верховьямъ Анадыра столь же малочисленные *чуванцы*. Оба эти племени замѣтно вымираютъ. *Коряки* живутъ въ гижигинскихъ тундрахъ между Тайгоносскимъ полуостровомъ, р. Анадыромъ и Беринговымъ моремъ. На Камчаткѣ и по берегу Берингова моря живутъ осѣдлые коряки, занимающіеся рыболовствомъ, а въ тундрахъ—кочевые, олен-

Рис. 41. Юкагиры.

ные. По внѣшнему виду коряки не похожи на тунгусовъ: рослые, широкоплечіе, съ медленными, угловатыми движеніями, съ густыми, нависшими бровями, что придаетъ ихъ лицамъ суровое и угрюмое выраженіе. Корячка—безмолвная рабыня въ семьѣ и завалена постояннымъ тяжелымъ трудомъ; она не смѣетъ даже взять кусочекъ оленины, когда ѣдятъ мужъ и работники, и только послѣ нихъ можетъ довольствоваться остатками. Корячки по выходѣ замужъ татуируютъ, или, какъ говорятъ тамошніе русскіе, „вышиваютъ“

себѣ лица: иглка, намазанная сажей, проводится подъ кожей, гдѣ сажа и остается, а иглка снова намазывается и снова проводится рядомъ подъ кожей. Такимъ образомъ, получаются отдѣльныя пятна и кружки на лбу и лицѣ, а иногда широкія черныя полосы начинаются у угловъ рта и оканчиваются около ушной раковины. У осѣдлыхъ коряковъ отношенія мужа къ женѣ далеко не такъ грубы и суровы, какъ у бродячихъ. Обыкновенно каждый корякъ имѣетъ по двѣ жены, которыя у осѣдлыхъ живутъ между собой очень дружно. Если умираетъ старшій братъ, то младшій обязанъ взять его вдову; на теткѣ-вдовѣ обязанъ жениться ея племянникъ, хотя бы ему было только 3 года. Юрта бродячаго коряка такъ же тяжеловѣсна, какъ и самъ ея хозяинъ; она совершенно похожа на тунгусскую, только покрывается шкурами уже въ нѣсколько рядовъ, и полога въ ней больше тунгусскихъ. Вся покрышка юрты вѣситъ 20 и больше пудовъ, и для ея перевозки коряки дѣлаютъ особыя нарты, высокія и широкія, которыя только и годны для ровной и гладкой тундры. Коряки очень любятъ быструю ѣзду на оленяхъ, которыхъ для этого запрягаютъ въ короткія и высокія нарты съ высокой спинкой сзади. Коряки осѣдлые, „сидячіе“, строятъ для себя особенныя юрты: на 4 столба кладутся перекладины въ видѣ рамы, къ которой наклонно ставятся доски; съ наружной стороны стѣны юрты обкладываются дерномъ, засыпаются землей и снова обставляются досками. Изъ досокъ настилается потолокъ, посрединѣ котораго оставляется дымовое отверстіе. Зимой это отверстіе служитъ и дверью; лазятъ по доскѣ, на которой вырублены ступени. Съ западной стороны къ юртѣ пристраиваются длинныя сѣни съ дверью наружу и небольшой продушиной на потолкѣ. Въ эту дверь входятъ только лѣтомъ, а на зиму наглухо запираютъ; открытіе и закрытіе этой двери сопровождается обрядами, при

которыхъ приносятся въ жертву собаки. На крышѣ юрты, куда поднимаются также по доскѣ съ вырубленными ступенями, ставятся жерди такимъ образомъ, что все это походитъ на воронку, поставленную широкимъ концомъ кверху. На крышѣ юрты образуется углубленіе, гдѣ складываются собачья упряжь, оленьи шкуры, запасы рыбы и мяса. Вѣтеръ, проходя между жердями, уноситъ весь снѣгъ, и такимъ образомъ крыша юрты, а конечно, и входъ въ нее всегда свободны. При страшныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ пургахъ юрта безъ этого приспособленія была бы вся погребена въ снѣгу. Внутренность юрты разбивается на нѣсколько пологовъ, отъ 3 до 5; прямо подъ спускомъ помѣщается очагъ — нѣсколько камней, а въ сѣняхъ находится складъ сухой рыбы и стоитъ котелъ для таянья снѣга или льда. Дома коряки ходятъ въ широкомъ мѣшкѣ изъ олешьей кожи, надѣваемомъ шерстью на голое тѣло, съ поясомъ и съ собачьимъ воротникомъ. Въ дорогу они надѣваютъ вторую кухлянку съ длиннымъ воротникомъ, шерстью наружу. Женское платье состоитъ изъ мѣховой рубашки съ пришитыми къ ней мѣховыми шароварами изъ бѣлыхъ и темныхъ продольныхъ полосъ. Дома поверхъ этой рубашки надѣвается короткая дубленая кухлянка шерстью внутрь, съ воротникомъ. Корячки щеголяютъ „упованомъ“ — каймой вдоль подола кухлянки шириной отъ $1^1/_2$ до 3 вершковъ. Упованъ сшивается изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ кожи узорчатымъ или шахматнымъ рисункомъ, дѣлается изъ окрашенныхъ тонкихъ полосокъ ровдуги или вышивается гарусомъ и шелкомъ по плису или цвѣтной ровдугѣ. Работа очень кропотливая, но и красивая. Въ двѣ свои косы корячки вплетаютъ разныя украшенія: ремешки, нитки, бусы и пр. Особенно онѣ любятъ серьги и браслеты изъ бусъ, бисера, мѣди и желѣза. Корякп—шаманисты. Покойниковъ они сжигаютъ вмѣстѣ съ нѣко-

торыми ихъ вещами, при чемъ убиваютъ двухъ бѣлыхъ оленей, которыхъ тутъ же варятъ и съѣдаютъ. Корякп очень любятъ приносить собакъ въ жертву своимъ божествамъ и истребляютъ ихъ во множествѣ. Въ углу юрты у оленныхъ коряковъ виситъ грубо сдѣланный деревянный идолъ „Вычгинъ“ (доска съ кружкомъ вмѣсто головы)—покровитель оленей. Если пропадаютъ и падаютъ олени, корякъ бьетъ идола палкой по губамъ, а если вернутся, то мажетъ по губамъ мозгомъ изъ лѣвой голени животнаго. Осѣдлые корякп развитѣе и воспріимчивѣе бродячихъ, болѣе общительны, славятся какъ кузнецы и рѣзчики изъ кости. Осѣдлые корякп страшно лѣнивы и вялы. Гостепріимство и помощь нуждающемуся составляютъ отличительную черту бродячаго корякa. Онъ готовъ сдѣлать все для того, кто относится къ нему справедливо, по его понятіямъ. На Камчаткѣ живутъ когда-то воинственные *камчадалы* (до 5000). Они утратили свои прежніе языкъ и вѣру, по правамъ и обычаямъ обрусѣли, отличаются теперь замѣчательной чистотой въ жилищахъ, по попрежнему безпечны, легкомысленны, вялы, тупы и съ крайней неохотой занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они очень хорошо знаютъ свойства дикихъ камчатскихъ растеній и пользуются ими какъ пищей и какъ лѣкарствомъ.

Самымъ многочисленнымъ (до 15.000) и самымъ дикимъ племенемъ сѣверо-восточной Сибири нужно считать *чукчей*, живущихъ на огромномъ пространствѣ между Колымой, Беринговымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ. Чукчи отличаются хорошимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ, имѣютъ каріе глаза, черные волосы, смуглый цвѣтъ лица съ румянцемъ. Растительность на лицѣ бываетъ рѣдко, и только у пожилыхъ иногда вырастаютъ усы. Характеръ ихъ отличается неукротимостью и вспыльчивостью. Чукчи дѣлятся на кочевыхъ, „оленныхъ“, и сидячихъ, „собачьихъ“. Олешные

чукчи живутъ по Анадыру и его притокамъ; верховые—по верховьямъ и низовые—по нижнему теченію рѣки. Эти чукчи (верховые) занимаются исключительно оленеводствомъ, и до сихъ поръ между ними находятся владѣльцы стадъ въ тысячу головъ. Собачьи, или приморскіе, чукчи живутъ по берегамъ Ледовитаго океана и Берингова моря и подраздѣляются по мѣсту жительства на носовыхъ (на Чукотскомъ носу), шелагскихъ (у Шелагскаго мыса) и пр. Прибрежные чукчи добываютъ пушнину, ловятъ морскихъ животныхъ и сбываютъ все это американскимъ китобоямъ. Въ числѣ товаровъ американцы обмѣниваютъ у чукчей на пушнину и спиртъ, который дѣйствуетъ на этихъ дикарей губительно. Оленные чукчи живутъ въ большихъ юртахъ изъ деревянныхъ жердей, покрытыхъ нѣсколькими сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами (чумами). Внутри такихъ юртъ ставятся на столбу „полога“, въ родѣ коробокъ, покрытыхъ оленьими шкурами шерстью внутрь. Внутри юрты вечеромъ зажигается небольшой огонь, дымъ котораго уходитъ въ отверстіе на верху юрты. На этомъ огнѣ чукчи готовятъ себѣ пищу (они ѣдятъ не болѣе одного раза въ день). Внутри пологовъ ставятся плошки съ нерпичьимъ жиромъ, въ который вмѣсто свѣтильни кладется кусокъ мха; эти плошки освѣщаютъ пологъ и такъ его нагрѣваютъ, что тамъ становится жарко. У бѣдныхъ чукчей всего одинъ пологъ, аршинъ $8^1/_2$ въ длину, 3 въ ширину и $2^1/_2$ въ высоту, въ которомъ вечеромъ и ночью ютится вся семья при свѣтѣ мха, горящаго въ нерпичьемъ жирѣ. Всѣ чукчи, какъ и коряки, тунгусы и др., спятъ совершенно раздѣтыми и покрываются мѣхами. Чукчи совершенно не знаютъ бѣлья, и въ ихъ мѣховыхъ одеждахъ размножается такое количество насѣкомыхъ, что если бы обитатели этихъ пологовъ не снимали на ночь своего платья, то все тѣло ихъ было бы покрыто язвами. Вслѣдствіе крайней нечистоплотности чесотка

и др. накожныя болѣзни сильно распространены между чукчами. Оленные чукчи питаются исключительно олепьимъ мясомъ; любимая ихъ пища, какъ особое лакомство, — мясо бѣлаго медвѣдя и сырая китовая кожа съ оставшимся на ней мясомъ, оленій желудокъ съ непереваренпымъ еще мхомъ и замороженный оленій жиръ. Убитаго оленя чукчи поѣдаютъ почти цѣликомъ: собираютъ кровь въ огромные кожаные мѣшки, гдѣ она бродитъ и горкнетъ, и складываютъ туда всѣ остатки — губы, уши, сердце, печень. Это чукотское кушанье мѣстные русскіе называютъ „моняло“. Въ пищу идутъ оболочки копытъ, роговъ, всѣ хрящи, которые обыкновенно поѣдаются сырыми. Весной, когда пропадаютъ молодые телята, чукчи ѣдятъ эту падаль, потому что вообще дорожатъ своими оленями. Они употребляютъ въ пищу также оболочку тальникового корня и листья тальника. Рыбу эти чукчи ѣдятъ по необходимости, соли не терпятъ. Всѣ они курятъ табакъ и любятъ жевать смолу лиственницы. Обычная одежда чукчи состоитъ изъ мѣховыхъ шароваръ и двойной мѣховой рубахи (кукляшки). Волосы чукчи стригутъ коротко и только въ особенно сильные морозы надѣваютъ на голову шапку, въ родѣ куколя съ ушами, которую обыкновенно они носятъ спущенной на завязкахъ на спину. Зимой одежда чукчей рѣдко просыхаетъ вполнѣ въ теченіе ночи. Женщины татуируютъ тѣло полосками и кружками, а мужчины носятъ въ ушахъ шитки бисера. Чукчи отличаются поразительнымъ отсутствіемъ всякой брезгливости и стыдливости. По вечерамъ, сидя вокругъ плошки съ горящимъ мхомъ, они, спустивши съ плечъ свои одежды, отыскиваютъ въ нихъ насѣкомыхъ, которыхъ тутъ же и перекусываютъ зубами; послѣ ужина моютъ себѣ руки мочей, наполненный которой перпичій пузырь всегда находится въ юртѣ. Мочу очень любятъ олени, и ею чукчи поливаютъ снѣгъ, который олени и поглощаютъ

съ жадностью. Носовые чукчи, питающіеся рыбой, а въ плохіе дни мясомъ своихъ околѣвшихъ собакъ, отличаются особеннымъ неряшествомъ; даже ѣдятъ они лежа на животѣ кругомъ деревяннаго блюда въ родѣ корыта, наполненнаго сваренной безъ соли рыбой, берутъ оттуда руками, не отдѣляя мясо отъ костей, и выплевываютъ кости въ тотъ же сосудъ, изъ котораго ѣдятъ. Они знакомы съ чаемъ и даже сахаромъ и особенно любятъ сахаръ, полежавшій въ мѣшкѣ съ махоркой, который виситъ на шеѣ у каждаго изъ нихъ. Водку же чукчи такъ любятъ, что если случится пролить ее на полъ, то они бросаются и вылизываютъ ее. Они и цѣлуются другъ съ другомъ въ томъ лишь случаѣ, если одинъ пилъ водку, а другимъ это не удалось: такимъ образомъ не пившіе удостоиваются благодати. Обычаи чукчей вообще отличаются крайней грубостью. Грудныхъ дѣтей, напр., если умираетъ мать, убиваютъ и сжигаютъ вмѣстѣ съ ней, такъ какъ не умѣютъ вскармливать дѣтей искусственно. Передъ погребеніемъ трупъ умершаго ближайшіе родственники разрѣзываютъ и смотрятъ внутренности: нѣтъ ли признаковъ „порчи“, требующей отмщенія кому-нибудь. Послѣ этого трупъ или сжигаютъ на кострѣ, или оставляютъ на полѣ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, сообразно съ обычаями каждой семьи. Безнадежно больныхъ и дряхлыхъ прикалываютъ, по ихъ собственному желанію. Чукчи, которымъ просто надоѣло жить, прекращаютъ свою жизнь самоубійствомъ. Когда чукча объявляетъ о подобномъ рѣшеніи своимъ родственникамъ, то съ ихъ стороны, по обычаю, начинаются увѣщанія, обыкновенно неудачныя: освященный вѣками обычай не можетъ быть нарушенъ. Въ теченіе 10—15 дней дѣлаются приготовленія къ смерти, какъ къ свадебному пиру. Обреченнаго угощаютъ какъ можно лучше, онъ шутитъ, смѣется, ему шьютъ новую одежду, дѣлаютъ новую парту. Въ назначенный день, въ

присутствіи многочисленнаго собранія, обреченный въ новой одеждѣ усаживается на почетномъ мѣстѣ, двое родственниковъ держатъ его за руки, а третій вонзаетъ ножъ въ сердце. Иногда также сердце пронзаютъ копьемъ черезъ стѣну юрты. Третій способъ—удавленіе: одинъ конецъ обвитаго вокругъ шеи ремня беретъ какой-нибудь близкій родственникъ, другой конецъ вручается другому родственнику, и оба тянутъ за ремень, пока не удавятъ обрекшагося на смерть. Свадьба у чукчей состоитъ въ помазаніи жениха и невѣсты кровью только что убитаго оленя и въ угощеніи сосѣдей и родныхъ. Во время этого угощенія невѣста встаетъ и, преслѣдуемая женихомъ, бѣгаетъ кругомъ въ юртѣ, а присутствующіе немилосердно бьютъ жениха прутьями. За невѣсту женихъ въ видѣ калыма долженъ служить въ работникахъ 1—2 года. Многоженство допускается, но только до 5 женъ, которыхъ берутъ не сразу, а одну за другой. Друзья обмѣниваются женами на время или навсегда, а почетнымъ гостямъ чукчи имѣютъ обыкновеніе предлагать на время своихъ женъ. Въ половомъ отношеніи чукчи отличаются вообще крайней необузданностью, что замѣтно и на ихъ сказкахъ. Обычай кровавой мести до сихъ поръ существуетъ у чукчъ: кровь требуется за кровь, обида — за обиду. При этомъ иногда вырѣзываются цѣлыя семьи. Напр., въ февралѣ 1891 г. двое чукчей поссорились изъ-за березоваго полоза подъ нарты, и продавецъ убилъ не только самого покупателя въ юртѣ послѣдняго, но и его жену и дѣтей. Находившійся въ отсутствіи сынъ убитаго, вернувшись домой, нашелъ бездыханными отца, мать, братьевъ, сестеръ, свою жену и дѣтей и рѣшилъ отмстить убійцѣ. Онъ забрался въ его юрту и не только умертвилъ все семейство безъ остатка, но и постороннихъ чукчей и самъ умеръ отъ полученныхъ ранъ. Изъ цѣлаго рода осталось только трое мальчиковъ, бѣжавшихъ во время

всеобщей рѣзни. Вѣра чукчей весьма груба и первобытна. Они признаютъ Кыть-Огана, „хозяина мѣстности“, верховное существо, которому приносятъ въ жертву оленей; въ юртѣ у каждаго чукчи есть деревянные чурбанчики съ подобіемъ головы и съ рядомъ черныхъ точекъ. Жертвы свои чукчи приносятъ всегда за юртой. При лѣченіи болѣзней и вообще въ важныхъ случаяхъ жизни чукчи прибѣгаютъ къ помощи шамановъ; ихъ крики, кривлянья, удары въ бубенъ и чревовѣщаніе въ наступившей непроглядной тьмѣ мѣхового полога юрты производятъ на чукчей сильное впечатлѣніе. Нѣкоторые шаманы вдругъ объявляютъ себя женщинами, начинаютъ исполнять женскія работы и даже выходятъ замужъ. Наоборотъ, шаманки иногда объявляютъ себя мужчинами.

Какъ всѣ кочевые народы, чукчи гостепріимны, но они ни въ чемъ не показываютъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ постороннимъ. Чукчи только цѣлуютъ дѣтей, да женихъ цѣлуетъ невѣсту. Самаго дорогого гостя только спрашиваютъ: „Пришелъ?“ Послѣ отвѣтнаго „пришелъ“ начинается угощеніе. Воровство между чукчами довольно развито (изъ стадъ). По отношенію къ своимъ оленямъ, главному и единственному источнику существованія, они отличаются предусмотрительностью и не щадятъ для нихъ трудовъ и лишеній. Нервныя болѣзни имъ совершенно неизвѣстны, венерическихъ почти нѣтъ. Среди нихъ по временамъ свирѣпствуетъ оспа, „великая болѣзнь“, и нѣчто въ родѣ инфлюэнцы, заносимой русскими. Христіанство къ чукчамъ совсѣмъ не прививается. Собачьи чукчи, изъ которыхъ болѣе зажиточны посовые, потому что занимаются торговлей, у оленныхъ выменьниваютъ оленей за пушнину, водку и разныя вещи, пріобрѣтаемыя ими отъ американскихъ китобоевъ, посѣщаютъ и немногочисленныя русскія поселенія въ тѣхъ мѣстностяхъ и живутъ деревнями по берегамъ Ледовитаго океана отъ

мыса Шелагскаго до Берингова пролива (отъ 3 до 25 юртъ въ каждой). По отношенію къ русской власти чукчи на самомъ дѣлѣ почти совершенно независимы, вносятъ ясакъ добровольно, и то въ случаѣ, если отъ своихъ промысловъ и торговли получатъ прибыль, да при этомъ требуютъ сначала подарковъ. Поэтому они называются „несовершенно-поддашные“. Взносъ ясака и полученіе подарковъ происходитъ въ Анюйской „крѣпости“ — нѣсколько старыхъ домишекъ, обнесенныхъ заборомъ. Въ то же время здѣсь происходитъ и ежегодная ярмарка. Въ южной части Сахалина живутъ *айны* (1130), мирные, добродушные, отличающіеся своей волосатостью, бородатостью и высокимъ ростомъ; они занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и отчасти охотой на соболя. Къ племенамъ американскаго или неизвѣстнаго происхожденія принадлежатъ *гиляки*, живущіе въ низовьяхъ Амура и частью по Охотскому побережью (около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ), а также на Сахалинѣ (до 2000). Кромѣ главнаго занятія— рыболовства, береговые гиляки занимаются звѣроловствомъ. Главная ихъ пища — рыба кэта и горбуша; единственное домашнее животное — собака, которая употребляется и для ѣзды въ легкихъ нартахъ. Въ ихъ одеждѣ и жилищѣ замѣтно сильное маньчжурское вліяніе. По внѣшности гиляки похожи на тунгусовъ, но въ нихъ меньше монгольскихъ чертъ: не столь широкое и плоское лицо, не такія выдающіяся скулы и больше растительности на лицѣ, чѣмъ у тунгусовъ. По характеру гиляки пылки, какъ тунгусы, при первомъ знакомствѣ недовѣрчивы и сдержанны, но на самомъ дѣлѣ общительны; въ умственномъ отношеніи гиляки даровиты, любознательны и искусны въ разныхъ работахъ; они гостепріимны и честны. По примѣру русскихъ гиляки разводятъ огороды, ищутъ золото и т. п. (рис. 42).

Кромѣ этихъ, описанныхъ выше чисто сибирскихъ инородцевъ, въ Сибири живутъ пришлые въ недавнее

время *корейцы* и *китайцы* и жили *японцы*. По Амуру, между Благовѣщенскомъ и Хабаровскомъ, живутъ корейцы въ количествѣ болѣе 1000 душъ, принявшіе православіе, но оставшіеся при прежнихъ обычаяхъ, языкѣ, способахъ обработки земли и пр. Корейцы живутъ въ фанзахъ, которыя дѣлаются изъ сплетенныхъ вѣтвей и обмазываются снаружи и внутри глиной. Пологая крыша изъ соломы и прутьевъ, также обмазанная глиной, одновременно служитъ и потолкомъ. Фанза дѣлится на три помѣщенія: кухню и помѣщеніе семьи, парадное отдѣленіе, для пріема гостей, и третье— для скота и хозяйственныхъ работъ: по толченію крупы, ея вѣянію и пр. Въ первомъ отдѣленіи устроены широкія пары, нагрѣваемыя снизу особыми дымоходами, идущими отъ очага для приготовленія пищи, а во второмъ эти пары занимаютъ всю комнату, такъ что она и нагрѣвается снизу. Деревня состоитъ изъ отдѣльныхъ фанзъ, раздѣленныхъ участками полей. Кромѣ Благословеннаго, корейцы живутъ деревнями въ южной части Южно-Уссурійскаго края (въ Посьетскомъ участкѣ ихъ до 14.000), около корейской границы и въ г. Владивостокѣ, гдѣ они исполняютъ обязанности носильщиковъ. Корейцы вообще народъ вялый, забитый, неприхотливый и очень нечистоплотный, хотя зиму и лѣто ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ китайскаго покроя. Фанзы ихъ грязны и наполнены насѣкомыми. Они сѣютъ буду, гаолянъ, пшеницу, бобы соя, питаются преимущественно будой и соей. Русскаго вліянія на корейцевъ почти совершенно не замѣтно. Число корейцевъ въ Приморской области доходитъ до 25.000 человѣкъ. Число японцевъ въ Сибири, почти исключительно въ Приамурьѣ до наступленія русско-японской войны, доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Они преимущественно жили въ городахъ (особенно много было ихъ во Владивостокѣ), занимались ремеслами (особенно портняжнымъ и парикмахерскимъ) и торговлей; имъ

Рис. 42. Айно и гиляки.

принадлежали лучшія фотографіи; они отличались вообще опрятностью, вѣжливостью и не чуждались русскихъ. Какъ и у себя на родинѣ, японцы въ Приамурьѣ являлись народомъ образованнымъ, пріятнымъ въ обращеніи и чистоплотнымъ, чѣмъ отличались между всѣми инородцами въ Сибири. Среди нихъ, подъ видомъ торговцевъ, ремесленниковъ и даже прислуги, было не мало шпіоновъ, даже изъ числа офицеровъ. Китайцевъ до іюля 1900 г. въ Сибири было не менѣе 50.000. Они работали на золотыхъ пріискахъ, на кирпичныхъ и кожевенныхъ заводахъ, занимались огородничествомъ, разведеніемъ домашней птицы, мелкой торговлей, ремеслами, были прислугой, даже пяньками. Во время іюльскихъ событій много этихъ китайцевъ, по мѣстному „манзъ“, погибло отъ рукъ озлобленнаго и невѣжественнаго русскаго населенія, много оставило русскіе предѣлы, опасаясь дальнѣйшихъ преслѣдованій. Послѣ войны притокъ китайцевъ въ Приамурье возобновился. Окончивъ обозрѣніе туземнаго и пришлаго инородческаго населенія Сибири, переходимъ къ пришельцамъ изъ Евр. Россіи. Кромѣ русскихъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, въ Сибири живутъ евреи поляки, нѣмцы, эсты и латыши. Число *евреевъ* въ Сибири доходитъ до 40.000. Они живутъ преимущественно въ городахъ и крупныхъ торговыхъ сельскихъ мѣстностяхъ: въ Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Енисейскѣ, Маріинскѣ, Канскѣ, Баргузинѣ; ихъ много особенно въ трехъ послѣднихъ уѣздахъ. Они занимаются ремеслами, особенно крупной и мелкой торговлей и золотопромышленностью. Сибирскіе евреи въ общемъ зажиточны и по образу жизни, привычкамъ и даже внутреннимъ качествамъ мало напоминаютъ своихъ сородичей въ Евр. Россіи, особенно въ юго-западномъ краѣ. Сибирскіе *поляки*—потомки сосланныхъ въ 1831 и въ 1863 годахъ; въ 1863 г. въ Сибирь было сослано до 18.000, и нѣкоторые изъ нихъ здравствуютъ и те-

перь. Они живутъ какъ въ крупныхъ городахъ, такъ и въ мелкихъ, и въ округахъ. Поляки занимаются всевозможными ремеслами, торговлей, золотопромышленностью; многіе изъ нихъ состоятъ на государственной службѣ. *Ямышевъ* въ Сибири немного, и они живутъ главнымъ образомъ въ городахъ и въ одной изъ волостей Омскаго уѣзда. *Татыши* и *эсты* живутъ преимущественно въ трехъ смежныхъ селеніяхъ Минусинскаго уѣзда. Кромѣ того, люди разныхъ племенъ приходятъ въ Сибирь или какъ ссыльные (*армяне, черкесы* и др.), или какъ переселенцы (*мордва* и пр.).

VI.

Взаимное вліяніе русскихъ и инородцевъ. Коренное русское населеніе (сибиряки).

Вліяніе русскихъ на инородческое населеніе Сибири въ общемъ далеко не благопріятно для послѣдняго, особенно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ страны: инородцы замѣтно бѣднѣютъ и запутываются въ долгахъ; среди нихъ появляются новыя, раньше неизвѣстныя имъ болѣзни; число ихъ не увеличивается, а нѣкоторыя племена вымираютъ или даже вымерли совершенно; къ нимъ привилась неудержимая страсть къ водкѣ, которая ведетъ за собой и болѣзни и обнищаніе; самыя нравственныя качества ихъ измѣняются къ худшему: они становятся склонными къ обману, лживыми, вороватыми. Прежнія ихъ дурныя свойства, — лѣность, безпечность, дикость и невѣжество, суевѣріе,—остались въ прежней силѣ, и отъ русскихъ сосѣдей прибавились лишь новыя дурныя качества. Въ сосѣдствѣ съ русскими, особенно съ торговцами, обскіе остяки вымираютъ замѣтно, и это тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ ближе къ с. Самарову (при впаденіи Иртыша въ Обь). То же самое замѣтно въ Нарымскомъ краѣ: въ 1848 г. остяковъ тамъ насчитывалось 6179, а въ 1897 г. уже 3362

человѣка. Туруханскіе инородцы находятся въ безпросвѣтной кабалѣ у мѣстныхъ скупщиковъ рыбы. Среди тунгусовъ, живущихъ въ Енисейской губ., развилось пьянство, лѣнь, плутовство и какая-то хилость отъ оспы, тифа и венерическихъ болѣзней. Положеніе енисейскихъ остяковъ безотрадно: они живутъ въ плохихъ чумахъ и представляютъ изъ себя жалкихъ нищихъ. Въ промежутокъ времени между 8 и 10 ревизіями ихъ число во многихъ мѣстностяхъ уменьшилось на 40—45%. Въ Тобольской губ. уменьшилось число вогуловъ, татаръ и бухарцевъ, и всѣ они обнищали. Здѣсь любопытно, что уменьшеніе и обѣдпѣніе коснулось даже инородцевъ осѣдлыхъ, какъ татары и бухарцы. Число алтайскихъ инородцевъ хотя и увеличивается, но чрезвычайно медленно, но зато скоро идетъ впередъ ихъ обѣдпѣніе, такъ какъ вслѣдствіе заселенія Алтая русскими количество угодьевъ становится все меньше и меньше, скотоводство сокращается, промыселъ бѣлки и др. звѣрей и охота становятся все хуже и хуже. Камасинцы и карагасы, кочующіе въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ, обнищали и сократились до 900 душъ. На крайнемъ сѣверо-востокѣ дѣло еще хуже: многія племена, какъ омоки и аришцы, вымерли совсѣмъ; другія, какъ чуванцы и юкагиры, вымираютъ; третьи, какъ коряки и чукчи, бѣднѣютъ отъ уменьшенія числа оленей и пошли уже по дорогѣ къ вымиранію отъ оспы и самаго безсовѣстнаго спаиванія водкой со стороны всѣхъ русскихъ, проникающихъ въ ихъ стойбища. Вымираніе инородцевъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Сибири угрожаетъ обратить эти безпредѣльныя пространства въ совершенно недоступныя пустыни, потому что лишь одни инородцы въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ приспособились къ жизни въ этихъ мѣстностяхъ и къ передвиженію по нимъ. Заселеніе этихъ пространствъ русскими совершенно немыслимо. То же самое нужно сказать и объ обшир-

номъ краѣ, занятомъ тунгусами, которые все болѣе и болѣе закабаляются якутскими торговцами, и вымираніе которыхъ уже началось. Вымираютъ, повидимому, и минусинскіе инородцы. Вообще, изъ сѣверныхъ сибирскихъ племенъ одни только якуты успѣшно сопротивляются неблагопріятному для инородцевъ русскому сосѣдству. Южныя сибирскія племена гораздо болѣе стойки въ этомъ отношеніи, особенно буряты и киргизы. Якуты не вымираютъ, не хирѣютъ и обѣщаютъ быть сильнымъ и здоровымъ племенемъ, если ихъ благосостоянію не помѣшаютъ падежи рогатаго скота и неурожаи. Вымираніе бурятъ замѣтно лишь на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ. Киргизы, охраняемые отъ пагубнаго дѣйствія водки магометанской религіей и вліяніемъ муллъ, увеличиваются въ числѣ, хотя замѣчено, что приростъ ихъ уменьшается послѣ годовъ, въ которые бываютъ сильные падежи скота отъ болѣзней или безкормицы. Замѣчено также, что киргизы въ общемъ бѣднѣютъ и жить имъ становится труднѣе; это происходитъ отъ того, что русскіе переселенцы все болѣе и болѣ спрошикаютъ въ степь и захватываютъ мѣста, удобныя для киргизскихъ кочевокъ; а такъ какъ скотъ—главное богатство киргиза, то съ сокращеніемъ пастбищныхъ мѣстъ уменьшается и количество скота, а слѣдовательно идетъ впередъ и обѣднѣніе киргизовъ. Увеличивается также число бурятъ. Въ Иркутской губерніи число ихъ за 31 г. (съ 1857 по 1889) увеличилось на 4,3%. Въ Забайкальѣ число селенгинскихъ и хоринскихъ бурятъ за первую половину XIX столѣтія удвоилось. Отъ сосѣдства русскихъ буряты восприняли и хорошія и дурныя черты. Кударинскіе и часть хоринскихъ начали заниматься земледѣліемъ; юрты въ ихъ улусахъ стали располагаться улицами, при чемъ зимники и лѣтники помѣщаются въ одной оградѣ. Въ Иркутской губ. буряты Балаганскаго и Иркутскаго уѣздовъ далѣе прочихъ ушли отъ преж-

няго кочевого быта. Между ними распространилось земледѣліе, такъ что уже въ концѣ 80-хъ годовъ они распахивали болѣе 200.000 десятинъ. Теперь у нихъ въ зимникахъ имѣются русскія печи, они пекутъ хлѣбъ, даже умѣютъ приготовлять къ чаю разную „прикуску“ изъ крупичатой муки. Ихъ жилище, питаніе, одежда вообще улучшаются. Между ними появились знающіе русскую грамоту; въ концѣ 80-хъ годовъ изъ бурятскаго населенія Иркутскаго, Нижнеудинскаго и Балаганскаго уѣздовъ было 3,8% грамотныхъ (у русскихъ 6,8%). Пища бурятъ теперь стала приготовляться лучше и опрятнѣе, появились вилки, ложки, стаканы, даже полотенца; дома стали содержаться чище. Обычай калыма сталъ исчезать. Только огородничество все еще не можетъ привиться къ бурятамъ. Эти улучшенія въ жизни бурятъ необходимо приписать сосѣднему русскому вліянію, именно вліянію русскаго земледѣльческаго, крестьянскаго населенія, въ то время какъ русскіе торговцы, промышленники и т. п., съ которыми только и приходится сталкиваться инородцамъ сѣвернымъ, дѣйствуютъ на послѣднихъ самымъ пагубнымъ, зловреднымъ образомъ. Но не однѣ только хорошія стороны русскіе сосѣди передали бурятамъ. Къ старинному тарасуну присоединилась русская водка, распространяющаяся среди бурятъ, и пьянство стало сопровождаться азартной игрой въ карты. Распространились воровство и обманы всякаго рода, явилась надобность въ распискахъ, векселяхъ, такъ какъ словесныя обязательства стали исполняться плохо, развилось сутяжничество, начала сокращаться взаимная помощь и даже гостепріимство. Якуты, какъ мы видѣли, подъ русскимъ вліяніемъ развили у себя довольно обширное земледѣліе, сильно развели рогатый скотъ, стали заниматься сѣнокошеніемъ, переняли отъ русскихъ новыя для нихъ одежды (жилеты и пр.), въ западной части области стали строить избы по русскому образцу.

Но тамъ, гдѣ якуты часто сталкиваются съ такими русскими, какъ поселенцы (хайлахи), золотопромышленные рабочіе (въ Олекминскомъ окр.), съ торговцами, — больше всего якуты пригородные, — тамъ подобное сосѣдство привило къ нимъ лживость, хитрость, даже вороватость. Русская грамотность къ якутамъ прививается быстро, и число учащихся якутовъ въ учебныхъ заведеніяхъ Якутска доходитъ почти до половины общаго числа учащихся. Въ настоящее время въ области есть якуты, получившіе даже высшее образованіе. Киргизы вслѣдствіе особыхъ условій своей жизни (перекочевокъ, скотоводства, какъ главнаго занятія, магометанства) подверглись русскому вліянію далеко не настолько, насколько это можно было бы ожидать. Къ земледѣлію они переходятъ очень медленно и мало, какъ и къ осѣдлости и православію, притомъ преимущественно совершенно обѣднѣвшіе, „джатаки“; между тѣмъ какъ зажиточные, усвоивая отчасти внѣшнюю обстановку русской жизни (немногіе изъ богатыхъ), главнымъ образомъ изъ того, что не очень противорѣчитъ ихъ кочевымъ привычкамъ,—остаются магометанами и предпочитаютъ жить въ своихъ аулахъ, а не въ городахъ. Нужно сказать, что духовная, нравственная сторона киргизовъ не измѣняется къ лучшему отъ сосѣдства съ русскими, т.-е. съ казаками, лѣнивыми, невѣжественными и жадными, и переселенцами изъ Россіи, на которыхъ киргизъ смотритъ, какъ на враговъ, лишающихъ его лучшихъ угодій. Вліяніе русскихъ на духовное просвѣщеніе сибирскихъ инородцевъ, т.-е. распространеніе между ними христіанства и русской грамотности, нельзя назвать значительнымъ и прочнымъ. Магометанство и ламаизмъ успѣли распространиться среди столь многочисленныхъ и стойкихъ инородческихъ племенъ, какъ киргизы и буряты. Западно-сибирскіе татары и киргизы приняли магометанство послѣ полуторастолѣтняго знакомства съ русскими,

а ламаизмъ особенно распространился между бурятами въ первой половинѣ XIX столѣтія. Киргизы въ настоящее время почти не воспринимаютъ православія; въ 1900 г. было, напр., крещено только 58 человѣкъ при расходѣ на миссію въ 27.260 руб. Кромѣ того, православіе принимаютъ преимущественно бѣдные, разорившіеся киргизы, „джатаки“, которые не пользуются никакимъ вліяніемъ на своихъ соплеменниковъ. Среди бурятъ православіе распространилось больше, но ламаитовъ и шаманистовъ все-таки болѣе 80% всѣхъ бурятъ. Сѣверо-восточные инородцы, какъ чукчи, коряки, совершенно не воспріимчивы къ христіанству. Другіе инородцы, какъ остяки, самоѣды, минусинскіе инородцы, тунгусы, даже якуты, хотя и крещены въ очень значительномъ количествѣ, однако не только не усвоили себѣ главныхъ догматовъ православія, но даже не выполняютъ аккуратно и требъ, какъ крещеніе, бракъ и погребеніе, не говоря уже о постахъ и т. п. Даже въ Томской губ., въ Бійскомъ уѣздѣ, гдѣ уже много десятковъ лѣтъ дѣйствуетъ алтайская миссія, имѣющая въ числѣ миссіонеровъ мѣстныхъ инородцевъ и устроившая до трехъ десятковъ школъ, обращеніе идетъ медленно, хотя алтайцы, какъ вообще шаманисты, гораздо легче воспринимаютъ христіанство, чѣмъ буряты и киргизы, ламаиты и магометане; кромѣ того, обращеніе въ большинствѣ случаетъ только внѣшнее, обрядовое. Большинство обращенныхъ сибирскихъ инородцевъ остается двоевѣрами. Крещеные остяки, напр., не придаютъ значенія обрядамъ, продолжаютъ почитать свои прежнія священныя мѣста, въ случаѣ болѣзни или пропажи какого-нибудь предмета призываютъ шамана; въ нравственномъ отношеніи крещеные остяки не только не улучшаются, но даже становятся хуже: еще болѣе пристращаются къ водкѣ, становятся лѣнивѣе, перестаютъ платить долги. Минусинскіе крещеные инородцы продолжаютъ обоготворять силы при-

роды, горы, рѣки, камни. Крещеные инородцы совершаютъ общественныя моленія: горное моленіе, жертву огню и т. п. Въ трудныя минуты жизни они призываютъ шамана. Алтайскіе христіане также обращаются къ своимъ „камамъ“, и звуки шаманскихъ бубновъ не перестаютъ раздаваться въ алтайскихъ горахъ и лѣсахъ. Шаманскіе обряды на Алтаѣ продолжаются иногда цѣлую ночь. Тогда аилъ ярко освѣщается пламенемъ костровъ, вокругъ которыхъ усаживаются алтайскія старухи въ красныхъ „шушунахъ“ (родъ короткой кофты) съ трубками въ зубахъ, какъ молчаливыя статуи. Обреченныя животныя стоятъ около юртъ. Шаманъ въ своемъ страшномъ костюмѣ съ развѣвающимися перьями выбѣгаетъ изъ юрты, кружится, бьетъ въ бубенъ и дѣлаетъ предсказанія. Больной, если „камланье“ происходитъ для его исцѣленія, лежитъ тутъ же на войлокѣ. При яркомъ пламени костровъ сумрачныя окрестныя горы какъ бы выступаютъ впередъ и надвигаются на аилъ. Якуты попрежнему вѣрятъ въ блуждающія души самоубійцъ, утопленниковъ, шамановъ, ставятъ въ лѣсахъ деревянныя изображенія птицъ на столбахъ, между которыми натягивается бѣлая волосяная веревка, украшенная пучками бѣлыхъ конскихъ волосъ; по этой „жертвенной дорогѣ“ должна подниматься къ небу привязанная у столба жертва—быкъ; на него шаманъ „перепоситъ“ болѣзнь человѣка, вылѣчить котораго онъ приглашенъ. Попрежнему якуты вѣрятъ въ „душу каждаго предмета“: каждое дерево, камень, ножъ, топоръ имѣютъ свою душу. На горныхъ перевалахъ, у утесовъ, на рѣчныхъ берегахъ проѣзжающіе якуты попрежнему оставляютъ приношенія обитающимъ тамъ духамъ: чай, табакъ, соль, шкурки звѣрей, лоскутки цвѣтного ситца, монеты и т. п. Позванный къ больному якутскій шаманъ (рис. 43), появившись въ юртѣ, сейчасъ же занимаетъ мѣсто на одной изъ почетнѣйшихъ наръ—билирикъ орунъ (глухая, удобная

кровать налѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входа). Растянувшись на своей бѣлой кобыльей кожѣ, шаманъ лежитъ, ожидая ночи,—часа, когда колдовство становится возможнымъ. Все это время его кормятъ, поятъ и чествуютъ. Наконецъ солнце сѣло, надвигаются су-

Рис. 43. Якутскій шаманъ.

мерки, и въ юртѣ дѣлаютъ торопливыя приготовленія къ шаманству: подметаютъ полъ, колютъ дрова и лучину, варятъ болѣе чѣмъ обыкновенно вкусный и сытный ужинъ. Мало-по-малу собираются сосѣди и размѣщаются на скамьяхъ: женщины—съ лѣвой, мужчины—съ правой стороны. Но вотъ всѣ поужинали, справили домашнія дѣла, отдохнули и разсѣлись чинно

по мѣстамъ. Шаманъ, присѣвши на краю билирика, медленно расплетаетъ свои косички, что-то бормоча и отдавая кое-какія приказанія; онъ по временамъ искусственно икаетъ, отчего все тѣло его страшно содрогается; глаза его не глядятъ по сторонамъ: они или опущены внизъ, или уставлены въ одну точку, обыкновенно на огонь. Огонь медленно потухаетъ. Все болѣе и болѣе густыя сумерки наполняютъ помѣщеніе, суета затихаетъ, всѣ разговариваютъ шопотомъ, двери запираютъ наглухо. Шаманъ медленно снимаетъ съ себя рубаху и надѣваетъ свой священный кафтанъ или, за неимѣніемъ его, женскій сангыихъ. Ему подаютъ закуренную трубку съ табакомъ, и онъ долго куритъ, глотая дымъ. Икота его дѣлается все громче, дрожь все сильнѣе. Онъ окончилъ курить; лицо его блѣдно, голова низко опущена, глаза полузакрыты. На срединѣ избы кладутъ бѣлую кобылью кожу. Шаманъ приказываетъ подать себѣ ковшъ холодной воды и пьетъ ее большими глотками, послѣ чего медленными, сонными движеніями отыскиваетъ заранѣе приготовленный на скамьѣ кнутъ, вѣтку или колотушку барабана. Затѣмъ онъ выходитъ на средину избы и, присѣдая четыре раза на правое колѣно, дѣлаетъ торжественный поклонъ на всѣ четыре стороны свѣта и одновременно брыжжетъ кругомъ себя водой изо рта. Все затихаетъ. На огонь бросаютъ горсть бѣлыхъ конскихъ волосъ и окончательно его тушатъ, загребая золой. При слабомъ мерцаніи угольевъ виднѣется еще нѣкоторое время въ темнотѣ черная неподвижная фигура шамана, сидящаго понуря голову и держащаго передъ грудью громадный, какъ щитъ, барабанъ. Наконецъ тьма дѣлается непроглядной, слышно только невнятное бормотаніе и иканіе шамана, но и оно все болѣе и болѣе затихаетъ. Вдругъ раздается рѣзкій одинокій звукъ, и за нимъ гдѣ-то въ глубинѣ покрытой тьмой юрты громко, четко и пронзительно

прокричитъ соколъ или расплачется чайка, и опять тишина, и только легкая, какъ комарное жужжаніе, дробь барабана даетъ знать, что шаманъ началъ свою музыку. Эта музыка, сначала нѣжная и мягкая, потомъ неровная, растетъ и крѣпнетъ, какъ шумъ приближающейся бури; среди этихъ звуковъ раздаются крики воронъ, гагаръ, чаекъ и др. Удары по барабану превращаются въ одинъ непрерывный, все возрастающій гулъ, погремушки, бубенчики гремятъ и звенятъ, не умолкая... Все обрывается, умолкаетъ, настаетъ мертвенная тишина, потомъ снова начинается неуловимая, какъ комарное жужжаніе, и все растущая дробь барабана. Это повторяется нѣсколько разъ. Затѣмъ слѣдуетъ заклинаніе въ видѣ пѣсни, которую шаманъ поетъ отрывисто и мрачно. Затѣмъ шаманъ начинаетъ умолять покровительствующихъ ему духовъ о помощи, задаетъ имъ вопросы. Когда главный духъ-покровитель шамана снизойдетъ на него, онъ поднимается, начинаетъ подпрыгивать и топтаться сначала на своей кожѣ, потомъ выходитъ и на средину юрты. На огонь поспѣшно бросаютъ лучину и разжигаютъ дрова. Шаманъ непрерывно пляшетъ, поетъ, барабанитъ, бѣшено прыгаетъ и кривляется. Пляска его похожа на трепакъ, только быстрѣе и лишена удали и веселости послѣдняго. Голова шамана почти постоянно опущена, глаза полузакрыты; спутанные длинные волосы въ безпорядкѣ разсыпаны по вспотѣвшему лицу, ротъ судорожно искривленъ, зубы оскалены, по губамъ течетъ слюна и нерѣдко пѣна. Онъ кружится по юртѣ взадъ и впередъ, потрясая своимъ одѣяніемъ и ударяя въ барабанъ, ревущій и стонущій не менѣе дико, чѣмъ самъ шаманъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается, высоко поднимаетъ бубенъ и напгрываетъ на немъ спокойный, торжественный гимнъ, опять проситъ и заклинаетъ небесныхъ духовъ. Теперь онъ узналъ причину несчастія или болѣзни и получилъ обѣщанія отъ

духовъ содѣйствовать ему. Кружась, танцуя и барабаня, онъ съ пѣніемъ отправляется къ больному, новыми заклинаніями изгоняетъ причину болѣзни, выпугиваетъ или высасываетъ ее ртомъ изъ больного мѣста и уноситъ на средину юрты, гдѣ выплевываетъ, сдуваетъ или пинками гонитъ вонъ. Тутъ же узнается, какую жертву слѣдуетъ принести могущественнымъ небеснымъ духамъ.

Прикрывъ глаза ладонью отъ свѣта, шаманъ осматриваетъ всѣ углы и если замѣчаетъ что-либо подозрительное, то снова бьетъ въ бубенъ, танцуетъ, пугаетъ и проситъ. Наконецъ все очистилось, жертва принята, моленіе услышано, — обрядъ оконченъ. Присутствующіе переносятъ шамана на кожѣ въ билирикъ. Шаманскимъ моленіямъ якуты придаютъ большое значеніе и вполнѣ вѣрятъ въ ихъ силу. Вогулы, остяки, алтайскіе инородцы, якуты, тунгусы, гиляки до сихъ поръ питаютъ къ медвѣдю страхъ не только за его величину, силу и свирѣпость, но имѣютъ къ нему суевѣрное почтеніе, какъ къ существу особенному, высшему, думаютъ, что онъ на большихъ разстояніяхъ слышитъ даже шопотомъ произносимыя слова, не упоминаютъ самаго слова „медвѣдь“ и т. п. Убивъ медвѣдя, они приносятъ ему умилостивительную жертву, совершаютъ вокругъ него обрядовую пляску, подражая его движеніямъ. „Праздникъ медвѣдя“ устраивается и у гиляковъ, которые послѣ обрядовыхъ пѣсенъ и плясокъ стрѣлами убиваютъ медвѣдя, окруженнаго загородкой и привязаннаго къ столбу. Слабое и несовершенное распространеніе христіанства среди сибирскихъ инородцевъ зависитъ отъ многихъ причинъ. Прежде всего нѣтъ достаточнаго количества подготовленныхъ и чувствующихъ призваніе миссіонеровъ; громадное ихъ большинство совершенно незнакомо съ инородческими языками, проповѣдуетъ и обращаетъ черезъ переводчиковъ, которые,

сами находясь на низкой ступени развитія, едва понимаютъ русскую рѣчь миссіонеровъ о христіанскихъ догматахъ; огромныя разстоянія и затруднительные пути сообщенія позволяютъ миссіонерамъ лишь крайне рѣдко посѣщать инородцевъ; почти всѣ инородцы неграмотны, и книга не можетъ прививать имъ христіанство; школъ для инородцевъ — крайне ничтожное количество, и онѣ совсѣмъ неудовлетворительны; наконецъ, самая обстановка жизни кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ, особенно на далекомъ сѣверо-востокѣ, ихъ грубый первобытный строй представленій и понятій оставляютъ для нихъ совершенно недоступными христіанскіе догматы, а жизнь и отношенія къ нимъ окружающихъ русскихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ ихъ познакомить практическимъ путемъ съ ученіемъ любви и милосердія.

Русская грамотность также плохо распространяется среди инородцевъ и сдѣлала лишь небольшіе успѣхи между алтайскими и минусинскими инородцами, якутами и бурятами. Школьное обученіе въ малочисленныхъ существующихъ школахъ для инородцевъ происходитъ на русскомъ языкѣ, котораго дѣти не знаютъ и не имѣютъ возможности узнать дома на практикѣ, и оттого они не только не усвоиваютъ въ школѣ русскаго языка, но и вообще школьное обученіе для нихъ является безполезнымъ. Отсутствіе на русскомъ языкѣ книгъ, которыя были бы приспособлены къ потребностямъ и интересамъ инородцевъ, также тормозитъ распространеніе русской грамотности. Въ школахъ Туруханскаго и Березовскаго округовъ инородцевъ почти нѣтъ; придуманныя раньше для киргизовъ закрытыя учебныя заведенія оказались вполнѣ неудачными; такъ какъ примѣнялся насильственный наборъ дѣтей въ эти школы, то богатые киргизы покупали у бѣдныхъ, джатаковъ, дѣтей и отдавали въ эти школы, выдавая за своихъ. Устроенныя въ Степномъ краѣ

сельско-хозяйственныя школы также не привлекаютъ киргизовъ, между тѣмъ они довольно охотно учатся у своихъ муллъ въ магометанскихъ школахъ, и татарская грамотность между ними довольно распространена, какъ монгольская между бурятами.

Подъ именемъ сибиряковъ, русскихъ старожиловъ Сибири, нужно разумѣть, во-первыхъ, потомковъ тѣхъ казаковъ-землепроходцевъ, которые въ половинѣ XVII вѣка уже пробрались въ такіе отдаленные углы страны, какъ сѣверо-восточная Сибирь; во-вторыхъ, потомковъ звѣропромышленниковъ, которые изъ сосѣднихъ мѣстностей, преимущественно изъ сѣверной Россіи, двинулись въ Сибирь вслѣдъ за землепроходцами, привлекаемые слухами о мѣховыхъ сокровищахъ Сибири; въ-третьихъ, потомковъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ: въ Сибирь бѣжали крестьяне, преимущественно помѣщичьи, бѣжали старовѣры, укрываясь отъ преслѣдованія за вѣру; наконецъ, правительство, особенно въ XVII в., отправляло въ Сибирь иногда цѣлыя деревни для заселенія края русскими и для занятія тамъ земледѣліемъ, чтобы воинскіе люди въ Сибири могли кормиться мѣстнымъ хлѣбомъ. Правительство ссылало въ Сибирь и уголовныхъ преступниковъ и разнаго рода непослушныхъ и непокорныхъ—стрѣльцовъ при Петрѣ, старовѣровъ; помѣщики ссылали въ Сибирь своихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ этимъ не прекращалось явное и тайное переселеніе въ Сибирь тѣхъ, кому жилось почему-либо трудно и нехорошо въ Европейской Россіи. Изъ такихъ составныхъ частей и получилось нынѣшнее коренное, старожильское населеніе Сибири. Такъ какъ не только первымъ насельникамъ Сибири, но даже и ихъ отдаленнымъ потомкамъ пришлось жить и работать въ странѣ пустынной, съ климатомъ суровымъ, покрытой густыми, первобытными лѣсами, трудно доступными горами, широкими и страшными

весной и осенью рѣками, въ странѣ, обильной звѣрями, иногда очень опасными, пришлось постоянно сталкиваться, и враждебно и дружески, съ инородцами разныхъ племенъ, разныхъ вѣръ и обычаевъ, — то немудрено, что русскіе старожилы Сибири, сибиряки, въ концѣ-концовъ пріобрѣли различныя, очень стойкія особенности въ характерѣ, въ умственномъ складѣ и даже во внѣшнемъ видѣ. Вслѣдствіе этихъ историческихъ и географическихъ причинъ коренное, старожильское населеніе Сибири пріобрѣло особенныя качества въ нравственномъ и умственномъ складѣ: суровая природа и занятіе звѣроловствомъ выработали въ немъ предпріимчивость, практичность, находчивость, извѣстный закалъ характера; отсутствіе крѣпостного права развило самостоятельность, стремленіе къ равенству; сосѣдство и знакомство съ инородцами привило ему спокойное и терпимое отношеніе ко всякой вѣрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье подмѣчать смѣшныя стороны въ людяхъ и вообще насмѣшливый складъ ума. Съ другой стороны, отъ продолжительной уединенной жизни въ горахъ и лѣсахъ коренное сибирское населеніе пріобрѣло загрубѣлость, отъ инородцевъ усвоило диковитость, отъ возможности скораго и легкаго обогащенія — страсть къ наживѣ, а вообще отъ трудной, суровой и уединенной жизни — холодный, расчетливый взглядъ на все, преобладаніе личныхъ интересовъ надъ общественными, своекорыстіе; привычка постоянно хитрить съ инородцами и необходимость всякими мѣрами считаться съ произволомъ старинныхъ властей въ Сибири развили въ сибирякѣ скрытность, недовѣрчивость и осторожное „себѣ на умѣ“. По внѣшнему виду коренное населеніе Сибири отличается отъ великоруссовъ: въ Сибири преобладаютъ черные или темные волосы, черные или каріе глаза, болѣе смуглый цвѣтъ кожи, не столь сильное развитіе растительности на лицѣ, бросаются

въ глаза лица съ болѣе широкими скулами. Въ общемъ сибирякъ коренастъ, крѣпокъ, имѣетъ довольно высокій ростъ. Сибирячки не отличаются особенной внѣшней привлекательностью и живостью; онѣ застѣнчивы, сдержанны, но трудолюбивы, аккуратны и чистоплотны, предпріимчивы и самостоятельны. Часто сибирячка одна и самостоятельно ведетъ хорошо большое и сложное хозяйство. Въ языкѣ сибиряковъ встрѣчается не менѣе 3000 мѣстныхъ словъ и выраженій, отчасти заимствованныхъ изъ языковъ окружающихъ инородцевъ, отчасти вновь составленныхъ, а отчасти уцѣлѣвшихъ старинныхъ русскихъ словъ. Инородцы не остались безъ вліянія на сосѣднихъ русскихъ. Инородцы долголѣтнимъ опытомъ выработали самыя простыя и практичныя мѣры для защиты отъ холода, для передвиженія по тундрамъ и т. п., и новымъ пришельцамъ, русскимъ, оставалось только воспользоваться ихъ вѣковымъ опытомъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ русскіе заимствовали отъ инородцевъ многія части одежды, способы передвиженія, отчасти пищу и способъ ея приготовленія. Обдоряне, напр., ѣдятъ не только мерзлую рыбу, но и мерзлую оленину; особенно нравятся имъ мерзлый костный жиръ и мерзлыя сырыя почки. Казаки Степного края любятъ кумысъ, не прочь и отъ конины. Забайкальцы пьютъ тарасунъ, ѣдятъ сатуранъ. Отъ смѣшанныхъ браковъ съ инородческимъ населеніемъ многіе сибиряки приняли до нѣкоторой степени инородческое обличье, особенно въ Туруханскомъ краѣ, приалтайскихъ мѣстностяхъ, въ Минусинскомъ уѣздѣ, въ губерніи Иркутской и областяхъ Забайкальской и Якутской. Отъ браковъ бурятъ съ русскими получается потомство смуглое, черноволосое и черноглазое, иногда съ очень пріятными и правильными чертами лица; эти русскіе извѣстны подъ именемъ карымовъ и карымокъ. Въ западной Сибири русскія лица съ инородческимъ обликомъ называются

„кармыковатыми“. На окраинахъ, особенно отдаленныхъ, это вліяніе инородцевъ обозначилось особенно ясно и очень неблагопріятно для русскихъ: это выражается въ уменьшеніи роста, силы и плодовитости, въ ухудшеніи умственныхъ способностей и порчѣ языка. Языкъ русскихъ въ сѣверныхъ поселеніяхъ западной Сибири измѣнился: вмѣсто *ш* они произносятъ *с*, вмѣсто *ж* — *з*, а иногда наоборотъ — „узе наси присли“; нѣкоторыхъ затрудняетъ *ч*, другіе не могутъ справиться съ *р* и *л* („тли люблю“). Отъ остяковъ эти русскіе заимствовали какое-то дѣтское сюсюканье. Русское населеніе Верхоленскаго округа ѣстъ полусырое мясо изъ-подъ ножа, разрѣзывая его у самыхъ губъ снизу; вѣритъ въ бурятское шаманство, лѣчится у шамановъ; нѣкоторые на чердакахъ держатъ даже идоловъ, усвоили много чисто бурятскихъ словъ. Русскіе крестьяне по Лепѣ сильно объякутились по внѣшнему виду, прекрасно говорятъ по-якутски и плохо по-русски. Въ Верхоянскѣ русскіе казаки и мѣщане всѣ неграмотны, роднымъ языкомъ считаютъ якутскій и по-русски объясняются съ трудомъ; якутскій языкъ преобладаетъ до такой степени, что дѣти священника, не знающаго по-якутски, съ трудомъ и скверно говорятъ по-русски. При выпускномъ экзаменѣ школьники якуты и русскіе объясняются по-русски одинаково плохо. Что касается Вилюйска, то тамъ дѣти городскихъ казаковъ, поступающіе въ школу, поголовно незнакомы съ русскимъ языкомъ.

Въ деревнѣ дѣло еще хуже: въ Амгѣ, напр., при послѣдней подворной переписи изъ 86 домохозяевъ 56 человѣкъ совсѣмъ не понимали русскаго языка, 19 человѣкъ говорили съ трудомъ, семеро были малограмотны и только четверо умѣли читать и писать; но и въ такой степени знакомство съ языкомъ пріобрѣтено въ самое послѣднее время. Амгинская слобода заброшена въ глушь охотскаго тракта. Но не

лучше положеніе дѣла и на приленскихъ станкахъ, жители которыхъ, въ качествѣ ямщиковъ, имѣютъ постоянное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ: изъ числа станочниковъ до 35 процентовъ мужского населенія совершенно незнакомо съ русскимъ языкомъ.

Особенно печальное зрѣлище представляетъ прямое вырожденіе русскихъ въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., Колымскій округъ. Русскій въ Средне-Колымскѣ, напр., всегда средняго или малаго роста, съ головой, похожей на якутскую, косыми прорѣзами глазъ, большими скулами, большой нижней челюстью и почти безъ всякой растительности на лицѣ.

Умственныя способности колымчанъ очень слабы. У нихъ такъ мало памяти, что имъ трудно повторить три слова подъ рядъ. Научиться грамотѣ имъ очень трудно. По-русски они говорятъ совсѣмъ плохо. Они очень плохо знакомы съ православіемъ, обращаются къ шаманамъ, преисполнены всякихъ суевѣрій. У нихъ не только нѣтъ никакого прироста населенія, но замѣтна даже прямая убыль. Почти всѣ они заражены сифилисомъ. То же нужно сказать о вырожденіе нижне-колымцевъ. Языкъ ихъ до такой степени измѣнился, что они уже не понимаютъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя тѣмъ не менѣе поютъ. Ихъ языкъ переполненъ инородческими словами и страшно испорченъ. „Оттуль церире шухаря досиѣйя“ (оттуда получилъ 4 сухаря) — вотъ образчикъ ихъ русскаго языка. Нижне-колымцы вымираютъ отъ сифилиса и оспы.

Но если въ Сибири встрѣчаются измѣненія и вырожденіе русской народности, зато въ ней же можно указать мѣста, гдѣ эта народность сохранилась въ большей чистотѣ и неприкосновенности, чѣмъ даже въ Европейской Россіи,— именно у „семейскихъ“ въ Забайкальѣ и у „каменщиковъ“ и „поляковъ“ на Алтаѣ. Семейскіе — потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые

при Екатеринѣ II, въ 1764 г., были переселены въ Забайкалье изъ присоединенныхъ польскихъ областей (Подоліи), куда они бѣжали отъ преслѣдованій за вѣру послѣ разоренія соловецкихъ скитовъ. Они были переселены цѣлыми семьями. Въ настоящее время ихъ тысячъ до сорока. Они не смѣшиваются не только съ бурятами, но и съ окрестнымъ русскимъ населеніемъ, отличаются приверженностью къ старообрядчеству; грамотность и всякія новшества распространяются между ними очень медленно и туго.

Въ одно время съ „семейскими“ другая часть русскихъ старообрядцевъ въ польскихъ областяхъ была поселена около Устькаменогорска и пограничной линіи („поляки“). Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ ихъ теперь до 30.000. Они отличаются красивой, стройной фигурой, особенно женщины. У нихъ сохранились старинные наряды, старинныя пѣсни, прежняя простота и суровость нравовъ. Они отважны, ловки, превосходные наѣздники. Жизнь они ведутъ трезвую и трудолюбивую. „Поляки“ вообще зажиточны и очень любятъ украшать свои жилища: въ нихъ расписные потолки и двери, обои, полотенца на стѣнахъ, цвѣты на окнахъ, приличная мебель. Мужская и женская одежда отличается яркими украшеніями. „Каменщики“ — тѣ же „поляки“, но только бѣжавшіе на Бухтарму за „Камень“ (горы) въ поискахъ за волей, когда „поляки“ были приписаны къ горнымъ заводамъ. Въ концѣ XVIII вѣка они просили Екатерину II о прощеніи и вновь были приняты въ русское подданство.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Жизнь.

I.

Заселеніе Сибири и дѣленіе ея обитателей по главнѣйшимъ хозяйственнымъ признакамъ.

Русское населеніе Сибири, въ настоящее время составляющее $^3/_4$ всѣхъ ея обитателей, впервые утвердилось тамъ болѣе 320 лѣтъ тому назадъ, когда дружина Ермака заняла въ 1582 г. Искеръ, столицу хана Кучума. Такъ какъ главная цѣль русскихъ заключалась въ овладѣніи всей громадной страной, необыкновенно богатой пушными сокровищами, то немедленно же началось движеніе казачьихъ дружинъ, „землепроходцевъ", въ глубь обширнаго края. Это военное, правительственное заселеніе Сибири шло по рѣкамъ, единственнымъ удобнымъ ея дорогамъ въ древнее время,—сначала по Иртышу и Оби, потомъ начало вѣтвиться по притокамъ этихъ рѣкъ, перешло въ бассейнъ Енисея, черезъ правые притоки Енисея и лѣвые Лены проникло въ бассейнъ послѣдней рѣки, откуда мало-по-малу перебралось въ бассейны сѣверо-восточныхъ большихъ рѣкъ: Яны, Индигирки, Колымы и громадной южной рѣки—Амура. Благодаря счастливому расположенію сибирскихъ рѣкъ, сближающихся между собой притоками, было возможно, что лѣтъ черезъ 70 послѣ занятія Искера русскіе проникли въ самые отдаленные сѣверо-восточные углы страны, а на югѣ добрались до Амура. Розыски „новыхъ земляцъ" для объясачиванія жившихъ въ нихъ инородцевъ были исключительной цѣлью первыхъ землепроходцевъ. Такъ, Енисей Буза спустился по Ленѣ и

пробрался спачала въ устье Оленека, потомъ въ устье Яны; Иванъ Постникъ сухимъ путемъ прошелъ на Индигирку; Стадухинъ открылъ Колыму, Семенъ Дежневъ первый проплылъ Беринговъ проливъ въ 1648 г., добрался до устья Анадыра; Москвитинъ поднялся по Алдану, перевалилъ Алданскій хребетъ и черезъ р. Уду проникъ въ Охотское море; Поярковъ, поднявшись по Алдану, перешелъ горные хребты и Зеей вошелъ въ Амуръ; туда же по Олекмѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, пробрался Хабаровъ и основалъ Албазинъ, но вскорѣ русскіе оставили Амуръ въ томъ же столѣтіи. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка Атласовъ подчинилъ всю Камчатку. Въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь на крутомъ берегу большой рѣки, эти землеискатели возводили небольшія укрѣпленія, земляные и деревянные „острожки“, откуда русскія казачьи дружины на далекое пространство господствовали надъ окрестными инородцами. Съ самаго начала занятія русскими Сибири началось и ея правительственное заселеніе прежде всего въ нынѣшнихъ юго-западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи: поселялись ямщики для болѣе скораго и правильнаго сообщенія между различными мѣстностями, „пашенные“ крестьяне, которые обязаны были отдавать въ казну часть своего хлѣба за данныя имъ угодья, ссыльные, водвореніе которыхъ въ Сибири должно было спачала служить не столько для наказанія ихъ этимъ способомъ, сколько также для заселенія обширной и безлюдной страны. Промышленники и торговцы, привлекаемые пушными богатствами Сибири, идутъ вслѣдъ за завоевателями, а иногда и предшествуютъ имъ. Они рыщутъ по глухой тайгѣ, прокладываютъ тропы, строятъ промысловыя избушки, основываютъ „зимки“, заводятъ торговыя сношенія съ инородцами. Но построеніе городковъ и остроговъ, устройство ямовъ и принудительная запись въ пашенные крестьяне не упрочили бы русскаго

господства въ Сибири, если бы съ самаго же начала не возникло вольно-народное заселеніе страны. Всюду, гдѣ было брошено хлѣбное зерно свободнаго пришельца-земледѣльца, гдѣ началась осѣдлая жизнь,— тамъ русское господство развивалось и укрѣплялось навсегда. Вновь пріобрѣтенный край съ самаго же начала привлекаетъ къ себѣ много людей изъ сѣверныхъ мѣстностей Московской Руси и изъ Приуралья. Войны второй половины царствованія Ивана Грознаго, страшной тяжестью ложившіяся на народъ, окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, бури Смутнаго времени, наконецъ — страшное напряженіе народныхъ силъ, потребовавшееся при первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Романовыхъ, а потомъ при Петрѣ Великомъ,— все это влекло въ Сибирь множество народа, которому тяжело и тѣсно было по эту сторону Урала. Воры, разбойники, разнаго рода преступники, старообрядцы, крѣпостные, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей — всѣ старались скрыться въ обширныхъ пустынныхъ пространствахъ Зауралья и прежде всего въ западныхъ частяхъ нынѣшней Тобольской губ. Бѣглецы селились гдѣ-нибудь въ глухой тайгѣ, „урманѣ“, основывали заимки, превращавшіяся потомъ въ села и деревни, расчищали лѣсъ, заводили пашни и иногда по нѣскольку лѣтъ жили въ полной неизвѣстности правительству. Не поощряя добровольнаго переселенія, правительство въ первое время не стѣсняло и самовольнаго; такъ, по указу 1597 г., люди, бѣжавшіе въ Сибирь 6 и болѣе лѣтъ тому назадъ, могли оставаться на новыхъ мѣстахъ, кому бы они раньше ни принадлежали; но съ 70-хъ годовъ XVII вѣка появляются указы, которыми запрещались проѣздъ въ Сибирь безъ государевыхъ проѣзжихъ грамотъ. Но самовольное переселеніе не прекратилось: рядомъ съ проѣзжими дорогами, охраняемыми „заста-

вами крѣпкими", вились незамѣтныя лѣсныя тропы, по которымъ тайкомъ пробирались въ Сибирь русскіе свободные переселенцы и бѣглые преступники. Поэтому населеніе Сибири съ 77.400 человѣкъ въ 1622 г. возросло къ 1709 г. до 203.000, хотя, конечно, обѣ цифры ниже настоящей. Въ XVII вѣкѣ стало очень замѣтно стремленіе русскаго осѣдлаго населенія къ занятію южныхъ, болѣе плодородныхъ мѣстностей: южныхъ частей нынѣшней Тобольской губ., предгорій Алтая, Ачинскаго и Красноярскаго уѣздовъ нынѣшней Енисейской губ. Съ цѣлью болѣе успѣшнаго и быстраго заселенія края правительство, особенно со второй половины XVIII вѣка, проводитъ новые почтовые тракты, заселяя ихъ ямщиками и крестьянами, чѣмъ соединились границы завоеваній, отмѣченныя острогами и крѣпостями; съ этой же цѣлью на югѣ проводятся казачьи оборонительныя линія изъ ряда укрѣпленныхъ поселеній (Иртышская, Бухтарминская и др.). Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX столѣтія русскія поселенія появились въ Киргизской степи, а въ 50-хъ— на Амурѣ. Съ теченіемъ времени, съ утвержденіемъ прочнаго и повсемѣстнаго порядка гражданскаго управленія по всей Сибири, становилось все труднѣе и труднѣе скрываться въ ней бѣглымъ и самовольнымъ переселенцамъ. Въ первую половину XIX вѣка населеніе Сибири пополнялось ссыльными (не менѣе 400.000 человѣкъ); конечно, не всѣ изъ этихъ людей были испорченными преступниками: желая путемъ подневольной ссылки вырваться на свободу, русскій крестьянинъ записывался то въ дезертиры, то въ бродяги; помѣщики часто ссылали въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ по капризу, безъ всякой вины. Свободно могли переселяться одни только государственные крестьяне, которые и старались пользоваться этимъ, какъ только позволяло правительство. Переселеніе усилилось съ отмѣной крѣпостного права, когда много милліоновъ

людей получили свободу. Но въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ правительство не сочувствовало переселеніямъ и даже задерживало ихъ разными запретительными мѣрами; лишь съ 90-хъ годовъ, когда крестьянское населеніе Европейской Россіи стало особенно страдать отъ малоземелья и отъ учащающихся неурожаевъ, правительство рѣшило содѣйствовать переселенческому движенію и упорядочить его. Переселеніе въ Сибирь возросло замѣтно: съ 1885 по 1892 гг. въ годъ, въ среднемъ, переселялось по 41 тысячѣ, а съ 1892 по 1901 — уже по $147^1/_2$ тысячъ. Главный переселенческій потокъ направлялся въ Тобольскую губ., затѣмъ въ Акмолинскую область, какъ ближайшія къ Европейской Россіи и какъ мѣстности степныя и лѣсо-степныя, особенно любимыя переселенцами; далѣе идутъ губерніи Томская (Алтайскій округъ съ 1884—1899 гг. принялъ до 600.000 переселенцевъ) и Енисейская (преимущественно Минусинскій уѣздъ); губ. Иркутская и Забайкальская обл., какъ болѣе отдаленныя, привлекаютъ менѣе всего переселенцевъ; переселеніе на Амуръ, главнымъ образомъ моремъ, возрастало и доходило уже до 12—16 тысячъ въ годъ. Слѣдующая таблица ясно показываетъ, куда въ Сибири направлялось переселенческое движеніе съ 1885—1899 гг.

Направленіе переселенцевъ.	1885—1893 г.		1894—1899 г.	
	Число душъ обоего пола.	Процентное отношен. къ общ. числу.	Число душъ обоего пола.	Процентное отношен. къ общ. число.
Тобольская губернія	26.000	8%	120.000	15%
Томская „	244.500	75 „	400.500	51 „
Енисейская „	25,000	8 „	74.000	9 „
Иркутская „	600	0.2 „	3.000	3 „
Акмолинская область	4.000	1 „	150.000	20 „
Семипалатинская область	11.000	3 „	8.000	1 „
Амурская и Приморская области . .	16.000	5 „	18.000	2 „
Всего	316.600	100	7705.02	110

На первомъ мѣстѣ стоятъ переселенцы изъ черноземной полосы, гдѣ вслѣдствіе исключительнаго преобладанія земледѣлія особенно чувствительно все растущее малоземелье при возрастаніи населенія. Восточныя и юго-восточныя черноземныя губерніи (Симбирская, Самарская, Саратовская, Уфимская, Оренбургская и части губерній Казанской и Нижегородской) дали за семилѣтіе 1887—1894 гг. до 21.5 проц. и въ 1898 г.

Рис. 44. Переселенцы въ Петропавловскѣ.

до 16 проц. общаго числа сибирскихъ переселенцевъ. Потребность въ выселеніи изъ этихъ губерній не имѣетъ еще той напряженности, какъ въ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, и, повидимому, болѣе пріурочивается къ годамъ болѣе или менѣе сильныхъ неурожаевъ (рис. 44).

Неурожаи особенно усиливаютъ напряженность переселенческаго движенія. Особенное значеніе имѣлъ неурожай 1891—1892 гг., во время котораго во многихъ губерніяхъ было замѣчено весьма сильное уве-

личеніе числа переселенцевъ. Изъ этихъ губерній слѣдуетъ поставить на первое мѣсто Черниговскую, изъ которой число переселенцевъ возросло послѣ 1890 г. съ цифры въ 152 души обоего пола до 3.965 въ 1891 г. и достигло въ 1896 г. 36.198 душъ обоего пола; равнымъ образомъ и въ Пензенской губерніи цифры эти возросли съ 555 душъ въ 1890 г. до 2.009 въ 1891 г. и до 23.119 въ 1895 г.; изъ Полтавской губ., въ которой до 1860 г. годовыя цифры переселенцевъ не превышали 466 душъ, въ 1892 г. выселилось уже 8.017 душъ, а въ 1896—38.436 душъ, въ 1902 г. изъ этой губерніи выселилось 16.206 человѣкъ (съ ходоками). Въ Самарской губерніи переселенческое движеніе весьма замѣтно усилилось въ 1898 г., когда оно захватило до 13.523 души обоего пола вмѣсто 1.026 человѣкъ предшествовавшаго 1897 г. Въ 1901 г. въ Сибирь переселилось 128.131 человѣкъ, въ 1902 г.—111.797, (черезъ Челябинскъ) въ 1903 г.—болѣе 115.000. Вслѣдствіе войны съ Японіей въ 1904 г. переселенческое движеніе пріостановилось. Желѣзная дорога развила, облегчила и удешевила переселеніе. Правительство, считая теперь переселеніе дѣломъ государственной важности, старается упорядочить и облегчить его: съ 1897 г. устанавливаетъ обязательную предварительную посылку ходоковъ для ознакомленія съ землями для переселенія, съ 1898 г. вводитъ льготный желѣзнодорожный тарифъ, болѣе чѣмъ въ три раза удешевляющій переѣздъ, заботится, чтобы переселенцы во время остановокъ на пути были обезпечены пріютомъ, снабжены хлѣбомъ и горячей пищей, не лишены медицинской помощи, на мѣстахъ выдаетъ ссуду по 100 р. на семью, для нарѣзки переселенческихъ участковъ начинаетъ землеустроительныя работы въ Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губ., Забайкальской и Акмолинской обл. и отчасти въ Приамурьѣ (рис. 45). Но, кромѣ закопнаго переселенія, про-

должаетъ существовать и незаконное, самовольное, которое происходитъ отъ того, что мѣстныя власти, главнымъ образомъ земскіе начальники, отказываютъ въ разрѣшеніи тѣмъ, кого нужда непремѣнно заставляетъ искать выходъ въ переселеніи. Далеко не всѣ переселенцы сразу и прочно устраиваются на мѣстахъ: одни долго бродятъ по разнымъ мѣстамъ, отыскивая наиболѣе удобный пріютъ, другіе совсѣмъ оставляютъ Сибирь и возвращаются обратно. Въ 1900 г. изъ 213.442 человѣкъ, проѣхавшихъ черезъ Челябинскъ, вернулись 67.759, т.-е. $31^1/_3{}^0/_0$, а въ 1901 г. вернулось 55.223, т.-е. почти $44^0/_0$. Это произошло вслѣдствіе неурожая, бывшаго вообще во всей Сибири въ 1901 г. и повторившагося въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ и въ 1901 г. Въ этомъ году больше всего переселенцевъ прошло въ Томскую губ., а за нею, въ нисходящемъ по размѣрамъ переселенія порядкѣ, слѣдуютъ: Енисейская губ., Приамурскій край, Акмолинская область, Иркутская и Тобольская губерніи. Въ этомъ году наибольшее число переселенцевъ-крестьянъ было изъ Полтавской губ. 14.899, изъ Черниговской—11.115; наименьшее количество переселенцевъ дали Ярославская, Московская, Петербургская, Новгородская и Привисляпскія губ. Случаевъ переселенія изъ Олонецкой губ. вовсе не было. Въ Южно-Уссурійскій край въ 1901 г. прибыло 11.364 человѣка, основавшихъ 25 новыхъ селеній. Большинство переселенцевъ было изъ Полтавской, Черниговской и др. малороссійскихъ губерній. Изъ Приамурья въ этомъ году вернулось обратно или въ западную Сибирь $15^0/_0$ всѣхъ прибывшихъ. Какъ въ древнее время заселеніе шло по теченію рѣкъ, такъ теперь оно подвигается вдоль линіи желѣзной дороги. Кромѣ притягательной силы послѣдней, это происходитъ и отъ того, что свободныя и удобныя земли въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губ., на Алтаѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ почти всѣ уже за-

няты, такъ что приходится обратить вниманіе на огромныя таежныя пространства. Такія пространства имѣются во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ. Въ Тобольской г.

Рис. 45. Переселенческій баракъ въ Челябинскѣ.

„урманы“ одного Тарскаго уѣзда занимаютъ $4^1/_2$ мил. десятинъ, въ Барабѣ ихъ до 4 мил. Заселеніе тайги встрѣчаетъ много препятствій: слишкомъ суровый климатъ вообще, обиліе влаги, частыя болота, весенніе и ранніе осенніе заморозки, множество комаровъ и мошекъ („гнусъ“), порожденныхъ сыростью. Чтобы расчистить лѣсъ, поднять землю, нужно громадное количество труда и не мало средствъ. Такимъ образомъ въ урманныхъ или таежныхъ пространствахъ могутъ устраиваться лишь болѣе или менѣе зажиточные выходцы изъ лѣсныхъ сѣверныхъ губ. Европейской Россіи, между тѣмъ какъ главная волна переселенческаго потока идетъ изъ южныхъ черноземныхъ и степныхъ губерній. Нужно сказать вообще, что за-

лась свободныхъ и удобныхъ земель въ Сибири почти исчерпанъ, между тѣмъ какъ настоятельной потребности въ переселеніи для крестьянъ-земледѣльцевъ Европейской Россіи не предвидится и конца.

Размѣры переселенія въ Сибирь, достигнутые въ послѣдніе годы, едва ли будутъ превзойдены, и ограниченность ея земельныхъ запасовъ уже поставила предѣлъ дальнѣйшему росту если не вообще переселенія, то во всякомъ случаѣ движенія въ Сибирь крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ лучшемъ случаѣ размѣры сибирскаго переселенія продержатся на современной высотѣ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ они неизбѣжно должны будутъ сократиться. Въ частности,—и это особенно важно,—Сибирь должна будетъ утратить свое нынѣшнее значеніе главнаго пріемника для избыточнаго населенія черноземной полосы Европейской Россіи. Уже и теперь все бо́льшую роль въ переселенческомъ движеніи начинаютъ играть выходцы изъ нѣкоторыхъ мѣстностей нечерноземной Россіи. Въ настоящее время эти выходцы еще теряются, правда, среди подавляющаго большинства выходцевъ изъ черноземной полосы, но скоро, съ окончательнымъ истощеніемъ запасовъ степныхъ и даже полустепныхъ земель, движеніе въ Сибирь переселенцевъ изъ черноземной полосы (за исключеніемъ, можетъ-быть, сѣверочерноземной части) должно будетъ если не совершенно прекратиться, то во всякомъ случаѣ свестись до ничтожныхъ размѣровъ, и избытку населенія изъ южныхъ мѣстностей Европейской Россіи придется искать себѣ какого-либо иного исхода. Что касается вліянія переселенцевъ на старожиловъ, то здѣсь мнѣнія расходятся: по мнѣнію однихъ, переселенцы не оказываютъ никакого вліянія на сельско-хозяйственные порядки старожиловъ, даже усвоиваютъ хищнически-захватные пріемы послѣднихъ; по отзывамъ же другихъ наблюдателей, новоселы познакомили старожиловъ съ

многими новыми видами ремеслъ, ввели лучшія земледѣльческія орудія, особенно на Алтаѣ.

Отношенія старожильскаго населенія, коренныхъ сибиряковъ, нельзя назвать всюду мирными и дружественными. Новоселы все болѣе и болѣе стѣсняютъ киргизовъ, алтайскихъ калмыковъ и бурятъ въ отношеніи ихъ пастбищныхъ угодій, а старожиловъ — ихъ земельнаго простора, ихъ свободнаго пользованія лугами, лѣсами и пахотной землей. Между старожилами и новоселами нерѣдки раздоры изъ-за земли и разныхъ угодій, иногда переходящіе въ побоища. Нѣкоторые старожилы на Алтаѣ, тяготясь сосѣдствомъ съ новоселами, стремятся въ горныя долины, гдѣ и основываютъ свои „заимки“. Переселенцы, водворяющіеся на новыхъ мѣстахъ, обыкновенно встрѣчаютъ большія неудобства, такъ какъ немногочисленные переселенческіе чиновники не могутъ своевременно, вслѣдствіе длинной переписки, исхлопотать для нихъ ссуду, которая обыкновенно и доходитъ до переселенцевъ слишкомъ поздно. Надѣлы въ 15 десятинъ облагаются оброчной платой съ самаго начала, когда переселенцы еще не могутъ использовать надѣлъ и получать съ него доходъ. Крайняя влажность въ таежныхъ мѣстностяхъ, крайняя сухость въ степныхъ, бездорожица въ тайгахъ и урманахъ, иногда ошибочное признаніе плохихъ участковъ пригодными, неумѣнье урожепцевъ лѣсныхъ мѣстностей устроиться въ степныхъ и наоборотъ, такъ какъ новоселамъ не всегда приходится выбирать мѣста по собственному желанію, наконецъ, участившіеся за послѣднее время неурожаи въ Сибири, — все это заставляетъ многихъ изъ поселенцевъ двигаться обратно въ Европейскую Россію.

Вслѣдствіе крайняго разнообразія природныхъ условій и въ зависимости отъ географической широты мѣстности не могутъ быть всюду одинаковыми и занятія сибирскаго населенія, которое по характеру пре-

обладающаго труда дѣлится на нѣсколько слоевъ, не одинаковыхъ по величинѣ и значенію. Почти всѣ русскіе (75% населенія), занявшіе равнинныя мѣстности средней и южной Сибири, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ удобныя для земледѣлія, исключительно занимаются этимъ послѣднимъ; именно этотъ трудъ ихъ кормитъ и составляетъ главную основу ихъ благосостоянія. Киргизское населеніе Акмолинской и Семипалатинской областей и часть бурятъ въ Забайкальѣ исключительно занимаются скотоводствомъ, такъ какъ въ степяхъ это самое выгодное и удобное занятіе. Даже русскіе, занимая степи Тюкалинскаго и Каинскаго уѣздовъ, мѣстности причулымскія, юго-востокъ Забайкалья, обращаютъ большое вниманіе на скотоводство, хотя и не дѣлаютъ его главнымъ занятіемъ, какъ и русскіе, поселившіеся въ наиболѣе удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ Акмолинской и Семипалатинской областей. Для инородцевъ Минусинскаго уѣзда (въ Абаканской степи) скотоводство тоже составляетъ главнѣйшее занятіе. Съ другой стороны, якуты, среди которыхъ въ южныхъ частяхъ Якутской области все болѣе развивается земледѣліе, не оставляютъ скотоводства, какъ преобладающаго занятія: тамъ очень много корма для скота и слишкомъ суровъ климатъ для особеннаго распространенія хлѣбопашества. Громадныя сѣверныя рѣки, протекая по мѣстностямъ холоднымъ и безплоднымъ, привлекли къ себѣ рѣдкое населеніе сѣверныхъ странъ и поддерживаютъ его существованіе своими рыбными богатствами. Не только приобскіе и приенисейскіе остяки, приленскіе якуты, буряты о. Ольхона, побережные инородцы сѣверо-восточныхъ рѣкъ занимаются исключительно рыболовствомъ, но и русское населеніе сѣверныхъ мѣстностей, неудобныхъ для занятія земледѣліемъ: Березовскаго, Сургутскаго и Тобольскаго уѣздовъ, Нарымскаго края, низовьевъ Енисея и др. большихъ сѣверныхъ рѣкъ

восточной Сибири. Все русское населеніе береговъ Колымы не знаетъ иныхъ занятій, кромѣ рыболовства, и питается только рыбой. Рыболовство также составляетъ главное занятіе русскаго населенія Камчатки, побережья Охотскаго моря и низовьевъ Амура. Безконечныя моховыя тундры сѣверной и особенно сѣверовосточной Сибири естественно вызвали тамъ развитіе оленеводства, какъ главнѣйшаго занятія самоѣдовъ, чукчей, ламутовъ, сѣверныхъ якутовъ и тунгусовъ. Безпредѣльная тайга, покрывающая большую часть восточной Сибири и значительную часть западной, вызвала звѣроловство и сдѣлала его главнымъ занятіемъ немногочисленнаго бродячаго населенія: болѣе южныхъ остяковъ, алтайцевъ, тунгусовъ, ламутовъ, гиляковъ. Оно является также главнымъ занятіемъ и для немногочисленныхъ русскихъ, живущихъ въ таежныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ по преобладающимъ занятіямъ населеніе Сибири можно раздѣлить на три группы: сѣверную, самую малочисленную, но занимающую самое обширное пространство, покрытое тундрами и тайгами, съ климатомъ холоднымъ и почвой неплодородной; рыболовство, оленеводство и звѣроловство — главныя занятія въ этой полосѣ. Вторая группа, самая многочисленная, занимаетъ среднія плодородныя равнины западной Сибири и узкимъ клиномъ тянется по южнымъ частямъ Сибири восточной до самаго Тихаго океана. Здѣсь царитъ земледѣльческій трудъ. Средняя по численности группа, скотоводческая, занимаетъ самыя южныя мѣстности: Киргизскую степь, горы Алтая, Абаканскую степь и часть Забайкалья. Если земледѣльцы считаются милліонами, то скотоводы уже только сотнями тысячъ, рыболовы — десятками тысячъ, оленеводы и звѣроловы—только тысячами. Изъ всего сказаннаго вполнѣ очевидно, что Сибирь — русская и земледѣльческая страна, т.-е. „зеркало Россіи“. Изъ

предыдущаго можно также заключить, что добывающая хозяйственная дѣятельность стоитъ въ Сибири на первомъ и важнѣйшемъ мѣстѣ. И если эта дѣятельность зависитъ тамъ отъ климатическихъ и почвенныхъ условій, то хозяйственная обрабатывающая дѣятельность и вообще всѣ другіе виды дѣятельности, кромѣ золотопромышленности,—уже отъ условій жизни, создапныхъ самимъ человѣкомъ. Такъ, въ большихъ городахъ возникли фабрично-заводскія заведенія для удовлетворенія потребностей городского населенія. Много рабочаго люда привлекла для своихъ потребностей желѣзная дорога; въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ теперь существуютъ большія желѣзнодорожныя мастерскія съ тысячами рабочихъ. Не мало рабочихъ привлекло также развившееся пароходство. Въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ возникли винокуренные заводы. Тамъ, гдѣ рыбное дѣло приняло промышленный характеръ и началась обработка рыбныхъ продуктовъ, явились особые рыбопромышленные рабочіе—въ низовьяхъ Оби, Енисея, отчасти на Ленѣ и Амурѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тихоокеанскаго побережья. Но вслѣдствіе слабаго развитія обрабатывающей хозяйственной дѣятельности вообще число фабрично-заводскихъ рабочихъ очень не велико: не болѣе 50—60 тысячъ. Фабрично-заводскіе рабочіе Сибири состоятъ изъ обѣднѣвшихъ мѣщанъ, ссыльно-поселенцевъ и отчасти крестьянъ. 50.000 золотопромышленныхъ рабочихъ состоятъ изъ ссыльно-поселенцевъ, крестьянъ, не только старожиловъ, но и переселенцевъ. Довольно развитая, особенно въ Тобольской губ., кустарная промышленность является занятіемъ только подспорнымъ замледѣльческому и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—единственнымъ и главнымъ, скорѣе уже только для отдѣльныхъ семей, чѣмъ для цѣлыхъ селеній.

По своему благосостоянію русское инородческое населеніе Сибири не представляетъ такихъ рѣзкихъ

различій, какія замѣчаются относительно преобладающихъ занятій: и среди русскихъ встрѣчаются и очень зажиточныя и весьма несостоятельныя группы; то же самое замѣчается и среди инородцевъ, хотя въ общемъ инородцы гораздо менѣе зажиточны и обезпечены, чѣмъ русскіе. По хозяйственному благосостоянію русское населеніе Сибири дѣлится на три группы: старожиловъ, новосселовъ и ссыльно-поселенцевъ. Старожилы — самая зажиточная часть населенія и, въ свою очередь, дѣлятся на крестьянъ и казаковъ. Селеніе старожиловъ-крестьянъ съ перваго взгляда обнаруживаютъ зажиточность ихъ обитателей: избы-дома съ множествомъ оконъ (сибирякъ любитъ, чтобы въ жильѣ было свѣтло, и не бережетъ топлива,—его еще много), крыты тесомъ, ставни часто выкрашены; кругомъ оконъ, а иногда и на крышахъ,—рѣзныя деревянныя украшенія. Кругомъ обширнаго двора прочныя хозяйственныя постройки, также крытыя тесомъ; для скота крытый теплый „пригонъ“; на задахъ огороды, иногда „телятишки“ и овины. Преобладаютъ „пятистѣнныя“ избы изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ капитальной стѣной, въ которой прорубается дверь. Болѣе зажиточные крестьяне живутъ въ „крестовыхъ“ домахъ: квадратныхъ избахъ, разгороженныхъ на 4 равныхъ помѣщенія—кухню и 3 горницы. Самые бѣдные крестьяне живутъ въ „четырехстѣнныхъ“ избахъ, состоящихъ изъ одного помѣщенія съ печью и полатями. Такія селенія встрѣчаются всюду въ земледѣльческой Сибири, начиная съ Тобольской губ. и кончая Забайкальемъ (рис. 46). Но улицы ихъ всюду грязны и запавожены. Особенно хороши селенія алтайскихъ старовѣровъ-„поляковъ“: широкія, чистыя, покрытыя зеленой травой улицы, обставленныя домами большею частью старинной русской архитектуры: высокія крылечки съ точеными столбиками, часто раскрашенными въ разные цвѣта; подъ ними дверь въ „клѣть“, т.-е. въ

кладовую; затѣйливая рѣзьба на окнахъ и крышѣ, деревянные пѣтухи на окнахъ или на воротахъ. Наплывъ переселенцевъ сильно ограничилъ количество лѣсныхъ угодьевъ крестьянъ, а новыя правила пользованія лѣсомъ въ близкомъ будущемъ должны сократить строительную роскошь старожиловъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ сибирскія деревни уже не подскажутъ своимъ видомъ о зажиточности большинства обитателей. Стѣны и потолки въ горницахъ выбѣлены, полы покрыты бѣлыми холстинковыми или разноцвѣтными половиками, вдоль стѣнъ стоятъ крашеные деревянные столы, стулья и диваны, на окнахъ цвѣты (бальзамины, герани, столѣтники, фуксіи и др.). Въ одной изъ комнатъ обязательна широкая двуспальная кровать, съ горой подушекъ въ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, со стеганымъ на шерсти одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ; такая кровать часто помѣщается за ситцевой цвѣтной занавѣской. Передній уголъ завѣшенъ иконами, для которыхъ часто дѣлается полочка-божница. У богатыхъ комнаты украшены зеркалами и городской мебелью. Нижняя часть обыкновенно глинобитныхъ печей обшивается досками и раскрашивается; часто изображаются цвѣты, деревья, птицы. Окна часто украшены занавѣсками, кисейными или вязаными. Особенной чистотой и обиліемъ украшеній отличаются жилища алтайскихъ „поляковъ“: зеркала, на которыхъ повѣшены полотенца съ вышитыми концами, вокругъ потолка ряды сухихъ желтыхъ махровыхъ цвѣтовъ (бархатцы), двери, косяки оконъ, а иногда и потолки раскрашены и разрисованы цвѣтами, птицами, красными, синими и зелеными кругами, изображающими солнце. Пища сибирскаго крестьянина-старожила пока еще обильна и сытна; въ ней преобладаютъ хлѣбъ (ржаной съ горячимъ и пшеничный съ чаемъ и молокомъ), картофель, молоко и молочные про-

дукты, сало, масло, яйца; мясо и рыба хотя и стоятъ на второмъ мѣстѣ, но ежедневно употребляются въ пищу каждой достаточной семьей. День начинается чаемъ съ хлѣбомъ, очень часто горячимъ, въ полдень обѣдъ, часа черезъ 3 чай и вечеромъ, часовъ въ 7, ужинъ изъ обѣденныхъ остатковъ и снова чай. Ѣда сибирскаго крестьянина однообразна и проста, но сытна: похлебка изъ капусты, картофеля и крупы съ мясомъ, холодный студень, разныя каши на молокѣ или водѣ, жареный картофель съ масломъ и сметаной, жареное въ салѣ, въ закрытыхъ латкахъ, мясо. баранина или свинина съ большимъ количествомъ воды. Въ постное время употребляются щи съ капустой, крупой, пироги съ рыбой, каши, паренья въ

Рис. 46. Русское селеніе въ восточной Сибири.

чугунахъ свекла и брюква, „горошница“ (сваренный въ водѣ и политый постнымъ масломъ горохъ). Нужно замѣтить, что очень развившееся за послѣднее время

въ Тобольской и Томской губ. маслодѣліе отнимаетъ отъ крестьянскаго стола много молочныхъ продуктовъ, а неурожаи послѣднихъ лѣтъ, вызвавшіе усиленную продажу скота, сократили вообще употребленіе мяса. И вообще уже отходитъ въ область прошлаго то время, когда каждый взрослый работникъ съѣдалъ въ сутки по фунту ржаного и пшеничнаго хлѣба и по фунту мяса съ прибавленіемъ молочныхъ кушаній. Война, оторвавшая въ Сибири множество рабочихъ рукъ, страшно понизила благосостояніе сибирскихъ крестьянъ, такъ что ихъ питаніе, по крайней мѣрѣ теперь, въ 1904 и 1905 гг., сдѣлалось хуже количественно и качественно. Зажиточность сибиряка-старожила видна также и въ его одеждѣ. Сибирякъ никогда не носилъ лаптей. Лѣтомъ онъ носитъ высокіе сапоги, зимой—бродни (длинная кожаная обувь съ мягкой внутренней подошвой, завязывающаяся ремешкомъ подъ колѣномъ) и пимы (валенки черныя или бѣлыя съ красными крапинами, расположенными узорами). Зимой крестьяне носятъ поверхъ платья недубленыя овчинныя шубы, дохи, на головѣ теплыя шапки, на рукахъ, поверхъ вязаныхъ варежекъ, кожаныя рукавицы. Азямы, армяки и шабуры (короткій зипунъ безъ пуговицъ) носятся лѣтомъ; на головѣ картузъ съ лакированнымъ козырькомъ. Шаровары и рубахи дѣлаются теперь изъ привозныхъ матерій: казинета, ситца, бумазеи, миткаля, плиса. Въ Забайкальѣ въ ходу рубахи изъ китайской шелковой чесучи. Появились жилеты и пиджаки. Наряжаться по-новому особенно любятъ женщины. Сарафаны всюду (кромѣ „семейскихъ“ и „поляковъ“) замѣнились кофтами и юбками. Прежнія домотканныя пестряди и холсты смѣнились мануфактурными произведеніями. Замѣчательно, что старожилы (особенно женщины) деньги, пріобрѣтаемыя отъ вновь появившихся промысловъ (отъ желѣзной дороги, маслодѣлія

и т. п.), употребляютъ охотнѣе не на улучшеніе хозяйства, а на пріобрѣтеніе мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ. Конечно, сибирскій крестьянинъ живетъ пока еще зажиточно только по сравненію съ его зауральскимъ собратомъ и съ переселенцами: преобладающее прежде число средне-зажиточныхъ хозяйствъ теперь уменьшается, а число кулаковъ и міроѣдовъ увеличивается, но въ общемъ сибирскіе крестьяне далеко не такъ разорены, какъ русскіе. Ограниченіе пользованія землей и другими угодьями также должно повлечь за собой сокращеніе крестьянскаго благосостоянія. Прежнее вольное пользованіе землей („паши и коси, гдѣ и сколько хочешь“) вслѣдствіе наплыва переселенцевъ уже выволось въ земледѣльческой полосѣ Сибири; прежняя сложная волостная община распалась на рядъ мелкихъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенно по одному селенію; вмѣсто вольнаго пользованія въ такихъ общинахъ сталъ необходимъ подушный надѣлъ съ передѣломъ пашенъ и покосовъ. Заимки, которыя прежде были средствами занятія пустыхъ пространствъ, сдѣлались теперь только способомъ хозяйственнаго пользованія землей и покосомъ. Хозяйственный размахъ сибирскаго крестьянина сократился, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно умалиться и его благосостояніе. Вторую, гораздо менѣе значительную группу сибирскихъ старожиловъ (не болѣе четырехсотъ съ небольшимъ тысячъ) составляютъ казаки западно-сибирскіе (въ Акмолинской и Семипалатинской обл.), забайкальскіе и амурскіе. Южно-уссурійскіе казаки пришли недавно изъ Донской области. Казаки, какъ сословіе, уцѣлѣли еще въ Якутской области, въ Енисейской и Иркутской губ. Въ самое послѣднее время въ казаки должны были обязательно переписаться и крестьяне тѣхъ селеній Минусинскаго, Красноярскаго и Иркутскаго уѣздовъ, въ которыхъ жило хотя нѣсколько казачьихъ семей;

въ случаѣ согласія они получали 30-десятинный надѣлъ, въ случаѣ отказа должны были выселиться. Такимъ образомъ въ число казаковъ попали и ссыльные татары-магометане, напр., въ селѣ Восточномъ, Минусинскаго уѣзда. Западно-сибирскіе казаки, въ числѣ 60.000 человѣкъ мужского пола, владѣютъ по 52 десят. земли на душу; кромѣ того, имъ принадлежитъ войсковой запасъ (около 450 тыс. десят.) и десятиверстная полоса въ 830 тыс. десят., которая прежде отдѣляла казачьи земли отъ киргизскихъ. Имъ же принадлежитъ весь Иртышъ съ десятиверстною полосой по обоимъ его берегамъ. Казаки Акмолинской и Семипалатинской областей живутъ въ станицахъ на берегахъ большихъ прѣсныхъ озеръ или по Иртышу. Широкія правильныя улицы станицъ обставлены деревянными, иногда двухъэтажными, домами, крытыми тесомъ. Дворовыя усадьбы казаковъ не такъ обширны, какъ крестьянскія, да и вообще казаки не столь зажиточны, какъ крестьяне, и главныя ихъ занятія — скотоводство и торгъ съ киргизами, а не земледѣліе. Самая торговля ихъ имѣетъ видъ ростовщичества. Казаки Енисейской и Иркутской губ. почти ничѣмъ не отличаются отъ окружающихъ крестьянъ. Казаки Забайкальскіе (185 т.) по своему благосостоянію стоятъ выше забайкальскихъ крестьянъ (200 т.): у нихъ больше удобной земли (у казаковъ 40, у крестьянъ 16 десятинъ) и скота; такъ, если въ среднемъ хозяйствѣ забайкальскаго крестьянина рабочихъ лошадей — $3_{,8}$, дойныхъ коровъ—$1_{,4}$, то у казаковъ западнаго Забайкалья уже $4_{,6}$ рабочихъ лошадей и 2 коровъ, въ восточномъ Забайкальѣ, гдѣ казаки зажиточнѣе,—$6_{,2}$ и $7_{,7}$ рабочихъ лошадей и дойныхъ коровъ. Если въ крестьянскомъ среднемъ хозяйствѣ мяса въ годъ на одного человѣка приходится по $1_{,7}$ пуда, то на запад.-забайкальскаго казака — 2 п. и восточно-забайкальскаго — $2_{,7}$ пуда. Съ 21 года казаки

(за исключеніемъ льготныхъ по семейному положенію) зачисляются въ дѣйствительную службу на 4 года и посылаются, кромѣ оставшихся въ области, на Амуръ и въ Уссурійскій край; съ 25 до 33 лѣтъ они числятся въ „льготныхъ“, съ 33—38—въ „запасныхъ“ и лишь съ 38 лѣтъ получаютъ отставку. Вооруженіе, обмундированіе и лошадь должны быть собственныя, что въ западномъ Забайкальѣ обходится по 172 р., а въ восточнымъ по 207 р. на человѣка. Скотоводство составляетъ главный источникъ благосостоянія забайкальскихъ казаковъ. Гораздо ниже по благосостоянію стоятъ амурскіе казаки. Ихъ станицы, вытянувшись въ линію по берегу Амуру, состоятъ изъ небольшихъ одинаковыхъ деревянныхъ домиковъ въ 2—3 окна. Впереди домовъ, у берега, огороды и бани, сзади небольшой амбаръ; приповъ для скота нѣтъ. Дома часто крыты древесною корой. Станицы не производятъ вида зажиточности и домовитости обитателей. Хозяйство амурскихъ казаковъ ведется плохо и неумѣло: пользуясь земельнымъ просторомъ, амурскій казакъ старается распахать какъ можно больше земли, но вспахиваетъ ее плохо и засѣваетъ кое-какъ, разводитъ какъ можно больше лошадей, но плохихъ и слабосильныхъ, какъ можно больше рогатаго скота, но плохого и малоудойнаго. Нельзя поэтому сказать, чтобы амурскій казакъ жилъ въ довольствѣ и питался хорошо.

Казаки, особенно забайкальскіе и приамурскіе, очень пострадали въ русско-японскую войну 1904 и 1905 г.: они были отправлены въ огромныхъ количества на театръ военныхъ дѣйствій и погибали въ Маньчжуріи въ большомъ числѣ. Несомнѣнно, что ихъ благосостояніе теперь сильно упало.

Новоселы, составляющіе очень замѣтную часть населенія Сибири (съ 1882 по 1903 г. прибыло не менѣе 2 милліоновъ), по степени благосостоянія далеко не представляютъ чего-либо однороднаго и одинаковаго.

Это зависитъ, во-первыхъ, отъ степени обезпеченности новоселовъ на родинѣ, во-вторыхъ, отъ почвенныхъ и хозяйственныхъ условій занятой ими мѣстности и, въ-

Рис. 47. Новоселы въ лѣсной мѣстности.

третьихъ, отъ срока пребыванія ихъ на новыхъ мѣстахъ. Чѣмъ съ большими средствами приходитъ новосель съ родины, тѣмъ лучше и прочнѣе устраивается онъ въ Сибири. Лучше всего для переселенцевъ плодородныя кабинетскія земли Алтайскаго округа. Здѣсь къ 1898 г. 92^0_0 новоселовъ обзавелись капитальными жилищами, $^3/_5$ имѣли болѣе трехъ лошадей и голову крупнаго скота на дворѣ и посѣва по $5_{,4}$ дес. въ среднемъ. Казенныя земли Томской и Тобольской губ. уже стоятъ на второмъ мѣстѣ, а еще хуже земли Акмолинской и Семипалатинской областей; больше всего безхозяйственныхъ семей въ Енисейской и Иркутской губ. (рис. 47 и 48). Чѣмъ дольше живутъ переселенцы въ Сибири, тѣмъ обширнѣе у нихъ посѣвы: у прибывшихъ

въ 1887—1889 гг. — по 10 десятинъ, у прибывшихъ въ 1896—98 гг. — по $3,_9$ въ среднемъ. Но и на Алтаѣ, лучшей для новоселовъ мѣстности, ихъ благосостояніе ниже старожильскаго: на хозяйство старожиловъ приходится по $7,_9$—$6,_8$ десятины покоса, у новоселовъ — отъ $5,_4$—$4,_1$, лошадей у старожиловъ въ среднемъ — $7,_1$—$6,_2$ голова, у новоселовъ — отъ $4,_8$—$3,_9$. Существуютъ разныя мѣстныя причины, тормозящія благосостояніе новоселовъ. Въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ переселенцевъ угнетаетъ безводье и отсутствіе покосовъ. Болота, рѣчушки и озерки, около которыхъ расположились ихъ поселки, часто высыхаютъ, и вода въ озерахъ становится негодною къ употребленію. Въ 1895 г., напр., изъ 41 поселка

Рис. 48. Новоселы въ лѣсной мѣстности.

въ Акмолинской обл. 14 оказались совершенно лишенными прѣсной воды. Обводнительныя работы до сихъ поръ принесли очень мало пользы. Поселки въ этихъ

мѣстахъ производятъ тяжелое впечатлѣніе: на голой степи, безъ малѣйшаго кустика, разбросаны жалкія земляпки, похожія скорѣе на норы, чѣмъ на людскія жилища. Лошади въ такихъ поселкахъ околѣваютъ отъ безкормицы: мокрыхъ луговъ нѣтъ, а на сухихъ мѣстахъ еще до перваго сѣнокоса траву выжигаетъ солнцемъ. Часто появляется кобылка, которая истребляетъ все на поляхъ и въ огородахъ. По этимъ причинамъ много поселеній брошено ихъ основателями. Въ урманахъ Тобольской губ. новоселамъ приходится бороться, наоборотъ, съ крайнимъ обиліемъ влаги и лѣса. Для поднятія пашни требуются громадныя усилія, а поздніе весенніе и ранніе осенніе заморозки вредятъ хлѣбамъ. Въ Приамурьѣ крайняя влажность воздуха, сырость почвы, разлитіе рѣкъ въ концѣ лѣта, не прекращающаяся чума рогатаго скота, дороговизна быковъ для пашни (200—250 р. пара), лошадей („томская“ большая лошадь стоитъ 250—300 р.), — все это задерживаетъ ростъ благосостоянія новоселовъ. На Амурѣ, какъ и всюду, лучше и скорѣе устраиваются старовѣры и сектанты, какъ люди трезвые, болѣе трудолюбивые и стойкіе (рис. 49).

Рядъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ въ Европейской Россіи передвинулъ въ Сибирь множество обнищавшихъ переселенцевъ, которые столкнулись тамъ также съ неурожаями послѣднихъ лѣтъ, и это, въ свою очередь, поставило громадное множество новоселовъ въ положеніе чрезвычайно тяжелое, тѣмъ болѣе, что они не могутъ имѣть никакихъ посторонпихъ заработковъ, за ихъ полнымъ отсутствіемъ въ Сибири. Хуже всего въ голодные годы положеніе самовольныхъ, не приписныхъ переселенцевъ, которые уже не могутъ разсчитывать на помощь правительства, особенно въ первое время.

Ссыльные („на поселеніе“, „на житье“ и „на водвореніе“) по хозяйственному благосостоянію стоятъ на

послѣднемъ мѣстѣ среди сибирскаго населенія. За 12 лѣтъ, съ 1887 по 1898 г., въ Сибирь прибыло 100.582 ссыльныхъ, въ томъ числѣ 48.000 по судебнымъ приговорамъ, т.-е. въ среднемъ такихъ по 4 т. въ годъ [1]). Приходя въ незнакомыя мѣстности, къ чуждымъ, враждебно настроеннымъ людямъ, безъ всякихъ средствъ, часто безъ умѣнья и привычки работать, приспособляться къ новымъ условіямъ жизни,— ссыльные обыкновенно оставляютъ мѣста приписки и разбре-

Рис. 49. Новоселы въ степной мѣстности.

даются въ разныя стороны. Изъ 300.000 ссыльныхъ, числящихся теперь въ Сибири, 100.000 — праздношатающіеся бродяги, 100.000—бездомные, живущіе случайными заработками, 70.000—безземельные рабочіе и

---

[1]) 12 іюня 1900 г. отмѣнена только ссылка въ Сибирь на житье; ссылка на поселеніе по суду и по приговорамъ обществъ, хотя и ограничена, однако, совершенно не уничтожена. Въ 1899 г. въ Сибири считалось 10.299 человѣкъ каторжныхъ, изъ которыхъ 94% находилось на Сахалинѣ и въ предѣлахъ иркутскаго и приамурскаго генералъ-губернаторствъ, а остальные 6% — въ центральныхъ тюрьмахъ западной Сибири.

30.000—осѣдлые земледѣльцы и изъ нихъ только $4^1/_2$ тысячи достигли извѣстнаго хозяйственнаго благосостоянія и могутъ слиться съ мѣстнымъ осѣдлымъ населеніемъ. Хотя ссыльные и составляютъ около $5^0/_0$ населенія Сибири, однако число ссыльныхъ, заключенныхъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, доходитъ до $58^0/_0$ всѣхъ арестантовъ. Постоянныя преступленія, которыми отличаются сибирскіе города и значительныя селенія и которыя усиливаются въ неурожайные годы,— совершаются преимущественно ссыльными, главнымъ образомъ по причинѣ крайней трудности жизни для нихъ. Ссыльные, даже пріобрѣвшіе нѣкоторую осѣдлость, живутъ въ лачугахъ, хлѣбопашествомъ занимаются въ маломъ размѣрѣ; не у всѣхъ имѣется даже по лошади и коровѣ. Бездомовные бобыли живутъ въ сельскихъ работникахъ, вѣчно въ кабалѣ и въ долгу. Часть ссыльныхъ нищенствуетъ или бродяжитъ. Бродяжки часто встрѣчаются по сибирскимъ проселкамъ съ котомкой, съ чайникомъ, часто самодѣльнымъ изъ жестяной коробки изъ-подъ пороха съ придѣлашнымъ носочкомъ. Въ болѣе холодное время бродяга набиваетъ рубаху сѣномъ, завертывается въ щитъ, сплетенный изъ колосьевъ или изъ сѣна, а то и просто обвязываетъ себя снопами изъ зародовъ (рис. 50). Особую группу ссыльныхъ составляютъ сосланные за вѣру. Они встрѣчаются какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири. Въ Минусинскомъ уѣздѣ есть цѣлая большая деревня, Юдина, сплошь населенная ссыльными субботниками и молоканами. Эти ссыльные въ скоромъ времени достигаютъ значительнаго благосостоянія. Въ Иркутской губ. живетъ нѣсколько тысячъ духоборовъ. Въ Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олекминскомъ округахъ Якутской области находится 11 селеній скопцовъ съ населеніемъ въ 1.360 человѣкъ, въ томъ числѣ 560 женщинъ (около $7^0/_0$ всего пришлаго населенія области). Эти селенія (главное

Марха съ 370 жителей) по наружному виду очень зажиточны: обширные дома, окруженные крѣпкими, высокими заборами, амбары, огороды, бани и т. п. Стран-

Рис. 50. Скотическая усадьба средней зажиточности.

ное впечатлѣніе производитъ Марха на того, кто посѣщаетъ ее въ первый разъ. Красивые большіе деревянные дома, тянущіеся по одну сторону улицы (всѣхъ улицъ 6); узорныя рѣзныя фигурки на домахъ и воротахъ; высокія, большія окна, уставленныя цвѣтами въ горшкахъ и деревянныхъ кадочкахъ; иногда палисадники подъ окнами,— и мертвенная тишина, полное отсутствіе всякаго движенія на улицахъ, какого бы то ни было веселья на дворахъ: ни пѣсенъ, ни шутокъ, ни дѣтскаго говорливаго шума, какъ будто попадаешь въ сонное село; такъ и думается, что въ этомъ зажиточномъ, уютномъ уголкѣ только на время затихла жизнь: пройдетъ часъ-другой, и все очнется къ жизни русскаго большого торговаго села. Но ожиданія напрасны. Случается проѣхать всю деревню

утромъ, днемъ или вечеромъ,—и не встрѣтишь ни одного человѣка. Слышишь порою за высокими воротами сердитый лай неугомонныхъ цѣпныхъ собакъ, порою въ окно выглянетъ женская фигура въ бѣлой косынкѣ, рѣдко когда увидишь на улицѣ работающаго скопца въ бѣломъ ситцевомъ фартукѣ,—и все время чувствуешь тяжелый гнетъ безжизненности, скуки и одиночества. Громадныя злыя собаки охраняютъ дворы, ворота которыхъ вѣчно на запорѣ. Скопецъ не хочетъ да и не умѣетъ веселиться: онъ весь день всецѣло погруженъ въ хлопоты о наживѣ. Изъ года въ годъ засѣвая землю и вмѣстѣ съ тѣмъ богатѣя, скопцы своимъ примѣромъ воочію доказываютъ, что заниматься земледѣліемъ въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ выгодно. Это—несомнѣнная заслуга скопцовъ. Ихъ многочисленные работники-якуты усвоиваютъ отъ скопцовъ пріемы земледѣльческаго хозяйства и потомъ примѣняютъ ихъ на собственныхъ земляхъ. Занимаясь земледѣліемъ при помощи наемнаго труда якутовъ и поселенцевъ, скопцы весьма разбогатѣли и теперь уже начали пускаться и въ торговлю. Среди суровыхъ условій якутской природы скопцы стали на ноги потому, что, помимо личнаго напряженнаго труда въ первое время, они съ собой принесли съ мѣста родины значительныя денежныя средства. На наемныя работы 6 скопческихъ селеній Якутскаго окр. ими затрачивается не менѣе 40.000 р. ежегодно. Скопцы захватили въ свои руки хлѣбную торговлю, хотя полная невозможность для нихъ, по полицейскимъ правиламъ, выѣзда изъ своихъ селеній ставитъ имъ большія препятствія. Кромѣ скопцовъ, въ Якутской области живутъ сосланные „неплательщики“ изъ Пермской губ., хлысты изъ Минусинскаго уѣзда и духоборы съ Кавказа. Духоборы въ 1897 г. были поселены по р. Ноторѣ, притоку Алдана, въ дикой и совершено пустынной мѣстности. Ближайшіе якуты

встрѣчаются тамъ не ближе 40—50 в., и то въ извѣстное время года. Духоборы должны были въ сентябрѣ пѣшкомъ пройти 350 в. до устья Маи, построить тамъ плоты, спуститься внизъ по Алдану и рыть на мѣстѣ землянки, чтобы провести зиму.

Если благосостояніе русскихъ поддерживается, главнымъ образомъ, земледѣліемъ, то инородцевъ, какъ кочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ, — скотоводствомъ. Хотя, какъ мы видѣли во II ч., среди бурятъ и якутовъ распространяется земледѣліе, но лишь скотоводство— источникъ ихъ существованія, а потому не прекращающаяся чума рогатаго скота въ Забайкальѣ и сибирская язва въ Якутской обл. замѣтно подрываютъ ихъ благосостояніе. Киргизъ безъ скота — что дитя безъ матери, а потому усиленное стремленіе новоселовъ въ Киргизскую степь, сокращая кочевую орбиту киргизовъ, уменьшаетъ и количество ихъ скота, а это, въ соединеніи съ безкормицей двухъ послѣдпихъ лѣтъ отъ засухи, сильно понатнуло ихъ благосостояніе.

То же самое нужно сказать и о прочихъ сибирскихъ инородцахъ, живущихъ тѣмъ, что даетъ имъ рѣка, лѣсъ, тундра: остяки и самоѣды низовьевъ Оби, Енисея и ихъ притоковъ замѣтно бѣдпѣютъ отъ увеличивающейся задолженности русскимъ торговцамъ и уменьшающагося улова рыбы; лѣснымъ и горнымъ алтайцамъ стало труднѣе жить отъ уменьшенія бѣлки вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и увеличенія числа охотниковъ: на умепьшеніе звѣря и птицы жалуются бродячіе тунгусы и ламуты; даже отдаленнѣйшіе оленеводы, чукчи и ламуты, обѣднѣли отъ частыхъ падежей оленей отъ копытной и др. болѣзней. Вообще благосостояніе почти всѣхъ сибирскихъ инородцевъ быстро и замѣтно падаетъ.

II.

Виды хозяйственной дѣятельности населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями царства растительнаго.

Какъ уже нѣсколько разъ было сказано выше, земледѣліе составляетъ главнѣйшее занятіе плодородныхъ равнинныхъ мѣстностей Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губ., Забайкальской и отчасти Акмолинской и Семипалатинской областей. Слѣдующія цифры показываютъ размѣры земледѣльческой дѣятельности населенія этихъ мѣстностей Сибири.

75% населенія рабочаго возраста удобной полосы западной Сибири занято земледѣліемъ. Болѣе всего производится пшеницы (42%), затѣмъ слѣдуетъ овесъ (35%) и рожь (15%). Въ Енисейской и Иркутской губ. земледѣліе составляетъ также главное занятіе населенія; количество засѣваемой ржи увеличивается тамъ замѣтно. Земледѣліе обезпечиваетъ также хлѣбомъ Забайкалье (увеличиваются посѣвы яровой ржи—почти половина всѣхъ посѣвовъ). Въ Приамурьѣ земледѣліе развито на громадной площади между Амуромъ, Зеей и Буреей (въ Амурск. обл.) и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Въ степной полосѣ западной Сибири земледѣліе особенно развито въ Петропавловскомъ, Атбасарскомъ и Кокчетавскомъ уѣзд., Акмолинской обл.; въ Степномъ краѣ 70% всего хлѣба падаетъ на пшеницу, 20%—на овесъ, остальные—на картофель, рожь и ячмень. Наиболѣе хлѣбородными мѣстностями Сибири считаются: юго-западные уѣзды Тобольской губ., Алтайскій горный округъ (Томск. губ.) и Минусинскій уѣздъ, Енисейск. губ. Средній урожай въ Ишимскомъ уѣздѣ, напр., — 70 пуд. пшеницы и 12 — 15 четв. овса съ десятины, въ наиболѣе плодородной части Минусинскаго уѣзда (промежуточной между степями и подтаежной)—самъ=5—7 (средній) и 8 — 16 (хорошій) для пшеницы, а самый большой доходитъ до самъ=20.

80—100 пудовъ съ десятины считается въ краѣ среднимъ урожаемъ. На Алтаѣ десятина даетъ до 175 пудовъ пшеницы. Ежегодно въ Сибири производится до 216 мил. пудовъ хлѣба (въ 1899 г.). Въ послѣднее время замѣчено, что урожаи этотъ началъ умешьшаться, особенно потому, что неурожайные годы стали повторяться чаще. Что касается сѣверныхъ мѣстностей Сибири, то слѣдуетъ сказать, что въ сѣверныхъ округахъ Тобольской и Енисейской губ. земледѣліе невозможно вслѣдствіе холоднаго и сурового климата. Въ Якутской области, на перекресткѣ Лены, Вилюя и Алдана, земледѣліе возможно. При короткомъ, но жаркомъ лѣтѣ срокъ вызрѣванія хлѣбовъ въ Якутской области короче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: пшеница созрѣваетъ въ 77 дней, ярица въ 80 дней; посѣянное въ половинѣ мая созрѣваетъ къ половинѣ августа. Длина лѣтняго дня является главной причиной укороченнаго созрѣванія хлѣбовъ. Сѣмена якутскаго хлѣба, посѣянныя южнѣе, напр., въ Иркутской губ., произрастаютъ гораздо скорѣе мѣстныхъ (пшеницы на 15, ярицы на 19 дней). Количество хлѣба, снятаго въ Якутской обл., увеличивается замѣтно: въ 1862 г. было снято 24.199 четв., въ 1895 г.—уже 120.767. Увеличивается и урожайность: въ 1885 г. было сам. 3,7, въ 1894 г. -8,8. Вообще нужно сказать, что земледѣліе въ Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олекминскомъ окр. вполнѣ возможно, поставлено прочно и замѣтно развивается. Сѣверо-востокъ Сибири долженъ навсегда остаться недоступнымъ для земледѣлія вслѣдствіе короткаго, пасмурнаго, обильнаго осадками лѣта. Припомнивъ все то, что говорилось о климатѣ Приамурья, легко понять, что развитію земледѣлія тамъ сильно мѣшаютъ климатическія условія и прежде всего крайнее обиліе влажности лѣтомъ. Вслѣдствіе холодныхъ и малоснѣжныхъ зимъ въ Амурской обл. озимые хлѣба здѣсь не родятся; зерно маловѣсно и мелко; вышеная

пшеница скоро вырождается и мельчаетъ. Въ Приморской области вліяніе излишней влажности еще вреднѣе для земледѣлія. Здѣсь нужно очень много труда и денегъ, чтобы подготовить почву. Стоимость выкорчевки одной десятины лѣса поднимается до 30 р. и выше, смотря по густотѣ лѣса, при чемъ 2—3 человѣка могутъ выкорчевать въ день всего 10 пней. Распашка требуется самая тщательная — иначе все задавятъ буйныя травы. При всемъ этомъ пшеница даетъ самъ=6—7, и почва выпахивается лѣтъ черезъ 6 — 7. Кромѣ того, на хлѣбѣ то появляется особый грибокъ, то черви и гусеницы, то хлѣбъ „поломаетъ“ страшными мѣстными вѣтрами, то внезапный разливъ рѣки уничтожитъ всѣ посѣвы въ ея долинѣ. Отъ излишней влажности на колосѣ появляются пятна розоваго цвѣта — видъ особеннаго грибка, который и питается содержимымъ зерна. Хлѣбъ, приготовленный изъ такого зерна, вызываетъ тошноту и головную боль; затѣмъ наступаетъ сонъ, послѣ котораго чувствуется недомоганіе, какъ послѣ охмелѣнія водкой, почему народъ и назвалъ такой хлѣбъ „пьянымъ“. Вслѣдствіе крайней влажности климата Южно-Уссурійскаго края тамъ необходимъ „рядовой“, или „грядовой“, способъ посѣва, какъ это принято у мѣстныхъ корейцевъ. Посѣвъ сѣмянъ производится такимъ образомъ, что междурядья чередуются съ рядами растеній, т.-е., гдѣ въ одномъ году были растенія, тамъ въ слѣдующемъ уже остается свободный проходъ между рядами посѣва, въ слѣдующемъ году—наоборотъ. Разстояніе между грядами отъ 12 в. до 1 аршина. Такимъ образомъ, излишняя влага стекаетъ въ борозды, почва не такъ истощается, обработка междурядій способствуетъ лучшему вывѣтриванію почвы. Такая обработка почвы требуетъ большой внимательности и большого терпѣнія, на что такъ способны корейцы. Русскіе переселенцы никакъ не хотятъ разстаться съ тѣми пріемами

обработки земли, къ которымъ они привыкли на родинѣ, при совершенно иныхъ климатическихъ условіяхъ, а потому плодородіе ихъ полей далеко уступаетъ корейскимъ и китайскимъ. Кромѣ того, такая обработка земли стоитъ очень дорого, такъ какъ рабочія руки въ Приамурьѣ вообще дороги. Кромѣ пшеницы, корейцы сѣютъ бобовыя растенія, буду (родъ проса), кукурузу, гаолянъ (другой родъ проса). Если земледѣліе въ Приамурьѣ страдаетъ отъ излишка влаги, то въ Степномъ краѣ, наоборотъ,—отъ крайняго ея недостатка. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья и Минусинскаго уѣзда (Абакапская степь) примѣняется искусственное орошеніе („мочаги“ въ Минус. у.), то въ Степномъ краѣ, и то лишь въ двухъ совершенно безводныхъ, но плодородныхъ степяхъ—Бель-Агачѣ и Бишъ-Карагачѣ, придуманы только „снѣжники“, и то не для орошенія, а для питьевой воды. Изъ кольевъ дѣлается высокій частоколъ, за который зимой набивается и наметается множество снѣга. Получается огромный, иногда въ нѣсколько сажень, бугоръ снѣга, который сверху прикрывается соломой, сѣномъ, дерномъ, толщиной въ четверть аршина, чтобы предохранить снѣжникъ отъ быстраго таянія и способствовать превращенію снѣга въ ледъ. Изъ этого искусственнаго малешькаго ледника текутъ ручейки по особымъ желобамъ въ ямы или колодцы. Для питьевой воды ледъ откалывается глыбами и помѣщается въ кадки. Такимъ образомъ, люди, пріѣзжающіе въ эти мѣстности на лѣтнее время, пользуются водой до глубокой осени, до окончанія полевыхъ работъ. Эти снѣжники могли бы примѣняться и для орошенія полей. Нужно сказать, что въ послѣдніе годы засухи стали повторяться чаще и чаще во всей земледѣльческой Сибири, что стоитъ въ прямой и тѣсной связи съ истребленіемъ лѣсовъ „палами“, вырубкой и распахиваніемъ цѣлины; вмѣстѣ съ засухами кобылка становится постоянной гостьей

сибирскихъ полей. Въ засушливые годы кобылка въ невѣроятномъ количествѣ скачетъ, прыгаетъ и летитъ на громадныхъ пространствахъ, и ее не могутъ остановить ни рѣки ни озера, гдѣ она тонетъ и поѣдается рыбами. Особенно многочисленна кобылка въ степяхъ Акмолинской и Семипалатинской областей.

Господствовавшая раньше во всей Сибири неограниченная свобода въ пользованіи пахотной землей, покосами и лѣсомъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ переселенческаго движенія, весьма сократились въ земледѣльческой части Сибири. Занятіе земли подъ „запашки“ гдѣ угодно и въ какомъ угодно количествѣ теперь уже почти прекращается и ущѣлѣло лишь въ пустынныхъ приграничныхъ мѣстностяхъ Алтая, въ отдаленныхъ частяхъ тайги южной Сибири, тобольскихъ урмановъ и особенно въ Приамурьѣ. Появились передѣлы пахотной и покосной земли, между тѣмъ какъ раньше выпахашную землю бросали и подымали новь. Въ нѣкоторыхъ, болѣе густо заселенныхъ мѣстностяхъ замѣчаются даже признаки перехода къ подворному владѣнію. Вообще, безграничный земельный просторъ теперь переходитъ въ Сибири въ область прошлаго, и 15-десятинный земельный надѣлъ становится правиломъ.

При расчисткѣ лѣсныхъ участковъ въ западной Сибири практикуется „черченіе“: кора на деревьяхъ подрѣзываются кругомъ, отчего деревья сохнутъ, и такимъ образомъ изъ-подъ бѣльниковъ черезъ 3—4 года очищаются цѣлыя десятины для пахоты. Посредствомъ веревокъ, прикрѣпляемымъ къ вершинамъ деревьевъ, они вырываются съ корнемъ, а очень крупные корни выкорчевываются. Крупныя деревья идутъ на топливо, а мелочь просто сжигается безъ примѣненія ея на удобреніе, что характерно для такъ называемой подсѣчной системы въ сѣверной Россіи. Первымъ хлѣбомъ сѣется

пшеница или рожь, третьимъ — овесъ, и такъ послѣдовательно до 10 хлѣбовъ, послѣ чего землѣ дается отдыхъ, при чемъ стараются, чтобы она не заростала лѣсомъ. Нужно замѣтить, что очень трудно приспособиться къ земледѣлію на смѣшанныхъ лѣсахъ, и необходима очень большая осторожность при опредѣленіи видимой пашенной пригодности подобныхъ бѣльниковъ. Отъ такихъ ошибокъ и происходятъ неудачи переселенцевъ въ урманныхъ и таежныхъ мѣстностяхъ.

Во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Сибири господствуетъ залежно-паровая система полеводства, т.-е. запусканіе земли въ залежь и чередованіе посѣвовъ съ паромъ, при чемъ въ началѣ обработки и на нарахъ сѣются болѣе требовательные хлѣба, какъ пшеница, озимая и яровая рожь, а потомъ уже овесъ и ячмень. Срокъ, черезъ который земля пускается подъ паръ, неодинаковъ: это зависитъ отъ качества почвы и отъ степени ея истощенія. И вообще, вслѣдствіе разницы климатическихъ, почвенныхъ и бытовыхъ условій, въ Сибири существуетъ множество разновидностей залежно-паровой системы. Съ увеличеніемъ населенія и сокращеніемъ земельнаго простора сроки отдыха земли въ залежи все сокращаются, время обработки одной и той же земли все растягивается; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе переходитъ къ хозяйству съ удобреніемъ. Въ Туринскомъ уѣздѣ и средней части Тобольскаго утвердилось уже обыкновенное русское трехполье: рожь въ озимомъ полѣ, овесъ и ячмень въ яровомъ и зеленый паръ. Вслѣдствіе изобилія рабочаго скота обработка земли въ Сибири вообще лучше, чѣмъ въ Европейской Россіи, такъ какъ въ сибирскую соху запрягается пара или тройка лошадей, почему глубина пахоты можетъ быть доведена до 4 — 5 даже 6 вершковъ при ширинѣ пахоты тоже въ 6 вер. Подготовляя землю къ посѣву, сибир-

скій крестьянинъ особенно заботится объ удаленіи сорныхъ травъ, которыя на свѣжей сибирской почвѣ являются опаснѣйшими врагами хлѣбныхъ растеній. До проведенія сибирской желѣзной дороги сибирскій хлѣбъ потреблялся внутри страны, передвигаясь рѣками и гужомъ изъ одной мѣстности въ другую, а теперь сталъ вывозиться въ Европейскую Россію и за границу.

Огородничество у сибирскихъ старожиловъ крестьянъ развито, но лишь для собственнаго употребленія: на пашняхъ сѣютъ картофель, горохъ, въ огородахъ при домахъ—капусту, морковь и др. Огородничество, какъ промыселъ, хотя и незначительный, укрѣпилось лишь около большихъ городовъ, а разведеніе арбузовъ (бахчеводство) — въ нѣкоторыхъ, особенно благопріятныхъ мѣстахъ: въ Семипалатинской области по Иртышу, въ Барнаульскомъ уѣздѣ и особенно въ Минусинскомъ. Барнаульскіе и минусинскіе арбузы не отличаются величиной, но довольно сладки. Размѣры промысла огородничество приняло въ с. Александровскомъ, Балаганскѣ и Киренскѣ, Иркутск. губ., откуда овощи идутъ въ соленомъ и сушеномъ видѣ на золотые пріиски и въ Якутскъ.

Табаководство въ земледѣльческой полосѣ Сибири удовлетворяетъ лишь собственныя потребности крестьянъ. Среди казаковъ Семипалатинской области, въ Павлодарскомъ, Семипалатинскомъ и Устькаменогорскомъ уѣздахъ, развито табаководство даже для продажи на сторону. Много табаку продается киргизамъ, которые хотя и не курятъ, но нюхаютъ табакъ. Табаководство довольно развито въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ Иркутской губерніи и Минусинскомъ уѣздѣ, Енисейской губ., особенно въ волостяхъ Ермаковской, Сагайской и Курагинской. Табакъ (махорка и „бакунъ“) разводится въ Минусинскомъ уѣздѣ въ огородахъ и самымъ первобытнымъ образомъ.

Сибирскій климатъ, повидимому, ставитъ плодоводству, особенно промышленному, непреоборимыя преграды. Мелкая кислая вишня можетъ существовать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тобольской губ. и въ Минусинскомъ уѣздѣ. Но рѣзкій континентальный климатъ этого уѣзда („сибирской Италіи“) съ раннимъ весеннимъ тепломъ и поздними весенними же морозами (часто въ самомъ концѣ мая), губящими листья, молодые побѣги и цвѣтъ яблонь и грушъ, — даже и въ будущемъ, вѣроятно, воспрепятствуютъ развитію въ Минусинскомъ уѣздѣ обширнаго промышленнаго плодоводства. Лучше всего приспособляются къ мѣстному климату сорта яблонь, извѣстныхъ подъ именемъ китайскихъ, и одинъ сортъ груши, прививаемой къ мѣстной бояркѣ. Какъ здѣсь, такъ и въ Приамурьѣ лучше всего приспособляются къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ яблони, выращиваемыя изъ сѣмянъ наиболѣе сѣверныхъ и выносливыхъ россійскихъ породъ. Хотя въ лѣсахъ Южно-Уссурійскаго края и растутъ въ дикомъ видѣ яблони, груши, абрикосы, грецкій орѣхъ, даже виноградъ, но ихъ плоды вообще весьма низкаго качества: плоды яблони величиной не крупнѣе рябины, плоды груши горьки, кислы и представляютъ мякоть, переполненную твердыми крупинками, абрикосъ величиной съ обыкновенную некрупную сливу, черешня величиной съ крупную горошину и горьковата на вкусъ, грецкій орѣхъ приноситъ некрупные, но очень толстокожіе плоды, виноградъ мелкій, синій, въ иные годы довольно сладкій, но разводить его не стоитъ: вино изъ него получается очень терпкое на вкусъ. Хуже всего то, что всѣ попытки улучшенія этихъ плохихъ мѣстныхъ плодовъ посредствомъ прививки привозныхъ сортовъ до сихъ поръ остаются безплодными, что и неудивительно вслѣдствіе сильныхъ холодовъ зимой и крайней сырости лѣтомъ въ этихъ мѣстностяхъ. Зато разныя

ягодныя растенія, какъ крыжовникъ, смородина и др., въ Приамурьѣ легко улучшаются, даютъ обильные сборы и могутъ стать предметомъ промышленнаго разведенія. То же нужно сказать и о Минусинскомъ краѣ.

Травосѣяніе въ Сибири началось лишь въ 1900 г., въ видѣ опыта въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губ., въ которыхъ развито маслодѣліе. Ленъ и пенька въ западной Сибири разводятся въ довольно значительномъ количествѣ. Таковы важнѣйшія занятія сибирскаго населенія, имѣющія своимъ предметомъ воздѣлываніе почвы для выращиванія полезныхъ человѣку растеній.

Лѣсъ, цѣлыми вѣками спокойно выраставшій на сибирской почвѣ, также даетъ сибирскому населенію многочисленныя и разнообразныя занятія. По большимъ сплавнымъ рѣкамъ лѣсъ доставляется, какъ строительный матеріалъ, въ расположенные по нимъ города, какъ топливо для нихъ и плавающихъ по нимъ пароходовъ и для надобностей желѣзной дороги. Большіе сибирскіе города создали кругомъ себя дровяной промыселъ; напр., около Томска этимъ промысломъ занято болѣе 15.000 человѣкъ.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ, добываніе смолы, дегтя и угля составляютъ весьма распространенныя занятія въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири. Орѣховый промыселъ, существующій во всѣхъ губерніяхъ Сибири, болѣе правильный видъ получилъ въ Тобольскомъ, Туринскомъ и Тарскомъ уѣздахъ Тобольской губ., потому что тамъ болѣе сгущенное населеніе мѣняетъ безграничному пользованію даже лѣсными и урманными угодьями. Въ Тобольскомъ уѣздѣ большіе кедровники принадлежатъ вмѣстѣ нѣсколькимъ сосѣднимъ селеніямъ, и для сбора орѣховъ назначается одинъ опредѣленный день въ концѣ іюля или началѣ августа. Кедровники обыкновенно отдѣлены одинъ отъ другого непроходимыми болотами. Самый большой

кедровникъ, Носовскій, въ Полымской волости, Турінского уѣзда, занимаетъ 10.000 десятинъ. За сборомъ орѣховъ населеніе отправляется цѣлыми караванами, обыкновенно верхами, а иногда и пѣшкомъ, если кедровникъ совершенно недоступенъ даже и для вершниковъ. Въ опредѣленныхъ мѣстахъ кедровника находятся избушки, или станы, отъ которыхъ прибывшіе и расходятся за сборомъ орѣховъ. Сборъ происходитъ „колотомъ“ или „лазомъ“: колотушкой на длинномъ шестѣ бьютъ по стволу, и спѣлыя шишки падаютъ на землю, гдѣ ихъ и подбираютъ женщины и дѣти. Такъ какъ кедры очень высоки, безъ вѣтвей почти до самой вершины, гдѣ и гнѣздятся шишки,—то необходимо подняться посредствомъ бревна съ зарубками до нѣкоторой высоты дерева и оттуда уже сбивать шишки („лазъ“). Каждый „лазакъ“ съ двумя помощниками собираютъ въ „орѣшные“ годы до 100 пудовъ. Каждый дворъ можетъ набрать въ годъ до 50 пуд., а при большой семьѣ и до 100. Сбитыя шишки сваливаются въ кучи, гдѣ онѣ и „парятся“, какъ бы загниваютъ, чтобы легче можно было отдѣлить орѣхъ. Посредствомъ валька на рубчатой доскѣ орѣхи выбиваются изъ шишекъ, отвѣваются отъ шелухи и въ мѣшкахъ выносятся изъ кедровниковъ на плечахъ или вывозятся зимой на лошадяхъ. Дома орѣхи моются и прокаливаются въ обыкновенныхъ печахъ. Орѣхамъ часто вредитъ птичка „ронжа“, или кедровка. Урожаи орѣховъ въ Тобольской губ. бываютъ не каждый годъ — обыкновенно черезъ годъ, а разъ въ 10 — 15 лѣтъ бываютъ отличные урожаи. Дальше къ востоку добыча орѣховъ больше, чѣмъ въ Тобольской губ., и здѣсь орѣхи продаются дороже, почему увеличиваются и размѣры заработка — отъ 50 — 100, доходя до 200 — 250 р. на семью. Въ послѣдніе годы цѣны поднялись вслѣдствіе неурожаевъ и уменьшенія кедровниковъ отъ пожаровъ. Тамъ, гдѣ орѣховый промы-

селъ является главнымъ, какъ въ Пелымскомъ краѣ, онъ дѣйствуетъ вредно на нравственность населенія, потому что отвлекаетъ отъ земледѣлія, вкореняетъ безпечность, вовлекаетъ въ задолженность, развивая излишнія потребности надеждами на легкій и выгодный промыселъ; въ Туринскомъ же уѣздѣ орѣховый промыселъ, какъ подсобный, очень полезенъ, такъ какъ не требуетъ много времени. Въ Томской губ. орѣховымъ промысломъ занималось въ 1898 г. 1613 семей, преимущественно въ Томскомъ и Маріинскомъ уѣздахъ. Въ чулымской тайгѣ, гдѣ кедровника много, онъ дробится на „дѣлянки“ по числу окладныхъ душъ, и каждый собираетъ кедровыя шишки только въ своей дѣлянкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Алтаѣ существуютъ заповѣдные кедровники, которые передаются отъ отца къ сыну, какъ частная собственность, и принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ. Въ Кузнецкомъ и особенно Бійскомъ уѣздахъ орѣховымъ промысломъ занимаются кочующіе инородцы; въ послѣдніе годы этотъ промыселъ идетъ плохо вслѣдствіе того, что шишки рано сваливаются съ деревьевъ и истребляются бурундуками и др. животными. Кромѣ того, многіе кедровники выгорѣли. Въ Мишушинскомъ уѣздѣ получается до 100 т. пуд. орѣховъ, хотя и тамъ въ послѣдніе годы неурожаи стали частыми. Лучшими орѣхами считаются добываемые въ тайгѣ по Енисею. На мѣстѣ тамъ орѣхъ стоитъ отъ 1—20 к. до 2 р. пудъ. Всюду орѣхопромышленники продаютъ орѣхъ скупщикамъ, которые на плотахъ доставляютъ его къ пароходнымъ пристанямъ. Большая часть орѣховъ отправляется въ Европейскую Россію. Въ Забайкальѣ орѣховый промыселъ развитъ въ Яблоновомъ хребтѣ, особенно въ верховьяхъ Ингоды и Чикоя. Сборъ орѣховъ происходитъ тамъ съ 15 августа по сентябрь (время созрѣванія шишекъ позже, чѣмъ въ западной Сибири). Орѣхопромышленники работаютъ артелями,

и каждый получаетъ въ среднемъ по 20—25 пуд. Урожаи орѣховъ бываютъ тамъ чрезъ 2, 3 и 5 лѣтъ.

Во всѣхъ болѣе населенныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири развито смолокуреніе изъ смолистыхъ частей сосноваго дерева и изъ бересты. Березовый деготь гонятъ ямами. Печи устроены лишь кое-гдѣ (рис. 51). Сборъ ягодъ съ промысловой цѣлью (брусники и клюквы) распространенъ особенно въ

Рис. 51.

Туринскомъ, Тобольскомъ и Тарскомъ уѣздахъ Тобольской губерніи. Для сбора брусники, которая особенно хороша въ сосновыхъ борахъ, во второй половинѣ августа назначается опредѣленный день. Семья можетъ набрать отъ 80 — 100 пудовъ брусники въ хорошіе годы. Одинъ разъ въ 7 — 8 лѣтъ брусничники подвергаются опалкѣ, чтобы ягоды родились лучше. Брусникой особенно богатъ Кондинскій край. Брусника, стоящая на мѣстѣ 50—80 к. (цѣны колеблются), въ замороженномъ видѣ отправляется въ

южные уѣзды. Брусника является также промысловой ягодой въ Томской и Енисейской губ. Клюква — другая промысловая ягода, водящаяся въ тайгѣ на моховыхъ болотахъ. Къ числу чисто-мѣстныхъ промысловъ южныхъ уѣздовъ Томской губерніи и Минусинскаго уѣзда принадлежитъ сборъ черемши, или колбы (медвѣжьяго чеснока). Какъ и въ орѣховомъ промыслѣ, за черемшой снаряжаются цѣлыми караванами, но только ранней весной (въ апрѣлѣ и маѣ). Черемшу накладываютъ въ мѣшки и доставляютъ изъ тайги домой или развозятъ по селеніямъ. Ее ѣдятъ въ сыромъ, соленомъ и квашеномъ видѣ, съ квасомъ, и не какъ питательное вещество, а какъ вкусовое. Отъ человѣка, наѣвшагося черемши, пахнетъ отвратительно. Изъ лиственницъ алтайскихъ лѣсовъ добываютъ смолу („сѣру"), которая перетапливается и продается на мѣстныхъ рынкахъ для жеванія. Старожилы и инородцы считаютъ „сѣру" лакомствомъ и очень привыкаютъ къ ней. Сборъ дикаго меда въ таежныхъ мѣстностяхъ Минусинскаго уѣзда и Алтайскаго горнаго округа составляетъ также одинъ изъ видовъ таежнаго промысла. На рѣчныхъ островахъ южныхъ частей Томской и Енисейской губ. производится сборъ черемухи и дикаго хмеля. Черемуха сушится, вмѣстѣ съ зернами размалывается на мельницахъ и въ видѣ муки поступаетъ въ продажу. Въ постные дни эта мука, заваренная въ водѣ, иногда съ медомъ, употребляется въ пирогахъ и съ чаемъ, вмѣсто варенья. Прочія ягоды, какъ малина, смородина, собираются обыкновенно женщинами и дѣтьми въ праздничные дни и поставляются на водочные заводы. Грибы (грузди, рыжики) поставляются на рынокъ въ сушеномъ и соленомъ видѣ. Сѣнокошеніе, какъ правильное промысловое занятіе, развито лишь кругомъ городовъ, особенно большихъ, и вдоль почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, гдѣ развита зимой гужевая доставка

товаровъ. Таково, въ общихъ чертахъ, то употребленіе, которое жители Сибири дѣлаютъ изъ богатствъ своего растительнаго міра,—полевыхъ, лѣсныхъ и луговыхъ.

III.

Виды хозяйственной дѣятельности населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями животнаго царства.

Переходимъ теперь къ другой основѣ сибирской жизни, къ другому источнику благосостоянія сибирскаго населенія—къ богатствамъ міра животнаго. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ скотоводство. Будучи всюду для русскаго населенія Сибири занятіемъ второстепеннымъ послѣ земледѣлія, скотоводство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти приближается къ земледѣлію по своей важности для населенія, именно тамъ, гдѣ почва и климатъ ставятъ хлѣбопашество въ сравнительно плохія условія: въ степныхъ частяхъ Тюкалинскаго уѣзда (Тобольской губ.), Каинскаго (Томской губ.) и въ причулымскихъ мѣстностяхъ Томскаго уѣзда. Для якутовъ, части бурятъ и всѣхъ киргизовъ скотоводство—занятіе, которое представляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ ихъ существованія. Во всей земледѣльческой Сибири, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ покосовъ и пастбищъ много, а удобной пахотной земли сравнительно мало,—тамъ и скотоводство болѣе развито.

Слѣдующая таблица даетъ приблизительное понятіе о размѣрахъ скотоводства въ различныхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири:

На 100 человѣкъ населенія.

		Лошадей.	Крупн. рог. скот.	Мелк. скота.
Тобольск. и Томская г.		70	80	150
Енисейск. и Иркут. г.		70	76	110
Забайкальск. обл. . .		100	200	250
Амурская обл.		40	35	Всего 15.000 свиней и 6.000 овецъ.
Якутская обл.		40	100	—
Приморская обл. . . .		16	24	Всего 32.000 свиней.
Акмолинск. и Семипалат. области. . . .	русск.	60	100	180
	кирг.	125	80	444

Изъ этой таблицы видно, что Степной край стоитъ на первомъ мѣстѣ по количеству лошадей и мелкаго скота, Забайкалье — по количеству крупнаго рогатаго скота, а Прпамурье вообще бѣдно всякимъ скотомъ. Нужно замѣтить, что въ послѣдніе 2—3 года количество скота въ Забайкальѣ очень уменьшилось. Размѣры скотоводства очень разнообразны какъ для цѣлыхъ областей, такъ и для отдѣльныхъ хозяйствъ: есть среди крестьянъ богачи, имѣющіе по 40—50 лошадей, по сотнѣ и болѣе головъ рогатаго скота, есть и зажиточные съ 10—15 лошадьми и десятками-двумя рогатаго скота, есть и бѣдняки, особенно изъ новоселовъ, безлошадные и безкоровные; 2—3 лошади, столько же коровъ и 5—6 овецъ — обычное количество скота для средняго крестьянскаго двора въ земледѣльческой полосѣ Сибири. Качество сибирскаго скота нельзя назвать завиднымъ: лошадь земледѣльческой полосы хотя неприхотлива въ отношеніи корма и питья и быстра на бѣгу, но малорослa и не сильна; забайкальская малорослa, тощa, не пригодна ни для бѣга ни для возки тяжестей; киргизская лошадь отличается только быстротой и выносливостью къ бѣгу, но мало пригодна какъ рабочая; только томскія лошади, болѣе крупныя, пригодны для тяжелаго извоза и земледѣльческой работы. Рогатый скотъ (русской породы) мелокъ (туша отъ $5^1/_2$—7 пуд.), довольно тощъ и даетъ незначительный удой (лѣтомъ отъ $^1/_4$ до $^3/_8$, а зимой до $^1/_8$ ведра въ день). Овцы очень плохой породы: онѣ даютъ немного мяса, очень мало сала, мало шерсти и притомъ невысокаго качества. Лошадей сибирскій крестьянинъ главнымъ образомъ разводитъ для полевыхъ работъ, а вблизи торговыхъ и почтовыхъ трактовъ—для извоза и почтовой гоньбы, рогатый скотъ—на убой для собственнаго употребленія, на продажу въ ближайшіе города и для вывоза мяса въ Россію; въ послѣднее время скотъ сталъ разводиться и для молока, съ цѣлью

доставки послѣдняго на маслодѣльные заводы, распространившіеся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тобольской и Томской губ. Количество скота и цѣны на него находятся въ связи съ неурожаями и падежами: при неурожаяхъ скотъ сбывается крестьянами, которые нуждаются въ деньгахъ для уплаты повинностей и для удовлетворенія развившихся у нихъ новыхъ потребностей, при падежахъ—изъ боязни потерять животныхъ безъ всякаго вознагражденія. Чума и сибирская язва не переводятся въ Приамурьѣ, Забайкальѣ, Киргизской степи и въ сосѣднихъ съ ней мѣстностяхъ Барабы и частяхъ земледѣльческой полосы; сибирская язва проникаетъ и на сѣверъ, въ Якутскую область. Въ Приамурье и Забайкалье эпизоотіи запосятся изъ Маньчжуріи и Монголіи (и нѣтъ возможности воспрепятствовать этому вслѣдствіе растянутости и безлюдности границы), а въ Барабу — изъ Киргизской степи. Въ Амурской обл., гдѣ, кромѣ падежей, рабочій скотъ страдаетъ еще и отъ „гнуса“ (комаровъ, мошекъ, мухъ и оводовъ), его стараются замѣнить верблюдами.

Въ Сибири есть мѣста, самой природой предназначенныя для скотоводства — южная и юго-восточная степныя части Забайкалья: съ твердымъ грунтомъ (это задерживаетъ растительность въ извѣстныхъ предѣлахъ, необходимыхъ для хорошаго качества зимняго подножнаго корма), очень малоснѣжныя (это облегчаетъ добываніе корма, устраняетъ простудныя заболѣванія и пораненія ногъ), солонцеватыя (выступающая наружу соль (гуджиръ), для скотоводства — настоящій кладъ). На такихъ мѣстахъ нѣтъ также насѣкомыхъ, не дающихъ скоту покоя и потому истощающихъ его. Несмотря на почти не прекращающіеся падежи, эти мѣстности остаются самыми богатыми скотомъ во всемъ Забайкальѣ. Почти такія же удобства для занятія скотоводствомъ имѣетъ и Киргизская степь. Тонкій слой снѣга, покрывающаго степи, ставаетъ ранней весной:

тогда киргизы перегоняютъ скотъ на „уртеки“, т.-е. пространства, на которыхъ осенью сухая трава выжжена. На этихъ уртекахъ трава появляется раньше, растетъ гуще, и скотъ быстро оправляется на ней послѣ скуднаго зимняго питанія. До спада весенних водъ киргизы мало удаляются отъ своихъ зимовокъ, потому что весенніе ручьи и овраги, затопленные водой, представляютъ неодолимыя препятствія для ихъ стадъ. Хозяйство киргизовъ, которое держится однимъ только скотоводствомъ, въ послѣдніе годы замѣтно падаетъ, потому что наплывъ переселенцевъ въ Степной край сокращаетъ размѣръ ихъ кочевьевъ — и скотъ сталъ питаться хуже, не стало прежняго естественнаго приплода, а потому хозяйство киргизовъ начало приходить въ упадокъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, для обезпеченія средней киргизской семьи необходимо 24 головы скота въ переводѣ на лошадь, а для одной лошади требуется отъ 6 до $12^1/_2$ десятинъ пастбища въ теченіе 10 мѣсяцевъ (исключая „лѣтовку“, 2 лѣтнихъ мѣсяца кочеванья), и, такимъ образомъ, на хозяйство нужно отъ 144 до 200 десятинъ степи. Киргизскому степному скотоводству вредятъ: сибирская язва и чума, безкормица отъ засухи и гололедицы, бураны и волки. Страшныя засухи 1900 и 1901 годовъ уже къ половинѣ лѣта лишили киргизскій скотъ почти всякаго подножнаго корма. Киргизское скотоводство также упало за послѣдніе годы, какъ и бурятское. Осенью и весной скотъ гибнетъ отъ гололедицы: если при наступленіи тепла свѣже выпавшій снѣгъ растаиваетъ, то при возвратѣ морозовъ онъ снова замерзаетъ въ видѣ тонкой ледяной коры, которую животныя не могутъ пробить копытами, и погибаютъ отъ голода. Страшные степные бураны, продолжающіеся нѣсколько дней съ ряду, гонятъ по степи стада животныхъ, которыя не могутъ удержаться отъ напора вихрей, попадаютъ въ лощины и овраги, наполненные снѣгомъ, и тамъ погибаютъ. Въ

Семипалатинской обл., напримѣръ, въ 1898 г. изъ 3 мил. 600 тысячъ всего скота отъ указанныхъ выше причинъ погибло 518.000, т.-е. $^1/_7$, при чемъ 511.000 скота лишились киргизы. Въ этомъ числѣ отъ волковъ погибло 107.000 животныхъ.

На крайнемъ сѣверѣ Сибири олени и собаки (ѣздовыя) являются единственными и въ высшей степени полезными домашними животными. При описаніи жизни инородцевъ сѣверной Сибири мы уже имѣли случай касаться всей важности оленя для населенія тундръ. Въ тундрахъ онъ важнѣе, чѣмъ верблюдъ въ песчаныхъ пустыняхъ: онъ служитъ здѣсь не для одного только передвиженія, но для пищи, одежды, жилища, является средствомъ обмѣна. Для ѣзды на оленяхъ въ запряжкѣ употребляются легкія санки съ высокими копыльями, утвержденныя въ высокіе и узкіе березовые полозья, загнутые спереди (нарты). Ѣздокъ правитъ только передовымъ олешемъ посредствомъ вожжей съ лѣвой стороны и длинной гладкой палки съ шишкой; эту палку ѣздокъ держитъ въ лѣвой рукѣ и понукаетъ ею олешей. При ровной дорогѣ на оленяхъ можно проѣзжать до 150 в. въ сутки, а на очень хорошихъ и до 200 в. Грузъ на нартахъ долженъ быть небольшой, самое большее -6 пуд., и то при ровной дорогѣ (рис. 52). Олешей приручаютъ также ходить подъ сѣдломъ и подъ вьюкомъ (не болѣе 3—4 пудовъ). Кромѣ оленьяго мха, олень ѣстъ траву, грибы, ягоды, древесный мохъ. Доживаетъ онъ до 20 лѣтъ. Несмотря на обиліе корма лѣтомъ, это для него мучительное время: многочисленные оводы просверливаютъ его кожу и кладутъ туда яички, изъ которыхъ вылупляются червячки, причиняющіе оленю мучительную боль. Изъ червячковъ образуются куколки, а изъ нихъ новые оводы, которые кладутъ въ кожу того же несчастнаго олеця и свои яички. Олень въ это время ѣстъ мало, худѣетъ, залѣзаетъ по горло въ рѣки и озера или жмется у

дымокуровъ своихъ хозяевъ. Въ послѣднее время усилились болѣзни на оленей: воспаленіе селезенки, копытная болѣзнь (воспаленіе и нагноеніе), воспаленіе легкихъ. Кромѣ домашнихъ, есть еще и дикіе олени; число ихъ увеличивается по направленію къ сѣверовостоку Сибири. Подобно движущимся морямъ, дикіе олени бродятъ по безпредѣльнымъ равнинамъ Анадырскаго края, доставляя мѣстнымъ кочующимъ народамъ все необходимое для ихъ неприхотливой жизни.

Въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, далеко за предѣлами „края лѣсовъ“, только одна собака является единственнымъ и незамѣнимымъ домашнимъ животнымъ. Небольшого роста, остромордая, съ приподнятыми острыми ушами, съ пушистой шерстью различнаго цвѣта, собака эта умна, скромна, послушна и необыкновенно вынослива. Собаки эти не требуютъ никакого ухода: проѣхалъ, распрягъ — и хоть сейчасъ давай имъ ѣсть. Пока ѣздокъ наладитъ костеръ и напьется чаю, собаки уже отдохнули и готовы въ путь, получивъ передъ самой упряжкой еще по куску рыбы. Такимъ образомъ можно ѣхать 2 и 5 дней, проѣзжая верстъ по 200 въ сутки. Запрягаются собаки въ нарты, легкія сани не болѣе 20 ф. вѣса, изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями, и березовой коры (рис. 53). Въ нарту ихъ запрягаютъ попарно къ длинному ремню изъ толстой кожи, къ которому каждая собака привязана коротенькимъ ремнемъ за ошейникъ. Вожжей нѣтъ. Проводникъ держитъ въ рукахъ палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; этой палкой упираютъ въ землю, чтобы удерживать сани во время спусковъ съ горы и останавливать собакъ, если онѣ сворачиваютъ съ дороги. Управлять собаками было бы невозможно, если бы впереди всѣхъ не запрягался „передовикъ“ (до 70 р. и даже 100 р. цѣной)—опытная и хорошо пріученная собака, которая вполнѣ повинуется голосу проводника. При помощи

этого „передовика“ собаки вообще пріучаются ходить въ упряжкѣ. Въ парту обыкновенно запрягается до 10, а въ тяжело нагруженную и до 16 собакъ. Каждая изъ собакъ должна получить въ день по 7—8 фунтовъ сушеной рыбы, такъ что нѣсколько парть наполняются однимъ только кормомъ для самихъ собакъ. Лѣтомъ собакъ совсѣмъ не кормятъ: онѣ должны питаться мышами, выброшенной на берегъ рыбой, ловить обли-

Рис. 52. Ѣзда на оленяхъ.

нявшихъ птицъ. Даже лѣтомъ собаки иногда служатъ инородцамъ тѣмъ, что тянутъ вверхъ по рѣкѣ нагруженную кладью лодку, повинуясь малѣйшему словесному приказанію хозяина. Собаки эти отличаются необыкновеннымъ чутьемъ: когда кругомъ воетъ бѣшеная полярная пурга и ничего не видно на сажень кругомъ,— только одна передовая собака можетъ спасти людей отъ неминуемой гибели. Ѣздовая сѣверная собака никогда не ластъ, а только воетъ. Привязанныя къ длинной веревкѣ, съ обоихъ концовъ прикрѣпленной къ

столбамъ, собаки оглашаютъ дикимъ воемъ могильную тишину безконечной полярной ночи. Въ послѣднее время число ѣздовыхъ собакъ на далекомъ сѣверѣ значительно умешьшилась вслѣдствіе болѣзней (брюшного тифа и друг.). Эти безпредѣльныя негостепріимныя пространства крайняго сѣвера и сѣверо-востока безъ собакъ и оленей были бы совершенно недоступны для человѣка, какъ бы онъ ни привыкъ къ условіямъ жизни въ этихъ мѣстностяхъ.

Въ лѣсистыхъ хребтахъ Забайкалья, на Алтаѣ, по верхнему теченію Енисея, по лѣсистымъ предгорьямъ Саянъ водится видъ благороднаго оленя, называемый на Алтаѣ „мараломъ“, въ Минус. уѣз. „сыномъ“, а въ Забайкальѣ „изюбремъ“ (рис. 54). Маралъ — высокое, стройное и гибкое животное, съ блестящими, живыми черными глазами, съ красивой головой, увѣнчанной длинными вѣтвистыми рогами. Его голова напоминаетъ голову арабской лошади. Цвѣтъ его шерсти сѣровато-бурый зимой, а лѣтомъ — сѣровато-красноватый. У марала особенно цѣнятся рога, которые покупаются китайцами какъ цѣлебное средство отъ нѣкоторыхъ болѣзней (возстановляютъ упавшія силы и полезны для женщинъ послѣ родовъ). Каждая дѣвушка въ Китаѣ, выходящая замужъ, получаетъ въ приданое хотя частицу этихъ роговъ (пантовъ), для пожеланія ей плодородія. Рога мараловъ, переполненные кровеносными сосудами, представляютъ внутри какъ бы студенистые сгустки крови. Множество охотниковъ бродитъ въ лѣсныхъ и горныхъ дебряхъ Алтая, Забайкалья и Саянъ въ поискахъ за дикими мараламн, но на Алтаѣ, въ Забайкальѣ и въ Усинскомъ краѣ (за южной границей Минусинскаго уѣзда) уже довольно давно возникъ особый мѣстный промыселъ — полуодомашненіе мараловъ въ особыхъ „маральникахъ“, или „изюбрятникахъ“. Болѣе всего развито мараловодство на Алтаѣ: въ 1897 г. тамъ было 276 мараловодовъ и 201 маральникъ, въ которыхъ со-

Рис. 53. Катанье на собакахъ въ Якутскѣ.

держалось 3101 маралъ. Въ центрѣ этого промысла, въ Бійскомъ уѣз., Томской губ., и въ дер. Берель, въ верховьяхъ Бухтармы, близъ китайской границы, маральники представляютъ обширныя загородки часто въ 1 квадратную версту, а иногда и больше; въ такихъ загородяхъ непремѣнно должны быть лугъ, лѣсъ и рѣчка. На зиму нѣкоторые мараловоды переводятъ животныхъ въ свои скотные дворы и кормятъ ихъ сѣномъ, овсомъ, печенымъ хлѣбомъ. Начавшійся на Алтаѣ въ 30-хъ годахъ, промыселъ этотъ особенно развился въ 80-хъ. Съ ранней весны до 1 окт. на каждаго марала необходимо $^1/_2$ десятины пастбища, а потому число мараловъ въ загороди сообразуется съ ея размѣрами. Почти половина всѣхъ алтайскихъ маральниковъ ($41^0/_0$) занимаетъ по 5 десятинъ каждый и только два—свыше 50 десятинъ. Въ Забайкальѣ мараловодство развито по р. Чикою (до 500 головъ), затѣмъ въ Читинскомъ уѣз. вверхъ по Ингодѣ отъ Читы (до 200 головъ). Всего 300 забайкальскихъ мараловодовъ имѣютъ до 1000 изюбрей. Забайкальскіе изюбрятники устраиваются при домахъ, подлѣ конскихъ заговоровъ, или на заимкахъ, и не отличаются своими размѣрами. Забайкальскіе изюбреводы имѣютъ очень слабое понятіе о содержаніи своихъ изюбрей, объ уходѣ за ними и о кормленіи ихъ. Лѣтъ до 12 жизни марала увеличивается вѣсъ его роговъ (пантовъ) и достигаетъ 30—35 фунтовъ, при чемъ умножается и число отростковъ. Каждое лѣто дикій изюбръ теряетъ свои рога, а у полудомашнихъ ихъ всегда срѣзываютъ на 4-мъ году. Для срѣзыванія роговъ изюбря загоняютъ въ отдѣльный маленькій дворикъ, гдѣ 6—7 человѣкъ сваливаютъ его на землю и связываютъ; на Алтаѣ срѣзываніе роговъ происходитъ въ станкахъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ подковываютъ лошадей. Самые лучшіе панты—лобные и притомъ лѣсныхъ, дикихъ изюбрей лѣтъ 6—7. Спиленные рога завариваютъ въ соленой горячей

водѣ, въ которую прибавляется кирпичный чай. Заваренные панты высушиваются на сквозномъ вѣтру,— самый лучшій, хотя медленный и хлопотливый способъ. Скупщики пантовъ пріобрѣтаютъ ихъ отъ мараловодовъ и отправляютъ въ Китай. Панты раздѣляются на 2 сорта: спиленные и лобовые (рогасъ частью черепа; послѣдніе считаются лучшими). Цѣна самыхъ лучшихъ лобовыхъ пантовъ — красивыхъ, равномѣрно покрытыхъ густой, лоснящейся серебристо-сѣрой шерстью,— доходитъ въ Кяхтѣ и Маймачинѣ до 150—200 р. за фунтъ. Изъ Забайкалья пантовъ вывозится на 80.000 р. въ годъ, а весь доходъ отъ полудомашнихъ и дикихъ изюбрей простирается до 200.000 р. (лѣтомъ убивается ежегодно до 2.000 животныхъ). На 13—14-мъ году жизни маралъ начинаетъ давать панты болѣе сухіе и все уменьшающіеся въ вѣсѣ, и содержать его для роговъ становится невыгодно. Тогда его откармливаютъ и колютъ. Мясо старыхъ и жирныхъ мараловъ отличается замѣчательнымъ вкусомъ. Стоимость этихъ животныхъ на Алтаѣ—отъ 26—130 р., въ Забайкальѣ въ среднемъ—50 р., причемъ самецъ цѣнится далеко выше самки. Изъ болѣзней ихъ поражаетъ сибирская язва. Въ настоящее время охота на

Рис. 54. Маралъ.

мараловъ на Алтаѣ воспрещена совершенно, и позволена лишь ловля молодыхъ. Запрещеніе въ 1893 году ловли мараловъ ямами въ Забайкальѣ грозитъ тамъ серьезной опасностью этому промыслу. Изюбрей удобнѣе всего ловить посредствомъ ямъ: на тропахъ, которыми они обыкновенно пересѣкаютъ горныя „пади“, ставятся на протяженіе 2—8 верстъ городьбы, прерываемыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ; здѣсь роются ямы глубиной въ сажень, въ которыхъ дѣлается срубъ изъ досокъ или жердей; сверху, поперекъ, кладутся двѣ тонкихъ перекладинки, на нихъ—хворостъ, вѣтки, и наконецъ все засыпается сухими листьями и хвоей. Всего такихъ ямъ въ Забайкальѣ 20 тыс. съ 2 тыс. верстъ городьбы. Ни для лѣса ни для самихъ изюбрей эти ямы не приносятъ никакого вреда, а между тѣмъ почти нѣтъ иного средства изловить изюбря: это животное въ высшей степени дико, чутко и осторожно, такъ что даже въ третьемъ поколѣніи изюбри не дѣлаются домашними животными. Не даромъ у звѣровщиковъ объ изюбрѣ существуетъ такой разсказъ: при сотвореніи міра Богъ далъ изюбрю 4 глаза, и потому рѣшительно ничто не ускользало отъ его необычайно зоркихъ глазъ. Изюбрь возгордился и началъ хвастать, что ни одинъ звѣровщикъ его не настигнетъ (не „скрадетъ“); поэтому Богъ отнялъ у него одну пару глазъ, слѣды отъ которыхъ остались въ видѣ черныхъ пятенъ подъ глазами. По другому разсказу, изюбрь раньше жилъ по 1000 лѣтъ, но теперь все измельчало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изюбрь. Всюду замѣчено, что полудомашніе изюбри скоро вырождаются, почему и необходимо время отъ времени освѣжать маральники дикими изюбрями. Вообще мараловодство въ Сибири представляетъ народный промыселъ, созданный и поддерживаемый самимъ народомъ.

Въ долинахъ алтайскихъ горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, вьющихся среди роскошной луговой растительности,

разбросаны цѣлыя сотни пасѣкъ, такъ какъ занятіе пчеловодствомъ составляетъ одинъ изъ видныхъ народныхъ промысловъ на Алтаѣ. Здѣсь, въ Риддерскомъ краѣ, возникло оно въ половинѣ прошлаго вѣка, распространилось сначала по Убѣ и Ульбѣ, а потомъ по всему Алтаю. Бійскій и Змѣиногорскій уѣзды стоятъ на первомъ мѣстѣ по количеству пасѣкъ и ульевъ; болѣе крупныя пасѣки чаще всего встрѣчаются въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ, а въ самыхъ большихъ алтайскихъ пасѣкахъ насчитывается отъ 1—3 тыс. ульевъ. Въ средній годъ средняя урожайность меду съ одного улья (всего на Алтаѣ до 12.000 пасѣкъ и болѣе 500 тыс. ульевъ) доходитъ до 10 ф. и до 2 ф. воска. Весь капиталъ, вложенный на Алтаѣ въ пчеловодство, доходитъ до 2 мил., и промыселъ этотъ приноситъ населенію ежегодный доходъ въ 775 тыс. руб. Хотя количество пасѣкъ увеличивается, но общее число ульевъ умешьшается. Средняя цѣна пуда меда на Алтаѣ—5 р., а воска—21 р. Въ 5 волостяхъ Риддерскаго края, пчеловодномъ центрѣ Алтая, болѣе 2.000 пасѣкъ и 60 тыс. ульевъ. Здѣсь часть пасѣчниковъ должна уже прибѣгать къ арендѣ подходящихъ земель. Продукты пчеловодства здѣсь сбываются мѣстнымъ скупщикамъ или вымѣниваются на товаръ заѣзжимъ купцамъ, а тѣ уже и направляютъ ихъ на мѣстные рынки—Усть-каменогорскъ и Змѣиногорскъ. Ульи почти всюду первобытные (колоды), рамочныхъ очень мало, съ надлежащимъ кормленіемъ пчелъ пчеловоды незнакомы, медоносныхъ травъ не сѣютъ. Кое-какія полезныя нововведенія сдѣланы лишь отдѣльными лицами. Изъ другихъ мѣстъ Сибири пчеловодство развивается въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ (доходъ до 100.000 р. въ годъ). Въ одномъ Мин. уѣздѣ считается до 20 т. ульевъ. Лучшія для пчеловодства мѣстности Мин. уѣзда, какъ и для земледѣлія, лежатъ въ средней полосѣ между степной и таежной. Ближе къ тайгѣ

слишкомъ поздніе весенніе холода и слишкомъ обильные лѣтніе дожди мѣшаютъ работѣ пчелъ. Въ Амурской обл. пчеловодство расширяется, чему благопріятствуетъ продолжительность лѣта, обиліе цвѣтущихъ травъ и распространенность въ краѣ липовыхъ лѣсовъ. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ переселенцы изъ южной полосы Россіи разводятъ пчелъ; уже до 300 крестьянскихъ дворовъ имѣютъ около 12 т. ульевъ. Появилось пчеловодство и по Иртышу, въ Павлодарскомъ уѣздѣ, Семипалатинской обл. Забайкальское пчеловодство выражается всего сотнями двумя ульевъ, хотя лѣтнія жары, множество лѣсовъ и дикихъ медоносныхъ растеній и должны были бы способствовать его развитію въ Забайкальѣ.

Обширныя пустынныя пространства сѣверной и восточной Сибири, занятыя трудно доступными горами и необозримыми урманами и тайгами, представляютъ благопріятныя условія для существованія тамъ лѣсныхъ животныхъ и птицъ, преимущественно въ мѣстахъ, мѣнѣе заросшихъ лѣсомъ и потому съ болѣе густымъ травянымъ покровомъ. Инородческое, а также и русское, населеніе этихъ мѣстностей извлекаетъ значительный доходъ изъ охоты за обитателями сибирскихъ лѣсовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣетъ въ этомъ главный источникъ существованія. Въ тундрахъ сѣвера и сѣверо-востока Сибири олени и песцы — главныя промысловыя животныя. Южнѣе, въ широкой полосѣ таежныхъ пространствъ, съ болѣе разнообразной и обильной пищей, появляются соболи, питающіеся бѣлкой и другими мелкими звѣрями, бѣлки, для которыхъ кедровники доставляютъ обильную пищу; изъ крупныхъ животныхъ въ тайгахъ и урманахъ живутъ медвѣди, лоси, лисицы. Глухари, тетерева и особенно рябчики также въ хвойныхъ лѣсахъ этой полосы находятъ для себя пищу и являются промысловыми птицами. Еще южнѣе, на Алтаѣ, въ

предгорьяхъ Саянъ, въ Амурской и Приморской областяхъ, къ обитателямъ таежныхъ пространствъ присоединяются дикія козы, изюбри, кабарги. Для бродячихъ инородцевъ, какъ тунгусы, орочены, карагасы, ламуты, звѣриные промыслы являются исключительнымъ занятіемъ и единственнымъ источникомъ существованія, а для полуосѣдлыхъ инородцевъ и русскихъ обитателей лѣсной полосы — весьма важнымъ подспорнымъ промысломъ. Такъ, русское населеніе урманныхъ мѣстъ Тобольской губ. и особенно Пелымскаго края, Киренскаго уѣзда Иркутской губ., сѣверныхъ уѣздовъ Забайкалья, глухихъ таежныхъ мѣстъ Алтая и Енисейской губ. находитъ въ звѣроловствѣ главный источникъ существованія (рис. 55). Вслѣдствіе разнообразія промысловыхъ звѣрей и птицъ, неодинаковости ихъ привычекъ и образа жизни сибирскіе звѣропромышленники, особенно инородцы, употребляютъ различные пріемы охоты за тѣми или другими звѣрями и птицами. Замѣчательно, что многіе способы охоты и ловли одинаковы какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Сибири, какъ въ урманахъ Тобольской губ., такъ и въ тайгахъ Якутской области. Одинаковыя условія выработали и одинаковые пріемы. Принятые во всей Сибири съ небольшими измѣненіями снаряды для ловли звѣрей можно раздѣлить на падающіе, самострѣлы, зажимные снаряды и петли. Первые (срубы, пасти, кулемы и др.) состоятъ въ томъ, что настороженная доска или бревно падаетъ и придавливаетъ животное, какъ только оно, привлеченное приманкой, коснется приспособленія. Самострѣлы состоятъ изъ луковъ, обращенныхъ стрѣлой горизонтально къ подходящему звѣрю; стрѣла спускается, лишь только животное коснется приспособленія, соединеннаго съ тетивой. Зажимные снаряды — черканы и кляпсы, или клепсы. Черканъ — самострѣлъ, насторожешный вертикально; особымъ при-

способленіемъ онъ прижимаетъ дотронувшееся до приманки животное. Вѣроятно, старинные русскіе землепроходцы, усвоивъ отъ однихъ инородцевъ извѣстные способы и пріемы, передавали ихъ другимъ, даже самымъ отдаленнымъ. Охота на дикихъ оленей производится весной, лѣтомъ и осенью. Весной на дальнемъ сѣверо-востокѣ олени выходятъ на открытыя сѣверныя равнины изъ лѣсовъ, куда они укрылись отъ зимнихъ холодовъ. Тогда инородцы изъ двухъ рядовъ кольевъ устраиваютъ тупики, на одномъ концѣ съ крѣпкой сѣтью, въ которую олени влетаютъ со всего размаха и гдѣ убиваются. Лѣтомъ эти тупики упираются въ озеро или рѣчку, гдѣ охотники и бьютъ оленей. Осенью, когда олени возвращаются въ южные лѣса, инородцы подстерегаютъ ихъ при переправахъ черезъ большія рѣки. Оленій табунъ, осмотрѣвшись и не находя ничего подозрительнаго, разомъ бросается въ воду и плыветъ кучей. Скрывшіеся охотники вдругъ появляются на своихъ легкихъ лодкахъ и пересѣкаютъ путь оленямъ. Когда передовыя животныя останавливаются въ перѣшимости, другіе охотники врываются въ средину стада и бьютъ оленей направо и налѣво, подвергаясь сами не малой опасности отъ разъяренныхъ животныхъ, которыя стараются или опрокинуть лодочку съ охотникомъ, или укусить его. Раздаются дикіе крики охотниковъ, ревъ оленей, стукъ роговъ плещущихся въ водѣ испуганныхъ животныхъ... Вода окровавлена, трупы оленей плывутъ внизъ по рѣкѣ. Рѣдкіе изъ всего табуна избѣгаютъ гибели. Добыча дѣлится по платежнымъ душамъ, хотя бы и отсутствующимъ. Впрочемъ, теперь эти „плавы“ дикихъ оленей значительно умепьшились. Инородцы ловятъ дикихъ оленей, или гоняясь за ними по весеннему „пасту“, или приманивая ихъ домашними оленями, заранѣе пріученными для этого. Песцовъ, или полярныхъ лисицъ, ловятъ „пастями“,

Рис. 55. Пастораживаніе самострѣла.

или „клепцами“: во время хода песцовъ отъ моря по берегамъ рѣкъ устраиваютъ вдоль берега рѣки засѣки изъ тальника или же растягиваютъ невода, а въ отверстіяхъ, нарочно оставляемыхъ, помѣщаютъ ловушки, или клепцы, у которыхъ на ночь ставятъ караульщика съ палкой. На дальнемъ сѣверо-востокѣ песцовъ ловятъ самострѣлами или загаиваютъ при помощи собакъ. Маленькихъ песцовъ вырываютъ изъ норъ въ тундрахъ („норники“). Самый дорогой видъ песца, голубой (дымчатый), попадается очень рѣдко. Охота на соболя начинается по первому снѣгу: при его короткихъ ногахъ ему трудно двигаться по рыхлому еще снѣгу. Если соболь прячется въ дупло, то дерево опутываютъ сѣтью и выживаютъ соболя дымомъ. Бѣлокъ ловятъ „плашками“: привлеченная приманкой изъ кедровыхъ орѣховъ, бѣлка ущемляется между двумя поставленными подъ угломъ дощечками. Ловятъ бѣлку и „силищами“: на деревьяхъ, соединяющихъ, какъ воздушная тропа, два лѣса, посѣщаемые бѣлками, горизонтально развѣшиваются жерди съ волосяными петлями, куда и попадаютъ бѣлки. Зайцевъ ловятъ „пастями“ изъ двухъ бревенъ, которыми и придавливается животное. Въ урманахъ Тобольской губ. изъ лисьихъ ямъ вырываютъ маленькихъ лисятъ, выкармливаютъ ихъ въ особыхъ амбарахъ на жердяхъ и потомъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и въ Колымскомъ краѣ. Охота за лосями очень трудна: иногда за животнымъ приходится гнаться верстъ 100 и притомъ безъ всякаго успѣха; поэтому лосей чаще ловятъ въ ямы, на днѣ которыхъ набиты острые колья. За изюбрями охотятся, кромѣ уже описаннаго способа, ямами, „на солонцахъ“, по „насту“, „ревомъ“, или „трубой“, и съ собаками. „На солонцахъ“ охотятся преимущественно въ Забайкальѣ: на излюбленномъ изюбрями мѣстѣ снимается на аршинъ въ длину, на $^1/_2$ арш. въ ширину дернъ, дѣлаются ма-

лепькія ямки, въ которыя и наливается крѣпкій соляной растворъ; ямки эти зарываются, а сверху земля посыпается солью или гуджиромъ. Саженяхъ въ 9 устраивается „сидьба“: яма для охотника съ уступомъ для сидѣнья. Передъ ямой ставятъ 2 пары маленькихъ козелъ съ жердями, на которыхъ сдѣланы вырѣзки для ружья. Утвержденное такимъ образомъ, ружье нацѣливается на верхушку тонкаго прутика, въ который воткнутъ цвѣтокъ; прутикъ втыкается въ землю около самаго солонца такъ, чтобы цѣль какъ разъ соотвѣтствовала ребрамъ изюбря, нагнувшагося полакомиться соленой землей. Хотя изюбри выходятъ на солонцы преимущественно въ очень темныя ночи, но охотнику достаточно услышать шорохъ, чтобы спустить курокъ и положить изюбря на мѣстѣ. Если осторожное животное замѣтитъ, что прутикъ, служащій прицѣломъ, недостаточно тонокъ, то не подойдетъ къ солонцу. Въ сентябрѣ, во время течки, изюбрей подманиваютъ на „трубу“, или „ревомъ“. Изъ двухъ продольныхъ половинокъ тонкаго липоваго дерева, склеенныхъ и обмотанныхъ берестой, дѣлается труба въ аршинъ длиной; на болѣе узкомъ концѣ укрѣпляется роговой мундштукъ, въ который и кричатъ, втягивая воздухъ въ себя. Другая труба безъ мундштука, въ $^3/_4$ арш. длиной; въ нее кричатъ, подражая реву изюбря. Съ одной изъ такихъ трубъ охотникъ взбирается на бугоръ и кричитъ съ промежутками около получаса. Самецъ-изюбрь, услышавъ такой ревъ, откликается и идетъ на него. Забайкальскіе охотники ловятъ изюбрей при помощи собакъ: онѣ преслѣдуютъ звѣря даже на непреступныя горныя мѣста — „отстои“, гдѣ лѣтомъ изюбри спасаются отъ „гнуса“,— круто обрывающіеся утесы, имѣющіе свободный выходъ только съ одной стороны. Прислушиваясь къ протяжному тявканью собакъ, охотникъ добирается до этихъ „отстоевъ“ и убиваетъ изюбря. Охота „по

насту“ не уступаетъ своею жестокостью рѣчной охотѣ на оленей. Когда весеннее солнце начинаетъ настолько пригрѣвать, что верхніе слои льда растаиваютъ, то, благодаря ночнымъ морозамъ, образуется поверхъ снѣга твердая ледяная кора. Она достаточно крѣпка, чтобы выдержать звѣря, но въ то же время сильно препятствуетъ его бѣгу, такъ какъ при каждомъ прыжкѣ ноги его проваливаются. Въ это время вся деревенская Сибирь, гдѣ только водится изюбрь, коза или лось (сохатый), выходитъ на охоту. Эта охота крайне проста: охотникъ на лыжахъ, вооруженный ружьемъ и дубиной и сопровождаемый стаей собакъ, до тѣхъ поръ преслѣдуетъ звѣря, пока послѣдній совсѣмъ не выбьется изъ силъ и, изрѣзавъ въ кровь ноги, безпомощно остановится, ожидая смерти. Особенно много въ это время убивается дикой козы, которая ходитъ табунами: обыкновенно весь табунъ выбивается ударами дубинъ. Особенно губительна бываетъ тогда охота на мараловъ: самки въ это время „суягны“ и поэтому не обладаютъ достаточной силой, чтобы скрыться отъ преслѣдованія. Хотя охота „по насту“ и запрещена, но никто не обращаетъ вниманія на это запрещеніе, потому что въ этой охотѣ заинтересована и сама сельская полиція, состоящая изъ тѣхъ же крестьянъ. На тропахъ, по которымъ обыкновенно ходятъ крупныя животныя, настораживаютъ ружья и луки, которые и поражаютъ животное, лишь только оно коснется бечевки, прикрѣпленной къ курку или къ тетивѣ. Нужно замѣтить, что съ ружьемъ охотятся теперь всѣ, даже почти всѣ инородцы лѣсной полосы. Всюду предпочитается кремневое ружье: его легче исправить. На югѣ Сибири, по Амуру и въ Уссурійскомъ краѣ, въ случаѣ особенно глубокихъ снѣговъ поздней осенью, замѣчается особенно сильное движеніе дикихъ козъ.

Охота на дичь въ лѣсной полосѣ западной Сибири все болѣе и болѣе принимаетъ промысловый харак-

теръ, для вывоза въ предѣлы Европейской Россіи. Водяную птицу—гусей, утокъ, лебедей—ловятъ пленками, сѣтями, перевѣсами. Въ чащахъ изъ тальника прорубаютъ ворота въ 10—12 саж. шириной, вкапываютъ двѣ высокихъ жерди, на которыхъ, по блоку, движется рѣдкая сѣть. Внизу прикрѣпляется еще сѣть—„подтонъ“, для окончательнаго прекращенія пути птицамъ. Охотникъ прячется съ веревкой въ рукахъ, посредствомъ которой и опускаетъ сѣть въ нужное время. Утки летаютъ обыкновенно ночами, и въ каждую ночь ихъ можно наловить сѣтью до 250 штукъ. Глухарей ловятъ „пленицами“—рядомъ волосяныхъ петель, прикрѣпленныхъ къ шнурку или жерди, которыя помѣщаются поперекъ ихъ тропинокъ. Рябчиковъ ловятъ „слышками“—петлями, куда кладется рябина въ видѣ приманки. Ловля птицъ перевѣсями—древнѣйшій способъ, упоминаемый еще въ начальной русской лѣтописи. Въ послѣднее время развилась охота на фазановъ въ Уссурійскомъ краѣ для вывоза ихъ въ Москву и Петербургъ, за рубль пару, а самому предпринимателю пара обходится копеекъ въ 30. Русскіе звѣропромышленники обыкновенно отправляются на промыслъ цѣлыми артелями, и чѣмъ дальше мѣста промысла, тѣмъ больше артель (2—4 до 15—20 человѣкъ). Если артель отправляется на промыселъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста жительства, то возвращается обыкновенно со вскрытіемъ рѣкъ въ самодѣльныхъ лодочкахъ (обласкахъ). Промышленникъ беретъ съ собой винтовку, ножъ, топоръ, порохъ и свинецъ, 1—$1^1/_2$ пуда ржаныхъ сухарей, 5 фун. листового табаку, 10 фун. соли, столько же толченаго ячменя и кирпичъ чаю. Одежда предпочитается короткая—суконные зипуны—для большей свободы движеній. На ноги надѣваютъ онучи изъ холста, на нихъ чулки изъ самодѣльнаго сукна, а сверхъ всего ноги обертываются сыро-

мятными кожами, пропитанными дегтемъ. Лыжи и салазки — необходимая принадлежность. Каждая артель строитъ себѣ станъ изъ жердей, крытый берестой. Если охотничьи ухожья находятся недалеко отъ деревни, верстъ за 30—50, какъ въ Приангарьѣ, и каждая артель имѣетъ свое опредѣленное ухожье, то промышленники строятъ тамъ деревянныя избушки съ каменкой, т.-е. печкой, сбитой изъ глины или сложенной изъ камня. Такія избушки топятся „по-черному“, а потому ихъ стѣны всегда покрыты толстымъ слоемъ сажи. Если промышленники отходятъ далеко отъ своихъ селеній, то имъ приходится вести жизнь очень суровую. Они удаляются отъ стана на нѣсколько дней, даже на нѣсколько недѣль, при чемъ спятъ, зарывшись въ снѣгъ, питаются бѣлками и зайцами, которыхъ ѣдятъ полусырыми, подвергаются опасности отъ медвѣдей, бурановъ, заболѣваютъ цынгой и тифомъ. Нѣкоторые совсѣмъ не возвращаются въ станъ, и ихъ уже не ищутъ. Добычу, раздѣленную пополамъ, сбываютъ скупщикамъ, которые стараются дать ей какъ можно меньшую оцѣнку, тѣмъ болѣе, что промышленники обыкновенно у нихъ въ долгу за взятые раньше товары и припасы. Особенно плохо приходится при этомъ промышленникамъ-инородцамъ. Скупщики нѣсколько дней спаиваютъ ихъ водкой, потомъ вдругъ прекращаютъ это и объявляютъ инородцамъ свои цѣны, заранѣе сговорившись между собой. Теперь они чаще всего уже не угощаютъ водкой, а продаютъ ее. На Лепѣ даже крестьяне-звѣроловы находятся въ кабалѣ у мѣстныхъ кулаковъ, становятся „покручниками“ („покручепье“): кулакъ снабжаетъ безъ денегъ нѣсколько крестьянскихъ семей всѣмъ необходимымъ, оцѣнивая товаръ въ 2—3 раза дороже настоящей стоимости, а расчетъ производится въ данномъ случаѣ вычетомъ пая „покручника“ изъ добытой пушнины въ пользу „покручившаго“.

Какъ сказано выше, главнымъ промысломъ животнымъ какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири является бѣлка, которая водится и въ урманахъ Тобольской губерніи, и на Алтаѣ, и во всей восточной Сибири. Количество убиваемой въ Сибири бѣлки считается милліонами. Только на одну Ирбитскую ярмарку въ 1895 году было привезено 4.940.000 бѣлокъ, 36.000 соболей, 41.000 лисицъ, 11.500 песцовъ, 800.000 зайчишъ. На Якутской ярмаркѣ 1900 г. черной бѣлки было продано 850.000 штукъ (22 коп. средняя цѣна) на 187.000 руб. Каждый охотникъ въ западной Сибири убиваетъ отъ 300—350 штукъ. Средняя цѣна хорошей бѣлки на Алтаѣ—16—18 коп., а плохой—8—9 коп. Соболь, котораго становится все меньше и меньше, имѣлъ раньше среднюю цѣну въ 25—50 руб., теперь въ Якутской области поднялся до 110—150 руб. штука, т.-е. въ окончательной продажѣ шкурка соболя продается даже не на вѣсъ золота, а почти вдвое дороже его. Въ 1900 году въ Якутскѣ на ярмаркѣ было продано 8.600 соболей въ среднемъ по 80 руб. за штуку. Въ западной Сибири соболь почти истребленъ всюду и лишь встрѣчается изрѣдка въ глухихъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи—въ Пелымскомъ краѣ, по рр. Кондѣ и Туртасу, изрѣдка на Алтаѣ, въ восточной Сибири, въ глухихъ мѣстностяхъ по Ангарѣ, въ Киренскомъ уѣздѣ, по Витиму и въ Петропавловской округѣ на Камчаткѣ. Якутская область, прежде такъ славившаяся своими соболями, теперь ими обѣднѣла, особенно въ послѣдніе годы. Прежде, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, партія изъ 5—6 человѣкъ приносила по 40—50 соболей, а теперь выноситъ по нѣскольку штукъ, да и то если отправляется на промыселъ вмѣстѣ съ тунгусами въ отдаленнѣйшія мѣста тайги. Количество бѣлокъ тоже уменьшается вслѣдствіе страшныхъ лѣсныхъ пожаровъ, истребляющихъ кедровники, и хищническихъ

способовъ охоты. Бѣлка погибаетъ и отъ самыхъ пожаровъ и отъ голода вслѣдствіе истребленія кедровниковъ или неурожая орѣховъ: тогда она ѣстъ сосновые орѣхи, смола которыхъ облѣпляетъ ей ротъ и щеки, и она погибаетъ отъ голода. Кромѣ этихъ причинъ, на Алтаѣ бѣлка уменьшается вслѣдствіе охоты на нее въ сентябрѣ, въ февралѣ и мартѣ; убитая въ сентябрѣ, бѣлка плохого качества—она еще не успѣла принять свой настоящій видъ, такъ что въ продажу поступаетъ лишь $^1/_5$ такой бѣлки; убивая бѣлку-самку въ февралѣ и мартѣ, теряютъ въ каждой убитой самкѣ отъ 25—40 штукъ (бѣлки способны къ быстрому размноженію). Уменьшеніе количества пушныхъ звѣрей въ Сибири (особенно западной) замѣчено всюду и не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя по количеству привоза ихъ, напримѣръ, на Ирбитскую и Якутскую ярмарки можно бы заключить не объ уменьшеніи, но объ увеличеніи. На самомъ дѣлѣ это не вѣрно: спросъ на мѣха усилился въ Россіи и за границей, и такъ какъ Сибирь все болѣе втягивается въ міровую хозяйственную жизнь, а разработка ея богатствъ расширяется, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число людей, занятыхъ этой разработкой,—то на рынкѣ и появляется больше пушного товара, чѣмъ это было раньше. Во всякомъ случаѣ и это кажущееся увеличеніе непродолжительно: площадь охоты все болѣе сокращается и бѣднѣетъ, и уменьшеніе количества звѣря уже далеко не пополняется его естественной прибылью. Что касается западной Сибири, то теперь это уменьшеніе замѣтно даже на рынкѣ: въ $18^{81}/_{84}$ гг. на Ирбитской ярмаркѣ было изъ западной Сибири 28,3% всего пушного товара, а въ $18^{90}/_{94}$ гг. уже только 25,9%.

Добыча морскихъ промысловыхъ животныхъ производится главнымъ образомъ вдоль сибирскихъ береговъ Тихаго океана, особенно въ сѣверо-восточной его

части,—моржей, китовъ, бобровъ и котиковъ. Число моржей, у которыхъ особенно цѣнятся клыки, все уменьшается отъ хищнической охоты на нихъ; то же нужно сказать и о бобрахъ, которые появляются на Командорскихъ островахъ и на побережьяхъ Камчатки (собственно выдръ). Высокая цѣнность камчатскаго бобра (до 300 руб. и больше) вызываетъ его усиленное истребленіе. Китовый промыселъ въ водахъ Тихаго океана ограничивается засолкой мяса китовъ для употребленія его въ пищу въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ и продажей уса въ Лондонъ; вытопка ворвани происходитъ лишь въ жаркое время, когда мясо кита подвергается скорой порчѣ. Киты, направляясь изъ Тихаго въ Ледовитый океанъ, въ большомъ числѣ скопляются близъ Чукотскаго полуострова, гдѣ ихъ жестоко истребляютъ американскіе хищники. Наиболѣе развитъ въ Беринговомъ морѣ котиковый промыселъ. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая къ Командорскимъ островамъ подплываютъ огромныя стада котиковъ. Самцы прежде всѣхъ выходятъ на берегъ, выбираютъ мѣсто для устройства семьи и охраняютъ его отъ занятія другими. Къ концу мая къ лежбищамъ подходятъ самки, которыхъ самцы заманиваютъ на свои участки, при чемъ на каждаго самца полагается 10—15 самокъ. Вполнѣ развившійся 6—7-лѣтній котикъ называется сѣкачемъ, молодой котикъ съ небольшимъ загривкомъ — полусѣкачемъ, совсѣмъ безъ загривка — холостякомъ (2—3 года). Эти „холостяки“ и служатъ предметомъ лова до ихъ линянія, т.-е. отъ начала іюня до половины іюля. Охотники, выслѣдивъ, гдѣ расположился табунъ „холостяковъ“, рано утромъ забѣгаютъ на берегъ, чтобы преградить котикамъ возвращеніе въ море, и палками загоняютъ ихъ дальше, гдѣ предполагаютъ производить убой. Котики столь безпомощны, что 10—15 человѣкъ могутъ загнать стадо почти во

столько же тысячъ животныхъ, а потомъ довольно 1—2 человѣкъ, чтобы держать въ загонѣ 5—6 тыс. котиковъ. Изъ стада отдѣляютъ кучку въ 20—30 головъ и, выбравъ подходящихъ по возрасту и полу, убиваютъ ихъ ударами палки по головѣ. Головныя кости котика такъ слабы, что однимъ несильнымъ ударомъ палки можно убить животное наповалъ. Въ нѣсколько минутъ на мѣстѣ убоя собирается куча труповъ, въ которой копошатся оставленныя за негодностью животныя, смертельно напуганныя; они съ трудомъ добираются до воды. Покончивъ съ одной кучкой котиковъ, принимаются за другую и т. д. 20 человѣкъ легко могутъ отогнать и убить въ сутки 1000 котиковъ. Одновременно съ этимъ другая партія рабочихъ снимаетъ шкуры, солитъ ихъ и рядами укладываетъ въ амбарахъ. Населеніе Командорскихъ острововъ, занятое убоемъ котиковъ, очень разнообразно: русскіе казаки, камчадалы, якуты, алеуты и др. Общее число не превышаетъ 6—7 сотъ человѣкъ. Заработокъ дѣлится между всѣми рабочими на извѣстныхъ основаніяхъ, при чемъ небольшая часть откладывается въ запасный капиталъ. Число котиковъ замѣтно уменьшается: въ 1886 г. на Командорскихъ островахъ убито 54.591 штука, въ 1898 г.— всего 2.925. То же самое замѣчается и на о. Тюленьемъ, гдѣ въ 1901 г. убито всего 540 штукъ. Это объясняется хищническимъ истребленіемъ животныхъ въ морѣ вслѣдствіе недостаточности охраны. Поэтому въ 1898 г. хищники добыли 120.000 штукъ, а промышленныя компаніи всего 40.000. Русскіе охранительные крейсеры высылаются только въ іюнѣ, а хищники выступаютъ ранней весной; крейсеры охраняютъ воды лишь на разстояніи 30 миль отъ берега, а хищники перехватываютъ котиковъ на ходу въ 150 миляхъ отъ Командорскихъ острововъ и нещадно истребляютъ. Эти хищники—американцы и японцы. Нѣтъ сомнѣнія, что и

котики, при такой недостаточности охраны, скоро исчезнутъ, какъ исчезла морская корова Стеллера и какъ уже исчезаетъ сивучъ (морской левъ); нужно думать, что въ 1904 г., когда промыслы оставались безъ охраны съ русской стороны, хищники еще болѣе умеиьшили число котиковъ. У береговъ Южно-Уссурійскаго края развита ловля трепанговъ (морскіе черви темно-кофейнаго цвѣта). Японцы-водолазы извлекаютъ трепанговъ со дна моря, сушатъ ихъ и сбываютъ въ Китай, гдѣ они употребляются въ пищу. Пудъ трепанговъ стоитъ въ Китаѣ отъ 27—40 р. Трепанговъ ежегодно вывозится въ Китай на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Вымершее животное Сибири—мамонтъ оставилъ послѣ себя весьма цѣнный предметъ добычи — клыки (мамонтову кость). Ее находятъ за полярнымъ кругомъ въ Тобольской и Енисейской губ., на Новосибирскихъ островахъ и въ Якутской области (отъ устья Оби до верховьевъ Анадыра) въ рѣчныхъ берегахъ, размываемыхъ водой. Якутская область особенно богата мамонтовою костью. Въ 1891 г. оттуда вывезено ея 700 п. на сумму около 15.000 р. На Якутской ярмаркѣ мамонтовой кости и моржевыхъ клыковъ всегда бываетъ на 30—40 тыс. руб. Вообще въ Сибири мамонтовой кости добывается тысячъ до двухъ пудовъ ежегодно.

Добываніе рѣчныхъ рыбныхъ богатствъ составляетъ главное занятіе жителей Сибири въ низовьяхъ сѣверныхъ сибирскихъ рѣкъ — Оби, Енисея, Лены, Колымы и др. второстепенныхъ, а также ихъ сѣверныхъ притоковъ, въ низовьяхъ Амура, на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, на озерахъ сѣверной Сибири и въ сѣверо-восточныхъ округахъ Приморской области. Важное, хотя и подсобное, занятіе составляетъ рыболовство на Ангарѣ, на озерахъ Степного края, особенно на Норъ-Зайсанѣ, и вообще тамъ, гдѣ рѣки и озера особенно богаты рыбой, и притомъ гдѣ климатъ и почва мало

располагаютъ къ земледѣлію. Время главнаго занятія рыболовствомъ совпадаетъ съ началомъ переселенія рыбъ въ моря вверхъ по рѣкамъ для метанія икры, которая можетъ развиваться лишь въ прѣсной водѣ, и это не совсѣмъ одновременно для всѣхъ сибирскихъ рѣкъ — чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ позже: со второй половины мая на Оби и въ 10 числахъ іюня на Ленѣ и др. восточныхъ рѣкахъ. Вслѣдствіе этого движенія рыбы отъ устьевъ и по теченію рѣки рыбный промыселъ начинается не въ одно и то же время (чѣмъ выше, тѣмъ позже), хотя низовья освобождаются отъ льда гораздо позже болѣе верхнихъ частей. Обратное движеніе рыбы (въ августѣ и сентябрѣ) вызываетъ новую усиленную ловлю ея. Главный и лучшій уловъ рыбы—весенній, когда она полна икры и не истощена продолжительнымъ ходомъ противъ теченія. Рыба движется въ огромномъ количествѣ, что наиболѣе замѣтно на Амурѣ, особенно въ устьяхъ, и въ рѣкахъ Камчатки. Горбуша идетъ въ такомъ количествѣ, что одной тоней вытаскиваютъ до 3000 штукъ, изъ которыхъ рыболовы оставляютъ себѣ только самыхъ крупныхъ рыбъ. Не всѣ породы кочевыхъ рыбъ двигаются одновременно. На Ленѣ, напр., раньше всѣхъ появляется нельма и чиръ, а съ половины іюля и муксунъ, въ августѣ сельдятка, или кондевка. На Амурѣ прежде всего поднимается кэта, за ней горбуша. На Оби раньше всѣхъ появляется сырокъ, за нимъ слѣдуютъ муксунъ и нельма (рис. 56). Промысловыя рыбы сибирскихъ рѣкъ можно раздѣлить на два вида: кочевыя, проходныя, и мѣстныя, туводныя. Къ первымъ относятся: осетръ, нельма, муксунъ, сырокъ и сельдь (послѣдняя въ устьяхъ Оби и Таза); на Ленѣ и дальше на востокъ къ этимъ рыбамъ присоединяется сельдятка, или кондевка (изъ семейства лососевыхъ, ничего общаго не имѣющая съ настоящей сельдью); осетры въ Ленѣ едва ли даже встрѣчаются. Въ Амурѣ

Рис. 56. Рыболовная стоянка на Ленѣ.

къ лучшимъ проходнымъ промысловымъ рыбамъ принадлежитъ: горбуша, кэта (лососевыя), осетръ (до 10 п.), калуга (до 50 п.). Таковы важнѣйшіе виды проходныхъ сибирскихъ рыбъ. Къ мѣстнымъ, туводнымъ, рыбамъ Сибири относятся: стерлядь (нѣтъ въ Амурѣ и особенно много въ Иртышѣ), налимъ, язь, щука, таймень; особенно богатъ разнообразными видами мѣстныхъ рыбъ амурскій бассейнъ. Караси и мундушки (родъ малорослыхъ лпней), въ большомъ количествѣ добываемые въ озерахъ Якутской обл., потребляются мѣстнымъ населеніемъ и промыслового значенія не имѣютъ. Въ озерахъ Степного края ловится такъ называемая „бѣлая рыба“ (карась, щука, елецъ). Способы ловли рыбъ въ Сибири очень разнообразны (рис. 57), но могутъ быть сведены къ тремъ видамъ: посредствомъ подвижныхъ преградъ, захватывающихъ рыбъ, посредствомъ преградъ неподвижныхъ, задерживающихъ ихъ и направляющихъ въ особыя ловушки, въ видѣ всевозможныхъ вершей, и при помощи крючковъ, зацѣпляющихъ самихъ рыбъ. Невода и сѣти употребляются при рыболовствѣ въ большихъ рѣкахъ, какъ Обь, Лена и, конечно, въ озерахъ; преграды съ вершами—въ мелкихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, куда особенно любитъ стремиться рыба для метанія икры. Ловля неводоми и сѣтями происходитъ на такъ называемыхъ „пескахъ“—отмеляхъ съ постепенною покатостью отъ берега въ глубину, съ ровнымъ, гладкимъ дномъ, безъ ямъ и „задавовъ“, препятствующихъ ходу невода. На Оби рыболовными мѣстами являются также „соры“—отлогія мѣста на берегу съ заходящей во время разлива водой. Сиговые въ Оби (муксунъ и сырокъ) откармливаются именно въ сорахъ, и потому не уменьшаются въ вѣсѣ, двигаясь вверхъ, и раннею осенью еще полны икрой.

Невода бываютъ разной величины (отъ 25 до 250 и даже 500 саженъ) и дѣлаются изъ конопли, тальни-

ковой бечевки и конскаго волоса. За 25—30 р. на Ленѣ можно купить неводъ изъ тальниковой бечевки въ 80 саженъ, но такой же неводъ изъ бѣлаго „хвостоваго" волоса стоитъ уже до 100 р. Цѣна неводовъ и сѣтей увеличивается по мѣрѣ удаленія на востокъ. Чѣмъ больше неводъ, тѣмъ больше требуется на него и рабочихъ, а поэтому ловля рыбы неводами доступна

Рис. 57. Рыболовство въ западной Сибири.

только людямъ состоятельнымъ, преимущественно русскимъ промышленникамъ, живущимъ въ Тобольскѣ, Енисейскѣ, Якутскѣ. Ловля рыбы сѣтями принята у инородцевъ, когда они ловятъ рыбу не обществами, а каждая семья отдѣльно. Въ низовьяхъ Лены длина такихъ сѣтей обыкновенно 25—30 саженъ и не меньше $2^1/_2$ въ ширину. При каждой сѣти непремѣнно должна находиться „вѣтка",—легкая лодка изъ выдолбленнаго дерева (осины или „плавниковаго" лѣса, выбрасыва-

маго на берегъ на дальнемъ сѣверѣ). Лодочка имѣетъ двухлопасное весло, которымъ одновременно гребутъ то съ той, то съ другой стороны и правятъ, сидя посрединѣ лодочки и сохраняя полное равновѣсіе. Кромѣ того, въ лодочкѣ лежитъ колотушка, которой „глушатъ“ рыбу ударомъ по головѣ, крючокъ, которымъ рыбу подхватываютъ, черпакъ для отливанія воды и корзина изъ прутьевъ для пошенія рыбы. Каждый инородецъ можетъ ловить рыбу лишь на своемъ „пескѣ“. Забросивъ сѣть въ верхней части „песка“, поперекъ рѣки, инородецъ вмѣстѣ съ сѣтью плыветъ внизъ и зорко смотритъ, не опустился ли въ воду какой-нибудь поплавокъ — знакъ, что въ этомъ мѣстѣ въ сѣть запуталась рыба. Онъ мчится къ этому мѣсту, поднимаетъ сѣть, глушитъ рыбу и бросаетъ ее въ корзину. Различные способы ловли рыбы вообще хорошо приноровлены къ привычкамъ различныхъ видовъ рыбъ и къ условіямъ мѣстностей, въ которыхъ она ловится: въ „сорахъ“, на „пескахъ“, въ „ямахъ“, въ мелкихъ рѣчкахъ. Такъ, для своей выгоды человѣкъ воспользовался и тѣмъ явленіемъ на Оби и ея притокахъ, которое извѣстно подъ именемъ „замора“ или „замиранія“: зимой вода, начиная сверху по теченію Оби и притоковъ, въ нижнемъ и среднемъ теченіяхъ становится затхлой, негодной для житья рыбамъ, и онѣ стремятся или внизъ по теченію, или въ такіе притоки и рѣчки („живцы“), гдѣ замиранія не бываетъ, и гдѣ вода остается „живой“. Такъ какъ рыба, спасаясь отъ замора, всегда входитъ только въ рѣки, текущія со стороны Урала, то „заморъ“ можно объяснить тѣмъ, что воду Оби въ это время начинаютъ заражать рѣки, впадающія въ нее справа и вытекающія изъ огромныхъ ржавыхъ болотъ. Сиговыя рыбы скатываются внизъ по Оби еще до наступленія „замора“, который, слѣдовательно, гонитъ сверху внизъ лишь туводныхъ рыбъ: щуку, налима, язя,

стерлядь и др. Пользуясь этимъ повальнымъ движеніемъ внизъ, прибрежное населеніе ставитъ рыбамъ на пути всевозможныя преграды, которыя и губятъ множество рыбы, въ томъ числѣ и никуда негодной „молоди“. Къ такимъ загражденіямъ принадлежатъ гимги (огромныя верши нѣсколько особаго устройства); изъ нихъ особенно велика осетровая гимга. Для постановки гимогъ въ узкихъ и неглубокихъ мѣстахъ дѣлаютъ частичныя или сплошныя заграждения изъ кольевъ и щитовъ, сплетенныхъ изъ жердей и прутьевъ. На Оби такія сплошныя заграждения („запоры“) устраиваются чаще всего между Березовомъ и Обдорскомъ. Сплошные запоры стоятъ дорого — иногда до 1.000 р., и инородцамъ недоступны. Подобнаго рода заграждения встрѣчаются и въ охотско-камчатской окраинѣ, и въ низовьяхъ Амура: часть рѣки перегораживается кольями, переплетенными тальникомъ, а между ними помѣщаются щиты, среди которыхъ и вставляются верши. Въ Охотско-Камчатскомъ краѣ это—сооруженія общественныя, такъ какъ непосильны для отдѣльныхъ лицъ. Въ низовьяхъ Амура подобныя сооруженія называются „заѣздками“—заграждения въ видѣ глаголя, въ западной части котораго помѣщается неводъ въ видѣ мѣшка. Всевозможные самоловы употребляются на всѣхъ сибирскихъ рѣкахъ. Изъ нихъ нужно упомянуть о „перемётахъ“, которые извѣстны даже якутамъ на Ленѣ и орочонамъ на Амурѣ. Къ одному концу длинной и прочной веревки, иногда изъ волоса, прикрѣпляется якорь или тяжелый камень, а на бечевѣ поплавокъ, который и держится на поверхности воды; къ веревкѣ прикрѣпляются коротенькія бечевки съ крючками и поплавками, на которые и насаживается приманка въ видѣ мелкой рыбешки, кусковъ мяса и т. п. Посредствомъ грузовъ и поплавковъ перемётъ держится въ водѣ параллельно поверхности на извѣстномъ разстояніи отъ дна, а крючки принимаютъ

слегка наклонное положеніе, отчего крупная рыба, идя противъ теченія, легко на нихъ натыкается. Множество рыбы получаетъ только раны отъ этихъ крючковъ и потомъ погибаетъ безъ пользы для кого бы то ни было. По Иртышу развитъ „юровой промыселъ“,—ловъ красной рыбы (осетра и стерляди) въ глубокихъ мѣстахъ, ямахъ, посредствомъ обыкновенныхъ самолововъ (въ концѣ ноября и началѣ декабря), продолжающійся всего нѣсколько дней. Эта ловля производится всѣмъ деревенскимъ или станичнымъ обществомъ по числу душъ, и на каждомъ душевомъ участкѣ („мѣтищѣ“) ставится одинъ самоловъ (на „мѣтище“ полагается отъ 4—20 душъ; чѣмъ глубже извѣстное мѣсто, тѣмъ больше рыбы залегаетъ въ немъ, и поэтому оно предоставляется большему числу душъ). Всю ночь идутъ послѣднія приготовленія: передъ разсвѣтомъ нѣсколько сотъ человѣкъ становятся на своихъ мѣстамъ съ пѣшнями въ рукахъ. Наконецъ, на зарѣ гремитъ выстрѣлъ, и нѣсколько сотъ пѣшней начинаютъ пробивать проруби. Стукъ пѣшней, спускаемые якоря и самоловы вспугиваютъ залегшую рыбу, она начинаетъ двигаться и попадаетъ скоро на крючки, тѣмъ болѣе, что одинъ самоловъ отъ другого находится на разстояніи не болѣе сажени.

Ловъ рыбы въ ямахъ („плесахъ“) происходитъ и на Ангарѣ, но не зимой, а осенью. Цѣлая волость посылаетъ развѣдчика „слушать рыбу“, и по всплескиваніямъ послѣдней въ ямахъ развѣдчикъ судитъ о количествѣ ея. Въ назначенный день пустынная рѣка оживляется, взадъ и впередъ снуютъ сотни лодокъ, отыскивая удобныя мѣста. Но вотъ мѣста заняты... Глаза всѣхъ обращены на волостного старшину; онъ подаетъ знакъ — и всѣ лодки наперерывъ другъ передъ другомъ стремятся въ рѣку, поспѣшно выбрасываютъ самоловы и также поспѣшно возвращаются на берегъ. Работа продолжается до наступленія тем-

ноты, когда старшина подаетъ знакъ къ прекращенію ловли. Наловивъ рыбы въ одной ямѣ, лодки передвигаются къ другой и т. д. Каждое хозяйство выставляетъ столько ловцовъ, сколько можетъ, а вся пойманная добыча принадлежитъ ловцу. Въ отдаленномъ Колымскомъ краѣ также существуетъ осенняя общественная рыбная ловля — „черезовая“. Тамъ, гдѣ рѣка становится уже и дѣлаетъ крутой поворотъ, она перегораживается сѣтями, какія только имѣются у населенія. На „черезовую“ ловлю, какъ на праздникъ, идетъ все населеніе—взрослые, женщины, дѣти. Всѣмъ распоряжается особый выбранный „черезовой“ староста. Работа продолжается два дня: во льду нужно прорубить ямки и загрузить сѣти. Взрослые долбятъ ледъ, женщины рубятъ жерди, которыя дѣти волокутъ на плечахъ или на собакахъ. Слышны пѣсни, шутки, смѣхъ. „Дуванщики“ дѣлятъ уловъ на паи, на „номера“, и каждый участвующій получаетъ „номеръ“, все равно, взрослый ли онъ, или малышъ. За каждыя три сѣти и за каждую собачью упряжку получаетъ тоже номеръ. „Черезовая“ ловля теперь выходитъ изъ употребленія. Ловля рыбы изъ ямъ, куда она собирается на зимовку, существуетъ и у якутовъ (ловля куюромъ). Куюръ—небольшая сѣть въ родѣ мѣшка, прикрѣпленная къ обручу. Куюръ привязываютъ къ жерди, продѣтой черезъ положенную на прорубь доску, ворочаютъ имъ по дну ямы, вспугиваютъ рыбу и потомъ захватываютъ ее въ куюръ. Ловля рыбы острогой происходитъ на Ангарѣ и Амурѣ въ открытой водѣ и изъ-подъ льда. Осенняя „побойка“ рыбы на Ангарѣ очень трудна и представляетъ много опасностей: бить рыбу приходится въ болѣе мелкихъ и очень быстрыхъ мѣстахъ, гдѣ малѣйшее неосторожное движеніе, всякая непредвидѣнная волна можетъ опрокинуть легкую лодочку. Амурскіе инородцы, манегры, разъѣзжая по рѣкѣ вдвоемъ въ легкихъ берестянкахъ, особаго

устройства острогой бьютъ громадныхъ осетровъ и калугъ. Зимой богатые манегры устраиваютъ на Амурѣ заколы изъ жердей, имѣющіе цѣлью преградить рыбѣ ходъ, надъ прорубями устраиваютъ юрты, гдѣ и сидятъ въ совершенной темнотѣ съ острогой въ рукахъ. Вода черезъ ледъ освѣщается достаточно, и привычный рыболовъ можетъ бить на выборъ проходящую рыбу. На устьяхъ Лены, у Быкова мыса, существуетъ подледный ловъ рыбы при помощи короткихъ сѣтей, спущенныхъ въ расположенныя рядомъ проруби и соединенныхъ между собой веревками, „срощенныхъ“. Хотя рыболовные „пески“ по Оби, Енисею и Ленѣ принадлежатъ инородцамъ, но не они являются главными рыбопромышленниками, извлекающими доходъ изъ этого занятія, а русскіе предприниматели, арендующіе у инородцевъ ихъ пески. Эти пески арендуются за опредѣленную плату безъ участія владѣльцевъ въ промыслѣ или съ ихъ участіемъ; въ рѣдкихъ случаяхъ на „пескахъ“ занимаются рыболовствомъ сами ихъ вотчинники въ свою пользу. Сдача „песковъ“ въ аренду крайне невыгодна для инородцевъ: на Оби, напр., при средней арендной платѣ въ 200 р. ежегодно промышленники получаютъ рыбы на 4—8 т. руб. на мѣстѣ лова, а при продажѣ выручаютъ сумму въ 2—3 раза большую. Рыбный промыселъ получилъ особенное развитіе на Оби: число рыбопромышленниковъ тамъ доходитъ до 350, а рабочихъ—тысячъ до шести только по найму, „караванныхъ“. Кромѣ того, есть рабочіе-пайщики, не получающіе платы, а заинтересованные въ успѣхѣ промысла, и понизовскіе полупеводщики. Наемные рабочіе состоятъ изъ крестьянъ, ссыльныхъ, разорившихся инородцевъ. Они нанимаются на 4—5 мѣсяцевъ и въ среднемъ получаютъ 22—23 р., рѣдко 25 р., все лѣто имѣя хозяйскіе харчи: хлѣбъ, чай изъ общаго котла 2—3 раза въ день, вареную рыбу и рыбій жиръ вмѣсто масла.

Засольщики и башлыки (башлыкъ — главный руководитель въ неводьбѣ) получаютъ нѣсколько больше. Кромѣ платы, обскіе рабочіе получаютъ кожаныя рукавицы, бродни, портянки и иногда табакъ. Пайщики и полуневодшики образуютъ небольшія артели (преимущественно русскія). Артель изъ 3 -4 полуневодниковъ получаетъ 30—60 р. съ условіемъ отдать предпринимателю половину улова даромъ, а другую — за опредѣленную условную плату. Положеніе рыбопромышленныхъ рабочихъ на Ленѣ хуже, чѣмъ на Оби: они получаютъ 20 р. деньгами за все лѣто, пару торбасовъ (родъ обуви), пару подошвъ къ нимъ и ситцевую рубаху. Рыба и чай даются безъ мѣры, но зато уже нѣтъ хлѣба, дается только немного сухарей. Ленскіе рабочіе должны по окончаніи промысла тянуть бечевой вверхъ по рѣкѣ до Якутска нагруженный рыбой „каюкъ“, парусное судно аршинъ 25 въ длину и 9 въ ширину, вмѣстимостью до 1600 пудовъ груза. Рабочіе должны тянуть лямкой „каюкъ“ вдоль берега, гдѣ нѣтъ никакой тропинки, а только камни и песокъ, страдая отъ дождя или отъ невообразимаго множества мошекъ и комаровъ. Протянувъ 5 -6 часовъ, напьются чаю и снова за работу; 15 —20 руб. за все лѣто — обычное вознагражденіе. По Оби такіе суда сплавляются рабочими только внизъ по теченію и, конечно, не бечевой. Промышленныя заведенія на Оби лучше и обширнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и раздѣляются на „пески“, или собственно промышленныя заведенія, и на „станки“, какъ бы ихъ отдѣленія, гдѣ производится, главнымъ образомъ, пріемъ рыбы отъ инородцевъ. Рабочіе помѣщаются въ казармахъ, тѣсныхъ, не освѣжаемыхъ воздухомъ, безъ пола, съ грязными парами. Рабочіе изъ инородцевъ живутъ въ лѣтнихъ юртахъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ помѣщенія и вообще обстановка жизни рабочихъ все хуже. На Ленѣ и Енисеѣ условія жизни ра-

бочихъ гораздо хуже, чѣмъ на Оби. Бродя въ холодной водѣ на пронизывающемъ вѣтру, въ плохой одеждѣ и пропускающихъ воду броднях, рабочіе простуживаются и страдаютъ ревматизмомъ и острыми болѣзнями дыхательныхъ путей, а дурное питаніе и нечистота жилыхъ помѣщеній ежегодно развиваютъ въ нихъ средѣ жестокій тифъ. Только въ послѣднее время для заболѣвшихъ рабочихъ открыты больнички и командируются особые фельдшера на время рыбныхъ промысловъ. На рыбныхъ промыслахъ байкальскихъ и ангарскихъ буряты въ послѣднее время стали предпочитаться русскимъ рабочимъ, какъ народъ выносливый, покорный и неспособный вступиться за себя. Для доставки рабочихъ-бурятъ промышленники нанимаютъ подрядчика изъ инородцевъ и заключаютъ съ нимъ контрактъ, очень стѣснительный для рабочихъ. Кормятъ бурятъ не свѣжей рыбой. Во время страшныхъ осеннихъ байкальскихъ бурь рыбопромышленные рабочіе подвергаются иногда смертельной опасности: напр., въ октябрѣ 1901 г. погибло цѣлое судно съ 200 рабочими. Въ низовьяхъ Амура рыбной ловлей занимаются гиляки и русскіе. Гиляки зимой забираютъ въ долгъ у русскихъ „засольщиковъ скупщиковъ“ разные товары, а лѣтомъ выплачиваютъ рыбой (кэтой). Каждый засольщикъ старается закабалить гиляцкую деревню такъ, чтобы только ему гиляки продавали всю свою рыбу, которую онъ тутъ же солитъ при помощи наемныхъ рабочихъ (русскихъ ссыльныхъ крестьянъ), получающихъ по 25 р. въ мѣсяцъ. Каждый засольщикъ имѣетъ свою лавочку, гдѣ на все страшныя цѣны: кирпичъ чаю—80 к. (вмѣсто 18 к. въ городѣ), фунтъ табаку—40 к. (вм. 12) и т. д. Въ этихъ лавочкахъ всегда продается водка. Рыбу или засаливаютъ въ бочкахъ, или коптятъ. Въ 1898 г. въ низовьяхъ Амура наловлено было рыбы на $1^1/_2$ мил. р. Озернымъ рыболовствомъ

въ Томской и Тобольской губ. занимаются крестьяне, устраивая артели изъ 10 -15 человѣкъ, а въ Степномъ краѣ — казаки. Ловъ рыбы на озерѣ Зайсанѣ производится также артелями изъ 8—15 человѣкъ изъ казаковъ, крестьянъ и др. лицъ, арендующихъ рыболовныя мѣста. Артели эти устраиваются на годъ, и для завѣдыванія всѣмъ хозяйствомъ и промысломъ избирается староста. Артели въ теченіе всего года живутъ на берегахъ озера, весной и лѣтомъ засаливая рыбу, а въ зимнее время замораживая ее. Всѣ члены артели участвуютъ въ дѣлѣ на совершенно одинаковыхъ правахъ. Количество рыбы, которое извлекается изъ одной только Оби, доходитъ до $1^1/_2$ мил. пуд. въ годъ. Въ 1897 г. съ Оби вывезено 315 т. пуд. На Енисеѣ ловится до 6000 п. красной рыбы и до 250.000 бѣлой, на Ангарѣ — до 75 т. На Ленѣ, сверхъ ожиданія, рыбы ловится немного: всего до 60.000 пуд. Ольхонскій рыбный промыселъ даетъ рыбы тысячъ на тридцать въ годъ.

Несмотря на прекрасныя качества сибирской рыбы, она приготовляется впрокъ чрезвычайно неумѣло и неискусно. Рыбѣ отрѣзываютъ голову, распластываютъ брюшко, кое-какъ очищаютъ отъ внутренностей, дѣлаютъ поперечные внутренніе надрѣзы, посыпаютъ солью и складываютъ въ чаны и бочки. Рыба не промывается, кровь и грязь остаются, бочки также не моются и покрыты толстымъ слоемъ грязи; соли всегда кладется меньше, чѣмъ нужно. Приготовленная такимъ образомъ рыба не отличается вкусомъ и обыкновенно плохо пахнетъ. На Оби, ниже Березова, приготовляется „стоповая“ рыба: посоленную вышеописаннымъ способомъ рыбу накладываютъ въ чаны, покрываютъ досками, на которыхъ помѣщаютъ какой-нибудь тяжелый грузъ въ видѣ пресса, черезъ нѣдѣлю промываютъ образовавшимся разсоломъ (тузлукомъ) и укладываютъ въ „стопы“ (3 муксуна въ ширину

и 16—17 въ вышину). Пролежавъ въ стопахъ до глубокой осени, эта рыба становится до того соленой, что непривычный человѣкъ не станетъ ѣсть ее, да и привычный долженъ вымачивать сначала въ водѣ. Малосольная рыба приготовляется только въ концѣ августа въ небольшомъ количествѣ и не выдерживаетъ долгаго лежанья. Изъ сырка приготовляется сухая вяленая рыба, а изъ другихъ болѣе крупныхъ сиговыхъ рыбъ — „поземы“, которые послѣ вяленья поджариваются на огнѣ. Осетровая икра приготовляется самымъ первобытнымъ образомъ и круто солится крупной солью. Въ Тобольскѣ въ настоящее время существуетъ одно хорошее заведеніе для приготовленія рыбныхъ консервовъ (Плотникова). Инородцы приготовляютъ впрокъ рыбу главнымъ образомъ посредствомъ подвяливанья. Рыба надрѣзывается тонкими полосками, такимъ образомъ, чтобы онѣ держались у хвоста на кожѣ рыбы и отдѣлялись другъ отъ друга глубокими бороздками до самой кожи рыбы. Все это вѣшается на жерди, „вѣшалѣ“, гдѣ и подвяливается. Приготовленная такимъ образомъ рыба на Оби извѣстна подъ именемъ „юрка“, на Лепѣ называется „хахой“ и „юколой“ (смотря по тому, изъ какихъ частей рыба приготовлена). Обыкновенно соли при этомъ не употребляется. „Юкола“, приготовленная изъ посоленныхъ спинокъ небольшой пельмы, очень вкусна. Въ сѣверо-восточной Сибири „юколу“ приготовляютъ, распластывая рыбу вдоль на 2 части. На Колымѣ пойманную въ августѣ сельдятку сваливаютъ въ срубы, „сайбы“, и потомъ, когда уже нельзя ожидать оттепелей, въ сентябрѣ, ее разбрасываютъ по берегу, замораживаютъ и складываютъ въ амбаръ. Сельдятка до того времени подвергается значительной порчѣ. Обскими инородцами изъ рыбы приготовляется „варка“: очищенныя кишки, брюшко, жирныя части спины (безъ костей) кладутъ въ котелъ,

ставятъ на огонь и переварпваютъ. Полученное густое жировое тѣсто складываютъ въ котелъ или корчагу. Зимой „варка“ составляетъ любимое кушанье инородцевъ. Рыба, добываемая выше Березова, пересаживается въ „сады“, устраиваемые около „песковъ“, для чего пользуются или проточными рѣками, загораживая ихъ въ двухъ мѣстахъ, или озерами. Въ этихъ земляныхъ садкахъ рыба остается до поздней осени, потомъ вылавливается, замораживается и въ этомъ видѣ гужомъ доставляется въ южныя части Тобольской губ. На Сосьвѣ (притокъ Оби, у Березова) ловятъ сельдей, которыхъ солятъ и коптятъ. Приготовленіе рыбы на Ленѣ еще хуже, чѣмъ на Оби и Енисеѣ: больше грязи и нечистоты, еще меньше искусства и умѣнья; соли также употребляютъ меньше, такъ какъ она не дешева. Въ 70 верстахъ ниже Обдорска открыто отдѣленіе консервной фабрики Плотникова, гдѣ работаетъ десятка три рабочихъ, нанятыхъ въ Вятской губ. Подобная фабрика существуетъ въ Приморской области (Грюнфельда) на Камчаткѣ. Сибирскіе мелкіе рыбопромышленники вообще создаютъ свое благосостояніе посредствомъ всевозможныхъ обмановъ и притѣсненій какъ своихъ рабочихъ, такъ особенно мѣстныхъ инородцевъ: рыба пріобрѣтается ими отъ инородцевъ почти даромъ, главнымъ образомъ путемъ обмѣна на муку, чай, сахаръ, соль, ситцы, холстъ, пуговицы и т. п.; этотъ „остяцкій товаръ“ отличается своими высокими цѣнами и очень плохими качествами; употребляются фальшивые вѣсы, и при обмѣнѣ постоянно происходитъ спаиваніе водкой, обыкновенно сдобренной какимъ-нибудь одурманивающимъ веществомъ. Самые крупные рыбопромышленники, конечно, не употребляютъ подобныхъ способовъ, но и ихъ расцѣнка инородческой рыбы очень низка.

Инородцы не имѣютъ бочекъ, не имѣютъ соли, не умѣютъ даже солить рыбу, и потому необходимо

должны сбывать ее скупщикамъ за ту цѣну, какую тѣ предлагаютъ имъ, при чемъ всякая торговля сопровождается спаиваньемъ водкой, а товары даются обыкновенно въ кредитъ подъ уловъ будущаго года. При такихъ условіяхъ торговли съ инородцами на Ленѣ могутъ получать большіе барыши только мелкія рыбопромышленныя предпріятія: при помощи торговли спиртомъ, обвѣшиванья, обмѣриванія, при невѣроятныхъ процентахъ на капиталъ въ нѣсколько сотъ рублей мелкіе торговцы и на небольшомъ сравнительно количествѣ вывозимой рыбы наживаютъ большія деньги, а крупное предпріятіе, если только оно не торгуетъ спиртомъ и не употребляетъ мошенническихъ пріемовъ торговли, малодоходно, какъ это и показываетъ фирма Громовыхъ, которая вывозитъ всего 5—6 т. п. рыбы въ годъ и находитъ дѣло очень маловыгоднымъ еще и потому, что рыбы въ Ленѣ вообще мало. Рыбные продукты низовьевъ сибирскихъ рѣкъ не имѣютъ широкаго распространенія, такъ какъ вслѣдствіе плохого, неумѣлаго приготовленія не выдерживаютъ далекой перевозки: съ низовьевъ Оби — въ Тобольскъ и ближайшіе города и уѣзды; съ низовьевъ Енисея — въ Енисейскъ и Красноярскъ, ленскіе—въ Якутскъ и на пріиски олекминскіе и витимскіе. Рыбныя богатства Сибири съ каждымъ годомъ замѣтно умеиьшаются; это наблюдается на Енисеѣ, Оби, Ленѣ, на Ангарѣ, въ озерахъ Барабы и Степного края. Уменьшеніе рыбы, замѣченное въ сибирскихъ рѣкахъ, происходитъ, несомнѣнно, и отъ хищническихъ способовъ ловли, уничтожающихъ много молоди, и, вѣроятно, отъ обмелѣнія верховыхъ притоковъ, гдѣ преимущественно рыба мечетъ икру, а это, въ свою очередь, стоитъ въ связи съ истребленіемъ лѣсовъ; развившееся пароходство также должно дѣйствовать вредно въ этомъ случаѣ, такъ какъ пароходы распугиваютъ рыбу. Въ озерахъ Барабы и Степ-

ного края количество рыбы уменьшается и отъ высыханія самихъ озеръ и отъ усилепнаго истребленія на топливо прибрежныхъ камышей, гдѣ рыба мечетъ икру.

Только въ рѣкахъ отдаленной Камчатки рыбы еще очень много. Во время хода рыбы вверхъ по рѣкамъ для метанія икры ея скопляется столь огромное количество, что въ узкихъ и неглубокихъ мѣстахъ вода буквально кишитъ ею, весла не погружаются въ воду, рыба теряетъ всякій страхъ даже при видѣ людей, собакъ и медвѣдей и только рвется впередъ, на болѣе мелкія мѣста, въ тихіе затоны и въ ключевыя озера, которыя также представляютъ любопытную картину сплошь торчащихъ изъ воды разноцвѣтныхъ плавниковъ, не шевелящихся на поверхности. Тамъ однихъ лососей встрѣчаются 5 видовъ: необыкновенно вкусная и красивая чавыча, красная, горбуша и др. Въ Приморской области ежегодно добывается до 3.700.000 п. по сахалинскому побережью и до 800.000 пуд. по материковому. Почти $^2/_3$ этой рыбы перерабатывается въ тукъ для удобренія и сбывается въ Японію (сельдь).

IV.

Хозяйственная дѣятельность населенія въ связи съ добываніемъ металловъ и минераловъ.

Обширная поверхность Сибири, столь изрѣзанной горными хребтами въ восточной своей части, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ множество металловъ и минераловъ всякаго рода, изъ которыхъ извѣстна и разрабатывается лишь самая незначительная часть, не исключая и золота, хотя его изобиліе въ Сибири и послужило основаніемъ съ 30—40 годовъ называть ее „золотымъ дномъ“. Но золотопромышленность, занимая не болѣе 60 т. человѣкъ и доставляя металла въ настоящее время не болѣе какъ на 22 — 23 м. руб., не

можетъ, конечно, по своимъ размѣрамъ и важности для края стать на одинъ уровень съ земледѣліемъ, основнымъ и главнымъ устоемъ сибирской жизни. Въ западной Сибири золотопромышленность существуетъ въ Акмолинской обл. (въ горахъ Кокчетавскихъ), въ Семипалатинской (по лѣвымъ притокамъ верхняго теченія Иртыша), въ губ. Томской, въ Алтайскомъ горномъ окр. и въ Маріинскомъ уѣзд. (Алтай - „Золотыя горы“ на языкѣ мѣстныхъ инородцевъ). Въ Енисейской губ. слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько мѣстностей, въ которыхъ развита золотопромышленность. На сѣверѣ, въ Енисейскомъ уѣздѣ, двѣ золотопромышленныхъ системы: сѣверная, по лѣвымъ притокамъ нижняго теченія Подкаменной Тунгуски, и по правымъ— впадающаго въ Енисей Большого Пита; южная система расположена по лѣвымъ притокамъ послѣдней рѣки и по правымъ Ангары. Всѣ эти притоки быстры вслѣдствіе крутого паденія, мелководны лѣтомъ и переполнены водой весной и при сильныхъ дождяхъ. И то и другое обстоятельства представляютъ немалое препятствіе для мѣстной золотопромышленности. Изъ прочихъ уѣздовъ Енисейской губ. золотопромышленность болѣе развита въ Ачинскомъ и въ Минусинскомъ. Забайкальская золотопромышленность наиболѣе развита въ Баргузинскомъ и Нерчинскомъ уѣздахъ. Въ Амурской области золото встрѣчается по притокамъ Зеи и Буреи. Ленскій горный округъ, недавно перечисленный въ административномъ отношеніи изъ Якутской области въ Иркутскую губ., ленско-витимскимъ водораздѣломъ дѣлится на двѣ золотопромышленныхъ системы: южную, по правымъ притокамъ Витима (витимская), и сѣверную, въ бассейнѣ рѣки Олекмы (олекминская). Здѣсь находятся самые богатые пріиски во всей Сибири. Золотоносный пластъ здѣсь не отличается особенной толщиной (въ рѣдкихъ случаяхъ болѣе сажени), а содержаніе золота въ

100 пудахъ колеблется отъ $1^1/_2$ золотниковъ до 12, 18 и даже 23, между тѣмъ какъ въ Енисейскомъ уѣзд. это содержаніе выражается лишь долями и только въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до 1 золотника. Въ Приморской обл. золотопромышленность развита по рѣкѣ Амгуни (въ Удской окр.) и на побережьѣ Охотскаго моря.

Съ 1882—1891 гг. добыча золота въ восточной Сибири въ 9—10 разъ превосходила его количество, добываемое въ западной Сибири, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось уменьшеніе для первой и медленное увеличеніе для второй, но въ общемъ количество добываемаго во всей Сибири золота уменьшается: въ 1882 г.—1.748 п., въ 1891 г.—1.680 п., въ 1897 г. добыто $1.637^1/_2$, слѣдовательно, въ 15 лѣтъ уменьшеніе на 110 пудовъ. Добыча золота въ Енисейскомъ уѣзд. падаетъ: такъ, въ сѣверной тайгѣ съ 1882—1891 г. въ среднемъ получалось почти 95 п., а съ 1892—1899 г.—всего по $69^1/_2$ п. Въ 1901 г. добыто не болѣе 40 п. То же самое нужно сказать о Забайкальѣ и Амурской обл. Въ послѣдней еще въ 1896 г. 134 пріиска дали 410 п., а въ 1898 г. 158 пріисковъ—всего 358 п. Амгунскіе пріиски также упали. Впрочемъ, въ 1901 г. въ области добыто $423^1/_2$ п. золота на 177 пріискахъ. Нѣкоторыя очень прочныя прежде золотопромышленныя компаніи уже объявили себя несостоятельными, какъ нимандская и бодайбинская. Даже олекминско-витимскіе пріиски уже не даютъ своимъ владѣльцамъ такихъ огромныхъ доходовъ, какъ раньше, а на нѣкоторыхъ годовая операція заканчивается съ убытками. Только вблизи побережья Охотскаго моря, въ Приморской обл., золотопромышленность начинаетъ замѣтно расти: въ 1896 г. 14 пріисковъ дали 82 п. золота, а въ 1898 г. на 25 пріискахъ добыто $164^1/_2$ пуд. Причина упадка золотопромышленности въ Сибири заключается въ естественномъ истощеніи прежнихъ мѣсторожденій и отсутствіи

новыхъ богатыхъ открытій. Слухи объ открытіи очень богатаго золота въ Нерчинскомъ уѣздѣ, по Алдану, по Теѣ въ Енис. уѣз. еще недостаточно провѣрены. Золото въ Сибири встрѣчается или въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ (рудное, жильное золото, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Томской губ., особенно въ Маріинскомъ уѣз., въ Енисейскомъ уѣз. по р. Рыбной, въ Забайкальѣ, въ Амурской обл.), но гораздо чаще оно добывается изъ розсыпей. Розсыпное золото нужно считать самымъ распространеннымъ въ Сибири (рис. 58).

Пріиски расположены въ мѣстностяхъ таежныхъ и трудно доступныхъ, особенно лѣтомъ: таежная тропа вьется или по болотамъ, на которыхъ кое-какъ накиданы гати, или по густому лѣсу, часто завалена буреломомъ, черезъ который съ трудомъ пробираются

Рис. 58. Машина и „разрѣзъ“ пріиска въ енисейской тайгѣ.

привычныя таежныя лошади. Ѣзда по этимъ тропамъ возможна или верхомъ, или на „волокушахъ“: двѣ длинныя жерди передними концами прикрѣпляются

къ хомуту лошади, а задними волочатся по землѣ; между жердями устроено сидѣнье въ родѣ люльки. Черезъ 30—40 в. такой утомительной дороги попадаются „зимовья“: домъ на расчищенной отъ лѣса поляшѣ, конюшня, казармы для рабочихъ. Всюду грязь, запущенность, разбитыя окна. На зимовьяхъ почуютъ партіи рабочихъ, отправляющихся на пріиски, и пріисковые служащіе, такъ какъ почью ѣзда по тайгѣ невозможна. Здѣсь же мѣняются лошади, и на „половинкахъ“, маленькихъ хижинахъ въ лѣсу, имъ дается только кратковременный отдыхъ. Самые пріиски расположены въ широкихъ долинахъ между горами, гдѣ протекаютъ рѣчки. Видъ самого пріискового стана далеко не одинаковъ: иногда это куча почернѣвшихъ или совсѣмъ новенькихъ деревянныхъ домовъ—помѣщеніе для служащихъ, конюшня, баня, казармы для рабочихъ; иногда это цѣлая „резиденція“ съ церковью, хорошо устроенной больницей, изрѣдка даже и школой, съ хорошими постройками (рис. 59). Такихъ „резиденцій“, конечно, очень немного, преимущественно въ олекминско-витимской тайгѣ и въ Амурской области. Обыкновенно капитальныхъ построекъ на пріискахъ не возводятъ, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мѣсторожденіе истощится, пріискъ переносится на другое мѣсто. Въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ ведутся только открытыя работы разрѣзами, такъ какъ розсыпи съ глубоко-лежащими пластами тамъ не разрабатываются вслѣдствіе дороговизны лѣса для укрѣпленія подземныхъ выработокъ и благодаря теплому климату, который позволяетъ производить разработку песковъ съ апрѣля по октябрь. Рабочіе-киргизы здѣсь живутъ на пріискахъ съ семьей, со всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ и скотомъ. Отработавъ въ день урокъ, киргизъ идетъ въ свою юрту, домой, къ своей семьѣ, и остается дома до слѣдующаго утра. Кончились операціи, и киргизъ-рабочій двигается къ

зимовкѣ. Такое передвиженіе ихъ въ Акмолинской обл. не превышаетъ 15 — 20 в., а въ Семипалатинской— 40—60 в. Русскіе здѣсь занимаютъ мѣста кузнецовъ, плотниковъ, шорниковъ. Прежде чѣмъ основать пріискъ, развѣдочная партія производитъ „развѣдки“: рядами, поперекъ направленія развѣдываемой долины, закладываютъ „шурфы“: выкапываются глубокія квадратныя ямы, чтобы опредѣлить толщину „торфовъ“, наноснаго, не содержащаго золота поверхностнаго слоя, и величину, направленіе и богатство золотоноснаго пласта. Шурфы закладываются осенью, когда вода изъ нихъ выкачивается простымъ ручнымъ насосомъ, а зимой она удаляется посредствомъ вымораживанія; въ послѣднемъ случаѣ, дойдя до воды, углубленіе пріостанавливаютъ, и „шурфъ“ на нѣсколько дней оставляютъ открытымъ, оберегая отъ снѣга. Когда „шурфъ“ достаточно промерзнетъ, на днѣ его раскладываютъ костеръ, продолжаютъ углубленіе снова до воды и т. д. Если промывка цѣлаго ряда „торфовъ“ въ какой-нибудь мѣстности укажетъ на достаточное содержаніе золота, то въ этомъ мѣстѣ основывается пріискъ. Мѣсто, занятое пріискомъ осенью или ранней весной, когда нѣтъ кругомъ скрашивающей зелени, представляетъ страшную и грустную картину: здѣсь словно прошелъ азіатскій завоеватель, истребившій все и перевернувшій даже самое почву, или случился какой-нибудь страшный подземный переворотъ, всколыхнувшій землю: огромное пространство покрыто безпорядочно разбросанными холмами и оврагами. Это „разрѣзы“ и „отвалы“ (рис. 60). „Разрѣзы“ дѣлаются при „вскрышныхъ“ работахъ, когда вскрываютъ верхній слой земли, „торфа“, чтобы добраться до песчанаго золотосодержащаго пласта. Толщина этихъ „торфовъ“ бываетъ весьма различна и достигаетъ нѣсколькихъ саженъ, а для олекминской тайги—до 20—30 саженъ; если къ этому прибавить еще углубленіе въ золотоносномъ

пластъ, то получится глубокій оврагъ шириной въ нѣсколько десятковъ саженъ, а длиной въ $^1/_2$ версты и больше. Бока оврага опускаются уступами въ нѣ-

Рис. 59. „Резиденція“ крупной золотопромышленной компаніи.

сколько рядовъ и по мѣрѣ разработки уступы все суживаются, а „пески“ накладываются въ таратайки и отвозятся къ золотопромывальной машинѣ, возвышающейся надъ долиной, какъ остовъ какого-то страннаго зданія. Изъ „торфовъ“ и выработанныхъ „песковъ“ и образуются искусственные холмы на пріискахъ, „отвалы“. „Пески“—грязно-сѣрый глинистый или иловатый песокъ, переполненный обломками различныхъ породъ. Вскрытіе „торфовъ“ ведется осенью и зимой или одновременно съ добычей „песковъ“, т.-е. весной и лѣтомъ, или немного раньше, а разработка „песковъ“ лѣтомъ идетъ одновременно съ промывкой (рис. 61).

Если толщина „торфяного“ пласта слишкомъ велика (больше чѣмъ въ 5 разъ толще золотоноснаго пласта), „пески“ добываются „ортами“, горизонтальными коридорами въ глубь земли съ боковъ „разрѣза“, или шахтами—вертикальными колодцами съ поверхности земли. Главный коридоръ называется „проходной“ ортой и болѣе старательно укрѣпляется бревнами отъ обваловъ.

По сторонамъ отъ главнаго коридора идутъ меньшіе, означаемые нумерами. Въ стѣнѣ главнаго коридора дѣлаются просѣчки, „забои“, которые и начинаютъ собой боковые коридоры. Прежде чѣмъ начать работу въ „забоѣ“, берутъ пробу содержанія работы въ его „пескѣ“. Врубаясь въ землю, рабочіе ставятъ подставки изъ бревенъ, чтобы избѣжать обваловъ. Въ душныхъ, сырыхъ коридорахъ, еле освѣщенныхъ во время работы свѣчами, слышатся только глухіе удары кайлъ, ломовъ и лопатъ о землю; земля сваливается въ тачки и по „выкатамъ“, продольнымъ доскамъ, постланнымъ на сырой землѣ, иногда покрытой водой,—вывозится „откатчиками“ къ выходу изъ орты, гдѣ складывается въ таратайки и отвозится на золотопромывальную машину. Ортовыя работы производятся круглый годъ, а промывка „песковъ“ изъ „отваловъ“—лѣтомъ, когда вода не замерзаетъ. Въ дождливые, холодные дни, столь не рѣдкіе въ тайгѣ и лѣтомъ, видъ разрѣза въ рабочее время малопривлекателенъ: по грязной дорогѣ въ разрѣзѣ плетутся усталыя лошади, утопая въ грязи, изъ отверстій орть выползаютъ блѣдные, изнуренные люди въ лохмотьяхъ, выкатывая тачки съ пескомъ. Только наиболѣе богатыя золотопромышленныя компаніи по Витиму, Олекмѣ и въ Амурской области ввели перевозку „песковъ“ въ вагончикахъ по рельсамъ; тамъ пески, галька и торфъ также перевозятся посредствомъ разныхъ усовершенствованныхъ способовъ: переносными желѣзными дорогами, безконечными стальными канатами и т. п. Дороговизна лошадей (около

Рис. 60. Работы въ „разрѣзѣ“.

200 р.) въ этихъ мѣстностяхъ и ихъ частые падежи заставляютъ золотопромышленниковъ прибѣгать къ механическимъ двигателямъ. Машины и вообще усовер-

Рис. 61. „Орта“.

шенствованныя орудія производства могутъ примѣняться въ Сибири лишь очень богатыми компаніями, а большинству они недоступны по ихъ цѣнѣ, трудности и дороговизнѣ провоза и невозможности ремонтировать ихъ въ случаѣ поломки вслѣдствіе отсутствія по близости машиностроительныхъ заведеній и свѣдущихъ механиковъ. На сибирскихъ пріискахъ до сихъ поръ приняты золотопромывальныя машины прежней бочечной системы, приводимыя въ дѣйствіе водой посредствомъ наливныхъ колесъ. Вода къ нимъ проводится или по канавамъ, или по деревяннымъ жолобамъ („сплоткамъ“). Эти „сплотки“ на сваяхъ иногда въ 6—7 саженъ высотой пересѣкаютъ лощину, въ которой рас-

положенъ пріискъ, и проводятъ къ машинѣ воду изъ рѣчки, иногда немного подпруженной. „Пески“ изъ „отваловъ“ или прямо изъ „разрѣза“ на таратайкахъ втягиваются лошадьми на „полокъ“, плоскую крышу машины, сваливаются въ отверстіе („люкъ“), изъ котораго черезъ рукавъ попадаютъ въ громадную желѣзную бочку, суживающуюся къ „люку“ и всю усѣянную мелкими дырочками. Бочка, прикрѣпленная къ колесу, приводимому въ движеніе водой, вертится, какъ жернова на мельницѣ, при чемъ „эфеля“ (промываемые пески и галькн) и золото, омываемые водой изъ подвижныхъ рукавовъ, находящихся позади бочки, попадаютъ въ дырочки и несутся по наклонному полу машины, „шлюзу“ („плоскань“). Песокъ увлекается водой по „шлюзу“, вываливается въ особые люки, и золото, какъ болѣе тяжелое, остается въ верхней части „шлюза“ („головка“) подъ желѣзными листами или у деревянныхъ перекладинъ въ родѣ рѣшетокъ („трафаретъ“). Но здѣсь блестящія крупинки золота перемѣшаны еще съ оставшимися эфелями и мелкими, наиболѣе тяжелыми обломками горныхъ породъ („шлихи“). Оно еще разъ промывается („доводится“), чаще на „вашгердѣ“, гдѣ окончательно очищается отъ всѣхъ посторонпихъ примѣсей. „Вашгердъ“ представляетъ собой пологонаклонный ящикъ шириной до 2 аршинъ; въ его верхней части устроена перегородка изъ досокъ; въ этотъ „дворикъ“ вливается изъ ручья вода, и черезъ край перегородки ровно стекаетъ по вашгерду, гдѣ находится очищаемое золото. Вода уноситъ послѣдній песокъ, а оставшійся „шлихъ“ отдѣляютъ отъ золота лопаточкой, пальцами и магнитомъ. Въ такихъ вашгердахъ производятся и пробы изъ „забоевъ“. Золото снимается со шлюза дважды въ день. Послѣ промывки на вашгердѣ золото сушатъ и относятъ въ пріисковую контору, взвѣшиваютъ и записываютъ въ особую книгу (рис. 62 и 63). Если „пески“ очень вязки, т.-е. если въ

нихъ содержится много глины, то въ бочкахъ приспособляютъ особаго устройства приборъ въ видѣ подвижныхъ пожей для раздробленія крупныхъ камней, и послѣ этого пески уже поступаютъ въ шлюзъ. Для улавливанія мельчайшихъ частицъ золота въ нижнемъ концѣ шлюза кладутся мѣдные листы, натертые ртутью. Добываніе рудпаго золота посредствомъ измельченія рудъ въ толчеяхъ и потомъ промывки ихъ на шлюзахъ, мокрымъ (амальгамаціоннымъ) путемъ, посредствомъ хлора, а также химическимъ ціанистымъ кали, распространено въ Сибири очень мало вслѣдствіе дороговизны машинъ и химическихъ приспособленій.

Въ самое послѣднее время въ Сибири начала примѣняться разработка розсыпного золота посредствомъ драгъ. Драга—машина, которая сама добываетъ и промываетъ золотоносныя почвы и помѣщается на золотоносныхъ рѣчкахъ. Теперь въ Сибири нѣсколько драгъ (преимущественно въ южной енисейской тайгѣ). Драга дѣлаетъ ненужнымъ снятіе торфовъ и выемку песковъ ручнымъ способомъ, чѣмъ чрезвычайно сокращаетъ число служащихъ и рабочихъ. Напр., для выработки драгой 60 куб. саженъ земли въ день нужно не болѣе 17 рабочихъ. При старомъ же способѣ разработка такого количества требуетъ не менѣе 120—150 человѣкъ—значитъ, драга во много разъ удешевляетъ производство, слѣдовательно, снимаетъ съ дѣла самые значительные накладные расходы и поэтому даетъ полную возможность разработывать площадь съ ничтожнымъ долевымъ содержаніемъ золота. Неудобства драги заключается въ томъ, что она требуетъ розсыпей, бѣдныхъ крупными обломками, при которыхъ она легко ломается, и вообще она пригодна только при такомъ грунтѣ, который можетъ вычерпывать, т.-е. такомъ, который свободно входитъ въ ея черпаки. Кромѣ того, драга, не улавливая мельчайшихъ частицъ золота, заваливаетъ ихъ выработанными породами, такъ что

Рис. 62. Золотопромывальная машина съ галечнымъ приводомъ.

послѣ нея переработка отваловъ невозможна, между тѣмъ какъ теперь они съ пользой перемываются по 2—3 раза. Наконецъ, для успѣшнаго пользованія драгой на сибирскихъ рѣчкахъ должны быть произведены предварительные опыты, чтобы извѣстнымъ образомъ приспособить ее, принявъ во вниманіе мѣстныя климатическія и др. условія. По причинѣ большой стоимости ея (60—100 т. р.) средніе золотопромышленники соединяются въ компаніи для веденія промысла посредствомъ драги (рис. 64 и 65). Пріисковые рабочіе раздѣляются на забойщиковъ, тачечниковъ, откатчиковъ, конюховъ, плотниковъ и простыхъ рабочихъ („поторжныхъ"), которые получаютъ жалованье меньше первыхъ. Жалованье простыхъ рабочихъ неодинаково въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири: меньше всего въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ и больше всего по Витиму, Олекмѣ, въ Амурской и Приморской областяхъ. Составъ рабочихъ представляетъ крайнюю пестроту во всѣхъ отношеніяхъ: ссыльно-поселенцы (больше всего), крестьяне-старожилы, крестьяне-новоселы; старые и молодые; русскіе, татары, черкесы, поляки, киргизы (въ Степномъ краѣ), буряты (въ Забайкальѣ), китайцы и корейцы (въ Приамурьѣ). Рабочіе нанимаются по контрактамъ на весь годъ и приходятъ на пріиски сами. Кромѣ мѣсячнаго жалованья, рабочіе получаютъ „положеніе"—извѣстное количество въ мѣсяцъ муки, кирпичнаго или байховаго чая, крупы и мяса, свѣжаго или сушенаго, масла или сала, или находятся исключительно на своемъ содержаніи. Свѣжаго мяса дается отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. въ день. Кромѣ того, рабочіе получаютъ ежедневно по окончаніи работъ $^1/_{100}$ ведра спирта, разведеннаго водой. Разные мануфактурные товары и сахаръ продаются въ пріисковыхъ лавкахъ, принадлежащихъ владѣльцамъ пріисковъ. Не только мелкіе, но и средніе золотопромышленники очень дорожатъ этими лавками, потому что

Рис. 63. Золотопромывальная машина.

получаютъ отъ нихъ большіе барыши: дешево пріобрѣтая очень плохой товаръ, они продаютъ его рабочимъ по очень высокимъ цѣнамъ. Рабочій день на пріискахъ начинается въ 3 час. утра и продолжается 14—15 часовъ съ двумя перерывами, для чая и обѣда. Праздниковъ не было раньше, за исключеніемъ 3-хъ дней Пасхи, 2-хъ Рождества и 1-го Троицы, кромѣ двухъ обязательныхъ отдыховъ по дню въ мѣсяцъ; теперь число дней для отдыха увеличилось, хотя неодинаково для разныхъ мѣстностей. Рабочій, окончившій „урокъ“ раньше обычнаго времени, можетъ заняться „старательской“ работой уже за особое вознагражденіе, а находящіе самородки, „подъемное“ золото, сдаютъ его по $2^1/_2$—$3^1/_2$ руб. золотникъ въ пріисковую контору (рис. 66). Крупныхъ золотопромышленниковъ вообще немного, но зато велико число мелкихъ, которые берутъ деньги у тѣхъ же крупныхъ золотопромышленниковъ въ кредитъ для обстановки пріисковъ, найма рабочихъ и пр. и въ концѣ-концовъ получаютъ самые ничтожные барыши, и то лишь въ удачные годы. Иногда мелкіе золотопромышленники лишь для вида устраиваютъ свои пріиски, но только подлѣ многолюдныхъ и богатыхъ пріисковъ; самая промывка золота происходитъ тамъ опять только для вида, а на самомъ дѣлѣ такой золотопромышленникъ тайкомъ продаетъ спиртъ рабочимъ сосѣдняго большого пріиска и покупаетъ у нихъ краденое золото, и то больше за спиртъ.

Очень часто такой мелкій золотопромышленникъ, арендовавъ пріисковую площадь, сдаетъ ее артелямъ „золотничниковъ“ изъ нѣсколькихъ человѣкъ каждая; онъ указываетъ имъ мѣсто для работъ, учреждаетъ за ними надзоръ для того, чтобы все добытое золото они сдавали только ему, получая по 1 р. 25 к. и рѣдко 3 р. за золотникъ. Золотничники сами должны заботиться о своемъ пропитаніи, сами строить жилье и завести „бутарки“—простые вашгерды, только немного

Рис. 64. Драга.

побольше. Золотничники гораздо менѣе обезпечены, чѣмъ контрактовые рабочіе, и вообще ихъ положеніе поэтому гораздо хуже; привлекательно только отсут-

Рис. 65. Драга.

ствіе подневольнаго труда и бо̀льшая возможность найти хорошее „подъемное“ золото. Промывка золота на лоткахъ и бутаркахъ выгодна для самостоятельнаго рабочаго въ случаѣ удачной находки. Золотничничество развивается съ сокращеніемъ крупныхъ предпріятій.

Въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ таежныхъ мѣстностяхъ, на Олекмѣ, Витимѣ и въ Приамурьѣ, развилась „летучка“ — совершенно самостоятельныя артели бродячихъ искателей золота, которыя обыкновенно работаютъ на старыхъ, заброшенныхъ пріискахъ. „Летучка“ сдаетъ свое золото на сосѣднихъ пріискахъ по соглашенію, а все необходимое пріобрѣтаетъ у ближайшихъ поставщиковъ. Мѣстный горный надзоръ преслѣдуетъ этихъ вольныхъ золотопромышленниковъ, называя ихъ „хищниками“, только портящими мѣсто-

рожденія золота; но зато почти всѣ крупныя открытія золота сдѣланы „летучкой“.

Пріисковыя работы дѣйствуютъ вообще очень вредно на здоровье рабочихъ: въ ортахъ иногда приходится работать по ступню въ холодной водѣ (если протекаетъ горный ключъ), во время работъ въ глубинѣ орты становится такъ жарко, что необходимо снимать одежду, а при выходѣ вспотѣвшихъ рабочихъ часто охватываетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Обыкновенной болѣзнью весной на пріискахъ бываетъ цынга, которая свирѣпствуетъ съ февраля по іюнь. Отдаленное путешествіе рабочихъ на пріиски и сильное пьянство дорогой дѣлаютъ ихъ очень воспріимчивыми къ цынгѣ. Къ ней располагаетъ также и солепое мясо, которое въ это время обыкновенно дается рабочимъ въ пищу.

Рис. 66. Работы старателей.

Съ наступленіемъ теплыхъ дней и съ появленіемъ зелени и ягодъ цынга исчезаетъ. Отъ цынги особенно помогаетъ употребленіе въ пищу „черемши“ (полевой

чеснокъ). Больные употребляютъ черемшу въ сыромъ и вареномъ видѣ, во щахъ, натираются ей и скоро выздоравливаютъ. Вслѣдствіе лучшихъ условій жизни рабочихъ случаи цынги въ олекминской тайгѣ крайне рѣдки. Но зато на олекминско-витимскихъ пріискахъ частой болѣзнью являются желудочныя заболѣванія (ленточная глиста отъ мяса якутскаго скота) и всюду при вскрытіи нетронутаго слоя почвы — перемежающаяся лихорадка. Помѣщенія, въ которыхъ живутъ рабочіе, вызываютъ въ зимнее время разныя ревматическія и простудныя заболѣванія. Казармы строятся наскоро изъ сырого лѣса, кладется промерзлый мохъ, т.-к. ихъ нужно соорудить какъ можно скорѣе и дешевле. Съ теченіемъ времени стѣны просыхаютъ, ихъ разрываетъ, образуются щели, чрезъ которыя свободно проникаютъ вѣтеръ и холодъ. Отопляются казармы желѣзными печками, которыя по вечерамъ страшно нагрѣваютъ воздухъ; рабочіе во снѣ раскидываются, а къ утру просыпаются въ страшномъ холодѣ. Рабочіе живутъ въ сильной скученности и спятъ на нарахъ головами къ холодной стѣнѣ, а ногами къ печамъ. Тутъ же просыхаютъ мокрая одежда и обувь рабочихъ. Отъ желѣзныхъ печей развивается сильный угаръ. Въ казармахъ страшная нечистота, грязь, удушливый воздухъ. Больницы хотя и обязательны на пріискахъ, но лишь немногія снабжены достаточнымъ количествомъ лѣкарствъ, удобны и имѣютъ хорошихъ фельдшеровъ. Только очень крупныя золотопромышленныя компаніи имѣютъ отдѣльныхъ врачей, а средніе и мелкіе золотопромышленники приглашаютъ врача на общій счетъ по раскладкѣ, сообразно съ числомъ рабочихъ. Вообще хорошая постановка лѣчебной части на пріискахъ доступна только для очень крупныхъ компаній, и эта сторона пріисковой жизни должна за послѣднее время ухудшиться, потому что такія крупныя предпріятія, какъ Верхне-Амурская, Зейская,

Ниманская компанія, Ленское товарищество, терпѣли въ послѣднее время убытки и сокращали производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число мелкихъ золотопромышленниковъ, получающихъ свой главный доходъ отъ золотничковъ, которымъ они не обязаны подавать врачебную помощь. Во время самыхъ работъ жизни и здоровью рабочихъ угрожаетъ не мало опасностей: паденіе бады при шахтовыхъ работахъ, обрушеніе отваловъ, паденіе земли въ ортахъ, заливаніе ихъ водой, очень частые ушибы, паховыя и бедренныя грыжи отъ возки тачекъ и таратаекъ. Во время работъ въ разрѣзахъ въ легкія рабочихъ попадаетъ органическая и минеральная пыль и производитъ иногда легочныя заболѣванія. Въ лѣтній зной, утомленный тяжелымъ трудомъ, рабочій иногда бросается для освѣженія въ горный ключъ съ ледяной водой и получаетъ „ломоту“ (ревматизмъ). Большинство рабочихъ, кромѣ того, страдаетъ отъ неумѣреннаго употребленія водки, которую они пьютъ и для согрѣванія и для веселья; отравленія водкой чаще всего бываютъ лѣтомъ, когда въ окрестностяхъ пріисковъ показываются „спиртоносы“, которымъ рабочіе продаютъ за водку краденое золото. Очень здоровый лѣтомъ воздухъ тайги много помогаетъ рабочимъ въ ихъ трудныхъ и продолжительныхъ работахъ (рис. 67).

Вліяніе пріисковъ на нравственность рабочихъ и окрестнаго населенія нельзя назвать хорошимъ. Прежде всего, самый порядокъ пріисковой жизни располагаетъ къ пьянству. Получаемые иногда задатки рабочіе обыкновенно пропиваютъ въ мѣстахъ, откуда они направляются въ тайгу и гдѣ для нихъ всегда бываетъ приготовлено множество соблазновъ; пьянство продолжается во время прохода по „зимовьямъ“, гдѣ всегда происходитъ тайная торговля водкой. На крупныхъ пріискахъ рабочіе сбываютъ краденое золото сосѣднимъ мелкимъ золотопромышленникамъ, а въ-

лѣтнее время—спиртоносамъ. Такъ какъ большинство пріисковыхъ рабочихъ, особенно въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ, состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ, испорченныхъ и развращенныхъ во время своей тюремной и бродячей жизни, то ихъ примѣръ дѣйствуетъ самымъ вреднымъ образомъ на остальныхъ рабочихъ изъ старожиловъ и новоселовъ: они соблазняются примѣрами дикихъ кутежей ссыльно-поселенцевъ въ подтаежныхъ селеніяхъ по выходѣ съ пріисковъ, привыкаютъ къ азартнымъ карточнымъ играмъ; всѣ поступки и сужденія ссыльно-поселенцевъ вообще страшно развращаютъ остальныхъ рабочихъ. Старые пріисковые рабочіе, пьянствующіе, смѣлые и испорченные, называются на пріискахъ вообще „Иванами“, отчего образовалось и слово „иваниться“ („ты, братъ, не иванись! Куда тебѣ: молодъ еще!“). Отношенія между рабочими и пріисковыми служащими также только портятъ ту и другую стороны: недовѣріе, презрѣніе и жестокость со стороны управляющей части и постоянное стремленіе къ всевозможнымъ обманамъ со стороны управляемыхъ. Пріиски вызываютъ появленіе „спиртоносовъ“, которые лѣтомъ, не боясь ни страшныхъ таежныхъ мошекъ и комаровъ ни встрѣчи съ медвѣдями и казаками, пробираются туда со своимъ запрещеннымъ товаромъ. Часто спиртоносы убиваютъ другъ друга, чтобы не дѣлиться добычей. Ближайшія селенія вполнѣ испытываютъ вредное вліяніе пріисковъ: крестьяне начинаютъ забрасывать сельско-хозяйственные промыслы, какъ менѣе для нихъ доходные на первый взглядъ; каждый домъ превращается въ кабакъ; вышедшихъ изъ тайги „пріискателей“ всячески стараются споить и обобрать, а то и просто обокрасть; женское населеніе деревни замѣтно портится. Въ населеніи развиваются венерическія болѣзни. Отъ близости пріисковъ особенно страдаютъ инородцы, т. к. легко получаютъ тамъ пагубную для нихъ водку;

напр., бирюсинскіе промыслы (въ Канск. и Нижнеуд. уѣз.) много способствовали почти полному исчезновенію карагасовъ. Вредное вліяніе пріисковъ ослабляется

Рис. 67. Типы рабочихъ на пріискахъ.

тѣмъ, что они по большей части расположены въ мѣстностяхъ отдаленныхъ, трудно доступныхъ, съ скуднымъ окрестнымъ населеніемъ. На хозяйственную жизнь Сибири вообще золотопромышленность оказываетъ замѣтное вліяніе, доставляя занятія и заработокъ 40—50 тысячамъ рабочихъ и нѣсколькимъ тысячамъ горныхъ служащихъ и ежегодно оставляя въ странѣ 12—15 мил. руб. въ видѣ заработной платы, вознагражденія за хлѣбъ, мясо и др. поставляемые на пріиски продукты, и прибыли мѣстныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Благодаря капиталамъ, собраннымъ золотопромышленностью, стало возможно основаніе въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири большихъ учебныхъ, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ заве-

деній и больницъ. При помощи золотопромышленниковъ по Ленѣ появился цѣлый рядъ школъ.

Сравнительно съ золотомъ, всѣ прочіе металлы и минералы въ Сибири, можно сказать, совсѣмъ не тронуты. Серебро въ соединеніи съ свинцомъ встрѣчается въ Киргизской степи, особенно въ Семипалат. обл.; на Алтаѣ, въ Салаирѣ и Зыряновскѣ, и въ Нерчинскомъ окр. Серебра добывается въ Сибири всего нѣсколько сотъ пудовъ. Мѣди хотя и много въ Киргизской степи, а также и въ др. частяхъ Сибири, однако ея разработка ничтожна, хотя въ Акмолин. обл. недавно основаны 2 мѣдноплавильныхъ завода. Почти то же нужно сказать и о столь полезномъ и распространенномъ металлѣ, какъ желѣзо: хотя оно и встрѣчается въ очень многихъ мѣстностяхъ, но разработывается всего въ 4—5 мѣстахъ, гдѣ существуютъ желѣзодѣлательные заводы — на Алтаѣ, въ Минус. уѣздѣ, въ Иркут. губ. и въ Забайкальѣ. Каменный уголь встрѣчается рѣшительно во всей Сибири отъ Степного края до устьевъ Лены, отъ Камчатки до Сахалина. Особенно богатыя залежи угля извѣстны въ Семипалатинской обл. около Павлодара и на Алтаѣ, въ Кузнецкой каменно-угольной котловинѣ (площадь въ 40.000 кв. верстъ съ углемъ очень хорошаго качества). Нужно также отмѣтить Черемховскій бассейнъ около Иркутска. По Чулыму, Нижней Тунгускѣ, Абакану, по нижнему теченію Лены и Вилюя, за Байкаломъ — всюду находятся богатыя залежи каменнаго угля. Правильная и широко поставленная разработка угля въ Сибири существуетъ теперь въ Черемховѣ (до 6000 кв. в.), въ Судженкѣ, около Марінска (до 1000 кв. в.) и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Соль хотя и находится въ Сибири во многихъ мѣстностяхъ въ самосадочныхъ озерахъ, соляныхъ источникахъ и пластахъ, однако годовая ея добыча не превышаетъ 2—3 милліоновъ пудовъ, чего недостаточно даже для нуждъ мѣстнаго

населенія. Самосадочныя озера разбросаны въ степныхъ частяхъ западной Сибири (Коряковское въ Семипалатинской области, Боровыя, Мармышанскія и Бурлинскія въ Томской губерніи—самыя обширныя и наиболѣе производительныя). Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ соль добывается изъ соленыхъ источниковъ (Усолье, близъ Иркутска). Пласты каменной соли расположены въ Якутской области, по правымъ притокамъ Вилюя. Графитомъ богаты нѣкоторыя части Саянскаго хребта (Алиберовскій рудникъ), берега Нижн. Тунгуски и нѣкоторые ближайшіе къ ней правые притоки Енисея, какъ Курейка, а нефть открыта на Сахалинѣ и на юго-восточномъ берегу Байкала. Цвѣтные драгоцѣнные камни, какъ топазы, аквамарины, тяжеловѣсы, находятся въ Забайкальѣ, въ хр. Адунъ-чолонъ; нефритъ — по р. Бѣлой, притоку Ангары, недалеко отъ Иркутска; Алтай славится своими порфирами и яшмами разныхъ цвѣтовъ (тамъ дѣйствуетъ казенная Колыванская гранильная фабрика, занятая приготовленіемъ вазъ для императорскихъ дворцовъ). Каолинъ и бѣлая глина для фарфоровыхъ издѣлій добывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ Иркутской губ. Въ этой губерніи существуетъ заводъ Перевалова (на р. Бѣлой), приготовляющій недурную посуду.

V.

Кустарные промыслы и обрабатывающая промышленность. — Торговля и пути сообщенія.

Еще лѣтъ 70 — 80 тому назадъ вся деревенская Сибирь, со своимъ крайне скуднымъ населеніемъ, при медленныхъ и затруднительныхъ сообщеніяхъ, не чувствовала никакой потребности въ собственной, мѣстной промышленности, не только въ фабрично-заводской, но и въ кустарной ея формѣ. Все было домашнее, самодѣльное. Каждая многочисленная, не раздѣ-

лявшаяся крестьянская семья собственными силами удовлетворяла свои неприхотливыя потребности въ одеждѣ, обуви, посудѣ и т. п. Крестьянская семья, всегда владѣвшая достаточнымъ количествомъ крупнаго и мелкаго скота, не нуждалась ни въ чемъ покупномъ: дома дѣлались овечьи шубы, кожаныя бродни, ткались холсты и пестряди, грубая ткань изъ овечьей шерсти (шабурша), дѣлались свѣчи (маканцы); при изобиліи лѣса мебель, посуда, телѣги, сани и т. п. дѣлались дома. Такъ какъ „пушнина“ была тогда единственнымъ сырьемъ, которое вывозилось изъ Сибири, то охотничій промыселъ доставлялъ крестьянской семьѣ деньги, необходимыя тогда лишь на уплату податей и покупку чая, впрочемъ, распространеннаго тогда еще не всюду. Съ зарожденіемъ золотопромышленности, сначала, въ 40-хъ годахъ, въ Енисейскомъ округѣ, а потомъ на Алтаѣ и въ приалтайскихъ мѣстностяхъ, въ народномъ обращеніи стало появляться все больше и больше денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и новыя потребности, стремленіе къ новизнѣ. Раздѣлы въ крестьянской средѣ начали становиться явленіемъ обычнымъ, такъ что крестьянской семьѣ стало уже невозможно собственными силами удовлетворять свои потребности, къ тому же разросшіяся: работниковъ и работницъ въ семьѣ стало меньше, раздѣленіе труда сдѣлалось менѣе возможнымъ. Падающій пушной промыселъ, развивающееся торговое общеніе, возрастающій наплывъ пришельцевъ, которые сокращали для старожиловъ прежнее безграничное пользованіе окружающими богатствами природы,—все это, съ одной стороны, ограничивало прежніе размѣры домашней промышленности, а съ другой — вызвало появленіе цѣлаго круга лицъ, которыя нашли для себя выгоднымъ и удобнымъ приготовлять для другихъ разные необходимые предметы домашняго обихода въ обмѣнъ или на деньги, или, въ болѣе рѣдкихъ слу-

чаяхъ, на предметы, необходимые имъ самимъ. Такъ возникла въ Сибири кустарная промышленность, которой теперь занимаются отдѣльныя семьи, деревни и даже цѣлыя волости. Очень часто пришельцы изъ Россіи вводили тотъ или другой видъ кустарной промышленности въ очень отдаленныхъ и глухихъ углахъ, какъ это замѣтно, напримѣръ, на Алтаѣ. Кустарная промышленность въ Сибири особенно развита въ Тобольской и затѣмъ въ Томской губерніяхъ. Развитіе кустарной промышленности въ той или другой мѣстности стоитъ въ связи съ упадкомъ тамъ земледѣлія, какъ, напримѣръ, это замѣтно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ишимскаго, Ялуторовскаго и особенно Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ Тобольской губерніи. Въ неурожайные годы кустарныхъ крестьянскихъ издѣлій на рынкѣ появляется больше, и они стоятъ дешевле, и за послѣднее время это чередованіе стало повторяться чаще и чаще. Но въ общемъ, даже и въ Тобольской губерніи кустарное производство сохранило тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ.

Почему въ извѣстной мѣстности развитъ тотъ или другой кустарный промыселъ — это зависитъ отъ ея богатства извѣстными естественными произведеніями, отъ требованія ближайшихъ рынковъ, отъ примѣра сосѣдства. Въ лѣсныхъ уѣздахъ развилось производство деревянныхъ издѣлій; такъ, въ Тюменскомъ, Туринскомъ, Тарскомъ, и Тобольскомъ уѣздахъ развиты: бондарный промыселъ (тамъ, гдѣ больше хвойнаго лѣса), производство ситъ, точеной посуды, мебели, телѣгъ, саней, смолокуреніе. Бійскій уѣздъ, съ его обширными и богатыми кедровшиками, славится производствомъ кедроваго (орѣховаго) масла. На Алтаѣ, богатомъ желѣзомъ, развилось кузнечное и слесарное дѣло, особенно въ Кузнецкомъ и Томскомъ уѣздахъ; примѣръ желѣзоплавильнаго Гурьевскаго завода, а также упраздненнаго теперь Томскаго (въ Кузнецкомъ

уѣздѣ) не мало способствовалъ развитію въ окрестностяхъ желѣзныхъ промысловъ. Производства шерстобитное и пимокатное (приготовленіе валенокъ) развиты особенно въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи, гдѣ разводится много овецъ. Вслѣдствіе примѣра сосѣдняго Урала и обилія получаемаго оттуда желѣза въ сосѣднихъ уѣздахъ Тобольской губерніи, особенно въ Тюменскомъ и Туринскомъ, распространились желѣзные промыслы. Въ Тобольскомъ и Тарскомъ уѣздахъ развилось приготовленіе сѣтей и неводовъ вслѣдствіе близости обскаго рыболовства. Близость пріисковъ на Уралѣ и прилтайскихъ мѣстностяхъ (особенно въ Мариинскомъ уѣздѣ) вызвала въ Тюменскомъ и Томскомъ уѣздахъ усиленное приготовленіе бродней, столь необходимыхъ при пріисковыхъ работахъ.

Укажемъ теперь на главнѣйшіе виды кустарныхъ промысловъ въ Сибири. Кузнечный промыселъ распространенъ въ Тобольской губерніи и на Алтаѣ. Въ Тюменскомъ уѣздѣ изготовляются сохи (Червишевская вол.), въ Курганскомъ и Туринскомъ—сошники, а въ послѣднемъ—также и якоря для рыболововъ. Кирпичный и горшечный промыслы развились около городовъ и большихъ селеній, а въ с. Самаровѣ, при впаденіи Иртыша въ Обь, возникло приготовленіе глиняныхъ „кибасьевъ“ — грузилъ для неводовъ. Бондарнымъ промысломъ иногда занимается до $^2/_3$ жителей нѣкоторыхъ селеній Туринскаго и Тюменскаго уѣздовъ, особенно въ мѣстностяхъ, богатыхъ хвойнымъ лѣсомъ и находящихся въ сосѣдствѣ съ центрами выдѣлки и экспорта масла. (Рис. 68). Рогожно-мочальное производство распространено по всей Тобольской губерніи. Обработка животныхъ продуктовъ, которыхъ такъ много доставляется въ Тобольскую губернію изъ сосѣдняго Степного края, приняла въ губерніи обширные размѣры: развилось шорное и чеботарное производство, приготовленіе кожаныхъ и шерстяныхъ рукавицъ, шерстя-

пыхъ чулокъ (въ одномъ Ялуторовскомъ уѣздѣ приготовленіемъ чулокъ занимается не менѣе 600 семей); въ южной полосѣ губерніи развился шерстобитно-пимокатный промыселъ. Послѣдній промыселъ особенно развитъ на Алтаѣ: изъ 6.700 семей, занимавшихся тамъ еще въ 1887 г. неземледѣльческими промыслами, почти $^1/_4$ (2.030) занята была шерстобитно-пимокатнымъ. Такъ какъ Тюмень представляетъ собою центръ, изъ котораго товары, особенно въ зимнее время, направляются въ сѣверо-восточныя части губерніи, то понятно, почему въ Тюменскомъ уѣздѣ развилось приготовленіе телѣгъ, саней, деревянныхъ частей хомутовъ, такъ что въ пяти западныхъ его волостяхъ этимъ промысломъ занято не менѣе 1.000 семей. Из-

Рис. 68. Приготовленіе корзинъ изъ сосновой дранки.

готовленіе щепного товара (прялки, веретена, корытца и т. п.), развитое и въ Тобольской губерніи, на Алтаѣ занимаетъ не менѣе 1.500 семей и составляетъ вторую

видную отрасль алтайской кустарной промышленности. Лѣсной промыселъ на Алтаѣ развитъ особенно въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ. Въ Каменской волости, Тюменскаго уѣзда, особенное развитіе получилъ коверноткацкій промыселъ, служащій хорошимъ и постояннымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Шерсть, краски и рисунки покупаются коверницами отъ торговцевъ. Прежде ковры окрашивались самодѣльными красками, приготовленными изъ травъ, и красками минеральнаго происхожденія, но онѣ не позволяли разнообразить узоръ и были недостаточны ярки, почему теперь всѣ коверницы перешли къ анилиновымъ покупнымъ краскамъ. Такъ какъ покупные узоры очень дороги (3—5 руб. листъ), то коверницы снимаютъ ихъ другъ у друга, приготовляя эти снимки изъ плохихъ матеріаловъ и тщательно сохраняя ихъ въ своихъ сундукахъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тарскаго уѣзда развитъ особый промыселъ—воспитаніе кошекъ для продажи на мѣхъ; осенью туда пріѣзжаютъ кошатники изъ Червишевской волости, Тюменскаго уѣзда, „кошки на ложки мѣнять“ (ихъ обыкновенно мѣняютъ на фаянсовую посуду — чашку за кошку). Такъ какъ требуются черныя кошки, то въ этихъ мѣстностяхъ онѣ однѣ только и встрѣчаются. Въ Енисейской губ. сельскіе промыслы болѣе развиты въ Минус. уѣздѣ, но главнымъ образомъ не для рынка, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей крестьянъ въ различныхъ необходимыхъ предметахъ (холстъ, деготь, валенки, шубы и т. п.). Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ кустарные промыслы становятся менѣе разнообразными и развитыми, направлены на удовлетвореніе собственныхъ потребностей и сколько-нибудь замѣтны только въ ближайшемъ сосѣдствѣ городовъ. Одни изъ кустарныхъ промысловъ въ Сибири возникли въ очень отдаленное время, сами собой, для удовлетворенія всеобщихъ необходимыхъ потребностей (лѣсные, шуб-

ный и т. п.), другіе завезены переселенцами. Переселенцы ввели производство сельско-хозяйственныхъ орудій (въ Тобол. губ.), гнутой мебели (въ Тар. уѣз.), пимокатство (въ Барн. уѣз.), приготовленіе самопряхъ (въ Тобольск. губ. и на Алтаѣ), приготовленіе конопляшаго масла (въ Змѣиног. уѣз.); они ввели въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тобол. губ. употребленіе особыхъ печей при гонкѣ дегтя вмѣсто прежнихъ ямъ, стали дѣлать болѣе тонкія шерстяныя ткани (въ Тоб. губ.). Лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ Сибири, почти исключительно въ Тоб. губ., кустарные промыслы выдѣлились въ постоянныя и главныя занятія и то не всего населенія, а отдѣльныхъ семей и лицъ, которыя притомъ не всегда забрасываютъ и земледѣльческій трудъ. Такъ, въ Тоб. губ. можно отмѣтить три рода кустарей: 1) кустари „богатыри“, состоятельные, благодаря земледѣлію и занимающіеся кустарничествомъ лишь въ свободное время для увеличенія доходовъ семьи; 2) кустари временные — или совсѣмъ безъ оборотнаго капитала, или съ очень небольшимъ; они занимаются кустарными промыслами только въ трудныя времена, покупаютъ сырье въ долгъ, часто занимаются перекупкой; 3) немногочисленные постоянные кустари, которые часто находятся въ неоплатномъ долгу у скупщиковъ. На Алтаѣ, въ Минус. уѣз., и др. мѣстахъ Сибири кустарныя издѣлія приготовляются собственными силами каждой семьи безъ наемныхъ рабочихъ. Но зато въ Тоб. губ. помощь наемныхъ рабочихъ распространена довольно широко; тамъ есть и мелкія пимокатныя и др. заведенія въ деревняхъ съ наемными рабочими и бродячіе рабочіе: горшечники (въ Тарск. уѣз. женщины-бобылки вырабатываютъ въ домахъ заказчиковъ простую черную посуду) и бродячіе пимокаты (обыкновенно бездомные ссыльные); для нихъ ремесло представляетъ единственный источникъ существованія. Шерстяное и пимокатное производства

дѣйствуютъ вредно на здоровье: они происходятъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, и всѣ обитатели избъ принуждены дышать шерстяной пылью, отчего кажутся истощенными и блѣдными. Смолокуреніе и сидка дегтя порождаютъ глазныя болѣзни отъ постояннаго дыма, а кожевенный и ширстобитно-пимокатный промыслы иногда причиняютъ работающимъ заражепія сибирскою язвой. Вообще кустарная промышленность въ Сибири не получила широкаго распространенія и находится на низшей ступени развитія. Нѣкоторыя отрасли обнаруживаютъ даже склонность къ упадку, и это происходитъ или подъ вліяніемъ замѣны ихъ крупной заводской промышленностью, или отъ вытѣсненія мѣстныхъ издѣлій съ рынка привозными, почти столь же дешевыми, но болѣе красивыми и вообще лучшими кустарными произведеніями изъ Евр. Россіи, или же заводскимъ привознымъ товаромъ. Такъ, особенно въ Тюменскомъ уѣз., кустарное кожевенное производство замѣнилось заводскимъ, хотя приготовленіе издѣлій изъ кожи и осталось въ рукахъ кустарей; многія деревянныя и желѣзныя издѣлія замѣнились привозными, доставка которыхъ по желѣзной дорогѣ стоитъ теперь очень дешево. Такимъ образомъ кустарное производство поддерживается лишь въ самыхъ дешевыхъ и простыхъ издѣліяхъ, соотвѣтствующихъ только вкусу и потребностямъ крестьянства, но въ предметахъ, гдѣ требуется болѣе искусства и красоты, оно уже не можетъ удовлетворять городского покупателя. Кромѣ того, примѣненіе новыхъ лѣсоохранительныхъ правилъ, требующихъ для подѣлокъ на продажу особой попенной платы за лѣсъ, почти всюду объявленный казеннымъ, — почти убило лѣсные промыслы въ Тоб., Енис., Иркут. губ. и на Алтаѣ. Въ Тоб. губ. многія деревни, лежащія въ глубинѣ лѣсовъ, напр., въ Тарск. уѣздѣ, съ неплодородными землями, раньше только и жили лѣсными промыслами, а теперь оказались въ

отчаянномъ положеніи. То же самое повторяется на Алтаѣ и въ Енис. губ. Желѣзная дорога также подорвала нѣкоторые лѣсные промыслы тѣмъ, что окончательно уничтожила прежній извозный промыселъ по бывшему „московскому тракту“. Съ прекращеніемъ извознаго промысла умепьшился спросъ на сани, телѣги и экипажи, въ которыхъ раньше возили грузъ и проѣзжихъ, сократилась прежняя потребность въ смолѣ, дегтѣ, сбруѣ, теплой одеждѣ для ямщиковъ, совсѣмъ почти исчезло „дворничество“ (содержаніе постоялыхъ дворовъ), какъ особый видъ крестьянскихъ промысловъ, и сократились прежнія запашки овса и прежнія требованія сѣна для лошадей ямщицкихъ обозовъ. О прежнемъ значеніи извознаго промысла мы будемъ еще имѣть возможность говорить ниже. Извозный промыселъ сохранилъ свое значеніе лишь на боковыхъ трактахъ, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ пароходнаго движенія (напр., отъ Петропавловска къ югу въ Киргизскую степь, или къ сѣверу, на Ишимъ и Тюмень), или гдѣ оно прекращается зимой на долгое время: напр., въ Якутскую область на лошадяхъ провозится грузовъ не менѣе какъ 400,000 пудовъ при валовомъ заработкѣ въ 360 т. р.

Въ 1904—1905 гг. вновь возродилась доставка грузовъ товаровъ изъ Россіи, такъ какъ желѣзная дорога перестала принимать частные грузы, перевозя войска и казенные грузы для военныхъ надобностей. Конечно, вскорѣ послѣ войны извозный промыселъ снова прекратится.

Однимъ изъ видовъ домашней промышленности въ Сибири нужно считать домашнее тайное винокуреніе. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, при огромныхъ разстояніяхъ отъ селеній съ винными лавками и при обиліи своего хлѣба, который на рынкѣ иногда стоитъ очень дешево и который очень трудно вывозить изъ глуши,— тайное крестьянское винокуреніе является на са-

момъ дѣлѣ однимъ изъ способовъ удовлетворенія потребностей собственными силами, какъ одинъ изъ видовъ сельско-хозяйственнаго домашняго промысла. Эта домашняя водка, „самосидка“, выкуривается на „каштакѣ“, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ около воды. Заквашенная бражка наливается въ чугунный котелъ, который закрывается деревянной кадью или большимъ глинянымъ горшкомъ и замазывается въ мѣстѣ соединенія тѣстомъ или глиной. Котелъ устанавливается на камняхъ, и изъ его крышки подъ острымъ угломъ проводится мѣдная трубка въ глиняный кувшинъ, который ставится въ кадку или корыто съ холодной водой. Подъ котломъ разводится костеръ; бражка начинаетъ кипѣть; изъ нея выдѣляются спиртовые пары, проходятъ по трубкѣ, охлаждаются и струйкой стекаютъ въ кувшинъ. Такъ получается „самосидка“, мутная, желтоватая жидкость, непріятная на вкусъ, съ рѣзкимъ запахомъ вслѣдствіе обилія въ ней сивушныхъ маслъ. Послѣ вторичной перегонки она получаетъ крѣпость градусовъ въ 50 и становится похожей на обыкновенную водку. Приготовленіемъ самосидки занимаются преимущественно женщины. Каштаки иногда устраиваются цѣлымъ обществомъ деревни или выселка, и въ этомъ случаѣ общей собственностью являются лишь орудія производства, а продукты для вышокуренія каждый пайщикъ приноситъ особо и сообразно съ количествомъ принесеннаго получаетъ и количество „самосидки“. Такъ какъ самосидка приготовляется крестьянами не на продажу, а для собственнаго употребленія въ торжественныхъ случаяхъ жизни, то слишкомъ суровыя наказанія за нее не соотвѣтствуютъ проступку, разоряютъ крестьянъ и дѣлаютъ изъ нихъ навсегда плохихъ плательщиковъ податей. Учащающіеся неурожаи въ Сибири сами собой прекратятъ ея производство.

Промышленность обрабатывающая стоитъ въ Сибири на весьма низкой степени и едва ли производитъ ежегодно разныхъ предметовъ милліоновъ на 20 рублей. На первомъ мѣстѣ находятся винокуреніе, пиво- и медовареніе и водочное производство. Болѣе всего заводовъ въ Том. губ. (14), съ производствомъ въ 1901 г. на 1 мил. 200 т. руб.

Паровыя мельницы, заводы крахмальные, паточные, пряничные занимаютъ второе мѣсто. На третьемъ мѣстѣ стоятъ заводы кожевенные. Заводы винокуренные особенно развиты въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Сибири, преимущественно въ Тобольской (33 самыхъ большихъ завода), въ Томской и въ Минусинскомъ уѣз. Енис. губ.

Наиболѣе крупныя мельницы расположены въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ у хлѣбныхъ пристаней (Курганъ, Барнаулъ, Бердское, Тюмень и др.). Кожевенное производство и вообще обработка животныхъ продуктовъ болѣе всего развито въ Тоб. губ., гдѣ, за исключеніемъ 2—3 крупныхъ предпріятій, оно стоитъ вообще на весьма низкомъ уровнѣ: работа всюду производится ручнымъ трудомъ (кромѣ маслодѣльныхъ заводовъ); заводскія зданія представляютъ плетеныя или бревенчатыя постройки, часто безъ половъ, а иногда безъ потолковъ и безъ крышъ; всѣ отбросы оставляются около строеній, и потому всюду вонь и грязь; рабочіе не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній и живутъ тамъ же, гдѣ выдѣлываются кожи, овчины, валенки и т. п. Сырье для обработки часто доставляется заказчиками, крестьянами сосѣднихъ деревень.

Самый большой кожевенный заводъ Сибири находится въ Тюмени, съ оборотомъ въ нѣсколько сотъ тыс. руб. Въ Тоб. же губ. существуютъ и 2 суконныя фабрики, вырабатывающія прочныя и недорогія сукна. Еще одна подобная фабрика находится около Иркутска (Тельминская). Но вообще Сибирь далеко не

отличается разнообразіемъ и количествомъ крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, и въ самое послѣднее время замѣтно не расширеніе ихъ и умноженіе, а, наоборотъ, сокращеніе и исчезновеніе. Такъ, въ Тоб. губ. закрылась единственная на всю Сибирь писчебумажная фабрика Щербакова, въ Минус. уѣз.— также единственный сахарный заводъ Гусевой, въ Иркут. губ. прекратилъ существованіе Николаевскій желѣзно- и чугунолитейный заводъ, перешедшій въ руки бывшаго московскаго милліонера Мамонтова. Неумѣлость руководителей, незнаніе наѣзжими людьми мѣстныхъ условій, неразумные расходы при недостаткѣ средствъ погубили заводъ въ самое короткое время. Неудачно задуманный рельсопрокатный заводъ не пошелъ. Абаканскій желѣзодѣлательный заводъ въ Минус. уѣз., переданный въ 1899 г. въ руки петербургскаго капиталиста Ратькова-Рожнова, замѣтно сократилъ свою дѣятельность. Послѣднія 9 лѣтъ заводомъ завѣдывала артель мѣстныхъ рабочихъ изъ 120 человѣкъ, и тамъ было отъ 500—700 рабочихъ. Артель арендовала заводъ за 12 тыс. руб. въ годъ. Заводъ вырабатывалъ до 60 т. п. желѣза и свыше 100 т. п. чугуна, не считая разныхъ предметовъ для нуждъ сельскаго хозяйства и золотопромышленности. Число рабочихъ послѣ перехода дѣла отъ артели сократилось до 200, и работала одна плохая доменная печь, дававшая отъ 300—350 пуд. чугуна въ сутки, а 5 іюня 1901 г. заводъ сгорѣлъ. Въ томъ же уѣздѣ закрылись въ послѣднее время стекляный заводъ и двѣ крупчаточныхъ мельницы. Нельзя ожидать развитія сибирской обрабатывающей промышленности въ ближайшемъ будущемъ, особенно тѣхъ ея отраслей, которыя требуютъ искусныхъ рабочихъ рукъ и большихъ капиталовъ (напр., производство мануфактурныхъ товаровъ, тонкихъ металлическихъ издѣлій). Кромѣ того, развитію мѣстной обрабатывающей промышленности должна мѣшать конкурен-

ція обработанныхъ издѣлій изъ Евр. Россіи вслѣдствіе дешевизны провоза. Раньше, при дороговизнѣ привозныхъ товаровъ, мѣстному сибирскому производителю было гораздо легче выдержать ихъ соперничество, потому что они должны были продаваться дорого вслѣдствіе высокой стоимости провоза. Но въ Сибири можетъ развиться производство малоцѣнныхъ предметовъ потребленія, не требующихъ сложной техники производства: мукомольное дѣло, приготовленіе сахара, дрождей, свѣчъ и т. п.

Съ 1893 г. въ Сибири явилась новая очень видная отрасль промышленной обработки животныхъ продуктовъ — маслодѣліе. Возникнувъ около Кургана, маслодѣліе въ короткое время охватило скотоводческіе уѣзды Тоб. губ.: Курганскій, Тюкалинскій, Ялуторовскій, и къ 1900 г. тамъ было уже до 180 маслодѣленъ; изъ Тоб. губ. маслодѣліе перешло въ Томскую, въ Каинскій уѣз., потомъ на Алтай, въ Бійскій и Барн. уѣзды, гдѣ теперь не менѣе семисотъ заводовъ; въ 1898 г. маслодѣліе появилось и въ сѣверныхъ частяхъ Акмолинск. обл. Въ 1898 г. было вывезено изъ Сибири 169.000 п. масла, въ слѣдующемъ — уже 250.000 п., въ 1900 г. — 1.100.000, въ 1901 г. отъ $1^1/_2$ 2 милліоновъ, а въ 1902 г.— до 2 мил. 800 тыс. пуд. На маслодѣліе устремились всѣ, не исключая волостныхъ писарей, лѣсничихъ, крестьянскихъ начальниковъ и священниковъ. Главное мѣсто скупки и вывоза масла въ Тоб. губ.— Курганъ, въ Томской— Ново-Николаевскъ, мѣсто пересѣченія Оби желѣзной дорогой, а въ Акмолинской обл.—Омскъ. Скупка масла производится русскими, датскими и нѣмецкими конторами, которыхъ въ Курганѣ 13. Эти конторы подъ извѣстный залогъ выдаютъ предпринимателю сепараторъ и всѣ нужныя приспособленія, обязывая сдавать имъ масло по цѣнамъ, установленнымъ самими конторами. Многіе маслодѣльни перерабатываютъ въ годъ отъ

40—50 и даже до 70 тыс. пудовъ молока, доставляемаго мѣстными крестьянами. Въ Тоб. губ. возникли и артельныя крестьянскія маслодѣльни, число которыхъ, впрочемъ, не велико,—не болѣе 20. При домашней переработкѣ самая умѣлая хозяйка изъ пуда молока едва получитъ $1^1/_4$ ф. масла, выручая за фунтъ въ лучшемъ случаѣ 22 к.; сдавая же молоко въ маслодѣльню, она получаетъ за пудъ молока отъ 40—50 к., избавляясь въ то же время отъ множества хлопотъ и нѣкоторыхъ небольшихъ расходовъ (на крынки и пр.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при заборѣ денегъ подъ молоко въ кредитъ стоимость пуда молока падаетъ до 25 и даже менѣе копеекъ. Несмотря на несомнѣнную выгодность переработки молока въ масло машиннымъ путемъ, нужно отмѣтить и темныя стороны этой новой отрасли промышленности. Маслодѣліе прежде всего отразилось на ухудшеніи качества крестьянскаго рогатаго скота и на усилившейся смертности и болѣзненности крестьянскихъ дѣтей. Прельщаясь возможностью ежедневно получать за молоко 40—50 коп., которыя незамѣтно расходятся на разныя неотложныя нужды безъ всякой пользы для общаго подъема хозяйства, крестьянинъ несетъ на маслодѣльню то молоко, которымъ раньше въ разныхъ видахъ питались его дѣти, которымъ поили телятъ; теперь ни дѣти ни телята уже не видятъ молока, поглощаемаго сепараторами. Думая увеличить количество продаваемаго молока, крестьяне стараются увеличить количество скота, но при 15-десятинномъ падѣлѣ они не могутъ ни расширить пастбища ни увеличить количества заготовляемаго сѣна; поэтому не только рогатый, но и весь вообще ихъ скотъ не доѣдаетъ, даетъ меньше молока, тощаетъ, приноситъ слабое потомство, вырождается и дѣлается нестойкимъ въ борьбѣ съ болѣзнями. Маслодѣліе способствуетъ распространенію повальныхъ болѣзней среди крестьян-

скаго скота: молоко, изъ котораго выдѣлены всѣ жировыя частицы („обратъ“, или „оборотъ“), заводы продаютъ крестьянамъ для откармливанія скота („бурдомагу“ и пахтанье), и въ этотъ смѣшанный „обратъ“ часто попадаетъ молоко отъ коровъ, зараженныхъ какой-нибудь болѣзнью, и потому онъ самъ становится источникомъ распространенія заразы. Такъ, напр., въ 76 мѣстностяхъ Тоб. губ., въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ преимущественно распространено маслодѣліе, съ 1 янв. по 1 апр. 1900 г. однимъ ящуромъ заболѣло 12.913 головъ рогатаго скота. Кромѣ того, этимъ „оборотомъ“ бѣднѣйшіе крестьяне поятъ дѣтей и ѣдятъ его сами, что, конечно, должно вредно отозваться на нихъ и ихъ дѣтяхъ. Несомнѣнную выгоду отъ маслодѣлія получаютъ въ концѣ-концовъ не крестьяне, а тѣ лица, которыя сдѣлали изъ него предметъ торговаго оборота и средство къ скорѣйшему обогащенію. Каждый лавочникъ становится маслодѣломъ и каждый маслодѣлъ открываетъ лавочку съ краснымъ товаромъ при своемъ заводѣ, а крестьяне забираютъ у него товаръ въ кредитъ подъ молоко и не выходятъ изъ долга, тѣмъ болѣе, что маслодѣлъ-лавочникъ въ случаѣ появленія у него конкурента всегда можетъ повысить цѣну на молоко на 30—50% выше существующей, выбирая эти проценты на товарѣ. Обыкновенно крестьяне, если впередъ выдается болѣе или менѣе значительная сумма, особыми контрактами обязуются сдавать молоко за опредѣленную цѣну въ теченіе цѣлаго года. Даже артельныя маслодѣльни работаютъ въ руку скупщикамъ и предпринимателямъ, а не самимъ крестьянамъ: запродавая масло на годъ впередъ и обязывая участниковъ артели доставлять на заводъ молоко по ранѣе условленной цѣнѣ, артельныя маслодѣльни не только держатъ цѣны на низкомъ уровнѣ, невыгодномъ для крестьянъ, но даютъ возможность и частнымъ заводамъ понижать цѣну по этой

причинѣ. Въ 1899 г., напр., артельныя маслодѣльни распродали масло по 10 р., а частныя сдавали конторамъ по 18 р. пудъ. Да и участіе въ артели болѣе выгодно лишь для состоятельныхъ членовъ, ущербъ же и отвѣтственность возлагаются на всѣхъ. Нѣкоторыя крестьянскія общества стали сдавать артельныя маслодѣльни въ частныя руки. Маслодѣліе въ Сибири имѣетъ склонность обратиться въ чисто-капиталистическое предпріятіе, доступное лишь для крупныхъ капиталовъ, такъ какъ улучшенная техника производства, при которой только и можетъ получится хорошій продуктъ, требуетъ значительныхъ затратъ. Крестьяне станутъ тогда лишь простыми мелкими поставщиками молока на крупные маслодѣльные заводы. Едва ли маслодѣліе можно считать отраслью промышленности прочной и постоянной для тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно теперь привилось: для этого требуется, чтобы населеніе было сравнительно состоятельно, обладало большимъ количествомъ скота и большими запасами дешеваго корма. Между тѣмъ неурожаи послѣднихъ лѣтъ подорвали благосостояніе сибирскаго крестьянина, принужденнаго приступить къ распродажѣ скота на мясо по очень дешевымъ цѣнамъ; пользованіе пастбищами должно все болѣе и болѣе ограничиваться вслѣдствіе непрерывнаго прилива переселенцевъ. Маслодѣліе должно будетъ передвигаться дальше, въ нетронутыя имъ мѣстности, и крестьяне тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно теперь процвѣтаетъ, могутъ остаться безъ скота, безъ денегъ, съ подорваннымъ хозяйствомъ. Крестьяне уже теперь безсознательно чувствуютъ опасность отъ маслодѣлія и потому распространенію „молокапокъ“ (маслодѣльныхъ машинъ) приписываютъ бѣдствія, постигшія Сибирь: неурожаи хлѣбовъ и травъ и появленіе кобылки. Непросвѣщенный, темный умъ вслѣдствіе вѣкового бездѣйствія и вѣковыхъ привычекъ скло-

нельзъ всему давать сверхъестественныя объясненія и не въ состояніи установить истинную связь между причинами и слѣдствіями. На курганской маслодѣльной выставкѣ въ сентябрѣ 1901 г. выяснились слѣдующіе недостатки сибирскаго масла: печистый, салистый, гнилостный, рыбный, сѣрный вкусъ; привкусъ корма; малое количество соли; пестрая окраска. Золотая медаль осталась не присужденной. Недостатки сибирскаго масла происходятъ отъ недобросовѣстности, небрежности и неумѣлости его приготовленія: нѣкоторые предприниматели, жалѣя дрова, моютъ маслобойку и посуду холодной водой; держатъ въ деревняхъ сливки чуть не по недѣлямъ, не желая тратиться на подводы, и хранятъ сливки въ сараяхъ безъ капли льда, такъ что онѣ доставляются на заводъ не перекисшими, а прямо прокисшими. Невѣжество мастеровъ доходитъ до того, что они набиваютъ масло въ боченки непосредственно послѣ солки, не дѣлая никакой отжимки. По количеству жира, сибирское масло превосходитъ нѣмецкое въ 2,24%

Торговля Сибири выражается, съ одной стороны, въ *вывозѣ* сырья, а съ другой — во *ввозѣ* произведеній обработанныхъ. Цѣпкія и опытныя руки купцовъ изъ Тобольска, Тюмени, Кургана, Томска, Барнаула, Енисейска, Иркутска, Благовѣщенска и др. большихъ городовъ посредствомъ цѣлаго ряда скупщиковъ всѣхъ величинъ и собственныхъ довѣренныхъ, разъѣзжающихъ повсюду,— извлекаютъ пушнину изъ тундръ и тайги и везутъ ее на Ирбитскую ярмарку и въ Москву, разыскиваютъ мамонтовые клыки въ размываемыхъ берегахъ сѣверныхъ сибирскихъ рѣкъ и даже на Новосибирскихъ островахъ и сбываютъ ихъ въ Ирбитѣ и Нижнемъ; въ шерсть и сало превращаютъ безчисленныя стада барановъ, бродящія по равнинамъ Степного края, и отправляютъ на западъ: шерсть — на шерстяныя ярмарки восточной Россіи, сало — для

перетопки на уфимскіе заводы, а также въ Москву и Казань — на мыловаренные. Туда же, на тотъ же всепоглощающій западъ, идетъ крупный рогатый скотъ: въ Петербургъ для продовольствія войскъ и на ярмарки Уфимской губ., куда идутъ и лошади. Громадное количество мяса направляется въ различные города Россіи, множество битой дичи — въ Москву, Петербургъ и Ревель; туда же, съ прибавленіемъ Азова, идетъ масло, усиленно выжимаемое изъ сибирскаго крестьянскаго скота. Пшеница въ огромномъ количествѣ вывозится въ Евр. Россію и за границу, а рожь и овесъ — въ Россію и на Уралъ. Чтобы получить понятіе о количествѣ вывозимаго изъ Сибири сырья, приведемъ слѣдующія данныя.

Вывозъ изъ Сибири въ пудахъ:

	въ 1898 г.	въ 1900 г.	въ 1902 г.
Мясо	779,717	1,982,663	1,688,682
Масло сливочн. . . .	149,278	1,739,030 (1901 г.)	2,082,916
Сало	348,880	562,077	389,921
Кожи	133,953	240,795	338,289
Овчины	141,241	225,255	243,381
Яйца	69,078	111,558	91,244
Шерсть	204,177	211,399	248,503

На ряду съ возрастающимъ вывозомъ всякаго рода сырья изъ Сибири, нужно отмѣтить непрерывное вздорожаніе предметовъ первой необходимости въ Сибири. За послѣднія четыре — пять лѣтъ въ Томскѣ, напримѣръ, мясо вздорожало на 50—60%, масло — на 30%, дичь — на 100—130%, рыба — на 100% и т. д. Таковъ обычный ходъ вещей въ мѣстностяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами. Все, что можно вывезти на центральные рынки, вывозится, а мѣстные потребители либо могутъ пріобрѣтать незначительные остатки товаровъ по повышенной цѣнѣ, либо совер-

шенно лишены возможности покупки товаровъ за ихъ отсутствіемъ на мѣстѣ.

Ввозятся въ Сибирь разнообразные товары, необходимые для человѣческаго употребленія; на первомъ мѣстѣ стоятъ: сахаръ, керосинъ, мануфактурные товары, затѣмъ бакалейные, галантерейные, напитки,— т.-е. предметы одежды и обуви и жизненные припасы. Ввозные товары преимущественно закупаются на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Крестовской (близъ Шадринска) и отправляются въ Сибирь главнымъ образомъ по воднымъ путямъ вслѣдствіе высоты желѣзнодорожнаго тарифа. Впрочемъ, нѣкоторые мануфактурные товары поступаютъ въ Сибирь прямо изъ Москвы и Лодзи; желѣзо идетъ съ Урала, сахаръ — со станціи Московско-Кіево-Воронежской и Либаво-Роменской дорогъ.

До проведенія желѣзной дороги всѣ россійскіе товары пріобрѣтались на ярмаркахъ въ Нижнемъ и Ирбитѣ, откуда грузы передвигались въ Сибирь (особенно изъ Нижняго) только во время навигаціи по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ; такимъ образомъ являлась необходимость дѣлать сразу огромныя закупки товаровъ изъ центральныхъ складовъ Сибири и постепенно распространять эти товары между мелкими торговцами. Торговые обороты раньше были медленны, кредитъ требовался долгосрочный, на 9—12 мѣсяцевъ, почему и оказывался россійскими производителями только болѣе надежнымъ сибирскимъ фирмамъ; вся ввозная сибирская торговля была поэтому въ рукахъ немногихъ купцовъ и носила характеръ монопольный, отчего происходила высокая расцѣнка продаваемыхъ товаровъ и большая доходность торговли. Теперь монопольное посредничество въ сибирской торговлѣ начало падать, такъ какъ и мелкіе торговцы получили полную возможность пріобрѣтать товаръ изъ первыхъ рукъ: появились комми-вояжеры,

сбывающіе товары по образцамъ, возникли комиссіонныя конторы, за небольшое вознагражденіе передающія заказы сибирскихъ торговцевъ производителямъ товаровъ. Такъ какъ товары теперь могутъ пріобрѣтаться небольшими партіями, то и лицамъ со скромными наличными средствами явилась возможность приступить къ торговымъ операціямъ. Прежнія монопольныя предпріятія должны сокращать свою дѣятельность или измѣнять пріемы, такъ что, напр., въ Томскѣ изъ 58 крупныхъ предпріятій этого рода на 1900 г. 14 должны были закрыться. Эти освобождающіеся капиталы обращаются теперь на скупку и вывозъ сибирскаго сырья. Но такая перемѣна въ торговомъ посредничествѣ замѣчается только въ средней, земледѣльческой полосѣ Сибири, гдѣ особенно замѣтно вліяніе желѣзной дороги. На сѣверѣ, сѣверовостокѣ и югѣ осталось въ прежней силѣ вліяніе торговцевъ-монополистовъ, которые въ то же время являются и крупными скупщиками.

Торговля съ отдаленными сѣверными и сѣверовосточными инородцами до сихъ поръ сохранила прежній мѣновой характеръ: отдаленные остяки, самоѣды, сѣверные якуты, тунгусы, чукчи, ламуты и др. отдаютъ свою пушнину за разные „остяцкіе“, „тунгусскіе“, „чукотскіе“ товары, а на югѣ монголы и киргизы вымѣниваютъ рогатый скотъ, лошадей и барановъ на товары „монгольскій“ и „киргизскій“. На отдаленномъ сѣверо-востокѣ и теперь торговля ведется такъ, какъ въ былыя времена. Булунскій купецъ, напр., (Булунъ — село на 300 в. ниже устьевъ Лены) долженъ самъ развозить свои товары каждому якуту или тунгусу на домъ, да и то у него будетъ брать товаръ только тотъ инородецъ, который съ нимъ давно „знакомъ“. Булунскій купецъ, въ сущности говоря, не торгуетъ своими товарами, а „даритъ“ ихъ, и даритъ какъ разъ въ то время, когда у инородцевъ

нѣтъ ничего, чтобы „отдарить“. Но вотъ въ срединѣ зимы у инородца уже набралось много пушнины, и снова много сотенъ верстъ долженъ проѣхать булунскій купецъ, чтобы получить „отдарки“. Купецъ, конечно, ведетъ свой счетъ своимъ подаркамъ; инородецъ также знаетъ, на какую цѣну нужно отдарить, и каждый думаетъ, какъ бы одурачить другъ друга. Преимущество всегда на сторонѣ куща, такъ какъ у него въ рукахъ главный козырь: у него есть водка. Колымскій купецъ — особое существо, всю жизнь проводящее въ полярной пустынѣ. Въ началѣ октября, какъ только замерзнутъ „бадараны“ (болота), изъ Якутска отправляются вьючнымъ путемъ обозы купеческой клади. Главный грузъ — кирпичный чай, листовой табакъ, бракованные ситцы и водка. Въ мартѣ кладь прибываетъ въ Колымскъ. Часть ея продается тутъ же, а большая половина на собакахъ отправляется по Анюю на чукотскую ярмарку. Купцы вымѣниваютъ чай, табакъ и водку на пушнину и мамонтовые клыки. Водка для крѣпости часто настаивается на купоросѣ и махоркѣ, и купцы при обмѣнѣ пользуются необыкновенной страстью инородцевъ къ водкѣ. Въ маѣ купцы отправляются въ Якутскъ, нагруженные пушниной и мамонтовыми клыками. Все населеніе береговъ Колымы, русскіе и инородцы, въ вѣчныхъ долгахъ у якутскихъ купцовъ. Несмотря на запрещеніе продавать водку инородцамъ, торговля ею производится свободно на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири; въ одинъ Булунъ ввозится ежегодно не менѣе 325 вед. спирта, т.-е. на 25,000 р., въ Колымскій окр.— не менѣе 900 вед. Всѣ, кто ѣдетъ къ инородцамъ, запасаются водкой — купцы, казаки, даже священники. Водка не проникаетъ только въ Гижигинскую окр. и Анадырскій край, потому что ея не ввозятъ туда пароходы Добровольнаго флота, но и туда носовымъ чукчамъ американцы доставляютъ ромъ контрабандой.

Слѣдующія цифры даютъ понятіе о цѣнахъ на товары на далекомъ сѣверѣ, когда они раздаются въ кредитъ подъ будущую рыбу, пушнину и кость, и когда кредита нѣтъ;

	На пушн.	Въ кред.		На пушн.	Въ кред.
Мука ржаная	2 р. — к.	3 р. — к.	пудъ.	Сахаръ 40 к.	— р. 70 к. ф.
„ пшенич.	2 „ 60 „	4 „ — „	„	Табакъ 40 „	— „ 70 „ „
Чай кирпич.	— „ 75 „	1 „ 20 „	фунтъ.	Топоръ 75 „	1 „ 50 „ „

Въ низовьяхъ Колымы кирпичъ чаю стоитъ до 8 р., фунтъ табаку-махорки по 3 р., аршинъ самаго плохого ситца — до 1 р. Пудъ ржаной муки въ казенномъ магазинѣ стоитъ 14 р.

Во внутренней сибирской торговлѣ ярмарки занимаютъ весьма видное мѣсто. Вслѣдствіе огромныхъ разстояній и затруднительныхъ путей сообщенія онѣ рѣшительно необходимы при торговыхъ сношеніяхъ съ инородцами. На Обдорской, Анюйской ярмаркахъ и др. сѣверныхъ временныхъ торжкахъ происходитъ обмѣнъ пушнины на разные русскіе товары, на степныхъ ярмаркахъ — обмѣнъ этихъ товаровъ на произведенія киргизской промышленности: скотъ, кожи, овчины, шерсть и т. п. Но и кромѣ торговыхъ сношеній съ инородцами, ярмарки распространены всюду въ Сибири, особенно въ Тоб. губ. и на Алтаѣ; произведенія сельско-хозяйственной крестьянской промышленности, особенно хлѣбные продукты, стоятъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, и потому въ послѣдніе неурожайные годы ярмарки эти въ высшей степени сократили свои обороты. Обдорская ярмарка открывается 2 января и помѣщается въ концѣ одной изъ улицъ, выходящей въ тундру. Здѣсь находятся амбары, въ которыхъ обдоряне производятъ свою торговлю, а передъ ними нарты, съ которыхъ тоже идетъ торговля, преимущественно мѣновая. Здѣсь разложенъ „самоѣдскій“ товаръ: кирпичный чай, сукно разныхъ цвѣ-

товъ для лѣтнихъ „гусей“ и прошивки женской зимней одежды, мѣдныя побрякушки, которыми обвѣшиваются самоѣдки, котлы, ножи, топоры, кремни, ящики, желѣзные листы, на которыхъ разводится огонь въ чумѣ. Зыряне выкладываютъ свои деревянныя издѣлія: ложки, чашки; остяки — свои убогія произведенія— травяныя цыновки, чагу (грибовидные наросты на деревьяхъ), замороженный жиръ, моропку, собачьи шкуры и т. п. Всюду толкутся неуклюжія фигуры самоѣдовъ, напоминающія бѣлыхъ медвѣдей, самоѣдки въ своихъ „ягушкахъ“ — шубахъ, украшенныхъ собачиной и полосами разноцвѣтнаго сукна (полоса бѣлой собачины внизу по подолу, полоса краснаго сукна, полоса черной собачины, желтое сукно и т. д.). На головахъ у самоѣдокъ огромныя шапки, въ родѣ капоровъ, съ широкими, похожими на сіяніе, отворотами изъ собачьяго мѣха. Сзади шапки повѣшено 4—5 фунтовъ колокольчиковъ, мѣдныхъ кружковъ, побрякушекъ. На самой ярмаркѣ происходятъ лишь мелкія продажи; крупныя сдѣлки производятся въ домахъ, гдѣ самоѣдовъ прежде всего угощаютъ водкой, мерзлой рыбой, оленьимъ, рыбьимъ жиромъ. Гости сидятъ прямо на полу, ѣдятъ, пьютъ, а напившись, начинаютъ пѣть свои безконечныя дикія пѣсни и кричать. Послѣ угощенья начинается торговля, которая оканчивается не въ ущербъ для хозяевъ. Изъ степныхъ ярмарокъ особенно замѣчательны: Семипалатинская, Атбасарская, Акмолинская и Ботовская (Куяндинская). На послѣднюю ярмарку, расположенную посреди степи (въ Каркаралин. уѣз.), пригоняется до 250—300 тысячъ различнаго скота. Стада раскидываются на необозримое пространство; всюду костры, палатки, юрты; воздухъ наполненъ ржаніемъ, мычаніемъ, блеяніемъ. Здѣсь словно стоянка кочевого народа съ его огромными стадами. Преобладаютъ бараны и рогатый скотъ. Оборота на $1^1/_2$ мил. На эту ярмарку привозятъ также

хлѣбъ, мануфактурныя и желѣзныя издѣлія. Количество ярмарокъ, доходящее въ Тоб. губ. до 560, все уменьшается по мѣрѣ удаленія на востокъ: въ Том. губ.—65, Иркут.—12, въ Забайкальѣ—3 (Верхнеудинская, на которой иркутскіе купцы продаютъ Забайкалью преимущественно мануфактурные товары на 3 мил. р.): въ Якутск. обл. только 2 ярмарки. Въ Иркутск. губ. и Забайкальѣ существуетъ множество мелкихъ ярмарокъ (сугланов), гдѣ производится мѣновая торговля съ инородцами. Послѣ Качугской ярмарки на Ленѣ внизъ по рѣкѣ отправляются суда иркутскихъ купцовъ съ товарами (паузки), и

Рис. 69. Паузокъ на Ленѣ.

во время ихъ остановокъ у селеній устраиваются торжки. (Рис. 69 и 70). Самая большая ярмарка въ Тоб. губ. — зимняя Никольская въ Ишимѣ, съ оборотомъ до $2^1/_2$ мил. руб. Сюда привозится огромное количество

мороженаго мяса, сала, шерсти, кожъ. Подъ вліяніемъ желѣзной дороги Ишимская ярмарка падаетъ.

Внѣшняя торговля Сибири, т.-е. ея отпускъ за границу и ввозъ оттуда, очень незначительна. Сношенія

Рис. 70. Торжокъ на Ленѣ.

Сибири съ Европой черезъ устья Оби и Енисея преграждены высокими пошлинами, не говоря уже о затруднительности этого пути. Доступъ американцамъ на Чукотскій полуостровъ возможенъ только контрабандой, и въ этомъ обмѣнѣ принимаютъ участіе только носовые чукчи. До января 1901 г. въ Николаевскъ на Амурѣ, и Владивостокъ ежегодно прибывало до 450—480 судовъ (на $^3/_4$ иностранныхъ) съ грузами американской муки, машинъ, бакалейныхъ товаровъ, пользуясь безпошлиннымъ ввозомъ; но потомъ, съ отмѣной порто-франко, количество приходящихъ иностранныхъ судовъ уменьшилось значительно, а торговля терпитъ ущербъ отъ таможенныхъ неисправностей и безпорядковъ. На протяженіи огромной границы съ Китаемъ торговыя сношенія усиливаются и

развиваются по мѣрѣ приближенія къ Тихому океану. Изъ Устькаменогорска (Семипал. обл.) черезъ проходъ Укокъ русскіе торговцы везутъ въ Кобдо бѣлыя мерлушки, которыя обмѣниваютъ на особаго рода кирпичный чай (ченъ-чай), употребляемый китайскими киргизами. Чай этотъ торговцы везутъ въ землю кереевъ и урянхайцевъ, гдѣ происходитъ новый обмѣнъ на сырыя конскія и скотскія кожи, черную мерлушку, шерсть, козій пухъ, барановъ, и съ этими товарами возвращаются въ Устькаменогорскъ и Семипалатинскъ. Эта торговля не постоянна, колеблется вслѣдствіе частаго закрытія границы для скота и животныхъ продуктовъ, если въ китайскихъ предѣлахъ возникаетъ чума рогатаго скота или только распространяются слухи о ней. Изъ Бійскаго уѣзда торговцы проникаютъ въ Китай со своими мануфактурными товарами и вывозятъ чай по Чуйской дорогѣ, которая теперь отъ Онгудая до Кошъ-Агача приспособлена для колеснаго движенія. Минусинскіе торговцы проникаютъ въ Китай, къ урянхайцамъ, черезъ Усинскій край и Саяны вьючными тропами. Торговля идетъ мѣновая: русскія мануфактурныя и желѣзныя издѣлія обмѣниваются на скотъ и продукты скотоводства. Изъ Монголіи въ Забайкалье и Амурскую обл. ввозится товаровъ милліоновъ на 5 ежегодно — продукты скотоводства, сѣно, дрова, живой скотъ. Свои товары монголы и китайцы продавали преимущественно на наличныя деньги и только въ рѣдкихъ случаяхъ промѣнивали на хлѣбъ, сахаръ и нѣкоторые мануфактурные товары. Въ 1899 г. русскій отпускъ въ Монголію едва доходилъ до $1^1/_2$ милл. руб., при чемъ половина всего отпуска состояла изъ издѣлій фабричныхъ, ремесленныхъ и заводскихъ. Замѣчательно, что было отпущено 406.559 р. кредитными билетами; это объясняется тѣмъ, что черезъ Кяхту ежегодно уходитъ изъ Сибири въ Китай отъ 100 — 150 пудовъ краденаго

золота, разсчитываться за которое удобнѣе всего русскими кредитными билетами. Китайцы покупаютъ кредитные билеты на серебро гораздо дешевле, чѣмъ позволяетъ его курсъ въ данное время. Преимущественнымъ спросомъ изъ Сибири въ Китай черезъ Кяхту пользуются кожевенныя издѣлія и плисъ, при чемъ спросъ на послѣдній возрастаетъ; спросъ на сукно, наоборотъ, падаетъ: въ самомъ Китаѣ усилилась выработка бумажныхъ тканей, вытѣсняющихъ шерстяныя, и, кромѣ того, доставка русскихъ суконъ въ Китай обходится кяхтинскимъ купцамъ очень дорого и не позволяетъ понижать цѣны. Изъ Маньчжуріи въ Сибирь ввозятся скотъ и хлѣбъ, особенно для нуждъ золотыхъ пріисковъ, а вывозятся туда мануфактурные товары, мѣдныя и желѣзныя издѣлія. Въ настоящее время эти торговыя сношенія значительно сократились, почему цѣны на жизненные припасы въ Амурской и Приморской областяхъ страшно поднялись. Отпускъ товаровъ изъ Сибири черезъ Владивостокъ вообще незначителенъ: продукты китоваго и моржоваго промысловъ, мѣха, морская капуста, трепанги.

Такъ какъ ввозимый черезъ Кяхту чай не только не представляетъ мѣстнаго сибирскаго произведенія, но и доставляется главнымъ образомъ не въ самую Сибирь, а въ Европейскую Россію, то о немъ достаточно сдѣлать нѣсколько попутныхъ замѣчаній. Ввозъ чая увеличивается: въ 1898 г. было ввезено на 16.292,228 р., а въ 1899 г. — уже на 18.789,011 р. Черезъ Кяхту ввозится, главнымъ образомъ, кирпичный чай, такъ какъ только при перевозкѣ черезъ Сибирь онъ облагается низкой пошлиной. Байховый чай идетъ преимущественно моремъ. Байховый чай, направляемый въ Сибирь главнымъ образомъ изъ Хашкоу, идетъ черезъ Тянь-Цзинь въ Пекинъ, оттуда черезъ Кантонъ и Ургу въ Кяхту, изъ которой и на-

правляется на Читу. Опъ доставляется также моремъ въ Николаевскъ и потомъ слѣдуетъ вверхъ по Амуру до Срѣтенска. Кромѣ Кяхты, чай проникаетъ въ Си-

Рис. 71. Перевозка чая на волахъ.

бирь еще по указаннымъ выше путямъ черезъ Бійскъ и Семипалатинскъ. Вслѣдствіе громаднаго распространенія чая въ Сибири значительная его часть остается въ ней и не переходитъ черезъ Уралъ; въ 1899 г. черезъ Челябинскъ прошло 1.594,000 пудовъ чаю, такъ что въ самой Сибири осталось нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ для внутренняго употребленія. Среди сибирскихъ инородцевъ особеннымъ распространеніемъ пользуется кирпичный плиточный чай, между тѣмъ какъ русскіе предпочитаютъ байховый. (Рис. 71, 72, 73 и 74).

Благодаря счастливому расположенію главныхъ сибирскихъ рѣкъ, сближающихся своими притоками, которые раздѣляются сравнительно незначительными волоками, — рѣки явились главными и въ первое время

единственными путями сообщенія въ Сибири: по рѣкамъ шло занятіе страны, и онѣ были единственными дорогами между заселяемыми мѣстами. Позднѣе, когда занятіе всѣхъ „новыхъ земляцъ“ на далекомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ уже закончилось, и когда русское земледѣльческое населеніе въ достаточномъ количествѣ заняло всю среднюю Сибирь, — отъ Урала до Иркутска и далѣе на востокъ протянулся безконечный „московскій трактъ“, колесная дорога, на долгое время ставшая главнымъ путемъ сообщенія какъ между Европейской Россіей и Сибирью, такъ и главнымъ внутреннимъ сибирскимъ путемъ. Долгое время почти все пассажирское и грузовое движеніе шло „московскимъ“ трактомъ. Только съ появленія пароходства на Оби (съ 40—50 гг.) часть грузовъ

Рис. 72. Перевозка чая на верблюдахъ.

и пассажировъ отошла отъ „московскаго“ тракта и направилась по Оби, Тоболу и Турѣ къ Тюмени, а оттуда на Екатеринбургъ и Пермь, сначала

на лошадяхъ, а потомъ, съ 1885 г., по желѣзной дорогѣ.

Сибирская желѣзная дорога, доведенная уже къ 1900 г. до Иркутска, окончательно лишила „москов-

Рис. 73. Чайный дворъ въ Кяхтѣ.

скій“ трактъ всякаго значенія и сильно подорвала важность рѣчного пути по Оби и ея притокамъ до Тюмени: пассажиры совершенно оставили рѣчной путь отъ Томска до Тюмени, а значительная часть грузовъ перешла на желѣзную дорогу. Пароходное движеніе по этому пути сократилось: пассажирское пароходство между Тюменью и Томскомъ въ 1901 г. было прекращено, 12 пароходовъ въ Тюмени были „привязаны“, часть остальныхъ пароходовъ переведена на Иртышъ, и товарищество западно-сибирскаго пароходства къ 1901 г. понесло до $^1/_2$ милліона убытка. Желѣзная дорога, пересѣкая Иртышъ около Омска, необыкновенно усилила движеніе по этой рѣкѣ: вверхъ по Иртышу, изъ Тюкалинскаго и Ишимскаго уѣздовъ, и внизъ, изъ

Семипалатинской области, къ Омску направились огромные грузы хлѣба и продуктовъ скотоводства. Иртышъ оказался судоходнымъ не только до Семипалатинска, но доступнымъ для пароходовъ даже выше озера Зайсана. Подъ вліяніемъ желѣзной дороги развилось движеніе по Оби между Барнауломъ и Томскомъ, а также выше Барнаула, до Бійска, и даже выше этого города, вверхъ по Бію, оказалась возможность для пароходнаго движенія. Хлѣбъ и лѣсъ двинулись къ желѣзной дорогѣ и по верховымъ притокамъ Оби, какъ Чарышъ и Алей. Притокъ Оби, Чулымъ, также оказался довольно важнымъ водянымъ путемъ. Число пароходовъ въ бассейнѣ Оби въ настоящее время доходитъ до 130. Вслѣдствіе того, что

Рис. 74. Пріемъ чая у монголовъ.

желѣзная дорога занята почти исключительно военными грузами, въ 1904 г. пароходное движеніе по Иртышу и Оби значительно оживилось, что продолжится, конечно, и въ 1905 г.

Значеніе Енисея, какъ воднаго пути, съ проведеніемъ желѣзной дороги поднялось бы еще болѣе, если бы доступъ иностранныхъ товаровъ сѣвернымъ морскимъ путемъ въ устье Енисея не былъ прегражденъ высокими таможенными пошлинами: изъ Минусинскаго уѣзда внизъ по Енисею развилось бы хлѣбное грузовое движеніе, а вверхъ отъ устьевъ усилилось бы движеніе продуктовъ рыболовства. Еще съ 60-хъ годовъ изъ Енисейска отправлялись пароходы за рыбой къ устью Енисея, но правильное пассажирское движеніе между Енисейскомъ и Минусинскомъ началось съ 1882 г. Теперь по Енисею крейсируетъ до 25 пароходовъ. Ангара, несмотря на свою длину и обиліе воды, какъ путь сообщенія, не имѣетъ значенія, потому что на тысячеверстномъ разстояніи занята порогами. Попытка устроить по этой быстрой и порожистой рѣкѣ туэрное пароходство на цѣпяхъ успѣхомъ не увѣнчалась. Бассейнъ третьей великой сибирской рѣки, Лены, желѣзной дорогой прямо не затрогивается, но вліяніе ея выразилось въ увеличенномъ движеніи товаровъ внизъ по рѣкѣ и развитіи пароходнаго движенія. Теперь по Ленѣ ходятъ 20 пароходовъ, принадлежащихъ 8 компаніямъ. Судоходство по Амуру началось въ концѣ 50-хъ годовъ, и въ настоящее время въ бассейнѣ Амура насчитывается до 120 пароходовъ. Такъ какъ желѣзная дорога доведена только до Срѣтенска, то Амуръ представляетъ единственный удобный путь сообщенія между Срѣтенскомъ и Хабаровскомъ, откуда опять продолжается желѣзная дорога до Владивостока, — лѣтомъ на пароходахъ, а зимой по льду рѣки, такъ какъ колесная дорога по берегу Амура почти недоступна для передвиженія. Плаваніе по Шилкѣ, Амуру и Уссури представляетъ значительныя неудобства, потому что дно Амура часто измѣняется подъ вліяніемъ теченія во время весенняго ледохода, а въ рѣкахъ этихъ вообще много камней

и карчей. 15 пароходовъ на Байкалѣ въ настоящее время служатъ для буксированія судовъ съ продуктами рыболовства съ Ангары и острова Ольхона, а сообщеніе Приамурья моремъ съ Европейской Россіей поддерживалось (до войны) нѣсколькими пароходными обществами, между прочимъ, пароходами Добровольнаго флота.

Близость между притоками Оби и Енисея подала мысль соединить каналомъ бассейны этихъ рѣкъ, и съ 1882 г. началась прорытіе обь-енисейскаго канала. Для этого потребовалось сооруженіе 29 шлюзовъ и канализація многихъ маловодныхъ и извилистыхъ рѣчекъ на протяженіи 260 верстъ, а также спрямленіе и очистка не только Большого Каса, но и отчасти Кети, притока Оби. Илистое дно и низменные берега дѣлаютъ работы непрочными и ненадежными; кромѣ того, по каналу могли бы двигаться небольшія суда, да и притомъ непродолжительное время года. Наконецъ, каналъ безъ очистки Ангары не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Такимъ образомъ, двадцати-лѣтнія работы и затрату четырехъ милліоновъ рублей рублей, кромѣ 2 мил. р. на приспособленіе Ангары къ пароходному движенію, нужно считать безполезными и совершенно излишними.

Такой же неудачей закончилось и устройство двухъ ледоколовъ на Байкалѣ—„Байкала“ и „Ангары“, предназначенныхъ разбивать зимніе льды на Байкалѣ и перевозить грузы и пассажировъ до открытія Кругобайкальской желѣзной дороги. Оба ледокола стоили до $6^1/_2$ мил. руб., но оказались безсильными не только разбивать зимній ледъ Байкала, но даже поддерживать сообщеніе во время страшныхъ осеннихъ бурь на озерѣ (рис. 75).

Въ земледѣльческой полосѣ Сибири, гдѣ не проходитъ желѣзная дорога и гдѣ нѣтъ пароходнаго сообщенія, проведены почтовые тракты—широкія, груп-

товыя дороги съ канавками по обѣимъ сторонамъ, съ прочными деревяшными мостами черезъ рѣчки и ручьи, съ паромами на болѣе широкихъ рѣкахъ. Въ сухое время ѣзда по сибирскимъ грунтовымъ дорогамъ довольно удобна въ большинствѣ случаевъ, особенно не вблизи городовъ, но осенью сообщеніе становится затруднительнымъ по причинѣ глубокой грязи и образующихся ямъ; зимой на этихъ дорогахъ часто дѣлаются ухабы. Въ мѣстностяхъ гористыхъ и лѣсистыхъ сколько-нибудь удобныхъ дорогъ нѣтъ, а въ тайгѣ существуютъ только вьючныя тропы.

Путями сообщенія на далекомъ сѣверѣ и теперь, какъ въ сѣдую старину, являются рѣки: лѣтомъ—на пароходахъ, гребныхъ и парусныхъ судахъ, иногда бечевой, зимой на лошадяхъ, а сѣвернѣе на собакахъ и оленяхъ по льду этихъ рѣкъ. (Рис. 76 и 77). Ѣзда по тундрѣ лѣтомъ совсѣмъ невозможна, а зимой тамъ нѣтъ никакихъ дорогъ: только благодаря собакамъ и оленямъ можно не терять направленія и пробираться между рѣдкими инородческими стойбищами. Въ теченіе цѣлаго дня приходится ѣхать на нартахъ отъ одного стойбища до другого. Иногда вмѣсто всякой станціи стоитъ полузаваленный снѣгомъ одинокій срубъ („поварня“), гдѣ можно развести костеръ и кое-какъ провести ночь. Но есть край, единственный даже и въ Сибири по своей отрѣзанности отъ всего міра, — Колымскій округъ: отъ Тихаго океана его отрѣзываетъ Становой хребетъ, отъ юга — Оймяконское плоскогорье и Верхоянскій хребетъ, отъ запада — обширныя болота, пресѣкаемыя хребтами водораздѣловъ Лены, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы. Даже рѣки не соединяютъ этотъ край съ внѣшнимъ міромъ: онѣ вытекаютъ изъ дикихъ, безплодныхъ хребтовъ далеко къ сѣверу отъ предѣловъ земледѣлія. Существующій туда путь отъ Якутска на Яну (2.300 в.) сворачиваетъ на Индигирку, Ала-

Рис. 75. Ледоколъ „Байкалъ".

зею и приводитъ въ Средне-Колымскъ. Путь длинный и страшно трудный — вплоть отъ Якутска до Средне-Колымска онъ идетъ по хребтамъ, нагорьямъ или

Рис. 76. Почтовая лодка на Ленѣ.

глубокимъ снѣгамъ зимой и бадаранамъ въ лѣтнее время. Путь къ Средне-Колымску отъ Гижигинска только еще развѣдывается, хотя болѣе удобенъ, повидимому, путь, отъ Гижиги на западъ до р. Коркодона, притока Колымы (протяженіе пути 400 в.). Существуетъ также путь отъ с. Олы черезъ Становой хр. на Буюнду, притокъ Колымы; отъ Аяна (на Охотскомъ морѣ) идетъ путь черезъ Приморскій хр. на Нелькань, зимой соединяющій Якутскую обл. съ внѣшнимъ міромъ лучше, чѣмъ существующій путь по Ленѣ. Отъ устья Оби около Обдорска предполагается устроить узкоколейную дорогу къ Хаутыдырской губѣ, что избавитъ торговыя суда отъ необходимости входить въ трудно доступное Карское море. Если окажется возможнымъ установить пароходное сообщеніе между

устьями Лены и Колымы, то край будетъ менѣе отрѣзанъ отъ всего міра.

Несмотря на всю важность прямого сообщенія сѣвера Сибири съ Европой, сношенія эти не установились и до сихъ поръ. Хлѣбъ, лѣсъ, продукты скотоводства и рыболовства, минералы (графитъ, каменный уголь) могли бы найти хорошій сбытъ черезъ устья Оби и особенно Енисея; съ другой стороны, всѣ предметы, положительно, необходимые для населенія сѣверныхъ мѣстностей, крайне удешевились бы, проникая этимъ путемъ и, такимъ образомъ, поднимая благосостояніе мѣстнаго населенія. Но путь этотъ очень тру-

Рис. 77. Ѣзда на оленяхъ.

денъ и опасенъ: при сѣверныхъ или сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, нагоняющихъ льды, Карское море заперто; по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ господствуютъ

густые туманы; нѣтъ ни точныхъ картъ береговъ, ни спасательныхъ пунктовъ со складами топлива, провизіи и теплой одежды. Поэтому страховыя преміи на грузы и суда очень высоки. Попытки торговыхъ сношеній начались только въ послѣднее двадцатилѣтіе, при чемъ изъ 27 судовъ, съ 1877 по 1886 гг. плававшихъ въ устья Оби и Енисея, цѣли достигли только 12. Второе десятилѣтіе было гораздо болѣе благопріятно. При такихъ трудностяхъ торговыя сношенія были очень незначительны: за десятилѣтіе по 1896 г. приходится всего по 11.881 п. ввоза на годъ. Чтобы оживить эти пути, необходимо разрѣшить на продолжительное время безпошлинный ввозъ товаровъ, такъ какъ лишь значительныя выгоды могутъ побудить преодолѣвать опасности и подвергаться риску во время этихъ трудныхъ и опасныхъ путешествій.

Постройка желѣзной дороги, оказывающей столь глубокое вліяніе на всѣ стороны сибирской жизни, производилась съ необыкновенною быстротой: въ первыя 9 лѣтъ было уложено рельсами 5.062 версты, т.-е. пролагалось по 562 версты въ годъ, при чемъ устроено свыше 45 верстъ мостовъ (рис. 78 и 79), изъ которыхъ мостъ черезъ Енисей имѣетъ $434^1/_4$ сажени въ длину при длинѣ пролетовъ въ 70 саженъ. До сентября 1904 г. сибирская магистраль доходила до Срѣтенска, съ перерывомъ на Байкалѣ, когда была закончена Кругобайкальская дорога въ 280 вер. Отъ Хабаровска желѣзная дорога направляется къ Владивостоку. Отъ станціи Карйдаловой, между Читой и Нерчинскомъ, сибирская дорога переходитъ въ Маньчжурскую и заканчивается въ Портъ-Артурѣ. Общее протяженіе обѣихъ дорогъ со всѣми ихъ вѣтвями составляетъ 8.313 верстъ, и сооруженіе ихъ стоитъ болѣе 850 милліоновъ руб.

Какъ мы уже видѣли выше, сибирская дорога до сихъ поръ является для Сибири огромнымъ насосомъ,

Рис. 78. Мостъ черезъ Енисей.

выкачивающимъ изъ страны ея сырье, и изъ слѣдующей таблицы видно, какъ быстро растетъ вывозъ:

	1899	1900
Пшеницы	7.570.892 п.	9.932.340 п.
Муки	799.000 „	3.072.503 „
Сѣмянъ маслян.	397.000 „	584.483 „
Продук. скотов.	2.894.000 „	5.380.000 „

Битой дичи вывезено было 97.000 п., орѣховъ кедровыхъ — 67,000 п., каменнаго угля 1.239.000 п. Главной экспортной областью является западная Сибирь: въ 1898 г., наприм., изъ Тобольской губерніи вывезено $^4/_5$ всего хлѣба (больше всего изъ Тобольской губерніи — $7^1/_2$ и Акмолинской области — около 2 мил.). Движеніе хлѣбныхъ грузовъ, особенно замѣтное въ 1898 г., въ послѣдующіе годы стало понижаться не только по причинѣ постигшихъ Сибирь неурожаевъ, для борьбы съ послѣдствіями которыхъ теперь нужны огромныя затраты изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала, — но и потому, что въ Сибири быстро исчезли крупные хлѣбные запасы, такъ какъ крестьяне сразу двинули эти запасы на продажу, лишь только открылась возможность удобнаго сбыта по желѣзной дорогѣ, такъ что если за нихъ и выручены значительныя деньги, доставшіяся главнымъ образомъ хлѣбнымъ торговцамъ, то крестьянскому населенію становится все труднѣе переносить учащающіеся въ Сибири неурожаи. Кромѣ сибирской магистрали, въ Сибири существуетъ узко-колейная дорога для доставки угля между каменноугольными копями Экибаштузъ и Иртышомъ, около Павлодара, на разстояніи 100 вер.

Желѣзная дорога уничтожила нѣкоторые мѣстные промыслы притрактоваго населенія, особенно извозный. Насколько былъ развитъ въ Сибири этотъ промыселъ до желѣзной дороги, видно изъ того, что только между

Рис. 79. Мостъ черезъ Иртышъ.

Томскомъ и Иркутскомъ шло до 4 мил. пудовъ груза, чѣмъ были заняты 16.000 ямщиковъ и 80.000 лошадей; доставкой одного чая къ пристанямъ и на Ирбитъ было занято 70.000 подводъ и до 14.000 возчиковъ. Въ 3 округахъ Иркутской губерніи извозомъ занималось 7.033 человѣка (11% всего населенія). Только однихъ постоянныхъ постоялыхъ дворовъ было тамъ въ концѣ 80 годовъ 587, при чемъ на большомъ дворѣ было 2—3 работника, и дворъ давалъ по 500—1000 р. дохода. Съ прекращеніемъ извоза должно было остаться безъ заработковъ не только значительное количество ямщиковъ, которые иногда занимались этимъ зимой для прокормленія лошадей, но упасть и „дворничество“, и нѣкоторые мѣстные промыслы: приготовленіе сбруи, зимнихъ и лѣтнихъ экипажей, сидка дегтя, сѣнокошеніе въ прежнихъ размѣрахъ, прежнія запашки овса. Притрактовое населеніе зарабатывало значительныя деньги, главнымъ образомъ, личнымъ трудомъ, а притрактовыя мѣстности не только не занимались отпускомъ сырья, но даже привлекали его къ себѣ, какъ сѣно, овесъ, отчасти хлѣбъ и мясо. Такимъ образомъ хозяйственный кругооборотъ былъ болѣе правильнымъ и вѣрнымъ, хотя и медленнымъ; сельско-хозяйственные продукты потреблялись на мѣстѣ производства, а со стороны приливали деньги за личный трудъ. И притрактовое населеніе отличалось зажиточностью и обезпеченностью. Теперь ему, конечно, приходится перейти къ земледѣлію и скотоводству, т.-е. къ односторонему производству сырья для его вывоза. Кромѣ того, такой переходъ возможенъ не всюду, а лишь въ земледѣльческой полосѣ Сибири, между тѣмъ какъ въ Иркутской губ. и Забайкальѣ климатическія и почвенныя условія далеко не благопріятствуютъ земледѣлію. Въ Забайкальѣ, въ притрактовыхъ селеніяхъ, особенно въ послѣднія 5—6 лѣтъ, косарь зарабатывалъ до 70 р. въ мѣсяцъ, а годовой ямщикъ — до 300 р

на готовомъ содержаніи. Бѣдняковъ въ этихъ селахъ почти не было совсѣмъ, и самый послѣдній крестьянинъ не затруднялся иногда платить по 3 р. за пудъ ржи. Теперь цѣны на все понизились, какъ понизились и заработки; мясо упало съ 4 р. до 2, а хорошему работнику вмѣсто 25 р. въ мѣсяцъ предложили 5. Непрерывный оживленный шумъ на улицахъ притрактовыхъ селъ смѣнился невозмутимой тишиной, раньше здѣсь совсѣмъ неизвѣстной. Пока на смѣну старому извозному промыслу въ Забайкальѣ еще не возникли новые, благосостояніе многихъ тысячъ людей должно неизбѣжно рушиться. Но извозный промыселъ, обогащая притрактовое населеніе, несомнѣнно, портилъ его нравственно: онъ способствовалъ развитію пьянства, разврата, преступности въ притрактовыхъ селеніяхъ; тамъ возникъ даже особый преступный промыселъ „чаерѣзовъ“: въ темныя зимнія ночи „чаерѣзы“, завернувшись въ бѣлыя простыни, ложились въ снѣгъ около дороги, по которой долженъ былъ проходить обозъ съ чаями, и какъ только обозъ проѣзжалъ мимо нихъ, быстро вскакивали на „розвальни“, острыми ножами разрѣзывали рогожи и веревки и выбрасывали по нѣсколько цыбиковъ съ чаемъ. Поджидавшая по близости тройка быстро увозила добычу.

Выше уже было указано, какъ желѣзная дорога измѣнила характеръ сибирской торговли: сократились крупныя монопольныя предпріятія, распредѣлявшія товары между мелкими торговцами, появились мелкіе торговцы, вступающіе въ прямыя сношенія съ россійскими фабрикантами, комми-вояжеры, комиссіонныя конторы. Въ связи съ измѣненіемъ вообще въ торговлѣ, желѣзная дорога не только подняла значеніе многихъ городовъ, которыхъ она коснулась, но и создала новыя поселенія; съ другой стороны, нѣкоторые города и селенія пришли въ упадокъ, потому что она оставила ихъ въ сторонѣ: въ Срѣтенскѣ въ 1897 г.

было всего 1,710, а въ 1900 — 8,000 человѣкъ, развились Канскъ и Красноярскъ. Омскъ изъ мертваго чиновничьяго городка превращается въ бойкій торговый центръ; Мысовая на Байкалѣ превратилась въ бойкій городокъ Мысовскъ, Култукъ, откуда начались работы по Кругобайкальской дорогѣ, сталъ неузнаваемымъ и переполнился народомъ. Поселокъ Ново-Николаевскій на Оби, гдѣ 5—6 лѣтъ назадъ было всего 3,000 жителей, превратился въ городъ съ 30,000 жителей. Съ другой стороны, заглохли Нерчинскъ и Тулунъ — еще недавно огромное и бойкое село на „московскомъ“ трактѣ.

Желѣзная дорога не только уменьшила значеніе мѣстныхъ ярмарокъ, какъ, напр., Никольской, но оказала свое вліяніе даже на Нижегородскую: она отвлекла многіе товары отъ Нижегородской ярмарки и отъ тюменско-камскаго пути (чайные грузы, коровье масло). По новому желѣзному пути изъ Евр. Россіи двинулись въ Сибирь также нѣкоторые товары — готовое платье (теперь изъ Москвы), сахаръ; галантерейные товары для западной Сибири сохраняютъ еще прежнее направленіе, между тѣмъ какъ восточная быстро отходитъ отъ ярмарки и сносится прямо съ Москвой. Но шерсть и кожа, идущія изъ Сибири, пока еще не оставляютъ стараго пути, такъ какъ водный путь для нихъ дешевле. Но вообще значеніе Нижегородской ярмарки, какъ средоточія сдѣлокъ для сибирскихъ купцовъ, какъ посредницы въ торговыхъ сношеніяхъ, быстро уменьшается и въ будущемъ должно сократиться еще болѣе.

Желѣзная дорога значительно удешевила стоимость ввозимыхъ товаровъ, чѣмъ понизила ихъ цѣны и увеличила ихъ потребленіе. Перевозка пуда клади, напр., отъ Томска до Иркутска обходилась зимой по 1 р. 80 к., т.-е. около $^1/_8$ коп. съ пудо-версты, а въ настоящее время не болѣе $^1/_{13}$—$^1/_{15}$ коп. Благодаря желѣзной до-

рогѣ, не только увеличился притокъ переселенцевъ въ Сибирь, но и самое ихъ путешествіе стало короче и удобнѣе: въ 1890 г. прибыло 47,378, а въ 1899 г.— 223,981 человѣкъ.

Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ желѣзная дорога произвела быстрое и благотворное дѣйствіе. До проведенія уссурійской желѣзной дороги мѣста между рѣкою Уссури и системой Лефу были настолько заболочены, что въ періодъ лѣтнихъ дождей здѣсь почти не было сообщенія; проѣзжали, и то съ большимъ трудомъ, только на волахъ, вслѣдствіе чего огромныя пространства тучныхъ черноземныхъ земель, гдѣ нынѣ изъ окна вагона видны нивы съ хлѣбами, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ наметаны сотни стоговъ прекраснаго сѣна, гдѣ пасутся большія стада рогатаго скота,— не только пустовали, но и пустовали бы вѣчно, такъ какъ для обработки этого огромнаго пространства нужны были тысячи рабочихъ рукъ, взять которыя было негдѣ, такъ какъ при полномъ отсутствіи путей сообщенія сюда не шли новоселы, предпочитая селиться въ приханкайскихъ степяхъ, по Суйфуну и частью по Сучану. Съ проведеніемъ желѣзной дороги быстро возникли и стали развиваться поселки не только по линіи, но и въ сторону поблизости, такъ какъ теперь новоселамъ стало гораздо легче подвигаться въ глубь тайги за поисками удобныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, благодаря непосредственному вліянію уссурійской желѣзной дороги, въ засучанскую тайгу проложены колесные тракты, и она стала заселяться русскими крестьянами.

Кромѣ мѣстнаго, сибирская дорога будетъ имѣть и міровое значеніе: по ней направятся цѣнные товары изъ Европы на Дальній Востокъ и обратно: шелкъ, изъ Китая, изъ Европы мелкія металлическія издѣлія, вина, табакъ, галантерейные товары, болѣе цѣнные мануфактурные, но простые и малоцѣнные грузы со-

хранятъ прежнее океанское направленіе вслѣдствіе большой дешевизны провоза: перевозка самыхъ „благопріятствуемыхъ“ грузовъ изъ Либавы въ Иркутскъ обойдется по 54,4 марки за тонну, а отъ Гамбурга до Шанхая — всего $22^1/_2$—$32^1/_2$ марки. Чайные грузы предпочтутъ желѣзную дорогу, потому что добротность чаевъ страдаетъ отъ морской перевозки. Пассажирское движеніе на Дальній Востокъ изъ Европы предпочтетъ сибирскую желѣзную дорогу, какъ путь болѣе скорый и дешевый: путь сокращается на 7—14 дней и будетъ стоить почти вдвое дешевле: вмѣсто 1,330 марокъ только 720, считая и содержаніе. Но здѣсь имѣются въ виду не обыкновенные пассажирскіе поѣзда, а экстренные („скорые сибирскіе“), движеніе которыхъ приноситъ желѣзной дорогѣ не прибыль, а убытокъ.

VI.

Народное здравіе. — Народное образованіе. — Населенныя мѣста.

Хотя въ общемъ климатъ Сибири, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея мѣстностей, долженъ быть названъ здоровымъ, однако состояніе народнаго здравія въ ней далеко не всюду можетъ считаться удовлетворительнымъ. Земледѣльческая полоса западной и восточной Сибири отличается своими продолжительными и сильными зимними холодами; но не столько это обстоятельство является причиной распространенныхъ тамъ болѣзней дыхательныхъ путей и вообще всякаго рода простудныхъ заболѣваній, сколько образъ жизни и привычки мѣстнаго населенія: зимой въ избахъ нѣтъ никакой вентиляціи, всѣ отверстія старательно затыкаются для сбереженія тепла, въ избахъ стоитъ невыносимый жаръ отъ натопленной русской печи и всюду принятыхъ раскаленныхъ желѣзныхъ печекъ, а между тѣмъ обитателямъ избъ постоянно приходится выбѣ-

гать на холодъ при разницѣ въ 50° температуры избы и надворной. Распространенныя всюду плохія черныя бани, кое-какъ сколоченныя, со щелями, служатъ также причинами всякихъ простудныхъ заболѣваній, тѣмъ болѣе, что въ этихъ баняхъ не столько моются, сколько парятся, наливая холодную воду на раскаленные камни. Въ Верхоянскомъ окр. вслѣдствіе страшныхъ холодовъ, плохихъ жилищъ, не соотвѣтствующей климату одежды у большинства населенія, наконецъ, очень плохого питанія, зимой умираетъ не менѣе $^{7}/_{10}$ всего числа умирающихъ за годъ. Въ мѣстностяхъ урманныхъ и таежныхъ, съ множествомъ стоячихъ водъ, по долинамъ широко разливающихся рѣкъ господствуютъ перемежающіяся лихорадки: въ Тарскомъ уѣз., по теченію Иртыша, особенно въ Семипал. обл., въ Минус. уѣз. (съ марта по май), въ Иркутской губ. (въ маѣ и осенью), въ Забайкальѣ, къ западу отъ Хингана, и вообще въ Приамурьѣ, особенно когда поднимается много нови и послѣ обычныхъ тамъ наводненій отъ разлитія рѣкъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ и на востокъ, тѣмъ рѣже становятся перемежающіяся лихорадки; онѣ неизвѣстны ни въ Туруханскѣ ни на Камчаткѣ, какъ и на побережьѣ Охотскаго моря, которое отличается необыкновенной влажностью, вѣчными туманами, гдѣ тундра не успѣваетъ хотя сколько-нибудь просохнуть, гдѣ растительность ничтожна, и потому тамъ нѣтъ возможности зародиться лихорадкѣ. Ревматизмы распространены какъ на всемъ охотскомъ побережьѣ по причинѣ частой тамъ холодной влажности, такъ и вообще во всей земледѣльческой Сибири вслѣдствіе особыхъ условій осенняго, зимняго и весенняго сельско-хозяйственнаго труда. Дѣтскія желудочныя заболѣванія, очень обычныя лѣтомъ въ Амурской об., происходятъ особенно отъ рѣзкой разницы дневной и ночной температуры. На сѣверѣ, гдѣ ослѣпительно-бѣлый снѣж-

ный покровъ лежитъ очень продолжительное время, чрезвычайно часты глазныя болѣзни, особенно среди инородцевъ, которые для защиты глазъ отъ невыносимо яркаго блеска снѣга употребляютъ или волосяныя очки, или очки изъ металлическихъ пластинокъ съ тонкой продольной скважиной. Но такія очки полезны очень мало. Кромѣ того, чумы и юрты инородцевъ зимой постоянно наполнены дымомъ, отъ котораго слезятся и гноятся глаза.

Въ сѣверной и сѣверо-восточной Сибири нѣкоторыя болѣзни стоятъ въ связи и съ преобладающей пищей мѣстнаго населенія, и со способомъ ея приготовленія: на сѣверѣ Тобольской и Енис. губ. и въ Якут. обл. распространены глисты отъ употребленія мерзлой сырой олешины и рыбы. Въ Охотской и Гижигинской округахъ очень часты разстройства пищевыхъ путей, влекущія за собой хроническіе катары желудка и его острыя язвы (послѣднее особенно у женщинъ) и воспаленія брюшины отъ засоренія слѣпой кишки; это происходитъ отъ исключительнаго употребленія животной, жирной пищи, особенно кэты, плохо просоленой и провяленой, квашеной въ землѣ, въ ямахъ. О вліяніи мѣстныхъ промысловъ на здоровье лицъ, занимающихся ими (золотопромышленности, рыболовства и др.), было сказано выше; здѣсь замѣтимъ только, что среди звѣропромышленниковъ особенно распространены простудныя заболѣванія и ревматизмы.

Распространеніе заразныхъ болѣзней въ Сибири зависитъ или отъ путей, по которымъ передвигаются ихъ распространители, или стоитъ въ связи съ извѣстными мѣстностями, гдѣ онѣ гнѣздятся: дифтеритъ, скарлатина и корь всюду распространились теперь, благодаря переселенцамъ, и особенно развиваются въ годы неурожаевъ, какъ въ 1900 и 1901 гг.; тифъ распространяютъ ссыльные и арестанты, и каждая сибирская тюрьма, переполненная арестантами, является

разсадникомъ тифа для города и уѣзда; тифъ распространяется съ пріисковъ, съ рыболовныхъ песковъ, съ трактовъ, по которымъ двигаются ямщики и торговцы. Вблизи пріисковъ и вблизи мѣстъ, гдѣ замѣчается особенно скопленіе солдатъ (напр., Зайсанъ), распространены венерическія болѣзни, которыя среди русскаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей (Кашскій уѣз.) замѣтны не меньше, чѣмъ среди сѣверныхъ инородцевъ. Оспа, корь, даже инфлюэнца съ воспаленіемъ легкихъ стали поражать теперь и отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ инородцевъ. Очень распространены также въ Сибири первныя и вообще душевныя разстройства, особенно въ Приморской области и преимущественно среди образованнаго класса, и это обстоятельство стоитъ въ связи съ климатомъ и образомъ жизни. Переселенцы распространили въ Сибири трахому.

Хотя въ 1897 г. врачебная часть въ Сибири улучшилась — увеличилось число врачей, фельдшеровъ, больницъ, количество отпускаемыхъ лѣкарствъ, но въ общемъ она все-таки очень неудовлетворительна, особенно въ мѣстностяхъ скудно населенныхъ: врачей недостаточно по числу населенія, участки ихъ громадны по пространству, многія селенія находятся очень далеко и малодоступны, отрѣзаны болотами и рѣками (на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, въ тайгахъ и урманахъ, на Ангарѣ и др.), сельскимъ врачамъ поручено множество обязанностей, больницы очень малы и рѣдки, на лѣкарства отпускаются очень ничтожныя средства. Больницы приказа общественнаго призрѣнія въ городахъ очень плохи — въ нихъ царитъ холодъ, грязь, грубое обращеніе прислуги съ больными, дается плохая пища. Еще хуже поставлено дѣло помощи душевно-больнымъ. Санитарное дѣло и борьба съ эпидеміями поставлены совершенно неудовлетворительно. По причинѣ трудной доступности правильной

врачебной помощи среди сибирскаго сельскаго населенія сильно распространены знахари и знахарки, которые лѣчатъ острой водкой, сулемой, толченымъ хрусталемъ, древеснымъ порошкомъ, соскобленнымъ съ иконъ, разными заговорами и заклинаніями. Когда „хворь“ сильно одолѣваетъ какое-нибудь захолустное селеніе, то всѣмъ міромъ отстрѣливаются отъ нея.

Изъ особенныхъ мѣстныхъ болѣзней, существующихъ въ Сибири, нужно указать на зобъ, проказу и эмирячество, или мирячество. Зобъ встрѣчается въ Туринскомъ уѣз., въ долинахъ Алтая, по среднему и нижнему теченію Енисея, въ Иркутской губ., въ Верхоленскомъ и Киренскомъ уѣздахъ, по теченію Лены. Зобъ очень распространенъ въ узкихъ рѣчныхъ долинахъ съ глинистой почвой, плохо провѣтриваемыхъ. Онъ особенно быстро развивается у пришлыхъ людей, и скорѣе всего ему подвергаются дѣти, потомъ женщины. Многіе люди, зобатые съ дѣтства, въ то же время оказываются и идіотами. (Рис. 80). Страшная болѣзнь проказа, „лѣнивая смерть“, какъ называютъ ее якуты, съ давнихъ поръ гнѣздится въ Средне-Вилюйскомъ улусѣ, Вилюйскаго окр., въ обширной лѣсистой странѣ, покрытой болотами, гніющими озерами и сыпучими песками. Главное гнѣздо проказы—озеро Неджели (въ длину 70, въ ширину до 30 в.). Населеніе этой страны, усѣянной топкими болотами и гнилыми озерами, питается вонючей рыбой и прогнившимъ молокомъ, пьетъ стоячую, мутную озерную воду, заражающую воздухъ своими зловредными испареніями, живетъ въ страшной грязи и нечистотѣ. Въ прежнее время было нѣсколько неудачныхъ попытокъ собрать прокаженныхъ въ особо устроенныя колонія-больницы; и теперь въ 16 в. отъ Вилюйска существуетъ подобная колонія, на содержаніе которой съ 1895 г. изъ государственнаго казначейства отпускается по 7.000 въ годъ; при колоніи находятся врачъ, фельдшеръ, священникъ и нѣ-

сколько сестеръ милосердія. До самаго послѣдняго времени дѣла колоніи шли плохо: завѣдывавшіе ею постоянно ссорились, а больнымъ приходилось такъ тяжело, что они совершали побѣги. Число прокаженныхъ въ колоніи доходило до 50, хотя общее число ихъ въ округѣ не менѣе 150. Разлученные съ семьей и со всѣми родными, отверженные отъ всего остальнаго общества, оставленные какъ бы въ добычу своей

Рис. 80. Зобатая на Ленѣ.

жестокой болѣзни, уродующей тѣло и подкашивающей силы, несчастные прокаженные въ одиночку или небольшими общинами часто цѣлые десятки лѣтъ вла-

чатъ на берегахъ избѣгаемыхъ всѣми озеръ жалкую, безотрадную жизнь, исполненную мучительныхъ страданій, и не имѣютъ въ будущемъ ничего, кромѣ послѣдовательно возрастающихъ мученій и медленно подкрадывающейся смерти. Прокаженные живутъ въ жалкихъ юртахъ, въ спертомъ воздухѣ, въ грязи, темнотѣ, почти безъ всякой обстановки; одежду ихъ составляютъ грязныя коровьи и телячьи шкуры, носимыя цѣлыми годами. Пища доставляется прокаженнымъ разъ или два въ недѣлю, при чемъ кладется на условленное мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ юртъ. Проказа встрѣчается и въ Колымскомъ округѣ, въ Охотско-Камчатскомъ краѣ и изрѣдка въ Приамурьѣ. Когда прокаженный поселокъ вымретъ весь, якуты сжигаютъ всѣ юрты. Они такъ боятся проказы, что считаютъ прокаженной и рыбу того озера, изъ котораго ловили больные. Въ Якут. обл. существуютъ еще двѣ мѣстныя болѣзни — мэнріеръ и эмирячество. Первая болѣзнь похожа на кликушество: больной воетъ, кричитъ, разсказываетъ небылицы, причитаетъ, часто его сводитъ, ломаетъ, бросаетъ изъ угла въ уголъ, пока, истощившись, онъ не заснетъ. Этой болѣзни особенно подвержены женщины. Эмирячество выражается въ неудержимомъ стремленіи повторять какія-либо слова или дѣйствія. Больные вскрикиваютъ при появленіи страннаго для нихъ предмета, при внезапномъ стукѣ, повторяютъ поразившее ихъ слово, цѣлыя стихотворенія, даже на совершенно неизвѣстномъ имъ языкѣ. Одержимыхъ этой болѣзнью въ сильной степени можно заставить продѣлать, что угодно, исполнивши передъ ними то или другое дѣйствіе. Эмирячекъ парни заставляютъ плясать до упаду, становиться на голову и пр. Эмирячатъ чаще всего женщины, и чѣмъ старѣе, тѣмъ сильнѣе.

Увеличеніе населенія въ Сибири зависитъ и отъ естественнаго прироста и отъ прилива переселенцевъ

и ссыльныхъ. О движеніи инородческаго населенія было сказано во II части; относительно русскаго населенія нужно признать общимъ правиломъ, что городское населеніе (11,5% всего населенія) путемъ естественнаго прироста увеличивается гораздо медленнѣе, чѣмъ сельское. Напр., въ Тобольской губ. естественный приростъ сельскаго населенія въ 1899 г. равнялся — 17,4%, городского же только — 4,17%. Въ нѣкоторыхъ городахъ губерніи смертность даже преобладала надъ рождаемостью (Курганъ, Тюкалинскъ, Тара, Туринскъ). То же самое нужно сказать о Томскѣ и Иркутскѣ. Смертность въ Енисейскѣ за послѣднее десятилѣтіе равняется 44 человѣкамъ на 1.000 (для всей Россіи—33). Перевѣсъ смертности надъ рождаемостью нужно отмѣтить вообще для многихъ сибирскихъ городовъ, а если ихъ населеніе замѣтно увеличилось за послѣднее время, то это произошло не отъ естественнаго прироста, а отъ наплыва новоселовъ, ссыльныхъ и разныхъ лицъ, привлеченныхъ постройкой желѣзной дороги. Въ Иркутскѣ изъ 1000 родившихся до 5 лѣтъ умираетъ 473,9% ежегодно, и онъ стоитъ на 7 мѣстѣ въ ряду русскихъ городовъ съ такимъ же численнымъ составомъ населенія. Значительная смертность въ сибирскихъ городахъ происходитъ отъ господствующей въ нихъ грязи, нечистоты, обыкновенно плохого качества питьевой воды, скопленія уголовныхъ ссыльныхъ, не имѣющихъ занятій и пріюта, часто вспыхивающихъ эпидемій тифа, скарлатины и дифтерита.

Дѣло народнаго образованія въ Сибири поставлено въ настоящее время столь же неудовлетворительно, какъ и врачебное, вслѣдствіе отсутствія тамъ земскихъ учрежденій. Изъ слѣдующей таблицы, показывающей время открытія въ Сибири низшихъ народныхъ школъ, видно, какъ медленно происходитъ тамъ ростъ начальнаго народнаго образованія.

	1856—63 г.	1864—73 г.	1874—83 г.	1883—94 г.
Западно-сибир. учеб. окр. . .	54	206	241	359
Восточно-сибир. учеб. окр . .	31	35	42	195
Приамурскій край	11	18	61	135

Быстрое увеличеніе числа школъ за послѣднее десятилѣтіе (1883 — 1893), о которомъ имѣются точныя и вполнѣ обработанныя свѣдѣнія, происходило неравномѣрно по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ и областямъ: въ Енис.—въ 7 разъ, въ Примор. и Якутской—въ 4, Амур.—въ 3, Тоб., Том., Иркут. и Семипал.—въ 2; только въ одной Акмолин. обл. увеличеніе было очень слабо. Слѣдующая таблица показываетъ число правильно устроенныхъ низшихъ школъ къ 1 января 1894 г.

	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.	Всего.
Амурская обл.	5	57	62
Енисейск. губ.	28	141	169
Забайкал. обл.	31	158	189
Иркут. губ.	34	143	177
Сахалинъ.		9	9
Тобольск. губ.	55	343	398
Томская губ.	59	355	414
Якутская обл.	14	35	49
Акмолин. „	27	94	121
Семипал. „	19	57	76
Приморск. „	12	52	64
Всего . . .	284	1.444	1.728

Число учащихся въ этихъ правильно устроенныхъ школахъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Въ городахъ.	Всего въ губ. или обл.
Амурская обл.	635	2.825
Енисейская губ.	1.913	6.249
Забайкал. обл.	1.806	7.057

	Въ городахъ.	Всего въ губ. или обл.
Иркут. губ.	2.322	7.310
Тобольск. губ.	3.760	16.144
Томская губ	4.878	16.067
Якутская обл.	346	853
Акмол. обл.	2.215	5.165
Семипалат. обл.	1.412	2.893
Примор. обл.	528	1.917
Сахалинъ.		443
Всего.	19.815	66.923

Въ послѣдующее время начальное народное образованіе въ Сибири развивалось болѣе количественно, чѣмъ качественно; въ области Забайкальской, губерніяхъ Иркутской, Енисейской и особенно Томской замѣчается усиленное распространеніе школъ церковно-приходскихъ и школъ грамоты. Благодаря этой мѣрѣ, въ офиціальныхъ цифрахъ числа школъ и учащихся къ 1898 г. произошли слѣдующія измѣненія, очень замѣтныя по губерніямъ:

	Число школъ.	Число учащихся.
Въ Иркутской губ.	396	12.140
„ Енисейской „	226	9.041
„ Томской „	1.297	48.174
„ Забайкал. обл.	339	12.280

Путемъ усиленнаго распространенія домашнихъ школъ грамоты въ Томской губ. предполагалось даже ввести всеобщее обученіе. Школы церковно-приходскія и школы грамоты, отданныя въ вѣдѣніе духовенства, страдаютъ, особенно въ Том. губ., слѣдующими недостатками: крайне неудовлетворительными помѣщеніями, страшной скудостью учебныхъ пособій, крайне ничтожнымъ вознагражденіемъ преподавателямъ (3 — 5 р. въ мѣсяцъ), что влечетъ за собой въ высшей степени неудовлетворительный подборъ преподавателей, часто изъ старыхъ отставныхъ солдатъ, сапожниковъ и ссыльно-поселенцевъ; кромѣ того, и

скудное жалованье выплачивается неаккуратно. Слѣдующая таблица для Том. губ. за 1897 г. показываетъ всю неудовлетворительность состава учащихъ въ этихъ школахъ:

Уѣзды.	Количество школъ.	Количество учащихъ съ педагогич. подготовкой.
Барнаульскій	391	5
Маріинскій.	92	2
Каинскій	184	2
Змѣиногорскій	134	15
Томскій	182	0
Бійскій	170	90
Кузнецкій	144	0

Многія изъ этихъ школъ съ самаго начала значились только на бумагѣ, а въ послѣднее время стали сокращаться и въ отчетахъ, особенно въ Томской губерніи. Къ 1 января 1901 г. изъ 949 домашнихъ школъ въ Томской губерніи осталось всего 440. Если даже считать и подобныя школы, то, по даннымъ 1896 г., въ Сибири одно низшее учебное заведеніе приходилось на 2.600 жителей и на 4.938 кв. верстъ, такъ что показатель образованія для всей Сибири равнялся 1,23, т.-е. въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ для земскихъ губерній Евр. Россіи. Низшія школы въ Сибири открываются и содержатся почти исключительно на мѣстныя средства обществъ крестьянскихъ, казачьихъ, городскихъ и обществъ частныхъ (обществъ попеченія о начальномъ образованіи въ городахъ теперь около 20). За время съ 1856 — 1893 г. правительствомъ открыто только 10 низшихъ школъ. Нужда въ начальномъ образованіи въ Сибири очень велика: въ 1897 г., напр., вмѣсто 483 школъ въ Тоб. губ. было бы нужно ихъ 2.680, а вмѣсто 17.158 учащихся слѣдовало бы насчитывать 159.982 — по числу населенія. Въ одномъ Тюменскомъ уѣз., по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около

16.000 дѣтей, т.-е. 88%, остаются безъ школьнаго образованія. Въ Иркутской губ. изъ 33.500 дѣтей школьнаго возраста въ 1897 г. во всѣхъ школахъ было всего 10.866, т.-е. 1/3. Даже въ самомъ Томскѣ, гдѣ начальное образованіе поставлено лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ сибирскомъ городѣ, — до 50% дѣтей школьнаго возраста остается безъ образованія. Такимъ образомъ ростъ начальнаго образованія въ Сибири хотя и становится болѣе замѣтнымъ въ послѣднее время, но далеко отстаетъ отъ увеличенія потребности въ немъ, благодаря естественному приросту населенія и усиленному приливу новоселовъ, и притомъ далеко не всѣ открываемыя школы могутъ принести населенію дѣйствительную пользу вслѣдствіе крайне плохой ихъ постановки во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно замѣтить, что сибирскіе города затрачиваютъ на народное образованіе весьма замѣтную часть своихъ доходовъ. Къ числу низшихъ школъ въ Сибири нужно отнести нѣсколько сельскохозяйственныхъ (въ Степномъ краѣ и въ Том. губ.), техническихъ, желѣзнодорожныхъ, горныхъ, рѣчную (въ Благовѣщ.), городскія училища, которыя замѣняютъ собой уѣздныя и въ запад. Сибири, какъ почти всюду смѣшили ихъ въ восточной. Относительно грамотности сибирскаго населенія имѣются свѣдѣнія (по разработаннымъ даннымъ переписи 1897 г.) только для Приморской и Амурской областей и Сахалина.

	Общ. грамот.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Приморская..	24,7%	33,7%	8,3%
Амурская...	24,8%	33,5%	12,7%
Сахалинъ...	26,8%	25,1%	9,7%

Хотя грамотность въ указанныхъ мѣстностяхъ стоитъ выше, чѣмъ, напр., въ губерніяхъ Нижегородской, Калужской, Вологодской, но это объясняется не развитіемъ школъ, а тѣмъ, что тамъ временно живетъ

много пришлаго народа — чиновниковъ, торговцевъ, военныхъ. Въ Сибири встрѣчаются мѣстности съ поголовно неграмотнымъ русскимъ населеніемъ (напр., по Ангарѣ).

Въ Иркут. губ. на 1000 человѣкъ жителей грамотныхъ 19, въ Енисейской — 22, въ Якут. обл. 4, въ Южно-Уссур. краѣ — 28.

Средне-учебныя заведенія въ Сибири, особенно мужскія, содержатся почти исключительно на средства правительства. Въ настоящее время въ Сибири 10 мужскихъ гимназій, 15 женскихъ (въ томъ числѣ 2 частныхъ), кромѣ Маріинской 7-клас. школы въ Тобольскѣ и института для благородныхъ дѣвицъ въ Иркутскѣ, 6 реальныхъ училищъ, кромѣ средняго промышлен. учил. въ Иркутскѣ, 6 духовныхъ и 6 учительскихъ семинарій, учительскій институтъ и среднее коммерческое училище. Кромѣ того, въ очень многихъ городахъ Сибири, особенно уѣздныхъ, существуютъ женскія прогимназіи (3—4 класса). Для высшаго образованія въ Сибири открыты: университетъ и технолог. институтъ (въ Томскѣ) и восточный институтъ (во Владивостокѣ; въ началѣ 1905 г., по случаю войны, временно переведенъ въ Верхнеудинскъ). Томскій университетъ имѣетъ два факультета — медицинскій и юридическій. Большинство студентовъ — изъ духовныхъ семинарій. Институтъ въ настоящее время имѣетъ техническое и химическое отдѣленія. Томскій университетъ уже оказалъ свое просвѣтительное вліяніе на обширный край: нѣкоторые профессора занялись научнымъ изслѣдованіемъ различныхъ мѣстныхъ вопросовъ: напр., проф. Сапожниковъ далъ два цѣнныхъ труда объ Алтаѣ, проф. Соболевъ — рядъ работъ по мѣстнымъ хозяйственнымъ вопросамъ. Профессора и преподаватели университета и технологическаго института совершаютъ научныя поѣздки для изслѣдованія различныхъ естественно-

историческихъ мѣстныхъ вопросовъ. При университетѣ существуютъ два ученыя общества — естествоиспытателей и юридическое. Профессора читаютъ публичныя лекціи, участвуютъ въ мѣстной печати и мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществахъ. Восточный институтъ поставленъ неудовлетворительно и научнаго значенія не имѣетъ.

Изъ 10 естественно-историческихъ музеевъ, существующихъ въ сибирскихъ городахъ и содержимыхъ или на общественныя городскія, или на правительственныя средства, нужно отмѣтить Тобольскій губернскій музей, музей восточ.-сиб. отдѣла географ. о-ва въ Иркутскѣ и особенно Минусинскій, пользующійся заслуженной европейской извѣстностью. Для изученія Сибири въ различныхъ отношеніяхъ, преимущественно естественно-историческомъ, въ краѣ работаютъ слѣдующія ученыя общества: вост.-сиб. отдѣлъ геогр. о-ва съ подотдѣломъ въ Красноярскѣ, запад.-сиб. отдѣлъ въ Омскѣ съ подотдѣломъ въ Семипалатинскѣ, приамурскій отдѣлъ съ подотдѣлами въ Читѣ, Троицкосавскѣ и Владивостокѣ, комит. Тоб. музея, о-во изученія Алтая въ Барнаулѣ, о-ва естествоиспытателей и юридическое въ Томскѣ, о-ва врачей въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. Сюда же можно отнести о-ва сельскаго хозяйства въ Томскѣ, Красноярскѣ и др. городахъ. Вост.-сиб. отдѣлъ географ. о-ва въ Иркутскѣ, представляющій почтенное научное учрежденіе, 17 ноября 1901 г. праздновалъ свою 50-лѣтнюю годовщину. Отдѣлъ геогр. о-ва въ Иркут. сдѣлалъ много полезнаго для изученія Сибири; на страницахъ лѣтописи его ученой дѣятельности вписали свои блестящія имена Черскій, Чекановскій, Дыбовскій, Годлевскій, Потанинъ, Крапоткинъ. Онъ устроилъ цѣлый рядъ экспедицій, изъ которыхъ особенно замѣчательна послѣдняя, якутская, осуществленная на средства И. М. Сибирякова. Минусинскій музей,

созданный скончавшимся въ 1904 г. Н. М. Мартьяновымъ и руководимый имъ болѣе 25 лѣтъ, выпустилъ очень цѣнные труды: „Древности Минус. музея“, описанныя Клеменцемъ, и описанія своихъ коллекцій, составленныя Аргуновымъ, Яковлевымъ и др.

Періодическая печать въ Сибири получила особенное развитіе за послѣднее десятплѣтіе, и газеты выходятъ теперь почти во всѣхъ областныхъ городахъ Сибири и во всѣхъ губернскихъ: „Сибир. Лист.“ (Тоб.), „Степной Край“ (Омскъ), „Сибирская Жизнь“, „Сибир. Вѣстн.“, ежемѣсячное изданіе „Сибирскій Наблюдатель“, „Горныя Извѣстія“ и „Вѣстн. Сибир. жел. дороги“ (Томскъ), „Сибирскій Край“, „Сибир. Врачеб. Изв.“ (Красноярскъ), „Восточное Обозр.“ съ приложен. „Сибир. Сборн.“ (Иркутскъ), „Забайкалье“ (Чита), „Амурскій Край“ и „Амурская Газета“ (Благовѣщенскъ), „Владивостокъ“, „Дальній Вост.“ и „Восточ. Вѣстн.“ (Владивостокъ“ и „Семипалат. Листокъ“ Изъ уѣздныхъ городовъ газеты выходятъ лишь въ Тюмени („Сибирская Торгово-Пром. Газ.“), въ Никольскѣ-Уссурійскомъ („Лист. Ник.-Ус.“), въ Верхнеудинскѣ („Верхнеуд. Лист.“) и въ Троицкосавскѣ „Байкалъ“. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ Барнаулъ, Минусинскъ, изданіе газетъ не разрѣшается, несмотря на многократныя ходатайства. Сибирскія періодическія изданія чрезвычайно страдаютъ отъ цензуры и потому далеко не приносятъ населенію той пользы, которую, несомнѣнно, могли бы приносить.

Для распространенія книгъ среди мѣстнаго населенія нѣкоторыя о-ва попеченія о начальн. образованіи устроили склады для продажи книгъ, открыли безплатныя народныя библіотеки-читальни; во многихъ городахъ открыты также общественныя дешевыя библіотеки. Продажа книгъ въ селахъ при волостныхъ правленіяхъ и школахъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Народныя чтенія встрѣчаютъ, какъ и всюду, препятствіе въ маломъ количествѣ разрѣшен-

ныхъ вещей и вслѣдствіе очень ограниченнаго круга лицъ, которымъ позволяется устраивать такія чтенія. Общества попеченія о начальн. образов. вообще очень полезны для распространенія грамотности: они снабжаютъ школы книгами и учебными пособіями, помогаютъ бѣднымъ учащимся, даже открываютъ и содержатъ школы и библіотеки. Въ Тоб. губ. открылись два такихъ общества для сельскихъ учащихся, въ Томскѣ — о-во для распространенія книгъ среди сельскаго населенія.

Такъ какъ земледѣліе и скотоводство составляютъ основное и главное занятіе сибирскаго населенія, то понятно, что послѣднее должно распредѣлиться главнымъ образомъ не по городамъ, а по деревнямъ и селамъ. И дѣйствительно, только едва одна десятая часть (11,5%) обитателей Сибири живетъ въ городахъ, да и въ нихъ, особенно въ чисто-земледѣльческой полосѣ, значительная часть населенія не оставляетъ сельско-хозяйственныхъ занятій. Инородческое населеніе, въ силу своей полной зависимости отъ рѣки, тундры, лѣса и степи, вслѣдствіе частыхъ передвиженій или за поисками средствъ пропитанія (звѣроловы, охотники), или потому, что эти передвиженія необходимы для тѣхъ домашнихъ животныхъ, отъ которыхъ зависитъ его существованіе (оленеводы, коневоды, овцеводы),—необходимо должно жить небольшими обществами, въ легкихъ переносныхъ жилищахъ. Только инородцы-рыболовы по Оби и Енисею, якуты и отчасти буряты живутъ въ постоянныхъ деревянныхъ постройкахъ изъ дерева, но и они соединяются лишь въ небольшія поселенія: для поддержанія жизни каждаго скотовода необходимо много скота, а послѣдній требуетъ большой пастбищной площади. Въ II ч. мы уже упоминали, какъ называются поселенія различныхъ инородцевъ и какой видъ они представляютъ. Русское населеніе всюду живетъ осѣдло, какъ на бе-

регахъ Колымы, такъ и въ степяхъ Акмолинской и Семипалатинской областей. Въ сѣверной Сибири чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ селенія становятся меньше и бѣднѣе: если на Оби встрѣчаются такія обширныя и многолюдныя селенія, какъ Самарово и Обдорскъ, то подобныхъ уже нѣтъ по Енисею, ниже Енисейска, а въ низовьяхъ Лены одинъ только Булунъ едва приближается по своей величинѣ къ селеніямъ по Енисею; еще далѣе къ востоку самые города, какъ Верхоянскъ и Средне-Колымскъ, безконечно хуже Самарова и Обдорска. (Рис. 81). Старые, покосившіеся деревянные домики, часто безъ тесовыхъ крышъ, съ плохими и немногочисленными службами, неправильно разбросанные по болотистой площадкѣ, всюду навозъ и грязь,— таковъ общій видъ русскихъ поселеній далекаго сѣверо-востока. Въ средней полосѣ Сибири и южной земледѣльческой села и деревни очень обширны, хотя также съ неправильными, извилистыми улицами; замѣтно много порядочныхъ, даже двухъэтажныхъ домовъ; при каждомъ домѣ обширныя усадьбы со службами. Таковы старожильскія поселенія. Деревни новоселовъ, особенно недавно прибывшихъ, гораздо меньше, бѣднѣе; невысокіе деревянные срубы обыкновенно съ земляными крышами тѣсно жмутся другъ къ другу. Въ Степномъ краѣ старожильское казачье населеніе живетъ въ станицахъ съ широкими прямыми улицами, обыкновенно по 4 дворовыхъ усадьбы въ каждомъ квадратѣ, выходящихъ на 4 улицы. Усадебныя мѣста не велики, да казаки и содержатъ вообще меньше рогатаго скота и меньше занимаются земледѣліемъ, чѣмъ крестьяне-старожилы средней и южной полосъ Сибири. Новоселы, нахлынувшіе теперь въ Степной край, живутъ обыкновенно небольшими поселками въ постройкахъ изъ саманнаго кирпича (смѣсь рубленой соломы съ глиной), низкихъ, сѣрыхъ, приземистыхъ, съ земляными крышами. Земледѣльческое осѣдлое на-

селеніе Сибири въ старину жило по рѣкамъ и рѣчкамъ небольшими деревнями въ 4—5, а иногда и одинъ дворъ. Эти маленькія деревни въ 5—6 дворовъ нерѣдки и те-

Рис. 81. Средне-Колымскъ.

перь въ тарскихъ урманахъ, чулымской тайгѣ, по притокамъ Ангары и въ тайгахъ Минусинскаго уѣзда.

До самаго послѣдняго времени „дверью“ изъ Сибири въ Европейскую Россію была Тюмень, уѣздный городъ Тобольской губерніи, до котораго была проведена желѣзная дорога отъ Перми и откуда начинался водный путь до Томска. Тюмень — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русской Сибири (основана въ 1586 г.)— хотя по богатству и населенности (30.000) является первымъ городомъ Тобольской губерніи, но внутри очень непривлекательна: улицы, за исключеніемъ одной мощеной и нѣсколькихъ переулковъ, ведущихъ къ пристанямъ, чрезвычайно грязны, красивыхъ зданій очень мало. Изъ выдающихся учрежденій города

можно указать только на прекрасное зданіе реальнаго училища съ богатымъ естественно-историческимъ мѣстнымъ музеемъ. Обработка продуктовъ животноводства — старинный промыселъ Тюмени, и теперь въ ней находятся заводы кожевенные (одинъ изъ первыхъ въ губерніи заводъ Колмогоровыхъ), шубные, свѣчные, мыловаренные. Еще до учрежденія пароходства по Турѣ, Тоболу и Оби Тюмень славилась тѣмъ, что отъ нея въ разныя стороны направлялись грузы, прибывающіе изъ-за Урала. Съ 40-хъ годовъ пароходство начало смѣнять извозный промыселъ и достигло особаго развитія въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ Тюмени существуетъ поэтому обширный пароходный заводъ Игнатова. Благодаря тому же положенію — въ концѣ воднаго пути изъ Сибири — Тюмень начала стягивать хлѣбъ, и въ ней развилась хлѣбная торговля. Сибирская желѣзная дорога очень подорвала значеніе Тюмени. Такъ какъ всѣ землечерпательныя работы по углубленію Туры и устраненію перекатовъ на ней оказались неудачными (Тура — рѣка съ слишкомъ неустойчивыми берегами и часто измѣняющимся песчанымъ дномъ), то Тюмень можетъ отчасти сохранить свое прежнее значеніе лишь тогда, когда будетъ соединена желѣзною дорогой съ Тобольскомъ: грузы будутъ итти водой до Тобольска, и потому общее передвиженіе ихъ будетъ стоить дешевле. Но эта желѣзная дорога будетъ полезнѣе для Тобольска, чѣмъ для Тюмени: черезъ нее грузы будутъ проходить, не останавливаясь. Для Тюмени полезнѣе окажется дорога на Омскъ: пройдетъ по населеннымъ хлѣбороднымъ мѣстностямъ.

Тобольскъ, заложенный въ 1587 г., въ теченіе всего XVII и части XVIII в. былъ столицей Сибири (рис. 82). Вслѣдствіе долговременнаго первенствующаго значенія Тобольска для всей Сибири памятники старины сохранились въ немъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ

другихъ сибирскихъ городахъ, несмотря на его неоднократные громадные пожары: въ немъ нѣсколько старинныхъ церквей, кремль съ башнями и нѣсколькими старинными зданіями, построенная плѣнными шведами ворота-башня. Въ настоящее время на городѣ лежитъ печать упадка: новыхъ зданій мало, и прежнія сильно постарѣли; болотистыя улицы вымощены досками, часто усѣянными щелями; передъ домами расположены открытыя канавы съ заплѣснѣвѣвшею водой. Населеніе города почти не увеличивается ($20^1/_2$ тыс.). Его торгово-промышленное значеніе ничтожно. Нѣкоторые тобольскіе купцы занимаются рыбопромышленностью въ низовьяхъ Оби.

Подорвавъ значеніе Тюмени, сибирская желѣзная дорога, наоборотъ, очень подняла Омскъ. Основанный

Рис. 82. Тобольскъ.

въ 1716 г., какъ крѣпость на оборонительной линіи противъ не покорешныхъ тогда киргизовъ, онъ получилъ важное значеніе, находясь на судоходномъ Иртышѣ

и имѣя поэтому сравнительно легкое сообщеніе съ верховыми городами. Когда Киргизская степь была окончательно замирена, Омскъ получилъ только административное значеніе, какъ мѣстопребываніе сначала генералъ-губернатора всей западной Сибири, а потомъ — степного и вообще какъ мѣсто главнаго управленія степными областями. Только съ проведеніемъ желѣзной дороги оживился сонный чиновничій Омскъ. Теперь тамъ до 50 тыс. жителей. Оживленіе Омска связано съ движеніемъ къ нему хлѣба и продуктовъ скотоводства по Иртышу для вывоза по желѣзной дорогѣ. Въ Омскѣ находится лучшая въ Сибири табачная фабрика.

Томскъ, самый большой и богатый городъ западной Сибири, соединенъ съ сибирскою желѣзною дорогой 60-тиверстною вѣткой отъ станціи Тайга (рис. 83). Онъ основанъ въ 1604 г., какъ острогъ, откуда шло покоре-

Рис. 83. Большая улица въ Томскѣ.

ніе окрестныхъ инородцевъ, и лишь въ этомъ состояло все его значеніе въ XVII в. Съ 1708 г. онъ сталъ уѣзднымъ городомъ и съ 1714 г. приписанъ къ Ени-

Рис. 84. Томскій университетъ.

сейской провинціи, а въ 1797 г. сдѣланъ областнымъ городомъ и приписанъ къ Тобольской губерніи. Губернскимъ городомъ онъ сталъ съ 1804 г. Въ настоящее время Томскъ, имѣющій болѣе 60 тыс. жителей, является первымъ въ Сибири по постройкамъ, оживленію, обилію просвѣтительныхъ и ученыхъ учрежденій. Въ немъ находятся: университетъ (рис. 84), технологическій и учительскій институты, мужская и 2 женскихъ гимназіи, реальное и коммерческое училища, духовная семинарія, выходятъ 4 газеты и одинъ журналъ, существуютъ ученыя общества, театръ съ оперной и драматической труппами, очень дѣятельное общество попеченія о начальномъ образо-

ваніи, владѣющее обширнымъ зданіемъ безплатной народной библіотеки съ зрительнымъ заломъ, и вообще много различныхъ обществъ. Если въ Томскѣ еще болѣе разовьется промышленная дѣятельность въ томъ направленіи, что тамъ сырье будетъ подвергаться нѣкоторой переработкѣ для вывоза (зерно въ мукѣ, продукты скотоводства въ полуобработанномъ видѣ) и главнымъ образомъ для вывоза за границу по Оби и далѣе морскимъ путемъ,— то и сибирская желѣзная дорога не подорветъ его значенія.

Свое оживляющее дѣйствіе желѣзная дорога оказала и на Барнаулъ. Барнаульскій сереброплавильный заводъ былъ основанъ Демидовымъ въ 1738 г. и въ 1771 г. сдѣланъ главнымъ мѣстомъ управленія казенными алтайскими заводами. Съ значительнымъ сокращеніемъ съ 1882 г. горнозаводской дѣятельности, признанной, наконецъ, невыгодной для казны, въ Барнаулѣ стала развиваться хлѣбная торговля, которая приняла теперь весьма обширные размѣры, благодаря движенію хлѣбныхъ грузовъ съ верховьевъ Оби, на которой стоитъ Барнаулъ. По внѣшнему виду Барнаулъ — одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Сибири: правильныя улицы, обставленныя красивыми домами, обиліе зелени. Сереброплавильный заводъ передѣланъ теперь въ лѣсопильный. Городъ славится производствомъ „барнаульскихъ“ шубъ, распространенныхъ по всей Сибири. Изъ просвѣтительныхъ учрежденій города нужно указать на обширный „народный домъ“. Жителей въ Барнаулѣ 30 тыс.

Красноярскъ, главный городъ Енисейской губерніи, имѣетъ чрезвычайно выгодное расположеніе — онъ стоитъ на пересѣченіи Енисея желѣзною дорогой. Населеніе его быстро возросло, и въ настоящее время въ немъ болѣе 40 тыс. Изъ замѣчательностей Красноярска нужно отмѣтить желѣзнодорожный мостъ черезъ Енисей $434^1/_4$ саж. длиной и частную библіотеку Юдина, вто-

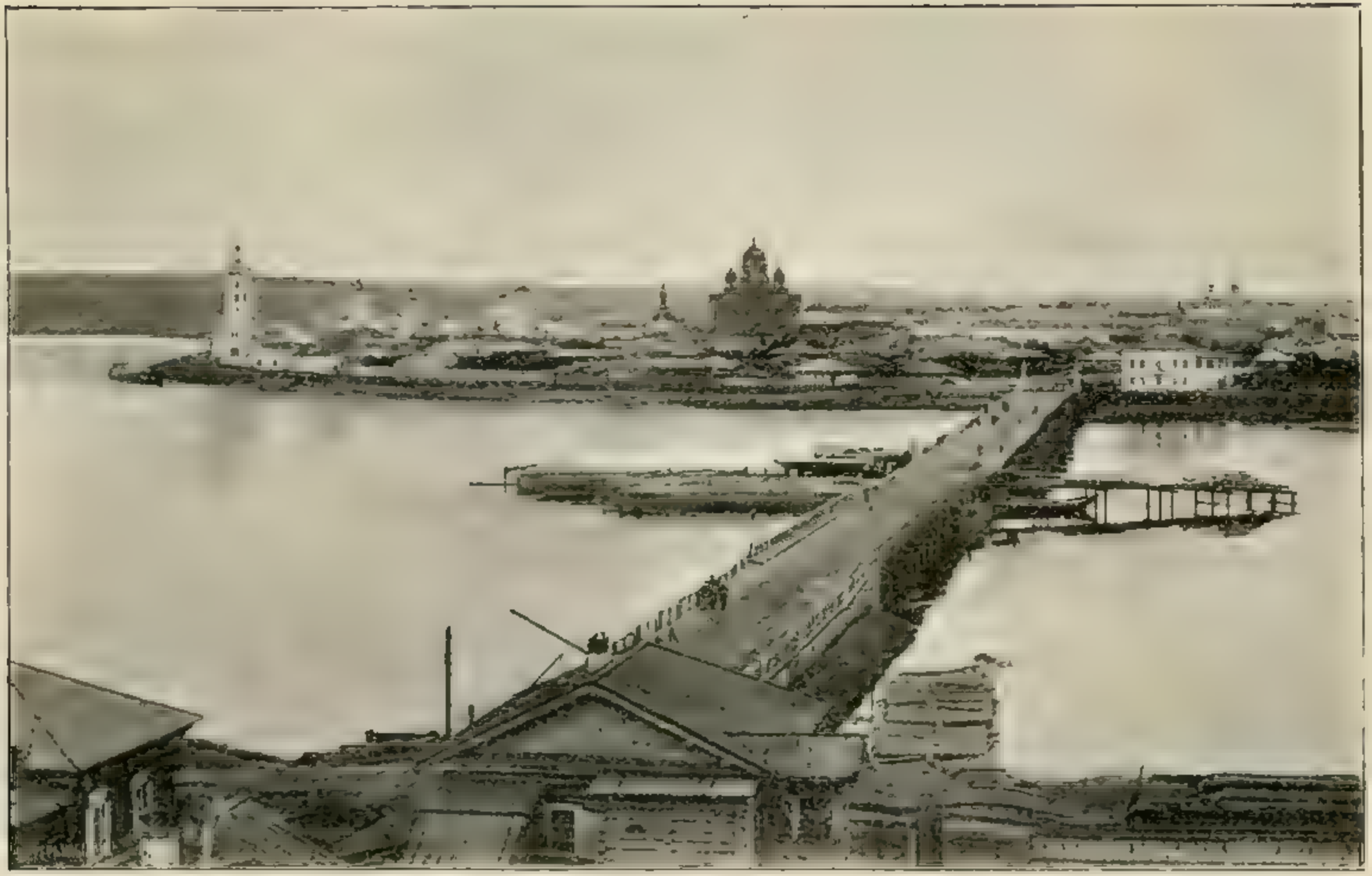

Рис. 85. Иркутскъ.

рую въ Сибири послѣ томской университетской. Значеніе Красноярска еще болѣе увеличится, когда усилится отпускъ хлѣба изъ Минусинскаго уѣзда на востокъ, и когда станетъ возможенъ экспортъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ губерніи за границу сѣвернымъ морскимъ путемъ.

Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенную важность для Енисейска. Основанный въ 1618 г., Енисейскъ долгое время стоялъ на проѣзжей дорогѣ въ восточную Сибирь, славился своею торговлей и мѣховою ярмаркой и въ 1724 г. былъ сдѣланъ даже главнымъ городомъ Енисейской провинціи. Въ первой четверти текущаго столѣтія прекратилось значеніе Енисейска, какъ важнаго мѣхопромышленнаго рынка. Возникшая съ 30-хъ годовъ золотопромышленность снова и еще болѣе подняла значеніе города; теперь она сильно упала, и вся будущность Енисейска тѣсно связана съ сѣвернымъ морскимъ путемъ, если только въ енисейской тайгѣ не откроются новыя и богатыя мѣсторожденія золота. Число жителей въ Енисейскѣ доходитъ до $11^1/_2$ тыс.

Посланный изъ Енисейска въ 1652 г. казенный приказчикъ Иванъ Похабовъ основалъ на Ангарѣ Иркутскъ, сначала просто зимовье, потомъ острогъ, а нынѣ городъ, имѣющій до 70 тыс. жителей (рис. 85). Въ 1682 г. Иркутскъ былъ уже самостоятельнымъ воеводствомъ и черезъ 100 лѣтъ, въ 1773 г. — намѣстничествомъ. Съ 1803 г. Иркутскъ сталъ главнымъ городомъ всей Сибири, а съ 1822 г. дѣлается центромъ управленія также очень обширной страны — всей восточной Сибири. Исторія Иркутска богаче и разнообразнѣе исторіи всѣхъ прочихъ городовъ Сибири. Какъ центръ административнаго управленія, управленія золотопромышленностью всей восточной Сибири, какъ мѣсто, изъ котораго происходило дальнѣйшее движеніе всякихъ грузовъ на востокъ и въ Якутскую область,

Иркутскъ чрезвычайно разбогатѣлъ и оживился (рис. 86 и 87). Съ проведеніемъ желѣзной дороги значеніе Иркутска должно сильно уменьшиться: грузовое движеніе сдѣлалось прямымъ, безъ перегрузки въ Иркутскѣ; мѣстная промышленность развита слабо; губернія не представляетъ благопріятныхъ условій для отпуска сельскохозяйственныхъ продуктовъ; золотопромышленность падаетъ, и управленіе ею передвигается на вос-

Рис. 86. Большая улица въ Иркутскѣ.

токъ; учрежденіе приамурскаго генер.-губ., отнявъ у Иркутска сосѣднее Забайкалье, умепьшило и его административное значеніе. Иркутскому генер.-губ. подчинены теперь только губ. Иркутская, Енисейская и обл. Якутская. Иркутскъ представляетъ собой правильно построенный городъ съ значительнымъ количествомъ красивыхъ зданій, какъ зданіе музея, театра, воспитательнаго дома Базановыхъ и др. (Рис. 88, 89 и 90). Иркутскіе капиталисты прославились во всей Сибири своими крупными пожертвованіями въ

пользу благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій родного города.

Якутскъ, основанный въ1632 г. (рис. 91, 92, 93), въ XVII и XVIII столѣтіяхъ былъ извѣстенъ, какъ главный мѣховой рынокъ Сибири (соболи, бобры, черно-бурыя лисицы, голубые песцы). Теперь — это городъ съ 6—7 тысячами жителей, административный центръ огромной и почти безлюдной страны. Вслѣдствіе продолжительности зимнихъ холодовъ, неудобства жилищъ и дороговизны всѣхъ привозныхъ предметовъ жизнь въ Якутскѣ очень тяжела.

Минуя Читу, главный городъ Забайкальской обл., сильно разросшійся въ самое послѣднее время, благодаря исключительно постройкѣ желѣзной дороги, и Троицкосавскъ съ слободой Кяхтой (рис. 94), занятой

Рис. 87. Видъ Иркутска.

чайной торговлей и перевозкой чаевъ, — переходимъ къ городамъ Приамурья. Города эти, особенно въ Приморской области, отличаются замѣчательно быст-

Рис. 88. Внутренность храма Вознесенскаго монастыря въ Иркутскѣ.

рымъ ростомъ; за послѣднія 15 лѣтъ ихъ населеніе увеличилось болѣе чѣмъ втрое, число зданій — также втрое, число прибывшихъ торговыхъ судовъ — въ пять

Рис. 89. Музей географическаго общества въ Иркутскѣ.

разъ. Ростъ приамурскихъ городовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ быстраго увеличенія въ нихъ военныхъ и чиновниковъ, что вызываетъ и ростъ торговли, и постройку зданій, преимущественно казенныхъ.

Благовѣщенскъ, при сліяніи Зеи съ Амуромъ, главный городъ Амурской области съ населеніемъ въ 40 т. человѣкъ (основанъ въ 1856 г.), быстро разросся и пріобрѣлъ важное значеніе. Благовѣщенскъ производитъ пріятное впечатлѣніе своими широкими, прямыми улицами, обиліемъ садовъ, бульваромъ на набережной. Для Благовѣщенска весьма важны близость пріисковъ и положеніе его на Амурѣ, представляющемъ водный путь между Срѣтенскомъ, гдѣ желѣзная дорога оканчивается, и Хабаровскомъ, откуда она продолжается до Владивостока.

Еще болѣе молодымъ является Хабаровскъ (городомъ сдѣланъ только въ 1880 г.). Расположенный при впаденіи Уссури въ Амуръ и въ началѣ желѣзной дороги на Владивостокъ, Хабаровскъ сдѣлался важнымъ административнымъ центромъ, какъ мѣстопребываніе приамурскаго генер.-губерн. и главнаго управленія всѣмъ краемъ. Городъ расположенъ весьма живописно по холмамъ на берегу Амура. Его населеніе доходитъ до 18 тыс.

Владивостокъ, на мѣстѣ котораго лѣтъ 40 тому назадъ стояло лишь нѣсколько домиковъ по сосѣдству съ первобытнымъ лѣсомъ, раскинулся по скатамъ высокихъ холмовъ во всю длину залива. (Рис. 95). Кли-

Рис. 90. Базановскій воспитательный домъ въ Иркутскѣ.

матъ Владивостока по суровости напоминаетъ климатъ Архангельска, Вазы или южной Камчатки и притомъ въ одной половинѣ года совершенно сѣверный и конти-

пентальный (до 25° мороза при сѣв.-вост. вѣтрѣ), и въ другой — южный и морской при юго-западныхъ вѣтрахъ и неспосныхъ туманахъ. Въ настоящее время

Рис. 91. Площадь въ Якутскѣ (соборъ и областное правленіе).

городъ имѣетъ до 50 т. жителей, значительную часть которыхъ составляютъ военные. Замѣтно также присутствіе инородцевъ — корейцевъ (коули) и китайцевъ (манзъ). Владивостокъ — единственный морской портъ Сибири, куда приходитъ до 400 судовъ ежегодно и изъ нихъ русскихъ не болѣе $^1/_5$. Торговля города до послѣдняго времени была въ рукахъ иностранцевъ (до 75%); порто-франко въ Портъ-Артурѣ очень подорвало значеніе Владивостока.

Въ заключеніе о сибирскихъ городахъ средней и южной земледѣльческихъ полосъ Сибири слѣдуетъ сказать, что общественная жизнь въ нихъ течетъ гораздо живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ городахъ средней Россіи; это особенно замѣтно въ большихъ городахъ Сибири, какъ Томскъ, Барнаулъ, Красноярскъ, Иркутскъ.

Другой, бросающейся въ глаза, чертой жизни сибирскихъ городовъ является обиліе кражъ, грабежей

и убійствъ. Преступленія особенно увеличиваются въ годы неурожая и безработицы, и виновниками ихъ почти всегда оказываются уголовные ссыльные. Даже въ крупныхъ административныхъ центрахъ, какъ Иркутскъ, Красноярскъ, преступленія приводятъ въ ужасъ все населеніе, и убійства даже на улицахъ совершаются необыкновенно часто. Жизнь и собственность въ сибирскихъ городахъ до сихъ поръ вообще остаются обезпеченными далеко недостаточно.

Жизнь Сибири за послѣднія 13 лѣтъ испытала цѣлый рядъ быстрыхъ и замѣтныхъ перемѣнъ: пересе-

Рис. 92. Старинныя башни въ Якутскѣ.

ленческій потокъ, усилившійся до неслыханныхъ раньше размѣровъ, заполнилъ собою не только всѣ, остававшіяся свободными, удобныя мѣстности для

земледѣльческаго хозяйства, но проникъ и въ такія, гдѣ нужны или предварительная вырубка лѣса и осушеніе почвы, какъ въ таёгахъ и урманахъ, или,

Рис. 93. Старинная церковь въ Якутскѣ.

наоборотъ,—обводненіе, какъ въ Киргизской степи; прежняя безграничная свобода для сибирскаго крестьянства въ пользованіи землею и лѣсомъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и поддерживалось его благосостояніе, — исчезла безповоротно; желѣзная дорога усложнила хозяйственную жизнь Сибири и необычайно ускорила ея развитіе, до небывалыхъ размѣровъ увеличила вывозъ сырья, измѣнила характеръ торговли, вызвала возникновеніе новыхъ торговыхъ центровъ и упадокъ нѣкоторыхъ прежнихъ, почти совсѣмъ уничтожила нѣкоторые прежніе промыслы (извозъ, напр.) и вызвала къ жизни новые, какъ, напр., маслодѣліе; она, наконецъ, увеличила ввозъ въ Сибирь обработанныхъ

фабрикатовъ, привлекла туда много новыхъ людей улучшеніемъ и удешевленіемъ проѣзда и открывшейся возможностью найти новые источники заработковъ, главнымъ образомъ въ видѣ устройства вывоза сырья. Но быстрыя и рѣзкія перемѣны въ хозяйственномъ строѣ сибирской жизни повлекли за собой уже теперь ощущаемыя послѣдствія для ея инородческаго и крестьянскаго населенія. Почти всюду уже совершившійся переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное, усиленное требованіе рынка на сырье растительнаго и животнаго происхожденія при замѣтно и быстро возросшемъ населеніи и при ограниченіи въ пользованіи хозяйственными угодьями,—вызвало усиленное добываніе сырья для вывоза на отдаленные рынки, при чемъ, конечно, нѣтъ мѣста для бережливаго и раз-

Рис. 94. Кяхта.

счетливаго отношенія къ дарамъ природы, какъ рыба, звѣрь, дичь, такъ что добываніе этихъ продуктовъ уже и теперь превысило ихъ наростаніе естественнымъ

путемъ, и, такимъ образомъ, сѣверные инородцы и та часть русскаго населенія, которая еще занимается рыболовствомъ и охотой, должны выносить въ настоящее время на рынокъ то, что раньше шло на собственное потребленіе. Скотоводство, главный источникъ существованія для киргиза и бурята, теперь значительно сокращается, потому что сократился размѣръ пастбищъ, занимаемыхъ въ настоящее время переселенцами для малоуспѣшнаго здѣсь земледѣльческаго хозяйства. Земледѣльческіе пріемы сибирскихъ крестьянъ-старожиловъ и новоселовъ, попрежнему первобытные, остались при одномъ усиленномъ распахиваніи почвы, въ общемъ далеко не богатой природными питательными веществами. Привычное небрежное отношеніе къ лѣсу и неразсчетливое пользованіе имъ осложнилось теперь неуваженіемъ къ нему, какъ къ чужой, казенной собственности (пользованіе имъ весьма ограничено теперь примѣненіемъ лѣсоохранительныхъ правилъ), что вызываетъ даже преднамѣренные поджоги лѣсовъ. Лѣсные пожары и неразсчетливое повсемѣстное распахиваніе цѣлины произвели какія-то неблагопріятныя измѣненія въ климатическомъ равновѣсіи земледѣльческой части Сибири, и засухи стали охватывать сразу огромныя пространства, вызывая собой появленіе новаго страшнаго врага земледѣльца — кобылки. Такимъ образомъ, въ хозяйственномъ благосостояніи и земледѣльческаго населенія Сибири уже обнаруживается нѣкоторый упадокъ. Это тѣмъ болѣе опасно въ будущемъ, что Сибири на долгое время предстоитъ быть страной вывоза сырья исключительно животнаго и растительнаго происхожденія. Тѣмъ необходимѣе поэтому для Сибири совокупность мѣропріятій, которыя бы могли поднять общій уровень образованія въ странѣ и внушить сибирскому крестьянству здравыя сельско-хозяйственныя понятія въ такой степени, чтобы все насе-

Рис. 95. Владивостокъ.

леніе поддерживало общія мѣры, направляемыя къ возстановленію и сохраненію постояннаго равновѣсія творческихъ силъ природы, сочувствовало бы этимъ мѣрамъ, потому что понимало бы ихъ значеніе. Это возможно, конечно, лишь тогда, когда само населеніе будетъ призвано къ непосредственнымъ заботамъ о своемъ хозяйственномъ благополучіи въ формѣ земскихъ учрежденій [1]) съ широкимъ просторомъ для дѣятельности. Многолѣтній опытъ показалъ уже, что обычный путь устроенія Сибири — созданіе новыхъ чиновничьихъ должностей, выработанныя въ канцеляріяхъ предположенія, всевозможные приказы и распоряженія по соотвѣтствующимъ вѣдомствомъ,— не въ состояніи поставить въ Сибири на должную высоту ни народное образованіе, ни врачебное и ветеринарное дѣло, ни создать мелкій крестьянскій кредитъ и правильное ознакомленіе сибирскаго сельскаго населенія съ улучшенными пріемами обработки земли. Общественная жизнь Сибири должна быть также улучшена путемъ оздоровленія и освѣженія ея съ разныхъ сторонъ: окончательной отмѣной ссылки безъ всякихъ ограниченій и упорядоченіемъ быта тѣхъ 300.000 уголовныхъ ссыльныхъ, которые находятся теперь въ Сибири; улучшеніемъ суда путемъ введенія присяжныхъ и увеличенія числа мировыхъ судей при необремененіи ихъ обязанностями слѣдователей; улучшеніемъ медицинской части и серьезными мѣрами для охраны сѣверныхъ инородцевъ; наконецъ, самымъ широкимъ распространеніемъ образованія путемъ открытія хорошо поста-

---

[1]) 3 апр. 1905 г. правительство рѣшило ввести земскія учрежденія въ губерніяхъ Томской и Тобольской и въ предѣлахъ иркутскаго генералъ-губернаторства. Эта реформа будетъ полезна для Сибири въ томъ случаѣ, если мѣстному самоуправленію будетъ предоставлена полная свобода, и если земскія учрежденія будутъ вырабатываться въ ихъ подробностяхъ и вводиться при живомъ и свободномъ участіи мѣстнаго населенія.

вленныхъ новыхъ школъ, библіотекъ, обществъ распространенія грамотности, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній и т. п.

Только подъемъ и улучшеніе жизни Сибири во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ начинаніями, средствами и силами самоуправляющагося мѣстнаго населенія, а не одностороннее добываніе и вывозъ на отдаленные рынки ея животныхъ и растительныхъ богатствъ, могутъ создать удовлетворительныя условія не только для существованія старожиловъ и уже пришедшихъ туда переселенцевъ, но еще даже давать возможность водворяться тамъ новымъ насельникамъ изъ Евр. Россіи и вообще упрочить благосостояніе этой страны.

УКАЗАТЕЛЬ

книгъ, брошюръ и статей, принятыхъ во вниманіе при составленіи книги [1]).

О происхожденіи слова „Сибирь“. *С. Паткановъ.* („Спб. Сборн.“ 1891, II.)

Окраины Россіи. Подъ редакціей *П. П. Семенова.* 1900.

Сибирь и сибирская желѣзная дорога. Изд. м-ва финансовъ. 1896.

Сибирь какъ колонія. *Н. Ядринцевъ.* 1894.

En Sibérie. *Jules Legrus.* 1899.

Черезъ Сибирь. *Дѣдловъ.* 1900.

Живописная Россія, т. XI. (Запад. Сибирь.)

Памятная кн. Семипалат. обл. за 1902 г.

Въ уголкахъ Степного края. *И. Головачевъ.* („Спб. Жизнь“ 1900 г. №№ 32, 33, 34, 38.)

Матеріалы по Кокчетавскому уѣзду. *Ф. Щербина.* 1898.

Бараба. *Миддендорфъ.* 1871.

Бараба и Кулундинская степь въ предѣлахъ Алтайскаго окр. „Труды геологической части Кабинета Е. В.“, *Танфильевъ.* т. V, вып. I.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государств. крестьянъ и инородцевъ Западн. Сибири.

На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. *Бартеневъ.* 1896.

Нарымскій край. *Плотниковъ.* 1902.

Каталогъ и объясненія коллекцій Тоб. губ. музея на Нижегород. выст. 1896 г. Ч. VII. Сѣверный отдѣлъ.

За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. *А. Гедеоновъ.* („Рус. Бог.“ 1896, № 6)

Якутскій берегъ Ледовитаго океанъ. *В. Сырошевскій.* „Землевѣдѣніе“, 1903, № 1.

Алтай. *Голубевъ.* 1890. Изд. В. А. Г—ва.

По Алтаю. *Сапожниковъ.* 1897.

---

[1]) Мелкія замѣтки и сообщенія не указаны.

Краткій очеркъ Алтая. *Сапожниковъ.* (Сибир. торгово-промышл. календ. Ф. Романова. 1900.)
Русскій Алтай. *Соболевъ.* („Землевѣд.“ 1896, III—IV.)
Горный Алтай и его населеніе. *С. Швецовъ.*
Живописная Россія, т. XII. (Восточ. Сиб.)
Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркут. и Енис. губ.
Енисейская губернія. *Латкинъ.* 1892.
Очерки Минусинскаго края. *А. Адріановъ.* Сибир. торгово-пром. календ. Романова 1904.
Матеріалы Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Куломзина комиссіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. 1898.
Изъ Восточнаго Забайкалья. („С.-Пет. Вѣд.“. 1902 г. № 346).
Описаніе Амурской обл. *Грумъ-Гржимайло.* 1894.
Очеркъ Приморской области. *Унтербергеръ.* 1900.
Нашъ Дальній Востокъ. *Шрейдеръ.* 1898.
Приамурскій край на амурско-приморской выставкѣ 1899 г. *Е. Т. Смирновъ* Хабаровскъ 1899.
Наши приморскія владѣнія. *Б. Ж.* („Естествоз. и Геог.“ 1902, № 4)
Очеркъ Уссурійскаго края. (Сибир. торгово-промышл. календ. Ф. Романова. 1897.)
Письма изъ Юго-Уссурійск. края. (Вост. Об.“ 1901, №№ 13 и 41.)
Удская округа Примор. обл. *Поповъ.* (Сибир. торгово-промышл. календ. Романова. 1900.)
Путешествіе на сѣверъ и сѣверо-востокъ Сибири. *Миддендорфъ.* 1860.
Очерки далекой Сибири. *Гамовъ.* 1894.
Очерки Якутской обл. *Бычковъ.* 1899.
Общее обозрѣніе Якутской обл. съ 1892—1902 гг.
Охотско-Камчатскій край. *Слюнинъ.* 1900.
На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. *Діонео.* 1894.
Анадырскій край. *Дьячковъ.* (Записки О-ва изученія Амурскаго края. 1893.)
„La Face de la Terre“, *Suess (Ed).* IV.
Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири. *П. Кропоткинъ.* (Зап. Имп. Рус. Геогр. О-ва по общей геогр. 1874, т. 5.)
Орографическій очеркъ сѣверной Сибири. *Гижицкій.* 1897.
Геологическія изслѣдованія и развѣдки въ Забайкальской обл. *В. Обручевъ.* (Геологич. изслѣдов. и развѣдки раб. по линіи Сиб. жел. дор., вып. 19.)
Дневникъ витимской экспедиціи 1865 г. *Лопатинъ.* 1895.
Дневникъ экспедиціи Чекановскаго по Нижней Тунгузскѣ, Оленеку и Ленѣ. 1896.

Матеріалы для познанія почвы и растительности запад. Сибири. *А. Гордягинъ.* „Труды О-ва естествоиспыт. при Казанскомъ университ.“, т. XXXV.

Описаніе коллекцій образцовъ почвъ Тоб. губ., принадлежащихъ Тоб. губ. музею. *Скалозубовъ.* 1895.

Къ вопросу о сибирскомъ черноземѣ. *Докучаевъ.* (Труды Имп. Вольно-Эконом. О-ва 1882, іюнь.)

Климаты земного шара, преимущ. Россіи. *Воейковъ.* 1884.

Къ вопросу о климатѣ Нерчинска. *Миноръ.* (Записки Читинскаго отдѣленія Приамур. отд. Геогр. О-ва. 1896.)

Климатъ Сахалина. „Ист. В.“ 1900, № 3.

Климатъ Верхоянска. („Землевѣдѣніе“, 1896, III—IV.)

Катунь. *В. Сапожникова.* 1901.

Аргутъ. (III иллюстр. прилож. къ „Сиб. Жизн.“, 1904 г.)

Вымершія чудовища. *Гетчинсонъ.* 1901.

Сибирская тайга. *Кнаге.* („Сиб. Набл.“ 1901, № 6.)

Къ вопросу о борьбѣ съ сибирскими лѣсными пожарами. („Сиб. Наблюд.“, 1902, № 3 и 4.)

О лѣсахъ бассейна р. Лены. („Лѣсопромышл. Вѣстн.“ 1902, № 5.)

Основанія для устройства лѣсовъ Амурской обл. („Лѣсной журналъ“ 1902, вып. 2.)

Грозные признаки обезлѣсенія Томской губ. („Сиб. Ж.“, 1903. № 18.)

Лѣсныя богатства Сибири и урожай. *Перминъ.* („Сиб. Ж.“, 1902, № 104.)

Рекогносцировка Байкальскаго озера въ 1896 г. *Дриженко.* 1897.

„На Байкалѣ“. („Педагогич. журн.“ 1900, № 4.)

О байкальской голомянкѣ. *Р. Гриммовъ.* („Естествозн. и Геогр.“, 1903, № 1.)

Минеральныя воды и грязи Сибири. *Сюнинъ.* („Вѣстн. водолѣч.“ 1881, № 10—12.)

Соленыя озера Селеты-Денгизъ-Теке и Кызылъ-Какъ. *Бергъ* и *Игнатьевъ.* 1901.

Минеральныя воды Том. губ. („Сиб. Газ.“ 1886, №№ 18 и 19.)

Озеро Шира. („Сиб. Ж.“ 1900, № 113.)

Озеро Шира. („Вост. Об.“ 1901, №№ 183 и 185.)

Замѣтки о минеральныхъ водахъ за Байкаломъ. („Сиб. Ж.“ 1900, № 146.)

Россія въ этнографическомъ отношеніи. *Д. Анучинъ.* (Энциклоп. слов. Брокгауза и Эфрона, т. 54.)

Сибирскіе инородцы. *Н. Ядринцевъ,* 1892.

Замѣтки о кочевомъ бытѣ. *Д. Клеменцъ.* („С.-Пет. Вѣд.“ 1902, №№ 5, 24, 64.)

Объ угасаніи инородцевъ. *А. Якобій.* („Ежегодн. Тоб. губ. муз.“)
Къ вопросу о сѣверныхъ инородцахъ Тоб. губ. *Н. П—скій.* („Вост. Об.“ 1901, №№ 32, 40, 53, 80.)
Край вымирающихъ людей и богатѣющихъ хищниковъ. *А. Д.* („Сиб. Жизнь“ 1900, № 92.)
Алтайскіе инородцы *В. Вербицкій.* 1893.
Кочевые инородцы Кузнец. округа по даннымъ 1899 г. („Сиб. Ж.“ 1901, № 5.)
Инородцы Горнаго Алтая. *Ю. Горбатовскаго.* („Сиб. Ж.“ 1902, №№ 219 и 255.)
Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины южнаго Енисея. *Яковлевъ.* 1900.
Матеріалы для статистики и географіи Россіи. Киргизы. *Красовскій,* т. III.
Къ вопросу объ образованіи киргизовъ. („Сиб. Ж.“ 1901, № 98.)
Къ исторіи экономическихъ отношеній у киргизовъ *К. Валь.* („Науч. Об.“ 1901, № 1.)
Киргизы. *Зеландъ.* (Зап. Запад.-Сиб. отд. Геогр. О-ва. 1885, т. VII, вып. 2.)
Описаніе киргизскихъ казачьихъ ордъ и степей. *Левшинъ.* 1832.
Очерки быта киргизъ. *Ибрагимовъ.* („Др. и Нов. Рос.“ 1876, № 9.)
Киргизскія могилы. *Г. П.* XXII иллюст. прилож. къ „Сиб. Ж.“ 1903 г.
Обитатели, культура и жизнь Якутской обл. *Врущевичъ.* (Записки Имп. Рус. Геогр. О-ва, т. XVII, вып. II.)
Якуты. *Сѣрошевскій.* 1896.
Инородцы Верхоянскаго окр. *Primus.* („Сиб. Сб.“ 1897, I и II.)
Буряты. *А. Потанина.* Изъ сборника статей А. В. Потаниной. 1895.
Предварит. отчетъ о работахъ по изслѣдов. забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—95 гг. *Кроль.* (Извѣстія Вост.-Сиб. отд. Геогр. О-ва. 1896, №№ 4 и 5.)
Буряты Иркут. губ. *Кулаковъ.* (Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. О-ва. 1896, №№ 4 и 5.)
Нѣчто о ламахъ. *С. Пржиборовскій.* („Вост. Об.“ 1904, № 34.)
О прошломъ и настоящемъ сибирскихъ аборигеновъ. *В. А—въ* („Сиб. Сб.“ 1900, I.)
Бѣдственное положеніе орочонъ Нерчинской тайги. *Ивановъ.* („Сиб. Ж.“ 1901, № 32.)
Баргузинскіе орочоны. *П. Бѣлецкій.* „Вѣстн. Знанія“ 1904, № 2.
Изъ жизни тунгусовъ. („Сиб. Ж.“ 1901, № 86.)
Объ инородцахъ Амур. края. *Шренкъ.* 1883—99.
Чукчи. *Богоразъ.* („Науч. Об.“ 1901, № 1.)

Инородцы о. Сахалина. *Н. Новомбергскій.* (X иллюстр. прилож. къ „Сиб. Ж.“ 1904.)

Шаманство. *Михайловскій.* 1892.

О шаманствѣ къ Минус. краѣ. *В. Суховскій.* (Изв. О-ва археологіи, ист. и этногр. при казанск. унив., т. XVII.)

О китайцахъ въ Амур. обл. („Амур. Край“ 1901, № 41.)

Корейцы въ Уссурійск. краѣ. („Вост. Об.“ 1904, №№ 81 и 93.)

Евреи въ Сибири. („Восходъ“ 1887, № 9.)

Исторія развитія жилища у тюркскихъ и монгольскихъ народовъ Россіи. *Харузинъ.*

Оборотная сторона медали въ дѣятельности алтайской миссіи. *Ю. Горбатовскій.* („С.-Пет. Вѣд.“ 1903, № 33.)

Зеркало Россіи. *Капустинъ.* („Р. М.“ 1883, № 1.)

Схема исторіи сибирской общины. *Петропавловскій.* („Сиб. Сб.“ 1886, т. 2.)

Сложныя формы землевладѣнія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—92 гг. *А. Кауфманъ.* (Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. О-ва 1896, т. XXVI.)

Особенности сибирскаго землевладѣнія. *Глазовъ.* („Сынъ От.“ 1899, № 346.)

Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1897 г. *А. Кауфманъ.* („Сиб. Сб.“ 1900.)

Землеустройство на Алтай. („Вост. Об.“ 1900, № 9.)

Вопросъ о малоземельѣ въ Алтайскомъ окр. *Гамма.* („С. Ж.“ 1900, № 140.)

О казачьихъ земляхъ. („Сибирь“, 1897, № 135.)

Экономическіе вопросы въ Вост. Сиб. (объ ухудш. положенія крестьянъ). „Сиб. Ж.“ 1901, № 118.

Раскольничьи общины на границахъ Китая. *П. Ядринцевъ.* („Сиб. Сб.“ 1886, I.)]

На обѣтованныхъ земляхъ. (Изъ путешеств. по Алтаю.) *Н. Ядринцевъ.* („Сиб. Сб.“ 1886, II.)

Русская колонизація горнаго округа Алтая. *А. Головачевъ.* („Тоб. Губ. Вѣд.“ 1896.)

„Поляки“ Змѣиногорскаго окр. *М. Швецова.* 1899.

Изъ поѣздки въ Риддерскій край. *М. Швецова.* 1898.

„Семейскіе“. („Вост. Об.“ 1901, №№ 17 и 18.)

Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. (Вост.-сиб. отд. Геогр. О-ва. Подъ редакц. *П. П. Семенова,* 1891 г.) Изд. В. П. Сукачева.

Хозяйственный бытъ сибирскаго крестьянина. („Сиб. Сбор.“ 1886.)

Новыя данныя къ характеристикѣ сибирскаго крестьянина („Сибирь“ 1897, №№ 56 и 58.)

Вниманію ученыхъ обществъ Сибири. (О переходѣ хозяйств. жизни Сибири въ новыя формы.) *Nota Bene*. „Сиб. Ж.“ 1900, № 195.
Сибирь подъ вліяніемъ земельныхъ реформъ. *Ю. Горбатовскій*. (1903, № 86.)
Сила земли. *Ю. Г.* (С.-Пет. Вѣд.„Сиб. Ж.“ 1902, № 133.)
Письма съ Ангары. *В. А—въ*. („Сиб. Ж.“ 1900, №№ 17 и 19.)
По Ленѣ. *А. К.* („Сиб. Ж.“ 1900, №№ 238, 239, 248, 250, 251, 257, 268, 271.)
Къ вопросу объ экономич. эволюціи Туруханскаго края. („Вост. Об.“ 1901, №№ 48, 50, 51.)
Очерки Колымскаго края. („Сиб. Сб.“ 1897, II и III.)
Несчастный край (Колымскій). „С. Ж.“ 1900, № 275.
Къ вопросу о поднятіи благосостоянія Колымскаго края. *А. К.* („С. Ж.“ 1901, № 3.)
Средне-Колымскъ. *Миржевичъ*. („Вост. Об.“ 1900, № 52.)
Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ. Изд. комитета министровъ. 1901.
Сибирское переселеніе на исходѣ XIX в. *А. Кауфманъ*. 1901.
Переселенческіе поселки Омскаго уѣзда. *Бор -овъ*. („Сиб. Сб.“ 1900, I.)
Киргизы и переселенцы. *Р. Мерсковъ*. („Сиб. Вѣд.“ 1901, № 68).
Къ вопросу о колонизаціи киргизск. степей. *Русскій*. („Сибирь“ 1897, № 70.)
Взглядъ на современное переселеніе въ губ. Томскую и Тоб. („С. Ж.“ 1900, № 45.)
Переселенческія дѣла въ Тоб. губ. („Сиб. Ж.“ 1900, № 36.)
Заселеніе сѣверныхъ урмановъ и материковыхъ лѣсовъ. *Фрейдинъ*. („Сиб. Вѣстн.“ 1902, № 111—116.)
Сибирская тайга и ея пригодность для колонизаціи въ главнѣйшихъ растительныхъ фармаціяхъ. („Изв. м-ва земледѣл. и госуд. имущ.“ 1902, № 21.)
Колонизаторы лѣсныхъ окраинъ Томской губ. („Сиб. Ж.“ 1900, №№ 25 и 27.)
Переселенческое движеніе въ Алтайской окр. („Сиб. Ж.“ 1900, № 138.)
Переселенцы на Алтаѣ. („Сиб. Ж.“ 1900, № 116.)
Экономическій бытъ и правовое положеніе старожиловъ и новоселовъ на Алтаѣ. *Сущинскій*. 1898.
Самовольные колонизаторы Алтая и ихъ устройство. („Сиб. Ж.“ 1900, № 159.)
Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западн. Сибири. *А. Кауфманъ*. („Сѣв. Вѣст.“ 1891, № 4.)

Переселенческое дѣло. *С. О.* („Рус. Вѣд.“ 1903, №№ 263, 281, 291.)
Обзоръ переселенческаго дѣла въ Амур. краѣ въ 1901 г. „(Амур. Газ.“ 1902, №№ 12, 15, 18, 19, 23, 27.)
Матеріалы по вопросу о колонизаціон. вмѣстимости Приамур. края *А. Кауфманъ*. 1904 г.
Ссылка въ Сибирь. *А. Саломонъ*. 1900.
Статистика уголовныхъ преступленій въ Сибири. *Тарновскій*. „Журн. м-ва юстиціи“ 1902.
Ссылка въ Сибирь. (Сибир. торгово-промыш. календ. Ф. Романова 1900.)
Русская ссылка. Ея исторіи и ожидаемая реформа. *Дижуръ*. („Рус. Бог.“ 1900, № 4.)
Сектанты и старовѣры Минусинскаго края. *П. Головачевъ*. („Тоб. Губ. Вѣд.“ 1896 г., №№ 41 и 43.)
Переселеніе въ Якут. обл. и ссылка духоборцевъ. („Сибирь“ 1897, № 131.)
Скопцы въ Якут. обл. (Сиб. торгово-промыш. календ. Ф. Романова 1898.)
Сибирскіе скопцы, ихъ экономическое и правовое положеніе. *И. Гурьевъ*. („Сиб. Вѣст.“ 1900, №№ 65, 68, 70, 72, 77, 95, 104, 106.)
Скопческія селенія въ Якут. обл. *П. Майновъ*. („Сиб. Сб.“ 1900, II.)
Хатынъ-арынское скопческое селеніе. *Конъ*. (Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. О-ва 1896, №№ 4—5.)
Изъ жизни олекминскихъ скопцовъ. („Вост. Об.“ 1902, №№ 40, 42.)
Сельское хозяйство въ Тоб. губ. *Скалозубовъ*. 1895.
Тобольская пшеница. *Яковъ Никитскій*. („Вѣстн. Финан.“ 1902, № 5.)
Вредители полеводства въ Томской губ. въ 1901 г. *Окуличъ*.
Хлѣбопашество въ Бельагачской безводной степи. *Катанаевъ*. 1893.
Семипалатинская сельскохозяйственная школа и ея отношеніе къ хозяйству киргизовъ. („Вост. Об.“ 1901, № 13.)
Описаніе минусинскаго музея. Ч. I. Сельскохозяйственный отдѣлъ. *П. Аргуновъ*. 1892.
Приамурье, какъ русская земледѣльческая колонія. *П. Головачевъ*. („Народ. Хоз.“ 1900, № 7.)
Отчетъ объ изслѣдованіи Амур. обл., какъ земледѣльческой колоніи. *Коржинскій*. 1892.
Попытки хлѣбопашества въ Турух. краѣ. *В. Крутовскій*. 1898.
Возможно ли земледѣліе въ Якут. обл.? *А. Соколовъ*. („Сиб. Ж.“ 1901, № 86.)
Якутскій хлѣбъ. *В. Сѣрошевскій*. („Рус. Бог.“ 1894, № 4.)
Къ вопросу о возможности промышленнаго плодоводства на югѣ Минус. окр. *В. Крутовскій* 1900.

Фруктовый садъ Н -ва въ Минус. уѣздѣ. *А. П—вичъ.* („Вост. Об," 1901, № 214.)

Обзоръ современнаго состоянія садоводства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. *Абаза.* („Приам. Вѣд." 1900.)

Скотоводство на Алтаѣ. („Сиб. Ж " 1901, № 49.)

Очеркъ скотоводства Камчатскаго полуострова. („Приамур. Вѣд." 1902, № 420 и сл.)

Степное скотоводство. *Хилковскій.* 1899.

Скотоводство и ветеринарный надзоръ въ Тобольск. губ. („Сиб. Ж." 1991, № 81.)

О звѣриныхъ промыслахъ на Алтаѣ (о мараловодствѣ). *Силантьевъ.* („Сельское хозяйство и лѣсоводство". 1900, № 1.)

Изюбриный промыселъ и развитіе изюбреводства въ Забайкальѣ. *А. Кузнецовъ.* 1899.

Историческій очеркъ пчеловодства въ Сибири и Забайкальѣ. *А. Кузнецовъ.* 1899.

Пчеловодство на Алтаѣ. („Вост. Об." 1900, №№ 47 и 48.)

Пчеловодство въ Риддерскомъ краѣ. („Сиб. Ж." 1901, № 221)

Пчеловодство въ Забайкальской обл. („Сиб. Ж." 1900, № 56.)

Народные промыслы въ Сибири. („Сиб. Вѣст." 1886, №№ 24—26.)

Краткій очеркъ пушной промышленности въ Сибири. 1896. Изд. А. И. Громовой.

Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ окр. *В. Іохельсонъ.* 1898. Изд. А. И. Громовой.

Съ береговъ Лены (о пушномъ промыслѣ). „Вост. Об." 1900, № 13.

Въ защиту населенія лѣсовъ. („Сиб. Ж." 1899, № 33)

Хищничество въ звѣриныхъ промыслахъ. (Вѣсти изъ Приамурья.) „Сибирь", 1897, № 70.

Хищническое истребленіе бѣлки на Алтаѣ. *А. С—новъ.* („Сиб. Вѣст." 1900, № 122.)

Рыбный промыселъ по рр. Оби и Нарыму. („Сиб. Ж." 1900, № 67)

Очерки Нарымскаго края (о пушныхъ и рыбныхъ промыслахъ). *К. Прянишниковъ.* (Сибир. торгово-промыш. календ. Ф. Романова. 1898.)

Промыслы красной рыбы на Ангарѣ. *А. Макаренко.* 1902.

Съ Байкала (о рыболовствѣ). „Вост. Об." 1901, № 266.

О наймѣ бурятъ на промыслы (рыбные). „Вост. Об." 1901, № 9.

Рыболовство и рыбопромышленность въ низовьяхъ Лены. *Левинъ.* (Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. О-ва, т. XXX, 1900, №№ 2—3.)

Рѣчное рыболовство въ Приамурской обл. *Бржезницкій.* 1900.

Объ упадкѣ котиковаго промысла. („Спб. В." 1900, № 258.)

О рыболовствѣ по Енисею. *А. Кытмановъ.* („Рус. Судох." 1898. № 3.)

Рыболовство на сѣверѣ Канскаго уѣзда. („Вост. Об.“ 1902, №№ 12 и 16.)

На мурманахъ (видъ рыболовнаго промысла). „Вост. Об.“ 1902, № 25.

Очеркъ современ. положенія николаевскихъ рыбныхъ промысловъ. *В. Бражниковъ.* („Вѣст. Рыбопр.“ 1904, № 5.)

Новѣйшія данныя о промыслѣ китовъ и бобровъ. *Н. Гребенщиковъ.* („Вѣстн. Рыбопр.“ 1902, № 5.)

Мелкая золотопромышленность въ Киргизской степи. *Шимкинъ.* („Сиб. Ж.“ 1901, № 193.)

Геологическія изслѣдованія въ бассейнахъ рѣчекъ Вачи и дали въ Ленскомъ горн. окр. въ 1900 г. *А. Герасимовъ.* (Геолог. изслѣдованія въ ленскомъ золотопромышл. районѣ, вып. 1.)

Очеркъ современнаго состоянія золотопромышленнаго дѣла на олекминскихъ и витимскихъ пріискахъ. („Сиб. Сб.“ 1889, II.)

Очерки быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ (о рабочихъ киргизахъ въ Степномъ краѣ) *В. Семевскій.* („Спб. Сб.“ 1895, I).

Перечень золотопромышл. районовъ Сибири и описаніе пріисковыхъ дорогъ. Изд. Горн. Департ. 1902.

Исторія одной сибирской деревни. *В. А.* („Сиб. Сб.“ 1895.)

Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ. *Н. Ядринцевъ.* („Рус. М.“ 1881, № 10.)

Очеркъ кустарной промышленности въ Тобол. губ. („Этногр. Об.“ 1893, XI.)

Кустарная промышленность и важное ея значеніе для края. *Г. Б—товъ.* („Сиб. Сб.“ 1900, I.)

Кустарная промышленность Тобол. губ. *Носовъ.* („Ежегодн. Тоб. губ. Муз.“, вып. VI.)

Опытъ обзора кустарныхъ промысловъ Тобольск. губ. 1902.

Краткій отчетъ о поѣздкѣ, совершенной лѣтомъ 1895 г. по Тобольской губ. *Скалозубовъ.*

Сибирская „самосидка“. *А. Ш—въ.* („Сиб. Сб.“ 1900, I.)

Кожевенные заводы г. Томска. („Вост. Об.“ 1900, № 177.)

Обрабатывающая промышленность Тоб. губ. („Сиб. Ж.“ 1901, № 120.)

На Абаканскомъ заводѣ. („Сиб. Ж.“ 1900, № 137.)

Николаевскій желѣзодѣлат. зав. въ Иркутской губерніи. („Сиб. Ж.“ 1900, №№ 40 и 50.)

Соляной промыселъ въ Минус. окр. („Вост. Об.“ 1902, № 60).

Воскресенское торгово-промышленное товарищество, (описаніе заводовъ). „Ст. Кр.“ 1902, № 38.

Маслодѣліе въ Западной Сибири. (Сибир. торгово-промышл. календарь Ф. Романова, 1901.)
Маслодѣліе въ Тобол. губ. („Сиб. Ж." 1901, № 21.)
Два слова къ вопросу о маслодѣліи. („Вост. Об." 1900, № 216.)
Еще къ вопросу о заводскомъ маслодѣліи. *И—мовъ.* („Сиб. Ж." 1902, № 25.)
Кооперативныя маслодѣльни въ Сибири. („Сиб. Ж." 1902, № 37.)
Важный и неотложный вопросъ (о маслодѣліи). *И—мовъ.* („Сиб. Ж." 1902, № 20.)
Къ вопросу о маслодѣліи въ Тобол. губ. („Сиб. Лист." 1901, № 23.)
Сибирское сливочное маслодѣліе въ 1901. *Т. Павловичъ.* („Сиб. Жизнь" 1902, № 53.)
Маслодѣліе въ Тарскомъ, Тюкалинскомъ и Ишимскомъ уѣздахъ Тоб. губ. *Власовъ.* („Сиб. Л." 1901, №№ 60, 65, 67.)
Кооперативное маслодѣліе въ Запад. Сибири. *А. Мурашкинцевъ.*
Маслодѣліе въ Алтайск. окр. („Вѣстн. Финан." 1902, № 20.)
Датскія экспортныя фирмы въ Сибири. („Изв. Земл. и Госуд. Имущ." 1902, № 15.)
Маслодѣліе и народное здравіе. *Экономистъ.* („Сиб. Вѣстн." 1902, № 133.)
На спорную тему (о маслодѣліи). *В. Солдатовъ.* („Вост. Об." 1904, № 45.)
Торговля съ Китаемъ. *М. Васильевъ.* (Сибир. торгово-промышл. кал. Ф. Романова. 1900.)
Паденіе главнѣйшихъ ярмарокъ Сибири. *В. Ш—леръ.* („Сибир. Вѣстн." 1900, № 54.)
Жировыя ярмарки въ Запад. Сибири. *Г. П.* (Иллюст. прилож. къ „Сиб. Жизни" 1904.)
Изъ Жиганскаго улуса (о сѣверной торговлѣ). „Вост. Об." 1902, № 102.
Сибирь подъ вліяніемъ рельсоваго пути. („Рус. Экономич. Обозр." 1902, № 1—5.)
Основы промышленнаго прогресса Сибири. („Пром. Міръ" 1902. №№ 17 и 18.)
Къ вопросу объ условіяхъ экономическаго развитія Сибири. *М. Соболевъ.* („Сиб. Жизнь" 1904, № 56.)
Экономическій переломъ и земство въ Сибири. *М. Соболевъ.* („Рус. Вѣд." 1901.)
Великая сибирская жел. дорога. Изд. комитета министровъ. 1900.
Сибирская желѣзная дорога и ея значеніе. *Маркъ Павловичъ.* („Сиб. Жизнь" 1900, №№ 170, 196, 211.)
Роль сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи края. *Ю. Горбатовскій.* („Сиб. Набл." 1901, № 6.)

Экономическое значеніе сибир. жел. дор. („Сиб. Ж," 1900, № 231.)
Ввозъ и вывозъ Сибири. („Торгово-Промышл. Газ." 1900, № 458.)
Движеніе хлѣбныхъ грузовъ по сибир. жел. дорогѣ за 1899 г. („Сиб. Жизнь" 1900, № 29.)
Взглядъ нѣмца на сибирскую желѣзную дорогу. *М. Соболевъ.* („Сиб. Жизнь" 1901, № 11.)
Отзывы иностранной печати о сибирской жел. дорогѣ. („Вост. Об." 1901, № 138.)
Будущее сибирской жел. дор. („Сиб. Жизнь" 1900, № 57.)
Культурное значеніе уссурійской жел. дороги. *Сильницкій.* 1901.
Забытая часть водяныхъ путей Западной Сибири. („Сиб. Ж." 1901, № 72.)
Сѣверный морской путь. *Енисеецъ.* 1898.
Сѣверный морской путь. *Кельинъ* и *Чукмалдинъ.*
Село Ола (Ольское). (Сибир. торгово-промышл. календ. Романова. 1898.)
Путь изъ Якутска къ Охотскому морю. *Козакевичъ.* („Сиб. Ж." 1900, № 72).
О пути изъ Якутска къ Охотск. морю. *А. Сибиряковъ.* („Сиб. Ж." 1900, №№ 208 и 209.)
Аянскій паровой путь. *А. Соколовъ.* („Сиб. Ж." 1902, № 91.)
Новый путь къ Витиму. *Туземецъ.* („Забайкалье" 1902, №№ 27 и 28).
Краткіе очерки мѣстныхъ болѣзней Восточной Сибири. *Лауэр-штейнъ.* („Медиц. Вѣстн," 1877, № 30.)
Санитарныя и гигіеническія условія сибирской деревни. *Ю. Г—ій.* („Сиб. Ж." 1900, № 173.)
Ангарскія письма. I. Медицина. *Г—нъ.* („Сиб. Ж." 1900, № 177.)
Медицинское дѣло въ Приангарскомъ краѣ („Спб. Ж." 1900, №№ 113, 114, 185.)
Очерки современнаго положенія сельской врачебной помощи въ Енис. губ. *В. Крутовскій.* 1902.
Очеркъ санитарно-экономическаго положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ витимско-олекминской системы Якут. обл. *Е. Кореневъ.* 1903.
Рабочій на золотыхъ промыслахъ. *А. Кольчевъ.* 1904.
Изъ полярнаго края (о медицин. безпомощи. въ Верхоянск. окр.) „В. Об." 1902, № 43.
Кое-что о положеніи врачебнаго дѣла въ Якутской обл. *Z.* („Енисей" 1900, №№ 138 и 140.)
Вилюйская колонія прокаженныхъ. („Сибирь" 1893, № 3.)
Борьба съ проказой въ Якутской обл. *У.* („Спб. Сб." 1898.)

Сифилисъ въ Россіи и Сибири и проекты борьбы съ нимъ. *В. Крутовскій.*

Начальное народное образованіе въ Россіи. *Фальборкъ* и *Чарнолукскій* т. II, 1900.

Неудачный опытъ всеобщаго обученія въ Томск. губ. *П. Головачевъ.* („Спб. Вѣдом." 1900, № 19.)

Церковныя школы въ Сибири. *Арефьевъ.* („Русск. Бог." 1900, № 4.)

Иновѣрческій элементъ въ церковныхъ школахъ Томской губ. („Вост. Об." 1901, № 46.)

Школьное дѣло въ Приангарскомъ краѣ. („Вост. Об." 1900, №№ 108, 110.)

Народное образованіе въ Нижнеуд. уѣздѣ. („Вост. Об." 1901 г., № 154.)

Народное образованіе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Минусин. окр. („Вост. Об." 1901, № 58.)

Начальное народное образованіе среди казаковъ сибирскаго войска. („Сиб. Ж." 1900, №№ 174 и 175.)

Народное образованіе въ Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ окр. Тоб. губ. т. II. Совр. состояніе народ. образ. *Н. Палопеженцевъ.* 1895.

Школьная практика въ киргиз. аулѣ. *Дмоховскій.* („Народ. Школа" 1881, № 10—12.)

Къ вопросу о школьномъ образованіи у киргизовъ („Сибирь" 1897, № 92.)

Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. *Адріановъ.*

Будущее Томска. („Сиб. Ж." 1900, № 69.)

Иркутскъ. Изд. *В. П. Сукачева.* 1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Природа.

I. Положеніе и границы. 5
II. Общій видъ поверхности (рельефъ). Важнѣйшія горныя породы. Почвы. 10
III. Климатъ. 31
IV. Внутреннія воды. 44
V. Растительный міръ. 73
VI. Животный міръ 87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Люди.

I. Общія свѣдѣнія о населеніи и административное дѣленіе Сибири. Народы уральской семьи [по языку]: вогулы, остяки, зыряне. Самоѣды. 101
II. Народы алтайской семьи [по языку]. Тюркская вѣтвь: собственно алтайцы, телеуты и теленгеты, отатарившіеся остяки и самоѣды верхней Оби и Енисея, киргизы. . . . 110
III. Тюркская вѣтвь: западно-сибирскіе татары и барабинцы, якуты. 129
IV. Монгольская вѣтвь: буряты. Тунгусская вѣтвь: тунгусы, орочоны, ламуты, гольды и др. 145
V. Народы неизвѣстнаго или американскаго происхожденія: коряки, чукчи, гиляки и др. Пришлые инородцы. 165
VI. Взаимное вліяніе русскихъ и инородцевъ. Коренное русское населеніе (сибиряки) 179

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Жизнь.

I. Заселеніе Сибири и дѣленіе ея обитателей по главнѣйшимъ хозяйственнымъ признакамъ 196
II. Виды хозяйственной дѣятельности населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями царства растительнаго. . . 226
III. Виды хозяйственной дѣятельности населенія въ связи съ пользованіемъ произведеніями животнаго царства . . . 239
IV. Хозяйственная дѣятельность населенія въ связи съ добываніемъ металловъ и минераловъ. 281
V. Кустарные промыслы и обрабатывающая промышленность.— Торговля и пути сообщенія 305
VI. Народное здравіе. — Народное образованіе. — Населенныя мѣста 350
Указатель книгъ, брошюръ и статей, принятыхъ во вниманіе при составленіи книги. 389